

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Высшая школа перевода

**III Международный научно-
практический форум
«Языки. Культуры. Перевод»**

19 –25 июня 2015 г.

Материалы

Издательство Московского университета

2015

УДК 81:001.32. 81:005.745

ББК 81; 71

III Международный научно-практический форум «Языки. Культуры. Перевод». 19–25 июня 2015 г. материалы: электронное издание. - М.: Издательство Московского университета, 2015. – 433 с.

ISBN 978–5–19–011088-3

В сборник включены материалы докладов, представленных на III международном научно-практическом форуме «Языки. Культуры. Перевод», посвященном десятилетнему юбилею Высшей школы перевода МГУ имени М.В. Ломоносова.

В опубликованных докладах освещаются различные аспекты современных научных исследований в области преподавания русского языка как иностранного, а также вопросы теории, истории и методологии перевода, сравнительной культурологии и методики подготовки переводчиков.

Сборник представляет интерес для исследователей в области методики и практики преподавания русского языка как иностранного, теории, методологии и дидактики перевода, сопоставительной лингвистики и сравнительного литературоведения, культурологии и межкультурной коммуникации.

Все материалы публикуются в авторской редакции.

ISBN 978–5–19–011088-3 © Высшая школа перевода МГУ имени М.В.Ломоносова, - 2015 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СТАТЬИ ПРОФЕССОРОВ, ДОЦЕНТОВ, ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ, НАУЧНЫХ СОТРУДНИКОВ

<i>Арпентьева М. Р.</i> Условно-дословный перевод: консультирование мигрантов как попытка понимания.....	7
<i>Ашимханова С.А.</i> Смысловые потери при переводе на русский и английский язык малой прозы Габита Мусрепова.....	21
<i>Беженарь О.А.</i> Перевод как одно из средств обучения иностранному языку.....	28
<i>Богоявленская Е.Д.</i> История переводов и переводоведения в России и Японии - японский/русский язык.....	40
<i>Боранбаева З.И.</i> Опыт создания учебного пособия: дисциплина по выбору «Художественные переводы на уроке».....	57
<i>Выговская Д.Г.</i> Экстремизм в языковом сознании различных поколений россиян.....	66
<i>Голубева-Монаткина Н.И.</i> О подходах к переводу слов-понятий современной западной философии на русский язык.....	74
<i>Демина Е.Г., Чуреева О.А.</i> Традиции и инновации в практике преподавания русского языка как иностранного: особенности обучения студентов нового поколения.....	84
<i>Екшембеева Л.В., Нуршаихова Ж.А.</i> Идеологический дискурс сайта: дискурсные стратегии, язык, моделирование.....	93
<i>Жизневская О.Н.</i> Аутентичный песенный материал на занятиях по русскому языку как иностранному: от теории к практике.....	102
<i>Журавлева Е.И.</i> Поэзия Р.М. Рильке в переводах М.В. Пиккель.....	113
<i>Какильбаева Э.Т.</i> Национальный менталитет в стихах русскоязычного поэта Олжаса Сулейменова.....	126
<i>Карданова Н.Б.</i> О некоторых особенностях коммуникации в ходе дипломатической миссии: переговоры 1655 г. в освещении дьяка Томило Перфирьева и венецианского посланника Альберто Вимины.....	135
<i>Керимова С.М.</i> Лингвокультурологическая модель перевода в межкультурной коммуникации.....	149

<i>Константинова О.В., Муравьева А.А.</i> Теоретические аспекты обучения научному дискурсу иностранных магистрантов технических университетов.....	156
<i>Коробова С.Н.</i> У нас «понедельник начинается в субботу», а у вас?.....	166
<i>Маркуччи Д.</i> Литературная кинематографичность: «мультимики» в переводе.....	174
<i>Молдабеков Ж.Ж., Абуова А.Ж.</i> Культурный обмен в Казахстане: опыт и проблемы.....	183
<i>Осмоловская И.Г.</i> Неузуальные явления в текстах немецкоязычной рекламы.....	193
<i>Передриенко Т.Ю.</i> Категория оценки в заголовках медиатекстов: специфика передачи.....	204
<i>Родина Е. Л.</i> Песенный текст в иноязычной аудитории.....	212
<i>Садыгова А.А.</i> Нормы словесного ударения в русском и азербайджанском языках.....	224
<i>Симонян А.С.</i> Метафорическое представление образа России в политическом дискурсе России.....	229
<i>Спицына К.А.</i> Лингвокультурологические аспекты лексики японского языка в сфере управлениями компаниями.....	238
<i>Сунь Е</i> Динамика восприятия художественных текстов Гоголя в китайской аудитории.....	247
<i>Сьянова Е.И.</i> Народная демонология, верования, поверья (на материале русско-украинских говоров воронежской области).....	256
<i>Ткач С. Ю.</i> Модели перевода.....	269
<i>Уматова Ж.М., Алимбаева А.Т.</i> Особенности перевода фразовых глаголов в юридической литературе.....	283
<i>Фоменко О.В.</i> Влияние информационного пространства на социум.....	291
<i>Фоменко Т.А.</i> Трудности перевода сниженной лексики на материале произведения Д. Митчелла «Black swan green».....	296
<i>Шапкина Е.В.</i> Особенности перевода лингвистической категории вежливости в деловой корреспонденции.....	302
<i>Юсупова К.Т.</i> Методика преподавания РКИ через призму интерференции в греческой аудитории.....	310

СТАТЬИ АСПИРАНТОВ, СТУДЕНТОВ

<i>Балакина В.В.</i> Сравнение символики цвета во фразеологизмах с компонентом цветообозначения в китайском и русском языках.....	319
<i>Белозерцева Я.И.</i> Деловой этикет в Китае.....	327

<i>Боцоглу К.</i> Роль этнографических реалий при обучении русскому языку грекоязычной аудитории.....	334
<i>Брызгалина Е.Д.</i> Проблемы восприятия текста: читатель – переводчик.....	341
<i>Каролини А.</i> Фразеологизмы и уменьшительно-оценочная лексика в произведении Ф.М. Достоевского «Бедные люди» и их перевод на греческий язык.....	349
<i>Кондратенко А.А.</i> Актуальность вторичного перевода произведений классиков мировой литературы (на примере авторского перевода некоторых рассказов Важа-Пшавела).....	356
<i>Косовцева Н.Н.</i> Перевод фразеологизмов в русском и французском языках. Обозначение цвета во фразеологических оборотах.....	365
<i>Лаврентьева Е.В.</i> Когнитивно-прагматические аспекты перевода рекламных слоганов с английского языка на русский.....	374
<i>Леоненкова Е.Д.</i> Прагматический аспект перевода лексики семантического поля «еда» (на материале повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» и ее разновременные переводы на английский язык).....	383
<i>Манукова О.В.</i> О трудностях перевода медицинских текстов.....	391
<i>Обухова Т.М.</i> Человек страдающий: опыт рассмотрения русского страдания глазами иностранцев.....	399
<i>Прудникова А.С.</i> Дидактика перевода: проблема формирования первичных переводческих навыков у учеников средней школы.....	408
<i>Селезнева А.И.</i> А.С. Пушкин – переводчик художественной литературы.....	416
<i>Смертина Д.А.</i> Перевод реалий советской эпохи (на примере романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его переводов на английский язык).....	425

**СТАТЬИ ПРОФЕССОРОВ, ДОЦЕНТОВ,
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И НАУЧНЫХ СОТРУДНИКОВ**

Арпентьева М. Р.
Калужский государственный университет
г. Калуга (Россия)

Arpentieva Mariyam
Kaluga State University
Kaluga (Russia)

*УСЛОВНО-ДОСЛОВНЫЙ ПЕРЕВОД: КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ МИГРАНТОВ КАК
ПОПЫТКА ПОНИМАНИЯ*

*CONDITIONAL LITERAL TRANSLATION: COUNSELLING OF MI-GRANTS AS AN
UNDERSTANDING ATTEMPT*

Статья посвящена проблемам понимания как перевода в консультативном взаимодействии психолога и клиентов-мигрантов. Условно-дословный перевод рассматривается как один из ведущих механизмов консультирования мигрантов. Рассматриваются дискурсивная и трансдискурсивная стратегии перевода, сравниваются их содержание, процесс и результаты осмысления себя и мира.

The article is devoted to understanding how translation of psychological counseling, in collaboration with psychologist and migrated clients. Conditional literal translation is regarded as one of the leading counselling of migrants Examines the discursive and transdimensional strategies of translation, compares their content, process and outcomes of understanding yourself and the world.

Ключевые слова: условно-дословный перевод, дискурс, понимание, диалог, перевод, автор.

Key words: author conditional literal translation, discourse, understanding, dialogue, translation, author.

Психологическое консультирование мигрантов можно определить как направленное на понимание языковое, включающее вербальное (в том числе метафорическое) и невербальное) взаимодействие, целью которого является продуктивная трансформация психологического страдания человека, его источников и последствий, связанных с миграцией и сопутствующими ей изменениями, во многом связанными с непониманием себя и мира, развитие способности человека к самопониманию и пониманию окружающих его людей и ситуаций, укрепление его индивидуальности и осознание всеобщей человечности, intersubjectности и «транскультурности» человеческого бытия. В процессе взаимодействия, осуществляемого на основе более или менее равных, партнерских, отношений, происходит сопоставление взаимное изменение двух различных «языков» («условно-дословный перевод»), в результате чего между субъектами возникает новая реальность, новый язык,

который является условием и основой изменений. В процессе консультирования изменяются оба партнера: происходит соприкосновение жизненных и профессиональных опытов (ценностей, пониманий, моделей общения и т.п.), итогом выступает развитие и саморазвитие человека – через развитие его самопонимания и понимания мира. Самопонимание связано с ощущением собственного единства, целостности, понимание другого – с ощущением его целостности и единства с ним, «всеобщей человечности», проявлением этого единства в экзистенциально-гуманистической психологии является феномен «глубинной игры» (“deep play”) [Хараш., 2014, Geertz 1972, De Koven, 1999], типичный для целостного, конгруэнтного человека). Участники «глубоких боев», как правило, являются значимыми членами сообщества и, таким образом, участие в глубоких боях поднимает статус человека, помогает обрести новые ценностно-смысловые опоры в изменившейся жизни.. Чем выше статус участников "петушиный боев", тем глубже игра, тем глубже человек идентифицирует себя с новым сообществом,, а также – с «общечеловеческим» и противостоящим ему «фрагментарным», «частично понятным» и «понятным полностью». Самопонимание, по данным многих исследований, оказывается естественным (но в разной мере осознаваемым) фокусом любого понимания, по закону энантиодромии, «игры противоположностей», описанному, вслед за Гераклитом, К.Г. Юнгом [Юнг, 1997] , проявляясь и развиваясь даже тогда, когда целью является понимание другого, ситуации общения. Взаимопонимание, как процесс, развивается через опору на две реальности: внутреннюю реальность и внешнюю реальность, «условно-дословный перевод» феноменов каждой из которых служит прояснению и той и другой. Обе эти реальности обнаруживают себя в процессе общения - идеального или реального процесса взаимодействия людей (их ценностно-смысловых позиций, поведенческих моделей и способов понимания себя и мира) друг с другом. Жизнь постоянно предоставляет человеку возможность выбирать: ориентироваться ли ему на самого себя, собственную реальность, реальность той культуры, в которой он оказался, по-своему воплощая ценности человеческого бытия, изменяясь в выбранном самостоятельно направлении, или ориентироваться на социальную реальность, реальность «родительской» культуры, жить ли ему своей жизнью, или - жизнью других людей, побуждающих к изменениям, требующимся им, подчас до конца не осознавая, каков он сам и какие ценности организуют его жизнь, воплощаются и регулируют изменения в конкретной ситуации. Обыденное общение ориентирует человека уйти от себя, вариантами здесь могут быть либо быть сознательные усилия к самопониманию, переосмыслению происходящего с личной

точки зрения, либо обращение к психологу-консультанту, необычность которого связана с тем, что в его сознании обе инстанции: субъект и общество, - представлены равноценными, взаимодействующими диалогически, а не противоречащими друг другу. Такая «глубинная демократия» или, по А. Адлеру, «вторая демократия», предоставляет субъекту шанс быть собой – вместе с другими: в семье, на работе и т.д. [Адлер, 1997].

Условно-дословный перевод как основная практика консультирования, в том числе, помощи мигрантам, включает помощь, направленную на осмысление возможностей и ограничений разных способов осмысления себя и мира. На этом пути выделяются две ведущие стратегии перевода: «оптимистическая» и «пессимистическая». Это деление отражает тот факт, что перевод - даже условно-дословный, - не есть «автоматическая» декодировка, но творчество и сотворчество. В случае «пессимистической стратегии» консультант замкнут и обучает клиента «замкнутости»: выбору способа понимания, не дающего ничего, кроме смирения с неопределенностью и загадочной множественностью мира. В случае «оптимистической» клиент и консультант ищут разгадки интересующих их загадок в мире волшебных, многоуровневых тайн, которые ждут открытия и открывают тех, кто идет к ним. Стратегия «изолированного авторства» и стратегия соавторства - это дискурсивный и трансдискурсивный перевод: трансдискурсивным он называет автора, позицию, перевод, который становится в центре дискурса, обозначая круг проблем, которыми живет данный дискурс [Фуко, 1996]. В порядке дискурса, его изучения, - пишет М. Фуко, — можно быть автором и переводчиком чего-то большего, нежели текст, «традиции, дисциплины, внутри которых, в свою очередь, могут разместиться другие» тексты и авторы. Транс-дискусивность - устойчивый, существующий с начала цивилизации феномен. Выраженность транс-дискусивности может варьироваться. Если посмотреть на консультативный дискурс, то можно увидеть, что многие психологи-консультанты, психотерапевты, кажущиеся сами себя и окружающим достойными всяческого уважения, восхищения своей духовностью, одобрения профессионализмом и стойкостью, точностью и глубиной понимания на деле столь же суетны, непостоянны и далеки от профессионализма, понимания себя и мира, как и их клиенты. Однако, существующие стереотипы, включающие описание «надлежащего» образа консультанта, клиента и самого по себе консультирования или психотерапии (virtuality), часто мешают видеть очевидное (reality). Даже имея неоспоримые свидетельства наличия «деревьев» некомпетентности профессионала, разобраться, а подчас и просто допустить существование «леса» бывает невозможно. Не в

последнюю очередь это связано с парадоксами самого консультирования. Особенно выражен этот феномен в работе с мигрантами: на мультикультурное измерение любой консультативной встречи накладывается вполне ощутимое «давление» конкретных культур клиента, новоприбывшего, переживающего стресс аккультурации, включая культурный шок, и консультанта-старожила, наряду с помощью вольно и невольно усиливающего этот шок, как носитель принимающей культуры, в силу сложившихся обстоятельств. Психотерапия сочетает в себе процессы переосмысления – нового осмысления – старого опыта, такое понимание должно сочетать пронизательность искушенности и наивность моральной чистоты. Предполагается, что консультант имеет дело со «вторично невинным субъектом» – «second hand» или «эрзац» наивности. Эмпатичность – интересный «метанавык»: предлагается не просто сочувствовать, а «как если бы». Под угрозой: «заболеешь – клиентом станешь!» Таким образом, сам консультант либо должен быть «патологически», то есть невероятно здоровым, неспособным на всякого рода болезни и отклонения субъектом, либо болеть в строго установленном месте и в строго установленное время. Но – главное – консультант должен быть абсолютно гибким – с кем только и в каких только ситуациях не приходится общаться и что только не «переводить». С другой стороны, – «вдруг он раскроется» перед клиентом: и тому нанесет вред – запутается, почувствует себя обделенным вниманием и пониманием консультанта, и себе – своим непрофессионализмом, клиент «раскусит», что перед ним – «профан», обычный человек, знания которого в их глубинной, всечеловеческой сущности ничем не отличаются от знаний клиента. Жить, пытаюсь объединить дьявольскую (devil) пронизательность с любовным принятием (god) – трудно, приходится выбирать, поэтому приходится идти по иному, более реальному пути: «Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что...». И тут его и клиента поджидает известная [Бейтсон, 2000] «двойная связь» (double bind): «Что не... , все – не то...». Поэтому – особенно выражено – страдают клиенты: вдруг консультант все-таки сочтет приемлемым – лет эдак через... – принесенную ими оговорку, смелый поступок и «экзистенциальную ситуацию», занесет их в реестр своих успехов. Но еще тяжелее – угроза того, что клиент, коллега или сам консультант догадается, что его путь и его – понимание себя и мира – далеки от идеала, а идеал с самого начала объявлен недостижимо далеким.

В работе консультанта внимательный взгляд легко обнаружит существование множества различных стратегий реализации той главной задачи – помощи человеку, ради которой встречаются двое: один – высказаться и измениться, второй – понять и изменить.

Классическое разделение психотерапевтов на понимающих и воздействующих, хотя и содержит важный ключ к осмыслению аналитической ситуации (консультативного контакта), однако не вполне определяет суть того, что происходит между клиентом и консультантом. Суть эта скрыта в вопросе: «Как возможно изменение?» Одно из знаменитых высказываний Ж. Лакана [Василук, 1994], представителя психоаналитической школы в психолингвистике, фиксирует факт обращенности и персонифицированности высказываний психотерапевта и клиента (пока клиент говорит не о себе и не с психотерапевтом, он не в состоянии найти ключа к решению своих проблем и изменению) как показателя исцеления. Однако, клиент может научиться говорить с психотерапевтом о себе не только через боль и смерть. Возможен и иной путь – путь через радость и активизацию внутренних ресурсов. Выбор смерти как условия жизни становится надуманной дилеммой: связанной скорее с представлением о невозможности достижения абсолютного «добра» в противовес возможности «неабсолютного зла». Того, что в силу собственной парадоксальности (как страсти к уничтожению самого себя, например), приводит скорее к «добру», чем к «злу». Общим феноменом здесь, по-видимому, является мифологичность психотерапевтического процесса как процесса конструкции и реконструкции субъектом себя и мира. Путь создания мифа - от слова-номинации к номинации-тексту, на уровне смысла, неотделимого от формы (Белый, 1994, с. 137-141, Ильин, 1999, Тхостов, 1993]. Значительное количество мифов связано с процессами развития человека и общества, их рождения и смерти. В психотерапии существует две группы мифов: связывающих ее успех с процессами умирания и нового рождения и с процессами интегрирующей трансформации, позволяющей во многом иначе взглянуть на проблему личностных изменений - не как смерти существующих моделей поведения, способов осмысления себя и мира, ценностей субъекта, но как более осознанный и свободный выбор человека самого себя – в каждой конкретной ситуации и в жизни в целом (бытии и со-бытии). Выбор смерти как этапа исцеления связан с принятием необходимости «Злодейки» как воплощения облеченного в плоть социума знания. Знания, которое издавна сознательно и бессознательно воспринимается как несущее угрозу бессмертной жизни и «святому неведению» «злу». Однако реальность воскрешения, связанная с «Мадонной», невозможность телесного воплощения духовного как святого, «доброе», кажется столь далекой и субъективно невозможной, что в психотерапии клиенты и сами консультанты предпочитают и считают более эффективным обращение к «Злодейке». Вместе с тем, хотя постижение реальности «Мадонны» и требует несколько большего времени на первых этапах

своего освоения (как утверждает терапия реальностью: «быть плохим» легко, «быть хорошим» – значительно труднее) [Глассер, 1991]. Она лишена внутреннего почитания той запутанной и запутывающей игры смыслов, того отрицания единства знания и его переживания, которым грешит психотерапевтическая стратегия «Злодейки». Сложность «Злодейки» – это сложность и поливалентность в разной степени искренних переживаний, означенных единым смыслом. Сложность «Мадонны» - сложность целостности, в момент контакта с другим человеком обнаруживающей множественность искренних переживаний, связанных с динамическим - развивающимся и принципиально многомерным смыслом. Главное отличие этих стратегий, заключается в заложенной в «оптимистической» стратегии «Мадонны» способности к развитию общежизненных смыслов – и своих и другого человека, совмещающая осмысление мира как релятивного его пониманием как динамического, изменяющегося по некоторым - общим – направлениям. «Злодейка» останавливается на пути осмысления себя, избегая последнего шага, разрушающего ее представление всеобщей релятивности мира. Сравнение этих стратегий может быть соотнесено в путях восточной и западной психотерапии и философии [Уоттс, 1997, др.]. А. Уоттс отмечает, что суть западной психотерапии и восточных путей просветления - в ситуации спонтанности - через разрыв наложенной на клиента двойной связи, и, тем самым и прекращение такого же ее наложения им на других. В какой бы социальной ситуации индивид ни налагал «двойных связей» на других, они ответят ему тем же типом поведения. Психотерапевт сознательно (или того не осознавая) вовлекает клиента в психотерапевтическую двойную связь. Она будет психотерапевтической, поскольку психотерапевт в действительности не стремится господствовать над клиентом в своих собственных целях. Важной стороной попыток клиента контролировать психотерапевта, согласно А. Адлеру и другим исследователям, является то, что он старается получить помощь, не отдавая себе отчета о себе самом, не принимая ответственности за происходящее не только в диалоге, но и в самом себе [Мамардашвили, 1994]. Его действительное бытие настолько не соответствует образу самого себя, что он не решается обнаружить это несоответствие – однако, он не пришел бы, если бы хоть смутно не ощущал этого разрыва. Вместе с развитием клиент обнаруживает, что все его попытки блокировки и самосокрытия абсурдны: он «заперт в ситуации, выход из которой заключается просто в том, что ему нужно снять преграды». Психотерапевт замечает попытки имитации и подрывает их, пока клиент не перестает блокироваться и беспокоиться. Слабость западной психотерапии заключается в принимаемом дуалистическом видении человека и мира,

субъекта и объекта. Терапия есть ис-целение, делание целостным, поэтому любая система, оставляет индивида на одном из полюсов жизненной дилеммы, достигает - но, с точки зрения восточных практик, - в лучшем случае «мужественного отчаяния». Пробуждение же ведет к осознанию того, что любой выбор между "противоположностями" суть разделения нераздельного. Индивид действует на мир нисколько не больше, чем мир на индивида. Причина и следствие оказываются составными частями одного события, подчас меняясь местами, сливаясь.

«То, что многие открывают в смерти, открывается посреди жизни путями освобождения». Небытие и смерть - возможность подлинного бытия. Попытка избавиться от принятых мифов и идеологий, не становясь жертвой страхов других людей, - требует немалых усилий в смысле установления полноценного диалога с собой и миром. На этом пути возможно бегство клиента – как в «болезнь», так и в «здоровье», возможна и «консервация» переживаний и представлений клиента, обнаружившего, что то «невыносимое» с которым он пришел к гуру – не сравнимо с «невыносимым», которое обнаруживается или возникает в попытках развенчания иллюзий проблемности [Мамардашвили, 1994, др.]. Таким образом, психотерапия предстает как процесс переосмысления себя человеком в мире, осознание «двойственных взаимосвязей», мешающих неиллюзорному пониманию, а также самого процесса понимания, как связанного как с самой реальностью, так и социокультурными значениями, присвоенными субъектом в ходе его жизни: влиянием контекста на смысл понимаемого. Исследователи [Солер, 1992] отмечают, что в психотерапевтической ситуации момент перехода, выхода из консультативного запроса (как “момента отторжения символического”) происходит выход из выйти из “трансферного запроса”, есть три способа «практического разрешения выхода» (завершения психотерапии): (1) субъект удовлетворяется полученным знанием, *fin mot* становится *mot de la fin* (разгадка - словом конца), (2) субъект отказывается от анализа, выход “как бы взятый на измор”, отсутствие *mot* (последнего слова) ведет к *motus* (ни слова), (3) поворот от бессилия к невозможному – осознание и принятие выбора в ситуации невозможности выбора, необходимости понимания в ситуации его невозможности и т.д.. Выделенные стратегии обладают различными возможностями понимания своего и другого (“Чужого” опыта и культуры): во-первых, Чужое доступно как вариант общего как “Своего” и через формирование стилевой аналогии, “означивается” ею, во-вторых, Чужое недоступно, его понимание осуществляется через сведение к смыслу Чужого, ведущее к его

уничтожению, Чужое воспринимается как доступное лишь в опыте "непреодолимого отсутствия", в-третьих, часть исследователей полагает, что Чужое должно восприниматься как относительно доступное: его понимание возможно, если человек обладает желанием смотреть и понимать, определяется в событии ответа. В со-бытии как воплощении инобытия и самобытия, превращение и возвращение встречаются: в точке их пересечения возникает взаимопонимание: свое и Чужое становятся Своими. В ино-бытии и само-бытии Свое и Чужое расходятся, вступая в диалог со Своим Чужим и Чуждым Своим. Возникает величайшая иллюзия: понимания самого себя или другого, преодолеваемая еще более внешне иллюзорным мигом «события со-бытия» [Бахтин, 1979, Ванденфельс, 1994, др.]. М.М. Бахтин всячески подчеркивал существенную, даже сущностную противоположность своей субъективности («я-для-себя») и субъективности другого («Другого-для-меня»). Более того, «Другой» имеет возможность осуществлять функции, принципиально недоступные «Я» - в силу изначальной социальности бытия психического. «Другой» вследствие своей позиции «внеаходимости» обладает «избытком видения» - «...уникальной возможности непосредственного восприятия целостной формы «Я», отсутствующей у самого «Я» и всегда имеющейся у Другого». Это восприятие другим «Я» как целостности приводит к возникновению ощущения и переживания собственной целостности. Вклад в формирование у «Я» «внутренне убедительного» сознания собственной полноты, и весомости М.М. Бахтин называет «даром формы». Реализация таких функций «Другого» по отношению к «Я», как завершение, создание целостного образа «Я», подтверждение возможно только из позиции диалога. Вернемся к выборам консультанта: Зло и Добро, Злодейка или Мадонна. Психотерапевтическая стратегия «Злодейки», как отмечает Н.Ф. Калина, отечественный представитель школы лингвистического психоанализа, в конкретной актуальной ситуации общения поддерживает, прежде всего, формирование второго способа выхода из запроса, в перспективе - нацелена на третий, однако в силу собственной внутренней противоречивости имеет свои долговременным эффектом первый способ выхода: «Как тебе живется?» «Злодейка», даже в окружении «любящих клиентов» оказывается одна – и перед лицом своей собственной смерти. Психотерапевтическая стратегия «Мадонны», которую можно реконструировать из работ Дж. Бюджентала, К. Роджерса, христианских и иных текстов Святых, других «экзистенциалистов», направлена на развитие способности личности к целостному и неотчужденному, но оттого не в меньшей степени осознающего невозможность понимания, осмыслению субъектом себя-в-мире: «Как с тобой живется?» [Бюджентальб

2010, Калина 1996, Роджерсб 1994б Лакан, 1997]. С этой фразой – фразой известной, например, по жизнеописаниям Матери Терезы, «Мадонна» обращена преимущественно к третьему способу выхода клиента из консультативного запроса, она находится в потоке постоянно меняющегося жизненного опыта «встречи» с другими людьми и самой собой и потому способна развиваться. Не рассчитывая на «длительные отношения» и сознавая смерть как часть жизненного пути, она получает и привносит в жизнь окружающих возможность попытки осмысления невозможного (лежащего вне «дихотомии» жизни и смерти). Выбор человеком, клиентом психотерапевта - “Злодейки” есть «попытка защиты иллюзией выбора смерти» - контрадикторная замена, входе которой смерть выступает не как естественная часть жизни, но как внеположенный осмыслению феномен. Символическая реальность, в которой живет «Злодейка», управляет другим уровнями бытия через систему смыслов, непрерывно порождаемых символами. “Злодейка” как хозяйка символического уровня играет означаемыми и означающими, изменяя и трансформируя личностные смыслы субъекта. В ее игре много, как их называет Дж. Хиллман, «свободных концов»: она играет по своим собственным правилам, произвольно меняя их, когда захочет [Хиллман, 1997]. Подобно психоаналитику лакановского типа, как отмечает Н.Ф. Калина, она “может пользоваться властью символа, точно рассчитанным образом вводя его в семантические резонансы своих замечаний” [Калина, 1997, Клеман, Брюно, Сэв, 1976, Лейбин, 1991]. Используя личный язык, Злодейка становится способной к абсолютному пониманию. Говоря на метаязыке – она претендует на исчерпывающее знание. Два эти аспекта речи, как правило, слиты в ее речевой практике, поэтому то, что говорится ею обладает одновременно «абсолютной глубиной» и «абсолютной широтой» постижения происходящего и понимаемого ею в данный момент – в данной ситуации в общении с конкретным партнером [Калина, 1997, с. 226б. Злодейка заманивает человека на символический уровень, хозяйничая в этой инспирированной ею символической реальности. В основе используемых ею конкретных трансовых техник лежит целый ряд различных семиотических механизмов. Семиотическое пространство представляет собой жизненное пространство Злодейки. Ее Путь [Мамардашвили, 1992, 1994] лежит в пространстве символической реальности. Данная характеристика позволяет охарактеризовать сущность Злодейки. В момент пересечения этого пути с линией жизни человека, испытывающего тоску по смыслу жизни, экзистенциальную фрустрацию, встреча со Злодейкой переживается как «удар молнии». Упустив его или «не заметив», личность утрачивает возможность стать чем-то большим, чем она есть, понять природу своих желаний

и реализовать их. Психотерапевт не только расширяет возможности выбора, но и переносит саму ситуацию на иной семиотический уровень, превращая ее в некое почти ритуальное действие. Ж. Делез называет это «идеальной игрой» как умением удерживать случай во множестве точек [Делез, 1998]. Предлагая «небанальный выбор» между «вымыслом и сущим, между многими и мной», подвигая клиента к поступку «самораскрытия для другого», Злодейка представляет свое поведение как игру, свое «самопрезентации для себя», как естественное продолжение собственной индивидуальности. Она имеет сознательную словесную и невербальную стратегию использования искажений, опущений и генерализаций, за счет которой может легко формировать нужные образы действительности. «Кроме того, она владеет также механизмом подмены онтологии символиккой, переопределяя онтологию через выбор контекста интерпретации, а слушатель обречен терпеть, наслаждаться и сострадать по ее воле и выбору, который кажется ему своим собственным. Злодейка переводит безликость нерасчлененных представлений в неоднозначные смыслы, последовательно сменяющие друг друга в качестве вех и указателей в пространстве Пути, психологическая топология которого задана масштабом личности идущего. Так осуществляется «метафорический семиозис», рождение новых смыслов, реализация себя и реализация впечатления в процессе межличностного взаимодействия. Общение перерастает в магию, разговор оказывается принадлежащим пространству ирреального. Не разобравшись с исходной проблемой и ее смыслами, клиент, вовлеченный Злодейкой в освоение иных пространств, вынужден сменить Путь и заняться продуцированием новых смыслов.

Злодейка «ткет» поверхность смысла, переплетая нити символов и реальных действий. Ее собственные высказывания соотносимы не с правильностью, а с парадоксальностью, она не устраняет, а создает неконгруэнтность, выступающую как цель и средство ее речевой практики. То есть, она способна создать из множеств языковых репрезентаций опыта ту самую единственную реальность, которая лучше действительности и выше правды. Злодейка вредит прежде всего себе, она боится бесконечности собственного бессознательного, пытается заполнить его созданием мета-модели. Терапевтическая стратегия «Мадонны», представляющей восточно-ориентированные пути развития личности, характеризуется «интерсубъективностью» правил «игры» (межличностного взаимодействия), выбор «Мадонны» связан с отказом от формирования иллюзорных защит и поиском «адекватной стратегии совладания» с реальностью жизни в ее целостности. Наиболее важной для нее является реальность меж-личностного взаимодействия, ориентация на понимание и

взаимопонимание. Цель взаимодействия – исследование внутренних миров партнеров по контакту и фасилитация осмысления партнерами собственных переживаний, представлений, поступков и высказываний. Результатом взаимодействия с «Мадонной» становятся изменение и трансформация личностных смыслов субъектов взаимодействия. Для «Мадонны» типично использование символов “точно рассчитанным образом вводимых в семантические резонансы своих и чужих замечаний” для точного понимания (цель - не власть, но само понимание). Речь, таким образом, не о различии механизмов как таковых, но о различии целей и задач взаимодействия и межличностных отношений (ценностно-смысловой позиции взаимодействия). Личный язык выступает как метаязык, доступный включению языка другого, что дает «Мадонне», как и «Злодейке» способность к абсолютному пониманию... «Мадонна» пытается найти “корреляты” (понимание - “между”) символической реальностью, смысловой и бытийной - своей и других людей. Для этого используются как трансовые, так и нетрансовые техники, целый ряд семиотических механизмов. Пространство межличностного взаимодействия - жизненное пространство “Мадонны”. В момент пересечения ее Пути (между реальным и символическим) с линией жизни человека, стремящегося к другому человеку, встреча с “Мадонной” переживается как откровение. Упустить его, можно сейчас, но вернуться – потом, спустя любое количество времени. Расширение пространства искреннего (“истинного”) общения совершается в процессе с-другим-взаимодействия. “Мадонна” рискует, прежде всего, сама. Рискует не дожидаться ответа. Однако сущность диалога как имманентной характеристики бытия, предполагает, что ответ дается даже тогда, когда человек не дает его: его ответом является отсутствие ответа. “Мадонна” - приглашает к “разговору”. Изменение смысла происходит за счет прибавления целого ряда новых аспектов. Устанавливается связь между явным и скрытым. При этом знание наблюдателя становится знанием себя и другого, обретением себя в своем собственном восприятии и облегчением (разными способами) выбора в конкретной межличностной ситуации. Мадонна помогает осмыслить выбор. Она может “сопровождать” Вас в выбранном Вами пути, потому что сама прошла Путь - тому, кто способен и рискнет сделать соответствующий выбор и готова идти вместе с Вами. Она расширяет возможности выбора, и переносит саму ситуацию на ряд иных семиотических и бытийных уровней, своим умением удерживать случай во множестве точек, искусство телеологичности. Мадонна «играет всерьез», представляя свое поведение как естественное продолжение особенностей межличностной ситуации. Она обладает сознательной словесной и невербальной стратегиями

использования и снятия искажений, опущений и генерализаций, за счет которых может легко формировать и воссоздавать нужные образы в интерсубъектной действительности. Кроме того, она “обучает” другого механизмам переопределения онтологии через выбор контекста интерпретации. Мадонна переводит безликость нерасчлененных представлений в неоднозначные смыслы, последовательно сменяющие друг друга в качестве вех и указателей в пространстве Пути, психологическая топология которого задана особенностями актуальной межличностной ситуации. Так осуществляется «метафорический семиозис», т.е. рождение новых смыслов, реализация себя и реализация впечатлений в процессе межличностного взаимодействия. Её интересует степень соответствия экзистенциального опыта личности репрезентирующим этот опыт языковым конструкциям, и соответствие своего понимания экзистенциальному опыту другого человека, своему собственному опыту. Ее собственные высказывания соотносимы не с единственностью истин, а с множественностью искренности, она стремится устранить неконгруэнтность через ее демонстративное обнаружение или создание и развитие смысла. Самопредъявление – всегда для другого, самораскрытие – всегда для себя: итог, к которому подходит клиент Мадонны в процессе постижения «наличествующих» в общении с нею смыслов. Смыслы не транслируются: нет нужды прибегать к расширению смыслового поля без предварительной тщательной переработки наличных смыслов, их функционального осмысления – как развивающих и ограничивающих возможности познания человеком себя и мира. Для «интерперсонального», неаутентичного и неконгруэнтного общения и понимания, оценочного основанных на условном принятии другого человека, такое трансперсональное понимание, по крайней мере. Ему соответствует особое, трансное состояние сознания клиента и психотерапевта, в котором консультант поддерживает разворачивание переживаний клиента, даже не вполне понимая их. Это состояние само по себе целительно и способствует личностной интеграции. В таком измененном состоянии сознания человек получает трансперсональный опыт глубинного единства с миром и другими людьми, требующий "полного присутствия" в здесь-и-теперь взаимодействии [Лейнг, 1995, Фаррели, Брандсма, 1997]. Понимание будущего задает смысл настоящего, представляет собой процесс (само)проектирования личности (process of becoming), опирающийся на опыт прошлого и его реконструкцию в актуальной ситуации взаимодействия [Ванштейн, 1997]. Такое понимание связано с переживанием радости совместного с клиентом бытия, позволяющего психотерапевту и клиенту достигнуть новой ступени личностного развития. Терапевтическая стратегия, обращенная к процессу

символической смерти клиента, во многом оказывается занятой поиском ресурсов его дальнейшего («посмертного») существования. Психотерапевтическая стратегия «радости», обращенная к восстановлению или осмыслению уже имеющейся гармонии в отношениях человека и мира – к осознанию тех ограничений, которые есть у клиента и мира, тех ограничений, которые ограничивают и, тем самым, формируют, процесс их взаимодействия. Очевидно, что условно-дословный перевод трансдикурсивного или метадикурсивного типа, который реализует «Мадонна», как минимум более понятен, хотя, возможно, дальше от «оригинала» чем перевод «Злодейки».

Список литературы

- Адлер А.* Наука жить / А.Адлер. – К.: Port-Royal, 1997. - 288 с.
- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 424с.
- Бейтсон Г.* Экология разума / Г.Бейтсон. – М.: Смысл, 2000. – 476с.
- Белый А.* Символизм как миропонимание. - М.: Республика, 1994. - 480с.
- Братченко С.Л.* Экзистенциальная психология глубинного общения / С.Л. Братченко. М.: Смысл, 2001. 197с.
- Бюдженталь Дж.* Искусство психотерапевта / Дж.Бюдженталь. СПб.: Питер, 2001. 304с.
- Ванденфельс Б.* Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о “Чужом” / Б.Ванденфельс // Логос. 1994. № 6. С.77-90.
- Ваништейн Э.Дж.* Применение парадокса в медицинской практике.// Моск. психотерапевт. журн. - 1997. -№2. - С.63-77.
- Василюк Ф.Е.* На подступах к синергичной психотерапии /Ф.Е. Василюк // Моск. Психотерапевт.журн.-1997.- №2.- С.5-24.
- Глассер У.* Школы без неудачников / У.Глассер. – М.: Прогресс, 1990. – 120с.
- Делез Ж.* Логика смысла / Ж. Делез. – Екатеринбург: «Деловая книга», 1998. – 480с.
- Ильин И.* Постмодернизм: От истоков до конца столетия / И.Ильин. - М.: Интрада, 1998. - 260с.
- Калина Н.Ф.* Основы психотерапии / Н.Ф.Калина. - М.: Рефл-бук, 1997. - 270с. - с.221-236.
- Клеман К.Б., Брюно П., Сэв Л.* Марксистская критика психоанализа / К.Б. Клеман и др. - М.:Прогресс,1976.- 281с.
- Лакан Ж.* Семинары. Книга 1 /Ж.Лакан. – М.: ИТДГК «Гнозис», Изд-во «Логос», 1998. – 432 с.
- Лейбин В.М.* Фрейд, психоанализ и современная западная философия / В.М.Лейбин. - М.: Политлит, 1991. - 397с.
- Лейнг Р.* Расколотое “Я” /Р.Лейнг. - С.-Пб.: Белый кролик, ИЦ “Академия”, 1995. - 352с.
- Мамардашвили М.К.* Как я понимаю философию / М.Мамардашвили. - М.: Прогресс, 1992. - 320с.
- Мамардашвили М.К.* Лекции о Прусте / М.Мамардашвили // Ad Marginem’93. - М: Ad Marginem, 1994. - С.203-248.
- Роджерс К.Р.* Взгляд на психотерапию / К.Роджерс. - М.: Прогресс, Универс, 1994. - 480с.
- Солер К.* Клинические уроки перехода / К. Солер // Логос.-1992.-№3.-С.178-189.

- Тхостов А.Ш.* Болезнь как семиотическая система /А.Ш. Тхостов // Вестник Московского ун-та. - Сер.14. Психология. - 1993. - №4. – с.4-13.
- Уоттс А.* Психотерапия: Восток и Запад / А.Уоттс. - М.: Весь мир, 1997. – 140с.
- Фаррели Ф., Брандсма Дж.* Провокационная терапия / Ф.Фаррели, Дж.Брандсма. - Екатеринбург: Изд-во “Екатеринбург”, 1997. - 216с.
- Фуко М.* Что такое автор/ М.Фуко // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет.- М.: Касталь, 1996.- 448 с.
- Хараш А.У.* Ищу Собеседника / А.У. Хараш // Журнал практ. психолога. - 2014. - № 1. - С.138-140.
- Хиллман Дж.* Сто лет одиночества / Дж.Хиллман. // Моск. психотер. журн. - 1997. - №1. - С.120-142.
- Юнг К.Г.* Сознание и бессознательное / К.Юнг. – С.-Пб: Университетская книга, 1997. 544с.
- DeKoven B.* Building an inner playground / B. DeKoven // АНР Perspect. – 1999. June–july. – P.18.
- Geertz Cl.* Deep play: notes on the Balinese cockfight / Cl. Geertz. - N.-Y.: Bobbs-Merrill, 1972. - 37p.

Ашимханова С. А.
Казахский национальный университет им. аль-Фараби
г. Алматы (Казахстан)

Ashimkhanova Svetlana
Al-Farabi Kazakh National University
Almaty (Kazakhstan)

*СМЫСЛОВЫЕ ПОТЕРИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК МАЛОЙ
ПРОЗЫ ГАБИТА МУСРЕПОВА*

*SEMANTIC LOSS TRANSLATED INTO RUSSIAN AND ENGLISH GABIT MUSREPOV'S SMALL
PROSE*

В статье рассматриваются вопросы перевода прозы Г. Мусрепова на русский и английский языки, на примере переводческого анализа рассказа ««Айгүл қойшының күндері» и его переводов на русский язык под названием «Волчий брод»» и на английский язык под заглавием «The Birth of a Song» выявляются трудности, с которыми столкнулись переводчики, анализируются некоторые смысловые потери, возникшие при процессе перевода. Автор статьи на конкретных примерах показывает вольное или невольное смещение акцентов в переводных текстах, что приводит к обеднению авторской мысли или искажению его идеи. В статье уделяется внимание случаям опущения тех или иных художественных деталей, имеющихся в оригинале, что, по мнению автора, приводит к особому рода ритмическому рисунку, который в мусреповском тексте создается при помощи аллитераций, звуковых и словесных повторов. Еще одним объектом внимания автора в переводном тексте стали детали, утяжеляющие сюжет ненужными подробностями, при этом отмечается, что таких вольных обращений с оригинальным текстом много в английском переводе.

The article deals with the transfer G.Musrepov prose in Russian and English languages, the example of the analysis of the translation of the story " Айгүл қойшының күндері "and its translation into Russian, entitled "Wolf ford" and into English under the title «The Birth of a Song» reveals the difficulties faced by translators, analyzes some sense of loss incurred in the translation process. The author shows specific examples voluntary or involuntary shift of emphasis in translated texts, which leads to the impoverishment of the author's thoughts or distortion of his ideas. The article focuses on cases of omission of certain art pieces available in the original, that, in my opinion, leads to a particular rhythmic pattern, which musrepovskom text is created using alliteration, sound and word repetitions. Another object of the author's attention in the translation steel parts weighting story with unnecessary detail, while noting that such arbitrary treatment of many original text in English translation.

Ключевые слова: перевод, смысловые потери, адекватность перевода оригиналу, контекстуальная метафора.

Key words: translation, meaning losses, adequacy of the translation to the original, contextual metaphor, small prose.

Общеизвестно, что одной из основополагающих задач переводчика является создание художественного перевода, адекватного подлиннику. Поэтому одним из главных факторов успешного перевода считают теоретические знания и эрудицию переводчика, хорошее знание им языка, истории, культуры и литературы, быта и национальных традиций и обычаев того народа, которому принадлежит оригинал текста. Именно это будет способствовать адекватной передаче исторических и бытовых фактов, не имеющих аналогий в сознании того народа, на язык которого переводится произведение.

Казахский писатель Габит Мусрепов, по мнению литературоведа и критика З. С. Кедриной, «один из самых собранных композиционно и «выработанных» стилистически казахских писателей. Стиль произведений Г. Мусрепова всегда характеризовался изящной законченностью» [1,71]. Эта отточенность, рафинированность, тонкость письма дали основание многим критикам говорить о нем как о ювелире слова. Один из переводчиков прозы Габита Мусрепова на русский язык Г. К. Бельгер признавался, что «что переводить его крайне тяжело. Как тонкий стилист и знаток казахского языка, он умел и любил играть словами. У него был сложный синтаксис, и поэтому он нередко прибегал к шешенскому, бийскому (ораторскому – С.А.) красноречию. При переводе на русский язык все это, естественно, безнадежно терялось» [2].

Большинство переводов отдельных рассказов казахского писателя на русский язык осуществлено в советские годы. При передаче содержания казахского текста часто оказывались «стертыми», подвергались переработке или исчезали те или иные детали, что мешало адекватной передаче мустеповского подтекста. В данной статье осуществлена попытка выявить смысловые потери содержания одного из рассказов Габита Мусрепова при переводе на русский и английский языки.

Сюжет о простой женщине-труженице, совмещающей тяжелый чабанский труд с обязанностями депутата Верховного Совета КССР, если судить по работе писателя над этим небольшим по объему текстом, был одним из любимых. К рассказу «Айгүл қойшының күндері» Г. Мусрепов возвращался несколько раз, внося отдельные дополнения в сюжет, изменяя имя героини, углубляя сюжетобразующий конфликт [3, 390-405]. При переводе его на русский язык произошло, скорее всего, с согласия самого писателя, изменение заглавия - «Рождение песни», «Волчий брод» [3, 15-20]. Возможно, и автор, и переводчик исходили из установки о том, что слово Айгүл в роли имени собственного, данное при переводе в транскрипции Айгуль, не несет достаточную эстетико-информационно-стилистическую

нагрузку. Этот рассказ печатался на русском языке и под другими заглавиями: «Конец волчьего брода», «Майра», что создало еще большие трудности при их интерпретации. Каждый из переводчиков увидел свое, что отразилось в заглавии.

На английский язык этот рассказ под названием «The Birth of a Song» был переведен в 1964-ом году Eve Manning [5, 94-99], которая в 60-80-е годы плодотворно занималась переводами на английский язык прозы В. Шукшина, В. Распутина, Г. Мусрепова и др. К сожалению, нет никаких свидетельств о том, пользовалась ли переводчица подстрочником, переводила текст уже с переведенного на русский (что вероятнее всего) или все же знала казахский язык. Внимательное изучение текстов на казахском, русском и английском языках позволяет сделать вывод о близости последнего к русскому переводу Т.Алимкулова. В первую очередь, на это указывает схожесть заглавий английского и русского текстов.

Сюжетная фабула мусреповского рассказа внешне непритязательна, создана по классической схеме советского «производственного» рассказа: героиня – чабан, депутат Верховного Совета КССР, более двадцати лет занимается этим нелегким, неженским делом. День, взятый из череды будней Айгул, полон событий: трудный переход чабанов с зимних стоянок на весенние пастбища в самый драматичный для чабанов и самих овец период, время окота, разлившаяся река Сыр-Дарья, создающая препятствия на пути к сочной траве, долгожданному отдыху, покою, преграда в виде Волчьего брода, в котором можно потерять весь молодняк. Помощь приходит со стороны: Айгуль-депутат, столько хлопотавшая о строительстве канала к отгонам чабанов, первой догадалась о том, что строители сдержали слово и досрочно закончили свою работу, и теперь вода непокорной Сыр-Дарьи течет по заданному руслу, и чабанам и их отарам ничто не угрожает.

В переводных текстах можно увидеть вольное или невольное смещение акцентов. Так, к примеру, в оригинале четко и конкретно актуализирована общественная позиция героини: «КСРО Жоғарғы Советінің депутаты Айгүл түбекке қайтқан отарының сонында сылпылдап келе жатқалы бүгін үшінші тәулік...» [3, 390]. Мусрепов не случайно выносит на первый план повествования эту в какой-то степени оксюморонную фразу: Айгүл – депутат ВС КазССР и в то же время простой чабан, плетущийся за своей отарой третий день. В русском и английском вариантах переводчики опустили это важное для автора уточнение. Русский текст начинается с философской сентенции, которой нет в оригинале: «День и ночь, день и ночь, - время в степи двигалось с неспешностью отары. И снова солнце застало в пути Айгуль и ее овец» [4, 15]. Использование здесь контекстуальной метафоры для обозначения

времени, его неспешного хода отчасти оправдано, создает необходимый ритм повествования через повтор (это излюбленный мусреповский прием). Поэтому уместно и добавление в этом абзаце второго предложения.

В английском варианте повторяется та же мысль, к сожалению, не принадлежащая автору: «Aigul had been following the flock for over two days. The winter-thin sheep dragged along reluctantly [5, 94]. (Айгуль следовала за отарой больше двух дней. Отощавшие за зиму овцы тащились неохотно – перевод С.А.). Как видим, использованный в обоих случаях прием расхождения синтаксических единиц приводит к семантической замене той части текста, которая является завязкой сюжетного действия. В приведенном отрывке казахского текста семантически значимо слово «сылпылдап» [сылпылдау - хлюпать]. Автор при помощи этого слова обозначает степень усталости героини, это слово можно представить и как метонимию (далее мы узнаем о прохудившихся ее резиновых сапогах, из которых она регулярно выливает воду). Переводческий прием опущения одного словообраза задает иной тон повествованию.

Уже во втором абзаце писатель вводит в повествование объемную философскую метафору «жалқау жылжыған уақыт, үнсіз өтіп жататын уақыт», которая далее трансформируется в мотив «дала үнсіздігі, даланың меніреу үнсіздігі» (безмолвие степи, безмолвная степная тишь). В переводных вариантах этим метафорам, выполняющим заданную автором особую функцию, не нашлось места. Мотив молчания в мусреповском рассказе становится ведущим, он выражает особое состояние степи и человека, существующего в гармонии с ней. Это безмолвное понимание друг друга и рождает в душе героини песню, что, возможно, и позволило первому переводчику с согласия автора изменить заглавие рассказа.

Между тем в тексте на казахском языке он является исходной точкой и составляющей характера женщины, занимающейся неженским трудом. А на русском эта философская сентенция сведена на бытовой уровень: «Вот уже двадцать лет – с той поры, как война перестала разграничивать работу на мужскую и женскую, - Айгуль под скрип седла кочевала с пастбища на пастбище, от колодца к колодцу» [4, 16].

В переводном тексте исчез также найденный писателем особый ритмический рисунок, который создается при помощи аллитераций, звуковых и словесных повторов и придает мусреповской речи характер прозостиха: «Ол етек-женді түре соғатын, қойын-колтықты қуалай қуатын күздік пен көктемнің азынау желіне де көндіккен. Ат танауына көк сүңгі

тұрып шаңытқан суық сары аяздарға да көндіккен. Жыбыр-жыбыр, қыбыр-қыбыр қозғалған қой момынның өңсіз қозғалысына да көндіккен» [3, 391]. Причем автор не заостряет внимания на мотиве покорности Айгуль судьбе. Напротив, через все повествование красной нитью проходит мысль о родстве душ человека и природы, о взаимопонимании и в то же время осознании героиней своего превосходства над бытом, суетой, обстоятельствами: «Көндігу бар, жеңу бар. Айгүл соның бәрін жеңген адам» – («Терпение и труд все перетрут» Айгуль победила все трудности). Этой авторской установке переводчики не придали особого значения и перевели повествование в иную плоскость. В русском переводном тексте при помощи приема добавления введены детали, утяжеляющие сюжет ненужными подробностями и деталями: «... В этом заведенном движении был свой порядок, и она уже знала, что холодный ветреный октябрь застанет ее верхом на коне... » [4, 16]. Далее говорится о том, что она каждой весной должна возвращаться в поселок отчитаться о зимовке, о падеже овец и т.п.

В английском варианте эта часть текста совпадает с русской версией: «Since childhood Aigul had been accustomed to the quiet, endless steppe, and twenty years with the flocks had made it a part of her being. Through the cold flogging winds of autumn she drove the sheep over that steppe, to the winter pastures, and followed them to the lambing place by the bank of the Syr Darya through the sticky, clinging mud of early spring» [5, 94] (С детства Айгуль была приучена к тихой, бесконечной степи, и двадцать лет /пребывания/ с отарами стали частью ее существования /жизни/. Сквозь холодные, пронизывающие ветры осени она гнала овец по этой степи к зимним пастбищам, и следовала за ними к местам окота на берегах Сыр-Дарьи сквозь липкую, цепляющуюся грязь ранней весной – подстрочник С.А.). То есть, оба переводчика проигнорировали мусреповское замечание о том, что Айгуль – человек, который осознанно выполняет свою работу, она живет в согласии и гармонии с окружающим ее непростым миром, и именно поэтому автор считает ее победившей и «лениво текущее время», и безмолвие степи, и молчание овец.

В переводах также упущена еще одна важная деталь: в момент повествования Айгуль, третий день бредущая за отарой, «ыңырсып қана ән салып келеді». Слово «ыңырсып» (стонать) – семантически емкое, дает широкие возможности для интерпретации душевного и физического состояния героини: «ыңырсып – дауысы өлімсіреп, қиналып шығу», «өзімен-өзі отырып, жай дауыспен әндету». Думается, именно таковым было положение героини, третий

день идущей пешком, в резиновых сапогах, полных воды, и думающей о спасении не только молодняка своих овец, но и других, менее опытных и более безответственных чабанов.

Из-за того, что в переводных текстах нет этой значимой детали, смысл измененного заглавия становится понятным только в конце текста: «The horse seemed to fly, and Aigul too felt she had wings. She was saying something to herself, to all people. What was she saying? There were no words for all the emotion that surged in her. It was a song... [5, 99] (Конь, казалось, летит /в воздухе/, и Айгуль, чувствовала, что у нее /выросли/ крылья. Она что-то говорила себе, людям. Что она говорила? Не было никаких слов для /выражения/ эмоций /чувств/, переполнявших ее. Это была песня...).

В рассказе Мусрепова этот мотив выполняет важную сюжетобразующую функцию, с него начинается и завершается повествование о действиях и поступках чабана Айгуль. Трудный путь, который она проходит за три мучительно растянутых во времени дня, окончен, спасение молодняка других безответственных чабанов пришло со стороны, и героиня выходит победителем в борьбе с природной стихией, со степью. У Мусрепова это состояние героини обозначено зримо, выпукло, почти экспрессионистски, через прием повторов, звуковой аллитерации: ат та, өзі де, ол үшін де, өзгелер үшін де.

Рассказ завершается на эмоционально-возвышенной ноте, чему способствует заданный писателем ритм: емес - есте – еді «Өлеңнің сөзі емес, сазы қалады ғой есте. Айгул жүрегінен атқылап келе жатқан да сондай бір саз еді». Песня (мотив, напев) преображает героиню, возвышает над буднями и придает повествованию психологический характер. Необходимо отметить еще одну важную функцию этого лейтмотива: рассказ приобретает черты рамочной композиции также благодаря этой теме.

К сожалению, и в русском, и в английском переводах этот эпизод воспроизведен в сокращенном варианте, опущены такие важные детали, как комплименты в адрес героини (они были бы еще одной психологической деталью в описании характера героини, занятой неженским трудом и получившей одобрение со стороны сильного пола). Нет почти сюрреалистической картины полета ее коня и ее самой (у Мусрепова это ощущается на зримо-чувственном уровне), не воспроизведен сам процесс рождения песни. Хотя нужно отметить интересное решение Eve Manning этой задачи: при помощи синтаксической трансформации, приведшей к новому семантическому наполнению образа, она вводит метафору, созвучную мусреповской: «The horse seemed to fly, and Aigul too felt she had wings» почти идентична в контекстуальном плане авторскому описанию «Ат та ұшып келеді,

Айгүлдің өзі де ұшып келе жатқандай». Но в переводе опущена важная для авторского замысла деталь: Мусрепов делает акцент на то, что песня рождается под впечатлением огромного чувства радости: «Өзі үшін де, өзгелер үшін де әлдеқандай үлкен бір қуанышты айтып кетіп барады». Героиня хочет сообщить людям об этом, поделиться с ними радостной вестью, и результатом этого является родившаяся в ее душе песня без слов. В русском и английском переводе этой детали нет.

В анализируемом нами английском тексте много и других расхождений с текстом оригинала в виде неоправданных добавлений или опущений смысловых компонентов, из-за чего и возникают стилистические несоответствия отдельных моментов текстов.

Интерпретация мусреповского текста позволяет увидеть, что при переводе следует подходить к художественному тексту как к целому, и здесь необходим, прежде всего, глубокий семантический анализ, который позволит создать максимально адекватный текст перевода. Такой интерпретационный подход к переводу художественных произведений казахской литературы, в частности, прозы Габита Мусрепова, является, с нашей точки зрения, единственной возможностью, позволяющей максимально приблизиться к оригиналу и дать художественному тексту новую жизнь в иноязычной среде.

Список литературы

Кедрина З. Из живого источника. - М., 1966. - 235 с.

Бельгер Г.К. Мусрепов ждет своего переводчика // Казахстанская правда. – 2002. – 22 июня.

Мүсірепов Ф. Айгүл қойшының бір күні // Мүсірепов Ф. Таңдамалы шығармалар. Үш томдық. – I том. – 390 - 405 б.

Мусрепов Г. Волчий брод: Рассказ // Простор. – 1961. - № 10. – с. 15-20.

Musreпов G. The Birth of a Song // Soviet Literature. – М. - 1964. – № 11. – р. 94-99.

Беженарь О. А.
Миланский государственный университет
г. Милан (Италия)

Bejenari Oxana
The University of Milan
Milan (Italy)

ПЕРЕВОД КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

TRANSLATION AS A MEAN OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING

Статья посвящена месту перевода в процессе обучения иностранному языку. В истории методики роль перевода в разные периоды оценивалась по-разному: от признания его ведущей, ключевой роли в обучении до идей полного, тотального его исключения из всех видов работы на уроке. В статье нами показаны возможности использования перевода в процессе обучения иностранному языку в рамках коммуникативного подхода. Мы отстаиваем мысль о том, что перевод играет большую роль в развитии умения сопоставлять языковые явления в разных языках и видеть специфику языковой системы изучаемого языка на фоне родного. Перевод незаменим для некоторых учебных ситуаций (обучение людей старшего возраста на различных курсах, обучение нефилологов, изучение отдельных трудных случаев словоупотребления, контроль и т.д.). В статье приведены конкретные примеры использования перевода в итальянской аудитории, которые доказали свою эффективность на практике, в том числе в повышении мотивации учащихся (например, перевод названий известных в Италии произведений, работа с интернациональной лексикой и «ложными друзьями переводчика»).

The article is devoted to the position of translation in the process of learning a foreign language. In the history of method the role of translation in different periods has been evaluated in different ways: from the recognition of its leading, key role in learning, to the idea of its total exclusion from all kinds of work in classroom. In the article we are shown possible uses of translation in the process of learning a foreign language within the communicative approach. We defend the idea that translation plays an important role in the development of the ability to compare the linguistic phenomena in different languages and to see the specifics of the language system of the learned language on the background of the mother tongue. Translation is irreplaceable in certain learning situations (teaching older people in various courses, teaching not-philologists, studying certain difficult cases of word-use, checking...etc.). In the article are given concrete examples of the use of translation in an Italian class, which have proved their effectiveness in practice, including rising students' motivation (for example, translation of the names of works of art famous in Italy, work on international vocabulary and "false friends").

Ключевые слова: русский язык как иностранный, русский язык для говорящих по-итальянски, учебный перевод, мотивация изучения иностранного языка, двуязычные упражнения.

Key words: Russian as a foreign language, Russian language for Italian speaking, translation training, motivation, learning a foreign language, bilingual exercises.

Данная статья – это размышления о месте перевода в обучении русскому языку как иностранному. Мы ставим следующие вопросы: для каких учебных целей он значим? Как могут выглядеть конкретные методические приёмы использования перевода на занятиях?

Сразу скажем, что мы придерживаемся принципов коммуникативного подхода и будем говорить о переводе как *частном* средстве обучения в рамках этого подхода.

Начиная работать с иностранной аудиторией несколько лет назад, мы честно пытались на своих уроках по русскому как иностранному избежать использования родного языка даже как вспомогательного средства. Все эти годы мы избегали обращаться к переводу. Однако со временем нам стало ясно, что полный отказ от перевода в ряде учебных ситуаций не является оправданным. В ходе практической работы на личном опыте не раз нам приходилось убеждаться, что перевод в ряде случаев незаменим. Прежде всего – для создания комфортной атмосферы на уроке, а также в целях экономии времени на начальном и среднем этапах. Он нужен также при обучении разных контингентов учащихся, которые далеки от филологии: это люди старшего возраста на языковых курсах любителей РКИ, а также нефилологи. На завершающем этапе обучения, когда требуется углубленное знание языка, перевод поможет ориентироваться в тонкостях семантики слов. Да и современный учебник, в котором нет никакого перевода, отпугивает учащихся, которые хотели бы учить язык самостоятельно.

В различные эпохи развития методической науки роль перевода как средства обучения языку оценивалась по-разному. Остановимся на некоторых точках зрения.

С эпохи античности переводные методы являлись базовым компонентом обучения. *Грамматико-переводной метод* формировался в течение многих веков, оформился окончательно в XVIII, а в начале XX в. появился сам термин «грамматико-переводной». Большое внимание в рамках грамматико-переводного подхода уделялось точности перевода с родного языка на изучаемый, перевод также использовался в целях проверки усвоения лексико-грамматического материала. Результатом обучения было, с одной стороны, хорошее знание учащимися грамматики изучаемого языка, но, с другой стороны, наблюдалась низкая способность к коммуникации на изучаемом языке, так как развитию речи внимания не уделялось. В наши дни этот подход как целостная методическая система используется лишь в обучении мёртвым языкам: латинскому, древнегреческому и др.

Текстуально-переводной метод формировался в XIX, а само название получил в XX. Для его последователей было важно научить слушателей тому, как функционируют единицы языка в речи. На уроках использовались связные искусственные или связные аутентичные

тексты. Благодаря тому, что текстуально-переводной метод был направлен на практические цели обучения *письму, чтению и переводу*, на этих участках достигались неплохие результаты, но не осталось данных об успешности применения метода при обучению *говорению и аудированию*.

В 30-50 гг. XX века российскими учёными был разработан *сознательно-сопоставительный* метод, который в процессе обучения иностранному языку предполагал сопоставление изучаемых явлений иностранного языка с явлениями родного, выполнение различных языковых и речевых упражнений, в том числе и упражнений на перевод. Так как создатели метода уделяли большое внимание обучению грамматике, в результате обучения отмечалось хорошее знание грамматики изучаемого языка, но при этом уровень владения речью на языке оставался низким.

Методика *национально-языковой ориентации*, разработанная В.Н. Вагнер, является современной модификацией сознательно-сопоставительного метода, она призвана обратить внимание преподавателей на специфику обучения русскому языку в разных национальных группах. Автор методики доказывает важность учета национально-языковой специфики восприятия и усвоения русского языка представителями разных наций. Использование данной методики рекомендуется при соблюдении двух условий. Первое – обучение должно происходить в одноязычной группе, второе – преподаватель должен владеть родным языком учащихся. Только при соблюдении этих условий сроки освоения языка сокращаются, повышается интенсивность и эффективность обучения.

В истории филологии были попытки *разграничить разные виды перевода*. Так, Б.В. Беляев различал учебный и профессиональный перевод [Беляев, 1965, с.150]. В методике он предложил использовать перевод двояко: как основное *средство* обучения и как одну из *целей* обучения. Дополнительно предполагалось использование родного языка учащихся как «орудие» объяснения и контроля: при изложении теоретических сведений, для семантизации единиц языка, для контроля за усвоением языка, для пояснения некоторых трудных для понимания и усвоения особенностей изучаемого языка. Но, будучи сторонником сознательно-практического метода, Б.В. Беляев всё же отводил учебному переводу очень скромное место.

Тем не менее, у перевода всегда были свои прочные позиции среди разных форм обучения. Например, Л. Н. Муравьёва пишет, что «учебный перевод – это *одна из форм обучения* (выделено нами – О.Б.) иностранному языку»: учащиеся получают возможность

сравнить изучаемые явления неродного языка с явлениями родного языка [Муравьёва, 1969, с.54-55, 64]. Приветствуется использование учебного перевода и в трудах других авторов: то и дело можно встретить высказывания, что перевод – это «... *один из приёмов* (выделено нами – О.Б.) в системе методических приёмов и способов объяснения, презентации учебного материала, проверки усвоенного, контроля уровня сформированности определённых умений и навыков» [Лизунов, 1982, с.193]. О двуязычной форме контроля, как одной из возможных, пишет Н. Л. Федотова в «Методике преподавания РКИ» [Федотова, с.120].

Нельзя не согласиться с мыслью о том, что перевод может выступать в качестве эффективного приема обучения иностранному языку только в том случае, если он отвечает некоторым критериям. Главным требованием является *адекватность* перевода текста (как профессионального, так и учебного), то есть соответствие текста перевода не только грамматическим правилам, но и функционально-стилевым и экспрессивно-стилистическим нормам языка перевода [Ванников, 1980, с.58].

На занятиях по РКИ на начальном этапе перевод принято использовать в следующих ситуациях:

- в начале урока – для проведения организационного момента;
- во время введения и объяснения материала – для семантизации лексики, объяснения грамматики, страноведческого комментария, первичного контроля понимания;
- во время языковой и речевой тренировки и коммуникативной практики – для формулирования заданий, создания ситуаций, для управления деятельностью учащихся;
- во время контроля: объяснение ошибок;
- для создания благоприятной психологической атмосферы урока;
- в конце урока для перевода ключевых слов домашнего задания [Ерёмина, 2003, с.134].

Согласно «Новому словарю методических терминов и понятий» Э. Г. Азимова и А. Н. Щукина, перевод – это «вспомогательный вид *речевой деятельности*, в процессе которой осуществляется передача содержания текста средствами другого языка; преобразование *речевого произведения* на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении смысла этого произведения. Акт перевода состоит в анализе формы исходного сообщения на одном языке, синтеза содержания воспринятого и передачи его на другом языке» [Азимов, Щукин, с.194]. В практике преподавания уже давно используются *двуязычные упражнения (Д. у)*. Это то же, что *переводные упражнения*, то есть вид

упражнений, при которых прибегают к использованию родного языка (переводу). Двухязычные упражнения являются средством сопоставления фактов двух языков, цель этих упражнений – *осознанное овладение* языковым материалом. В упомянутом выше словаре также есть замечание, что такие упражнения – «лишь временное средство, помогающее развить речь: число Д. у. должно быть значительно сокращено, как только учащиеся усвоят базовую систему языка» [Азимов, Щукин, с. 56].

Однако мы не можем присоединиться к этому мнению, так как полагаем, что двухязычным упражнениям должно быть уделено достаточное внимание и на продвинутом этапе обучения РКИ. Как бы мы ни избегали перевода на занятиях, перевод (словесный или мысленный) будет всё равно иметь место: ведь какой бы языковым материал (тексты, упражнения, диалоги) учащийся ни получал, он стремится прежде всего перевести этот текст на родной язык *в своем сознании*, так как на иностранном языке он пока не мыслит. Никто не станет спорить, что владение речью на родном языке бессознательно, так как родной речью ребенок овладевает в раннем детстве, однако при изучении иностранного языка включения сознательных психических процессов избежать не удастся. Особенно это касается групп слов, которые различаются только приставками, в том числе и глаголы движения с приставками (менять, сменить, изменить, переменить и др., ехать, съехать, переехать и др.). Приставочное словообразование – сложная тема для итальянской аудитории, поскольку оно развито в русском языке в большей степени, чем в итальянском. В такого рода темах использование перевода в качестве объяснения и контроля материала даёт очень хорошие результаты, сокращая время на его усвоение. Вот, например, какую последовательность упражнений мы используем для проверки усвоения пройденного материала:

1. Перевод русского текста на итальянский.
2. Обратный перевод (без обращения к русскому тексту).
3. Сравнение собственного перевода с оригиналом.
4. Анализ ошибок и их исправление.

Особое внимание преподаватель должен уделить анализу причин ошибок. Приведем пример из упражнений, направленных на сравнение близких, но не тождественных синтаксических структур. Если учащийся переводит русское предложение «Дома у него все хорошо» на итальянский язык как предложение со значением «Дом у него хороший», то нужно показать, что разные структуры несут различный смысл:

Кто какой Что какое	Где как У кого как
<i>Значение характеристики лица, предмета</i>	<i>Значение состояния лица или среды</i>
Дом у него хороший. Сын у него хороший. Квартира у него хорошая.	Дома у него хорошо. У его сына все хорошо. В квартире у него хорошо.

А вот другие двуязычные упражнения, которые мы предлагаем:

- Устный перевод звучащего текста (можно выполнять по цепочке).
- Устный перевод письменного текста, что позволяет сократить время и гарантирует преподавателю адекватную информацию о том, как учащиеся усвоили материал.
- Письменный перевод печатного текста, что особенно эффективно в больших группах.
- Письменный перевод звучащего текста: группа слушает аудиозапись, а затем выполняет/записывает перевод для последующего контроля преподавателем.

Контрольные задания с помощью перевода могут использоваться при текущем, промежуточном и итоговом контроле.

Далее – о других возможностях использования перевода. Наш опыт убеждает нас в том, что перевод может стать мощным средством повышения мотивации учащихся. Дело в том, что даже на начальном этапе обучения при владении небольшим запасом лексико-грамматических единиц учащиеся могут осуществить перевод простых предложений на родной язык. Такие задания для них важны и интересны: ведь многие итальянские студенты начинают изучать русский язык потому, что в будущем хотят стать переводчиками. Причины самые разные – это и престижность данной профессии, и более широкие возможности трудоустройства выпускников вузов, и возможность путешествовать и т.д. На эту мотивацию можно опираться, предоставив уже на начальном этапе возможность заняться переводом, пусть и в ограниченном объёме.

Предлагаем вашему вниманию тип упражнений, который мы широко используем в своей практической работе в италоязычной аудитории и который эффективно помогает повысить мотивацию к изучению русского языка. Начинающим студентам, которые научились читать по-русски и знают только основы грамматики, предлагается список *известных* в Италии литературных произведений. Учащиеся должны догадаться, о каких

произведениях идёт речь. Все упражнения выполняются под руководством преподавателя или учащиеся выполняют их самостоятельно, но при этом имеют возможность сравнить свой ответ с ключом к заданиям. Вот варианты заданий.

- Догадайтесь по обложке русской книги, что это за произведение, и переведите его название на итальянский.
- Переведите на русский язык названия итальянских и других известных произведений и сделайте обратный перевод.

Уже на начальном этапе, когда учащиеся знают только существительные и местоимения, они справятся с переводом таких названий как: «Ты и я» Никколо Амманити, «Я и он» Альберто Моравиа, «Оно» Умберто Эко, «Я – нет» Лоренцо Ликальци, «Товарищ» Чезаре Павезе, «Ещё один дом» Фабио Воло, «Старик и море» Эрнеста Хемингуэя.

Изучая тему «Прилагательное в именительном падеже», можно предложить слушателям обложки следующих произведений: «*Маленький принц*» Антуана де Сент-Экзюпери, «*Белая как молоко, красная как кровь*» Алессандро Д’Авенция, «*Новая жизнь*» Данте Алигьери, «*Другое море*» Клаудио Магрис, «*Утреннее море*» Маргарет Мадзантини, «*Моё большое маленькое Я*» Фабио Воло, «*Прекрасное лето*» Чезаре Павезе, «*Фундаментальные вещи*» Тициано Скарпа, «*Чёрный корсар*» Эмилио Сальгари.

Приступив к изучению падежей, мы предлагаем студентам переводить названия, включающие

- родительный падеж в разных значениях (дополнение, количество и др.): «*Имя розы*» Умберто Эко, «*Загадка старого леса*» Дино Буццати, «*Ключи от времени*», «*Секретные дневники Улисса Мура*»,
- творительный падеж в значении квалификации: «*Когда мы были маленькими*» Бьянка Питцорно,
- дательный в значении дополнения: «*Сказки по телефону*» Джанни Родари,
- предложный в значении объекта мысли: «*Воспоминания о школе*» Джованни Моска и другие.

Когда начинается работа по глаголам и их связям в предложении, некоторые глаголы можно дополнительно проиллюстрировать на названиях произведений. Например,

- модель «кто боится (кого)»: «*Я не боюсь*» Никколо Амманити,
- модель «кто смотрит на кого»: «*Я смотрю на тебя*» Ирэне Као,
- модель «кто (не) желает + инф.»: «*В августе жену знать не желаю*» Акилле Кампанале,

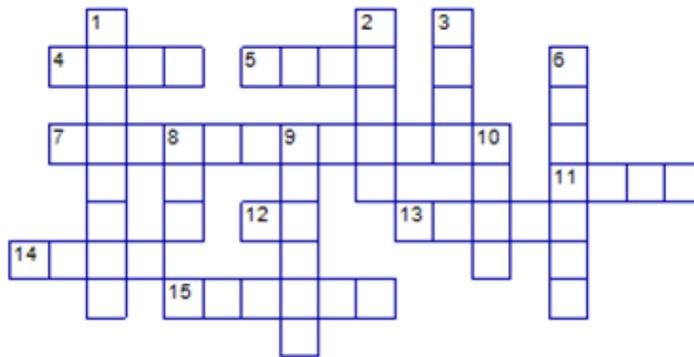
- модель «кто послушает что (кого)»: «Послушай моё сердце» Бьянка Питцорно,
- модель «кто хочет чего (кого)»: «Я хочу тебя» Федерико Моччия.

Среди известных учащимся названий книг найдутся и такие, в которых употреблены числительные (с родительным падежом количества), в том числе порядковые (употребляются как прилагательные). Перечислим некоторые из подходящих к теме названий: «*Один день* из жизни Ивана Денисовича» А. Солженицына, «*Два товарища*» Л. Толстого, «*Два брата*» Е. Шварца, «*Три сестры*» А. Чехова, «*Три метра над небом*» Федерико Моччия, «*Четыре желания*» К. Ушинского, «*Семь подземных королей*» А. Волкова, «*Десять негритят*» А. Кристи, «*Двадцать дней без войны*» К. Симонов, «*Двенадцать стульев*» И. Ильфа и Е. Петрова, «*Пять читателей одна рецензия*» Джанфранческо Страпарола, «*Шестьдесят рассказов*» Дино Буццати, «*Шесть персонажей* в поисках автора» Луиджи Пиранделло, «*Двенадцатая ночь*», «*Генрих IV (четвёртый)*» У. Шекспира, «*О нас троих*» Андреа де Карло.

После того как лексика названий усвоена, можно те же существительные, прилагательные, числительные и глаголы включить в другой вид работы. Мы возьмем на себя смелость рекомендовать преподавателям познакомиться с возможностями программы **VocabularyWorksheetFactory 4 Evoluation**. Она автоматически создает многие виды упражнений, не подключаясь к Интернету, такие, как например, кроссворды, сканворды, магические квадраты, спирали и т.д.. Также эта программа предоставляет богатый спектр услуг по работе с текстом: достаточно загрузить текст, подготовленный в Word– и к нему автоматика предлагает подобрать много типов упражнений, в основе которых – учебный перевод.

Вот одно из заданий по теме «Еда»: прочитайте итальянские названия блюд и разгадайте кроссворд «В русском ресторане». В клеточки нужно вписать названия блюд на русском языке. Внизу – список русских названий (для справок).

Рис.1

По горизонтали:

- 4. birra
- 5. caviale
- 7. filetto alla Stroganoff
- 11. borsch
- 12. schi
- 13. vodca
- 14. pane
- 15. cognac

По вертикали:

- 1. vinegret
- 2. insalata
- 3. vino
- 6. salame
- 8. formaggio
- 9. insalata russa
- 10. acqua

БЕФСТРОГАНОВ	ВОДА	КОНЬЯК	СЫР
БОРЩ	ВОДКА	ОЛИВЬЕ	ХЛЕБ
ВИНЕГРЕТ	ИКРА	ТИВО	ЩИ
ВИНО	КОЛБАСА	САЛАТ	

Перевод незаменим в тех случаях, когда содержание текста или диалога прозрачно, когда учащиеся опирается на языковую догадку. Приведем примеры.

Студентам начального уровня предлагается перевести такой простой диалог.

- Qual è il suo indirizzo?
- Via Garibaldi 22
- E il suo numero di telefono?
- 342 67 95. Però ho anche il cellulare: 33-16-99-56-81
- Comescusi?
- 33-16- 99-56-81

Студентам среднего этапа обучения можно предложить такое забавное задание на интуитивное понимание и запоминание идиоматических выражений: «Друзья, желаю вам во всём *быть первым*, всегда *иметь вторую половинку*, никогда не *быть третьим лишним*, иметь *свои четыре угла*, чтобы *всё в жизни было на пять*, *иметь шестое чувство* и *быть на*

седьмом небе от счастья!» В итальянском языке есть все эти устойчивые выражения, у них то же переносное значение, что в русском языке, поэтому учащиеся получают огромное удовлетворение от перевода.

Говоря о переводе, нельзя обойти проблему интернациональных слов и «ложных друзей переводчика». Известно, что в работе над словами, звучание которых в русском и итальянском похоже, роль перевода возрастает. Авторы многих современных учебных пособий при знакомстве с русским алфавитом часто прибегают к использованию интернациональной лексики. Интернациональные слова – это слова греческого или латинского происхождения, которые, попав в Россию разными путями и обрусев, теперь полностью подчиняются правилам русской грамматики. Это такие слова, как *музей, скульптура, коллекция, копия, центр, концерт, пенсионер, турист, студент, директор, энергичный, интересный, традиция, архитектор, балет, опера, кино, поэт, музыкант, лимон, пальма, луна, компенсировать, фотографировать*. Однако, к сожалению, много слов, которые звучат в разных языках похоже, являются «ложными друзьями переводчика». Они в русском и итальянском языках имеют или разный семантический объем (например, *камера* в русском языке = комната заключенного в тюрьме, а *camera* в итальянском обозначает любую комнату), или просто разные значения (*орден* = знак отличия и *ordine* = приказ). Работая над предупреждением ошибок в употреблении таких слов, без перевода обойтись трудно. Приведем список наиболее употребительных слов итальянского и русского языков, которые могут вводить учащихся и переводчиков в заблуждение.

Похожие по звучанию слова	Значение русского слова	Значение итальянского слова
Фамилия и Familia	Наследуемое семейное наименование, прибавляемое к личному имени. (например, Ваши фамилия, имя и отчество).	Семья (например, у нас большая семья).
Фирма и Firma	Предприятие (торговое или производственное)	Подпись
Журнал и Giornale	Периодическое издание в виде книжки, содержащей статьи или художественные произведения разных авторов, а также отдельная книжка такого издания /не газета	Газета
Орден и Ordine	Знак отличия, который даётся в награду за выдающиеся заслуги	Приказ, заказ
Лауреат и Laureato	Победитель конкурса	Человек с высшим образованием

Стипендия и Stipendio	Постоянное денежное содержание, выдаваемое учащимся в учебном заведении	Зарплата
Камера и Camera	Помещение особого назначения	Комната
Декорации и Decorazioni	Устанавливаемое на сцене живописное или архитектурное изображение места и обстановки театрального действия	Украшения
Ragu и Ragu	Блюдо из мелких тушёных кусочков мяса, рыбы или овощей	Соус
Тезис и Tesi	Положение, кратко излагающее какую-либо идею	Дипломная работа
Госпиталь и Ospedale	Военная больница	Больница
Банда и Banda	Разбойная группа	Музыкальная группа Разбойная группа
Репетиция и Ripetizione	Предварительное исполнение чего-н. при подготовке к выступлению	Частный урок с репетитором
Студент и Studente	Ученик среднего и высшего учебного заведения	Учащийся любого учебного заведения
Номер и Numero	1. Порядковый номер предмета в ряду однородных предметов. 2. Отдельное помещение в гостинице.	Число, цифра
Профессор и Professore	Высшее учёное звание преподавателя высшего учебного заведения	Учитель, преподаватель
Костюм и Costume	Одежда, платье. Театральный костюм.	Обычай/нравы Купальник/плавки
Ракета и Racchetta	Летательный аппарат с реактивным двигателем.	Ракетка для игры в теннис
Такса и Tassa	Породасобаки Установленная цена на что-либо.	Налог, сбор.
Диплом и Diploma	Свидетельство об окончании среднего или высшего учебного заведения	Аттестат
Дискуссия и Discussione	Спор, обсуждение (обычно публичное) какого-н. вопроса на собрании, в печати, беседе	Полемика/перепалка/ссора
Симпатичный и Simpatico	Привлекательный (о внешности)	Приятный человек (о характере)
Будильник и Budino	Часы с особым заводом, звонящие в нужное время	Итальянский десерт
Картина и Cartina	Произведение живописи в красках.	Географическая карта, план, схема
Станция и Stanza	Пункт, место остановки на железных дорогах.	Комната

Итак, на ряде конкретных примеров мы показали, что хотя перевод не является в наши дни основным методом обучения, тем не менее исключить его из практики преподавания было бы неверным. В каждой конкретной учебной группе вопрос о дозировке перевода решается в зависимости от возможностей учащихся (чем дальше они от филологии, тем чаще придётся обращаться к переводу) и от их потребностей (чем более тонко и глубоко они должны знать язык, тем чаще понадобится перевод при семантизации сходных по форме, но различных по содержанию единиц). На наш взгляд, материалом упражнений на перевод могут служить названия известных в стране произведений: выше мы показали, как конкретно мы используем эти названия уже на занятиях начального этапа для усиления мотивации учащихся, и такие занятия всегда проходят с большим успехом. Если говорить о переводе, который направлен на развитие умения слушателей проводить языковые параллели, видеть специфику другой языковой системы, то разработка таких заданий требует хорошего знания обоих языков.

Наш общий вывод заключается в том, что если цель обучения иностранному языку – беспереводное понимание иноязычного текста, то использование перевода мы бы предложили рассматривать как необходимый этап, способствующий достижению этой цели.

Список литературы

- Беляев Б.В.* Очерки по психологии обучения иностранным языкам. М. 1965.
- Ванников Ю. В.* Обучение переводу и переводной метод обучения// Русский язык за рубежом. – 1980, № 1, 58 с.
- Ерёмина О. А.* Обучение переводу: Практическая методика обучения РКИ. – М, 2003, 134 с.
- Капитонова Т. И., Московкин Л. В., Щукин А. Н.* Методы и технологии. М. Русский язык. Курсы. 2009.
- Лизунов В. С.* Роль и место перевода в преподавании русского языка как иностранного // Современное состояние и основные проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы. 1982, с.193.
- Муравьёва Л. Н.* Место и роль учебного перевода в преподавании русского языка как иностранного (к поставке проблемы)// В помощь преподавателям русского как иностранного: Сб. Ст./ Отв. Ред. И. Р. Палта. – М., 1969.
- Федотова Н. Л.* Методика преподавания РКИ СПб.: Златоуст, 2013.
- Щукин А. Н.* Методика обучения речевому общению на иностранном языке. М., Икар, 2011.
- Julia Dobrovolskaja Il russo: l'abc della traduzione Cafoscarina 2002*

Справочники, словари

- Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) Азимов Э. Г., Щукина А. Н. М., Икар, 2009.
- Словарь русского языка Ожегов И.С. М., Русский язык. 1984.
- Grande dizionario Russo Dobrovolskaja Julia: Hoepli, 2004.*

Богоявленская Е. Д.
Институт лингвистики РГГУ
г. Москва (Россия)

Bogoyavlenskaya Elena
Institute of Linguistics of RSUH
Moscow (Russia)

*ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДОВ И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ В РОССИИ И ЯПОНИИ -
ЯПОНСКИЙ/РУССКИЙ ЯЗЫК*

*THE HISTORY OF TRANSLATION AND TRANSLATION STUDIES IN RUSSIA AND JAPAN –
JAPANESE/RUSSIAN*

Историю переводов с ЯЯ в России можно начать с XVIII в., когда первые японцы с судов, потерпевших на Дальнем Востоке кораблекрушение, добрались до центра России. Речь идет о словарях как письменных памятниках, свидетельствующих о первых систематических переводах с ЯЯ. До нас они дошли в виде «Лексикона» Андрея Татаринова и двухтомника Николая Резанова под названием «Словарь и руководство к познанию японского языка...». Кроме того, автором сделана попытка вспомнить и собрать воедино имена советских и российских японоведов, которые уже в XX веке активно занимались художественным переводом классиков японской литературы, совмещая эту деятельность со своими основными научными исследованиями и преподаванием ЯЯ. Кратко излагается ситуация с преподаванием ЯЯ по специальности «перевод и переводоведение» в России на современном этапе и соответственно устного перевода на ЯЯ в СССР и России. Представляется также история исследований русской классической литературы в Японии и художественного перевода её на ЯЯ, активность которых приходится на вторую половину XIX века. Излагается также проблема развития устного перевода в Японии и создания современных объединений и организаций переводчиков.

The history of translation from the Japanese language (JL) in Russia can be dated to the eighteenth century when the first Japanese from vessels wrecked in the Far East got to the center of Russia. It is referred to the dictionaries being written artifacts giving evidence of the first systematical translations from JL. They have come down to us in the form of “Lexicon” by Andrey Tatarinov and a two-volume book by Nikolai Rezanov titled “Dictionary and Guidance to Learning Japanese ...” Beyond that, the author made an attempt to call to memory and put together the names of the Soviet and Russian japanologists, who were actively involved in the literary translation of the classic authors of the Japanese literature in the twentieth century combining this activity with their main scientific researches and teaching JL. The situation with teaching JL in the specialty “Translation and Translation Studies” in Russia at the present time and accordingly, the interpretation into JL in the USSR and Russia is outlined. The history of studies of the Russian classical literature in Japan and its literary translation into the JL, which activity falls within the second half of the nineteenth century, is represented. The problem of development of interpretation into RL in Japan and establishment of modern associations and organizations of the Japanese translators and interpreters is set out.

Ключевые слова: история переводов, русско-японские словари 18 века, Лексикон, Андрей Татаринов, Николай Резанов, классики японской литературы, ЯЯ: перевод и переводоведение в СССР/России, художественный и устный перевод с РЯ в Японии.

Key words: history of translation, Russian-Japanese dictionaries of the 18th century, Lexicon, Andrey Tatarinov, Nikolai Rezanov, classics of the Japanese literature, JL: translation and translation studies in the USSR/Russia, literary translation and interpretation from RL in Japan

1. ЯЯ в России: история и современное положение перевода, переводчиков и переводоведения.

1.1. История появления переводов в XVIII в..

Первые попытки переводческих работ в России в виде создания словарей возникли в XVIII в. А первые японцы попали в Россию во время кораблекрушений у берегов России на Дальнем Востоке. Но лишь некоторые из них дошли в своих путешествиях через Сибирь по территории России до центральных городов - Санкт-Петербурга и Москвы. Письменные памятники, свидетельствующие о первых систематических переводах, до нас дошли в виде «Лексикона» Андрея Татаринова¹ и двухтомника Николая Резанова под названием «Словарь и руководство к познанию японского языка...»².

Автор «Лексикона» Андрей Татаринов (японское имя – Самбати) - потомок японца Саноскэ, попавшего в Россию в 1745 г. с потерпевшего крушение японского корабля и крещенного русским именем Иван Иванович Татаринов.³ Фамилия при крещении иноземцев в русскую веру по традиции того времени выбиралась из числа фамилий мореходов или промышленников. А в то время начальником Иркутской Навигацкой школы был штурман Татаринов. Впоследствии он же одновременно заведовал и школой ЯЯ при ней, которая существовала в Иркутске с 1754 года. В 1782 г. «Лексикон» Андрея Татаринова был направлен из Иркутска в Петербург для исследования и хранения в Академии наук.

«Лексикон» составлен как русско-японский словарь на 102 страницах по порядку букв русского алфавита (в количестве 25 букв на тот период) и состоит из 977 слов, а с приложениями - более тысячи. В трех столбиках записаны слева направо: слово на русском языке, затем его перевод на ЯЯ, но в русской транскрипции, в третьем столбике – на ЯЯ, но азбукой *хирагана*.

В Приложениях к Лексикону помещены:

-разговорник под заголовком «*Некоторая часть японского разговора*»;

¹ Петрова О.П. «Лексикон» русско-японский Андрея Татаринова. Москва: изд. восточной литературы, 1962. (Рукопись «Лексикона» хранится в Архиве востоковедов Ленинградского Института народов Азии, разряд 1, оп.4, ед. хр. 15/1С45)

² Петрова О.П. «Словарь ЯЯ Николая Резанова» (неучтенный результат экспедиции в Японии в 1803). Москва: изд. восточной литературы, 1963.

³ Петрова О.П. «Лексикон» русско-японский Андрея Татаринова, цит. соч. стр.9-10.

-алфавит *ироха* с русской транскрипцией, озаглавленный «*Азбука японская с переводом*»;

-исчисление времени «*Счет различным вещам с переводом российским*»;

-числительные с переводом «*Счет простого счисления до 100 000*»

-счет деньгам до 10 000 руб.;

-счетные слова для людей и ваз.

Николай Резанов, автор «Словаря» и «Руководства к познанию письмен и грамматических японского языка правил, мною в путешествии около света сочиненных», отправил в 1804 г. с Камчатки в Санкт-Петербург в адрес Академии наук России на имя императора Александра I письмо и два экземпляра своего двухтомника. Весьма любопытными представляются полные заголовки каждого из томов. В частности,

Том 1. «Руководство к познанию ЯЯ, содержащее азбуку, первоначальные грамматические правила и разговоры, сочиненные Двора его императорского величества действительным камергером Санктпетербургских императорской Академии наук и вольного экономического общества членом и кавалером Николаем Резановым в первом путешествии россиян около света под парусами на корабле Надежда в 1803 г.».

Том 2. «Словарь ЯЯ по российскому алфавиту, собранный Двора его императорского величества действительным камергером...1804 г.»

Но на втором экземпляре рукописи словаря заголовки дополнены словами: «...Николаем Резановым и в бытность его в Японии исправленный и умноженный с приобщением собрания слов народа Айно, на островах Матмаэ⁴, Сахалина и Курильских обитающего, 1805 год».

С «Лексиконом» А. Татаринова Н. Резанов, по-видимому, не был знаком. Словарь больше «Лексикона» в пять раз, написан специально разработанной автором русской фонетической транскрипцией на основе алфавита «*ироха*» уже в знаках трех японских азбук *хирагана*, *катакана* и *хэнтай-гана*⁵.

Рукопись Резанова поступила в Академию наук для рассмотрения лишь в 1808 г. Это было уже после его кончины в Красноярске. Скончался он после возвращения из экспедиции

⁴Современное написание слов: *айну* и *Мацумаэ*. Остров Мацумаэ ныне называется островом Хоккайдо-

⁵ Азбука *хэнтай-гана* использовалась в Японии до 1900 г., выглядела как знаки азбуки *хирагана*, но они были расположены в другом порядке. *Ироха* по графике совпадает с азбукой *хирагана*, но порядок расположения букв таков, что составляет связную по смыслу фразу. Используется ныне в качестве нумерации подпунктов в оглавлениях, типа европейского перечисления: а) б) с)...

(1803-1805 г.) в 1807 г.⁶ По-видимому, можно говорить о том, что это-первое дошедшее до нас пособие русскоговорящего автора, созданное в помощь изучающим ЯЯ и переводчикам. При этом создан не японцем, а человеком, для которого родным языком был русский.

1.2. Перевод классиков японской литературы (50-80-е гг. XX века).

В данном разделе сделана попытка вспомнить и собрать воедино имена советских и российских японоведов, которые, начиная с 50-х гг. XX в., активно занимались переводом классиков японской литературы, совмещая эту деятельность со своими основными научными исследованиями и преподаванием ЯЯ. Это были переводы не только с современного ЯЯ произведений художественной литературы, но также и переводы со старояпонского языка классических произведений древней японской истории и культуры. Анализ и оценка этих переводов здесь не излагается. Сделана лишь первая попытка суммировать и собрать имена тех японоведов, кто, наряду со своей научной или любой другой сферой работы в области ЯЯ, заявил о себе как переводчик японских письменных текстов. Начать следует с упоминания следующих имён: Анна Евгеньевна Глускина (1904-1994 гг), работавшая около 25 лет над переводом со старояпонского языка сборника японской поэзии «Манъёсю», Ирина Львовна Львова (Июффе, 1915-1989 гг.), осуществившая перевод «Повести о доме Тайра», Вера Николаевна Маркова (1907-1995гг.), также работавшая над переводами древней японской поэзии, Татьяна Львовна

Делюсина-Соколова, которая получила в 1993 г. японскую премию за перевод (работала над ним более 15 лет) классики японской литературы XI века «Сказание о Гэндзи» *Гэндзи моногатари* автора (-женщины) Мурасаки Сикибу.

Переводами стихов с ЯЯ занимались также и японоведы следующих поколений Виктор САНОВИЧ (род. в 1940 г.) и Александр ДОЛИН (род. в 1949 г.). В частности, последний перевел классическую антологию японской поэзии «*Кокин вакасю*».

Среди многих видных переводчиков литературных произведений в настоящее время чаще всего вспоминают ныне модного и известного писателя Б. Акунина. Именно он, но под собственной фамилией Григорий ЧХАРТИШВИЛИ (род. в 1956 г.), впервые в СССР перевел с ЯЯ произведения МИСИМА Юкио (впоследствии запрещенного в СССР для публикации). Он также переводил и других японских авторов: Маруяма Кэндзи, Иноуэ Ясуси, Симада Масахико, Абэ Кобо, Хоси Синъити, Кайко Такэси, Оока Сёхэй.⁷

⁶ Петрова О.П. «Словарь ЯЯ Николая Резанова» цит. соч. стр. 2-3

⁷ На первом месте – фамилия, на втором – имя, отчества в Японии нет.

Наибольшее число переводов выполнено и опубликовано такими переводчиками (См. Приложение 1 к данному разделу), как: Борис Владимирович Раскин (1927-1994 гг), Владимир Сергеевич Гривнин (1923-2014 гг), Наталья Исаевна Фельдман (Конрад, 1903-1975 гг.), Борис Павлович Лаврентьев (1929-2010 г.). Их рабочая биография как японоведов в той или иной степени известна многим специалистам. Но называя их «переводчиками», я хотела бы привлечь основное внимание к их переводческой деятельности. Особо следует отметить роль Гривнина В.С. Он работал не только как высококвалифицированный переводчик художественной литературы и (редко) устным переводчиком, но, преподавая в ИСАА при МГУ, занимался также и разработкой методики преподавания этого аспекта в вузах.⁸

Приложение 1.

Список переводной японской литературы из личной библиотеки автора (в хронологическом порядке).

1. Янагида Кэндзюро. Эволюция моего мировоззрения. М.: гос. изд. полит. лит-ры, 1957. 164 с. /ПЕРЕВОДЧИКИ: Б.П. Лаврентьев, Л.Ш. Шахназарова.
2. Токутоми Рока. Куросиво-роман. М.: гос. изд-во художественной лит-ры, 1957. 350 с./ ПЕРЕВОДЧИК – И. Л. Львова.
3. Японские повести (Сборник произведений прогрессивных японских писателей). М.: изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1957. 456 с./ ПЕРЕВОДЧИКИ: И.Л. Львова, А. А. Пашковский, В. В. Логунова
4. Такидзи Кобаяси. Избранное. М.: гос. изд. худож. лит-ры, 1957. 464 с./ ПЕРЕВОДЧИКИ: Нина Чегодарь, Н. Фельдман, Евгения Пинус, И. Львова, Р. Карлина.
5. Кёгэн - Японский средневековый фарс. /под ред. Н. И. Конрада. М.: изд-во вост. лит-ры, 1958. 191 с. / ПЕРЕВОДЧИК - В. В. Логунова.
6. Акутагава. Новеллы. М.: гос. изд. художественной лит-ры, 1959. 416 с./ ПЕРЕВОДЧИК – Н. И. Фельдман.
7. Такакура Тэру. Волк. М.: изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1959. 145 с./ ПЕРЕВОДЧИК – Галина Ронская.
8. Нацумэ Сосэки. Ваш покорный слуга Кот- повесть. М.: Гос. изд-во художественной лит-ры, 1960. 432 с./ ПЕРЕВОДЧИКИ: Лев Коршиков, А.Стругацкий.

⁸ Гривнин В.С..(1)Учебное пособие по переводу с ЯЯ на русский (лексические вопросы перевода). М.:МГУ, 1966. (2)Учебное пособие по переводу с ЯЯ на русский (грамматические вопросы перевода), в соавторстве с Корчагиной Т.И.. М.: МГУ, 1972. (3) Основы перевода. Курс лекций. М.: МГУ, 1999.

9. Японская новелла 1945-1960 гг.(27 новелл. М.:изд-во ин. лит-ры, 1961. 474 с./ ПЕРЕВОДЧИКИ: П. Петрова, Б. Пospelов, Ким Минэ, Г. Иммерман, В. Логунова, Я. Берлин, З. Рахим, В. Санович, С. Гутерман, П. Смирнов, Н. Чегодарь, Л. Бабкина, Г. Ронская, Г. Каспаров, Л.Часовитина, Т. Виноградова.
10. Современный японский детектив, Эдогава Рампо «Чудовище во мраке». Сэйтё Мацумото «Земля-Пустыня». Сэйити Моримура «Плюшевый медвежонок». М.:Прогресс, 1979. 624 с./ ПЕРЕВОДЧИКИ: Т. Редько, Б. Раскин, Л. Ермакова, Е. Маевский, А. Стерлинг.
- 11.Современные японские повести, сост. К. Рёхо. М.: Прогресс, 1980. 670 с./ ПЕРЕВОДЧИКИ: А. Долин, Б. Раскин, Виктор Скальник, Ирина Бондаренко, Г. Ронская, Е. Редина, Л. Ермакова, Евгений Маевский.
12. Повесть о доме Тайра. М.: Художественная литература, 1982.704 с./ ПЕРЕВОД со старояпонского Ирина Львова, Александр Долин.
13. Иноуэ Ясуси. Охотничье ружье», рассказы. М.: изд-во «Наука», гл. редакция вост. лит-ры. 1983. 188 с./ ПЕРЕВОДЧИК Борис Раскин.
14. Кэндзабуро ОЯ. Футбол 1860 года - роман и рассказы. М.: изд-во «Наука», главная редакция восточной литературы. 1984. 432 с. / ПЕРЕВОДЧИК В.С. Гривнин.
15. Хиросима, романы, рассказы, стихи. М.: Художественная литература, 1985. 574 с. / ПЕРЕВОДЧИКИ Борис Раскин, Л. Левин, Л. Часовитина, А. Зорин, О. Григорьева, Этери Гибрадзе (Саконтикова), А. Мамонов.
16. Акутагава Рюноскэ. Новеллы, эссе, миниатюры. М.: Художественная литература, 1985. 608 с./ ПЕРЕВОДЧИКИ Н. Фельдман, А. Стругацкий, В. С. Гривнин, В. Санович, Т.Редько-Добровольская, Вера Маркова, И. Львова, И. Вардуль
17. Дзюмпэй Гомикава. Условия человеческого существования, роман. Москва: Художественная лит-ра, 1985. 709 с. / ПЕРЕВОДЧИКИ: З. Рахим, Я. Берлин, И. Львова.
18. Ясунари Кавабата. Избранные произведения. М.: Радуга, 1986. 592 с./ ПЕРЕВОДЧИК Б. Раскин.
19. Сэйтё Мацумото. Поблекший мундир- политический роман. М.: Прогресс, 1987. 270 с./ ПЕРЕВОДЧИК Б. Раскин.
20. Коносукэ Мацусита. Сотворение мечты- автобиография. М. : А/О «Япония – сегодня», 1993. 146 с./ ПЕРЕВОДЧИК Борис Раскин
- 21.Сэй Сёнагон. Записки у изголовья. М.: изд-во «Толк», 1995. 462с./ ПЕРЕВОД со старояпонского В. Маркова

Издания ХХІ века.

22. Легенды и сказки древней Японии. Санкт-Петербург: изд-во «Кристалл», 2000. 512 с./ ПЕРЕВОДЧИК- В. Н. Маркова.
23. Сэйтё Мацумото. Точки и линии. Флаг в тумане.- Романы. Санкт-Петербург: изд-во «Амфора», 2000. 400 с./ ПЕРЕВОДЧИКИ – Г. Свиридов, З. Рахимов.
24. Мисима. Море изобилия. Весенний снег. Санкт-Петербург: изд-во Симпозиум, 2004. 416 с. / ПЕРЕВОДЧИК – Е.В. Стругова.
25. Юкио Мисима. Исповедь маски. Санкт-Петербург: изд-во «Азбука-Классика», 2006. 220 с./ ПЕРЕВОДЧИК – Г.Ш. Чхартишвили.
26. Мураками Сикибу. Повесть о Гэндзи - изд. второе, переработанное и дополненное. Санкт-Петербург: Гиперион, 2010. В 3-х томах: т.1 - 892 с., т.2 - 592 с., т.3 (приложение)-240 с./ ПЕРЕВОДЧИК-Т.Л. Делюсина-Соколова.
27. Миюки Миябэ. Горящая колесница- роман. Санкт-Петербург: изд-во «Азбука», 2012. 414 с./ ПЕРЕВОДЧИК - И. Мельникова.
28. Мураками. Харуки. 1Q84 (тысяча невестьсот восемьдесят четыре) в 3-х книгах. М.: Эксмо, Санкт-Петербург: Домино, 2012. / (книга 1- 494 с., книга 2-428 с., книга 3-508 с.)/ ПЕРЕВОДЧИК Дмитрий Коваленин.
29. Кага Отохико. Приговор. Санкт-Петербург: изд-во Гиперион, 2014. 864 с./ ПЕРЕВОДЧИК Т. Л. Делюсина-Соколова.

1.3. Устный перевод, переводоведение и переводчики.

В тот же послевоенный период значительные сдвиги произошли и в устном переводе. Целостной методической системы по подготовке переводчиков в устной речи в 70-80-е годы гг. 20 века еще не было. Первым опытом в этом направлении были курсы по подготовке синхронных переводчиков к очередному съезду КПСС в первой половине 1970-х годов под руководством Леона Абрамовича Стрижака. Еще до этого, накануне открытия в 1970 г. в японском городе Осака всемирной выставки ЭКСПО-70, им же был проведен пробный курс по подготовке переводчиков ЯЯ (для последовательного перевода). Стрижак Л.А.(1927-2008 г.) был одним из активно работавших на высоком уровне устных переводчиков. При этом он умел и успевал совмещать эту деятельность с основной работой (с 1960 года) в качестве преподавателя ЯЯ в ИВЯ/ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова.

Он принадлежал к числу тех японистов российского происхождения, которые знали ЯЯ как родной, ибо получили образование на ЯЯ в учебных заведениях Японии. Это была группа японоведов, которые вернулись на территорию России после второй мировой войны. Многие из них работали в качестве устных переводчиков на самом высоком уровне. В частности, Стрижак Л.А. переводил в учреждениях высшего образования, на международных конгрессах и съездах, в ВЦСПС (профсоюзы). Среди его коллег были: Неверов Святослав Витальевич – переводил встречи на уровне руководства КПСС, Антипин Владимир Александрович - в СМИ; Цвиров Евгений Сергеевич - межпартийные связи. Преподавая в разных вузах Москвы, Стрижак Л.А., Неверов С.В., Цвиров Е.С. вели также спецкурсы для студентов по переводу с РЯ на ЯЯ и с ЯЯ на РЯ на среднем и старшем уровне. Однако единой методики в этом преподавании не было. Каждый из них полагался на собственный практический опыт устного и письменного переводчика.

Среди первых синхронистов в области ЯЯ из числа тех, кто получил образование по ЯЯ в нашей стране, стоит отметить Бориса Павловича Лаврентьева. Он известен среди молодых японоведов как автор нескольких словарей и учебников, а также как проработавший более 30 лет в МГИМО в качестве заведующего кафедрой.

Но истинным предшественником этих маститых и высококвалифицированных переводчиков следует считать Александра Михайловича Рожецкого. Он является одним из соавторов советского издания «Большого русско-японского словаря» (соавтор Зарубин Степан Владимирович). В личных беседах Рожецкий А.М. рассказывал автору, что являлся переводчиком советской делегации в Лондоне в течение трех лет в период проведения переговоров с японской стороной о заключении мирного договора. Как известно, закончились эти переговоры подписанием в 1956 г. Японо-Советской Совместной Декларации. Впоследствии Рожецкий А.М. работал в советском посольстве в Токио и был официальным «толмачом» Посла СССР. Среди дипломатов были известны две его шутки: «А вот анадьсь были с Послом у японского царя-батюшки...» И другая - по поводу ЯЯ: На утреннее приветствие от коллег по-японски - *охаё: годзаимасу* (Доброе утро!) он без тени улыбки отвечал: *охаё: годзима СЭН (!!!)*⁹

Из плеяды переводчиков-синхронистов последующего молодого поколения, которых в свое время обучал Л.А. Стрижак, я бы отметила Василия Саплина, Михаила Галузина, Анатолия Солнцева, Андрея Кривцова. Они переводили на самом высоком уровне в

⁹ Для незнающих ЯЯ уточняю: такого окончания в этом выражении быть не может. Хотя конструкция глагола *годзаимасэн* в других сочетаниях означает отрицательную форму глагола с переводом «нет, отсутствует»

последние годы существования Советского Союза и в новой России. Первые двое в качестве дипломатов до сих пор работают в МИД РФ.

В настоящее время не уделяется должного внимания комплексной подготовке устных переводчиков ЯЯ высокого уровня. Насколько мне удалось узнать, каждое ведомство, заинтересованное в этих специалистах, готовит их (если готовит!?) сугубо для своего ведомства. Сами же переводчики ЯЯ полагаются, в основном, на свои силы. Если у них есть склонность к подобной деятельности, то они сами и развивают себя в этом направлении, постепенно достигая высокого уровня и в специальности, и в продвижении по службе, заинтересованной в таких специалистах (МИД РФ, посольство РФ в Японии, информагентства и представительства СМИ в Японии). В частности, сын того Василия Саплина, который учился у Стрижака Л.А. синхронному переводу, Юрий Саплин, стал переводчиком Президента РФ на переговорах с премьер-министром Японии во время встречи стран АТР в Индонезии в октябре 2013 г. Достиг он такого высокого уровня благодаря собственным стремлениям, таланту и трудолюбию. Ибо в одном из разговоров с ним я услышала от него замечание о том, что «жаль, что такому (курсу устного перевода на высоком уровне как системе) в институте не учили».

Что касается письменных переводов с ЯЯ художественной литературы, то публикации переводов произведений японских авторов почти прекратились с начала XXI века в столице России, а переместились в Санкт-Петербург. Хотя авторами переводов в большинстве случаев являются японоведы из Москвы (См. Приложение 1).

Главную известность приобрели переводы произведений японского писателя Мураками Харуки, которые на первых порах выполнялись с английского языка. Лишь в 2012 г. опубликован перевод с ЯЯ, выполненный Дмитрием Ковалениным, под названием на РЯ «1Q84 (тысяча невестьсот восемьдесят четыре)».¹⁰

Особенно хочется отметить недавний перевод с ЯЯ Татьяны Львовны Делюсиной-Соколовой. Это роман «Приговор» японского писателя КАГА Отохико, написанный им в 1979 г. Переведен только сейчас, по словам переводчика за два года, и опубликован в 2013 г. (хотя на титульном листе книги-перевода напечатано «2014»).¹¹ Следует также напомнить, что в апреле 2008 года в соответствии с указом японского императора Акихито за свой

¹⁰ Мураками. Харуки. 1Q84 (тысяча невестьсот восемьдесят четыре) в 3-х книгах. М.: Эксмо. Санкт-Петербург: Домино, 2012. (книга 1- 494 с., книга 2-428 с., книга 3-508 с.). ПЕРЕВОДЧИК-Дмитрий Коваленин

¹¹ Кага Отохико. Приговор. Санкт-Петербург: изд-во Гиперион, 2014. 864 с. ПЕРЕВОДЧИК - Т. Л. Делюсина - Соколова,

многолетний труд переводчика на ЯЯ она получила одну из высших наград Японии Орден Восходящего солнца (Золотые лучи с розеткой).

Специальность «перевод и переводоведение» как часть прикладной лингвистики может занять достойное место и в области японского языка, если в создании универсального курса по подготовке переводчиков устной речи и письменных текстов будет представлена не только данная работа, но и все имеющиеся на сегодняшний день авторские научные и практические наработки. Развивая их на современном уровне на базе внедрения IT-технологий, постепенно можно включить их в программы преподавания в языковых вузах на профильных (переводческих) направлениях.

2. История перевода в Японии.

2.1. Русской литературы в XIX-XX вв.

Во второй половине XIX века и первой половине XX века в Японии публикуются переводы на ЯЯ классиков русской литературы-Толстого Л.Н.(1828-1910 гг.), Тургенева И.С.(1818-1904 гг.), Достоевского Ф.М.(1821-1881 гг.), Чехова А.П.(1860-1904 гг.), Пушкина А.С.(1799-1837 гг.), Гоголя Н.В.(1809-1852 гг.).

В частности, в 1886 г. вышел первый перевод произведения Л.Н. Толстого на японский язык в виде глав из романа «Война и мир» под весьма своеобразным названием на ЯЯ: *«Плачущие цветы и скорбящие ивы. Последний прах кровавых битв в Северной Европе»*. Переводчик МОРИ Тай森鯛, воспитанный в традициях старой литературы, выдержал и весь остальной перевод целиком в цветистом стиле японской риторики.¹²

Тот же роман Толстого «Война и мир» оказался в числе первых книг, изданных в Японии после второй мировой войны уже в 1946 г., когда в стране едва появились признаки возрождения книгоиздательского дела. В декабре 1946 г. начало выходить 23-томное собрание сочинений Толстого в переводе ЁНЭКАВА Масао米川正雄. Среди европейских классиков Толстой Л.Н. был единственным, кто удостоился такого внимания со стороны японских переводчиков, издателей и читателей в трудное для Японии послевоенное время.

В 1978-1979 гг. были изданы в новом переводе три самых известных романа Толстого Л.Н. - «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение». Перевод выполнен переводчиком КИТАМИКАДО Дзиро北御門二郎 (1913-2004).Всю свою творческую жизнь он посвятил

¹² Из архива музея Л. Толстого на станции Лев Толстой[Электронный ресурс]./ tolstoy.lipetsk.ru/tolstoj-vzglyad-iz-70i

переводам произведений Л.Н. Толстого. Японские специалисты характеризуют этого переводчика как очень разностороннего литератора, называя его «писателем, поэтом, артистом, автором песен и пьес, драматургом, создателем текстов для радиовещания, журналистом-колонистом, обозревателем и критиком художественных и театральных произведений».¹³

Здесь стоит также упомянуть и хорошо известный среди российских специалистов ЯЯ факт с переводом на ЯЯ заголовка романа «Война и мир». Для перевода слова «мир» японским переводчиком было выбрано японское слово «*хэйва*» /перевод: мир(-ное время)/. Однако в замыслах автора романа, как говорят, фигурировало иное значение слова «мир», означающее «свет(-ское) общество, народ». В эпоху, когда создавался этот роман, в РЯ для подобного значения использовалось слово *мир* с буквой «I десятиричное». В результате реформы РЯ в советское время в 1918 г. эта буква исчезла из русского алфавита и слово «мир» приобрело оба значения. Переводчику следовало бы выбрать из ЯЯ для перевода слова: *сякай*社会, *сэсэн*世間, *минсю*民衆 и подобные им по смыслу. Оправданием может служить и тот факт, что даже русскоговорящие читатели в России не всегда и не все знают о подобном замысле автора романа.

Рассказы и повести Тургенева И.С. переводил профессиональный японский писатель, знаток русского языка и переводчик ФУТАБАТЭЙ Симэй 二葉亭四迷(1864-1909 гг.). Сборник из трех рассказов Тургенева - «Первая любовь» *ката кой*, «Бретёр» *奇遇 кису*, «Свидание» (*めぐりあひまэгури-ай*) *ахибики айбики* - вышел в 1896 г. в издательстве 春陽堂 *хару-ё:до:*. В 1908 г. Футабатэй перевел «Бежин луг» *うき草* *укигуса*. В 1909 г. им же переведен «Нахлебник» *乞食 кодзики* Гоголя Н.В., а также был опубликован и перевод сборника произведений Максима Горького.¹⁴

Романы Достоевского Ф.М. пользуются особой популярностью среди читателей Японии. Вероятно, поэтому они с конца XIX в. переводятся на ЯЯ неоднократно. В частности, в 2012 г. роман «Братья Карамазовы» переведен и опубликован в пятый раз. Автор этого пятого перевода – ректор (в то время) Токийского государственного университета иностранных языков КАМЭЯМА Икуо. Продажи пятого перевода превысили в том году миллион экземпляров, и книга стала в Японии бестселлером.

¹³. Kitamikadojiro [Электронный ресурс на ЯЯ]/ Wikipedia. org/wiki.

¹⁴作家別作品リスト：二葉亭四迷No.6 Сакка бэцу сакухин рисутто: Футабатэй Симэй №6. (Список названий произведений по писателям. ФУТАБАТЭЙ Симэй №6). [Электронный ресурс на ЯЯ]/ ja.wikipedia.org/wiki/

На переводах произведений Чехова А.П., Пушкина А.С., Лескова Н.С. (1831-1895 гг.), Гаршина В.М. (1855-1888 гг.), Достоевского Ф.М. прославился другой переводчик ДЗИНДЗАЙ Киёси 神西清 (1903-1957 гг.). Его переводы пришлись, в основном, на довоенное время, 1930-е годы. После войны он сосредоточился на переводах прозы Пушкина А.С., драматургических произведений Чехова А.П. и Максима Горького. Публиковал также переводы романов Лескова Н.С. и сказок Бажова П.П.. Всего в Википедии на ЯЯ перечислено более 30 названий переводов русских литераторов, выполненных этим переводчиком и опубликованных в Японии с 1933 по 1958 гг.¹⁵

В 1930-е годы переводчик ХИРАЙ Хадзимэ 平井肇 (1896-1946 гг.) опубликовал в издательстве «Наука» свои переводы большинства произведений Гоголя Н.В.: «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород» (в виде двухтомника), «Портрет», «Коляска», «Записки сумасшедшего», «Шинель», «Нос», «Мертвые души». Лишь «Тарас Бульба» опубликован в 1949 г. Помимо этого основного направления, он же переводил и отдельные произведения различных русских писателей: «Итальянские рассказы» Максима Горького, «Две души» Новикова-Прибоя А.С. (1877-1944 гг.), русские народные сказки, записки, дневники, письма и предания Пушкина А.С.¹⁶

Говоря о современных переводах на ЯЯ произведений писателей новой России, приведу слова японского писателя современности КАГА Отохико 加賀乞彦 (род. в 1929 г.), услышанные автором на встрече с российскими читателями в декабре 2013 в стенах РГГУ в г. Москве. В своем выступлении он подробно изложил свое мнение о великом значении русской классической литературы XIX-XX и ее влиянии на японского читателя в переводах на ЯЯ, но добавил, что «писателей, подобных Пушкину А.С., Достоевскому Ф.М., Толстому Л.Н., Чехову А.П., в России с тех пор больше не появилось». Он сам «не может найти равных им по таланту, мастерству и уровню влияния на читателя». Исключением, по его мнению, являются писатель Солженицын А.И. (1918-2008 гг.) и поэт Бродский И.А. (1940-1996 гг.). Поэтому, сказал он в заключение, не приходится наблюдать в Японии и тенденции к «активному переводу русских авторов».

2.2. Устный перевод на современном этапе и объединения переводчиков Японии.

Система подготовки в мире переводчиков ЯЯ для Японии, согласно сведениям из Интернета, началась в конце 19-го - начале 20 века под эгидой министерства иностранных

¹⁵ 神西清(ДЗИНДЗАЙ Киёси. [Электронный ресурс на ЯЯ] / ja.wikipedia.org/wiki/

¹⁶平井肇Wikipediaポータル文学(Хирай Хадзимэ. По:тару бунгаку).(Литературный портал. [Электронный ресурс на ЯЯ]/

дел Великобритании. В 19 веке языком коммуникации в Европе между различными странами был французский язык. А начавшиеся в 1860 году переговоры между Японией и Голландией велись на нидерландском (голландском) языке. Но общение Европы со странами Азии расширялось. В связи с незнанием языков этих стран и отсутствием в европейских государствах базы для обучения специалистов-востоковедов возникали трудности в коммуникации. Первые 11 человек как «ученики – переводчики 通訳生 *цу:якусэй*» были откомандированы из Англии в 1861 г. в Китай (9 чел.) и в Японию (двое). Во второй половине 19 века, Великобритания подготовила большое количество переводчиков ЯЯ. Среди них были и японоведы, которые освоили не только ЯЯ, но и знания в области культуры, истории и бытовой жизни Японии и стали постоянными сотрудниками консульства и посольства своей страны на территории Японии.

Согласно японским правилам классификации устный перевод делится на (1)последовательный 逐次通訳 *тикудзи цу:яку*, (2)синхронный 同時通訳 *до:дзи цу:яку* (3)устный перевод «шёпотом»: шушутаж *ウイスパリング通訳* *уисупарингу цу:яку*.

Если при последовательном переводе время перевода удваивает период проведения встречи, то при синхронном переводе подразумевает вид устного перевода, осуществляемый почти одновременно с говорением. Среди переводчиков именуется «высшим пилотажем». При этом отставание перевода от звучания голоса оратора допускается не более 15 секунд. Только для ЯЯ разрешается отставание до 30 секунд в силу отличия синтаксического строя предложения в ЯЯ, при котором смысл предложения (в частности, отрицательный или утвердительный) можно услышать лишь в последнем слове-сказуемом. Шушутаж-устный перевод «шёпотом» осуществляется не в кабинках, а переводчик сидит рядом с тем, для кого переводит на «ушко», в основном синхронно, но так, чтобы не мешать говорящему на своем языке оратору. Используется в Японии обычно на предприятиях при международных переговорах по деловым вопросам. Трудностей при этом больше, чем при обычном синхронном переводе в кабинке, поэтому бывает много неточностей. По видам работ и отраслей, где требуется перевод, переводчики в Японии делятся следующим образом:

- конференц-переводчики 会議通訳 *кайги цу:яку*. Работают на международных конференциях, приравниваются к синхронным переводчикам. Но объединений конфе-ренц-переводчиков в Японии нет, в отличие от Великобритании и США.

- переводчики деловых переговоров 商談通訳 *сё:дан цу:яку*. Используются при визитах высокопоставленных гостей или на торговых переговорах. Бывают переводчики,

работающие на отдельных предприятиях как штатные сотрудники, а есть и привлекаемые по свободному найму переводчики. Особенно большой спрос в Японии на этот вид переводчиков с 1990-ых годов, и он продолжает расти.

-эскорт-переводчики エスコート通訳 *эсукото цу:яку*. Используются для сопровождения больших групп артистов и трупп театров, а также профессиональных спортивных организаций. Перевод - на бытовом уровне, поэтому используются не столько профессиональные переводчики, сколько специалисты в той или иной области, в которой требуется перевод.

- переводчики-коммуниканты コミュニティ通訳 *комюнити цу:яку*. Используются в сфере коммунальных услуг и служб в районах Японии, где проживает много иностранцев. Перевод требуется в таких сферах, как медицинские и страховые услуги, образование, нотариальные и юридические услуги. Качество перевода и оплата труда переводчиков здесь не очень высокие, часто используется труд переводчиков-волонтеров. Но в последнее время повысился спрос на переводчиков более высокой квалификации в медицинской и юридической сферах.

-радио-теле-переводчики 放送通訳 *хо: со: цу:яку*. Они работают в ТВ студиях и центрах, на радио и в других СМИ. Поскольку слушающая аудитория очень разнообразная, от детей до престарелых, то перевод должен быть точен и доходчив до каждого. В Японии это, главным образом, перевод с английского на японский. Есть две разновидности этого перевода. Одна – что-то среднее между устным и письменным переводом. В таком случае переводчик имеет возможность просмотреть новости несколько раз, т.к. они записаны ранее и демонстрируются по ТВ несколько раз. В таком случае подбирается и более точный перевод. Это называется «синхронный перевод с разницей во времени» 時差同時通訳 *дзиса до:дзи цу:яку*. Кроме того, редко, но бывает востребован перевод с первого показа при каких-либо ЧП и при передаче экстренных новостей. Это называется «синхронный перевод в прямом эфире» 生同通訳 *нама до: цу:яку*.

-гиды-переводчики как отрасль туризма 通訳案内業 *цу:яку аннай-гё*..Сопровождают иностранцев по тому или иному району, рассказывая на иностранном языке о культуре, истории и достопримечательностях данного места. Требуется лицензия, выдаваемая после сдачи экзамена в рамках министерства транспорта и государственных земель.¹⁷

¹⁷通訳цу:яку.(Устный перевод.) [Электронный ресурс]. /<http://ja.wikipedia.org/wiki/>.

Сообщество или объединение переводчиков (с иностранных языков, а не только с русского) в Японии возникает лишь в 1990 г под названием 通訳理論研究会 *Цу:яку рирон кэнкю: -кай* – «Общество изучения теории устного перевода» под руководством двух переводчиков устной речи и одновременно профессоров университетов: КИТО: Масахиса 木藤正久 (Токийский государственный университет, институт культуры, экономический факультет 東大文化大学経済学部) и МИДЗУНО Мато 水野的 (университет Риккё, бывшее отделение изучения инокультурных коммуникаций аспирантуры 元立教大学大学院 異文化コミュニケーション研究科). Спустя 10 лет «Общество» преобразуется в более высокую ступень «Научное общество» 学会, а в сентябре 2008 г. стало называться «Научное общество Японии по исследованиям в области устного и письменного перевода» 日本通訳翻訳学会 *Нихон цу:яку хонъяку гаккай*.¹⁸

В 2000-е годы создана Ассоциация переводчиков русского языка ロシア語通訳協会. С 2007 г. ее председателем является профессор университета *Дзёти дайгаку* УЭДА Фумио, с апреля 2012 – почетный профессор факультета иностранных языков этого же университета.¹⁹

2.3. Переводоведение в Японии и практика преподавания ЯЯ как иностранного в европейских вузах.

О методике преподавания ЯЯ европейскими японоведами из числа членов Европейской ассоциации исследований Японии (EAJIS) можно судить по выступлениям на Симпозиуме (Европейской) Ассоциации преподавателей японского языка (AJE - Association of Japanese Education), состоявшейся в городе Любляна (Словения) с 27 по 30 августа 2014 г. на территории Университета Любляны (философский факультет, отделение искусств). AJE 日本語教師会 входит в качестве коллективного ассоциированного члена в состав Ассоциации японоведов Европы (EAJS - European Association of Japanese Studies). Она состоит из преподавателей ЯЯ в странах Европы и не только носителей ЯЯ, но и европейцев со знанием ЯЯ и преподавателей ЯЯ в странах Европы. Всего на данной XIV конференции EAJIS (European Association of Japanese Studies) было зарегистрировано 700 участников, включая 150 членов преподавателей ЯЯ AJE.

¹⁸ 日本通訳翻訳学会 Нихон цу:яку хонъяку гаккай. (Научное общество Японии по исследованиям в области устного и письменного перевода). [Электронный ресурс]. / <http://ja.wikipedia.org/wiki/>

¹⁹ 宇多文雄、原ダリア、ロシア語、通訳教本、東洋書店、東京。(Фумио УДА, Дарья ХАРА, Теория и практика устного перевода РЯ). 2-е изд. Токио: Тоё сётэн, 2008.

Хотя пленарное заседание, открытие и основной доклад по теме «Нео-либерализм как исторический этап» (японского исследователя) шли на английском языке, но японский язык был объединяющим всех языком. А заседания одной из 10 секций шли только на ЯЯ независимо от того, кто говорил – японец или европеец. Это была секция 10- Японский язык (ЯЯ) и его преподавание.—Симпозиум AJE/Japanese Language and Education/. ヨーロッパ日本語教育シンポジウム .

Сквозной темой докладов на секции 10 был письменный перевод 翻訳 *хонъяку*. При этом японские (носители -) преподаватели в европейских учебных заведениях обучают письменному переводу на свой родной ЯЯ с местных иностранных языков, а не с ЯЯ на РЯ, как практикуется в российских вузах. То есть для студентов европейских вузов – это перевод с родного языка на «чужой». Кроме того, впервые я услышала от японцев и термин «переводоведение (доклад 10-2). Темы, в которых активно обсуждались проблемы письменного перевода и переводоведения, это почти половина: из 13 докладов секции 10 (№№ 1-3 и 5, 11):10-1.Цели лингвистического образования с точки зрения многоязычия (plurilinguisme) .複言語主義に見る言語教育の目的.10-2. Переводоведение и преподавание языков. 翻訳学と言語教育—複数のことばたち.10-3.Лингвистическое образование в вузах с использованием специальности «переводоведение» - практический курс 翻訳学を使った大学における翻訳教育—事例紹介—. 10-5.Практика совмещенного преподавания курса перевода и курса ЯЯ 翻訳コースと日本語コースの協働実践.10 -10.Что такое лингвистическое образование, имеющее целью формирование гражданственности? 市民性形成をめざす言語教育とは何か.10-11. Почему вопрос о формировании гражданственности ставится сейчас?- Это – то, чего требует лингвистическое образование. 今、なぜ市民性形成か—言語教育のめざすもの—.

Очень необычным представляется мне термин 複言語主義 *фукугэнгосюги* в области преподавания ЯЯ 日本語教育 *нихонго кё:ику* или в области лингвистического образования 言語教育 *гэнго кё:ику*. Если добиваться четкого перевода на РЯ этих терминов, объединенных в названии доклада10-1, то возникает несколько толкований новых лингвистических терминов. Исходя из наличия нескольких форм перевода сочетания *гэнго* (язык, лингвистика, слово) можно перебрать и несколько вариантов его сочетаний и с другими частями выражения *фукугэнгосюги*. В частности, опираясь на предложенный автором доклада английский термин plurilinguisme, можно дать транслитерацию по-русски

как *плюролингвизм*. Другое сочетание 多言語主義 *тагэнгосюги*, для которого японский докладчик предложил перевод на АЯ *multilinguisme* или в русской транскрипции – *мультилингвизм*, можно бы использовать при переводе и упомянутые здесь новые английские термины. Однако в лингвистической практике иероглифических языков этих терминов пока нет. Лингвисты утверждают, что для английского термина *plurilinguisme* это - *многоязычие*. Что касается слова *multilinguisme*, отнесенного автором доклада к понятию 多言語主義 *тагэнгосюги*, то здесь предлагается перевод *преподавание нескольких языков*.

Список литературы:

Гривнин В.С. Учебное пособие по переводу с ЯЯ на русский (лексические вопросы перевода), М.: МГУ, 1966.

Гривнин В.С., Корчагина Т.И. Учебное пособие по переводу с ЯЯ на русский (грамматические вопросы перевода). М.: МГУ, 1972.

Гривнин В.С. Основы перевода. Курс лекций. М.: МГУ, 1999.

Петрова О.П. «Лексикон» русско-японский Андрея Татаринова. Москва: изд-во восточной литературы, 1962 (Рукопись «Лексикона» хранится в Архиве востоковедов Ленинградского Института народов Азии, разряд 1, оп. 4, ед. хр. 15/1С45).

Петрова О.П. «Словарь ЯЯ Николая Резанова» (неучтенный результат экспедиции в Японии в 1803). Москва: изд-во восточной литературы, 1963.

宇多文雄、原ダリア、ロシア語、通訳教本、東洋書店、東京、2008. (Фуmio УДА, Дарья ХАРА. Теория и практика устного перевода РЯ). 2-е изд. Токио: Тоё сётэн, 2008.

Интернет источники на ЯЯ (перевод с ЯЯ – автора статьи):

Из архива музея Л. Толстого на станции Лев Толстой. [Электронный ресурс] / tolstoy.lipetsk.ru/tolstoj-vzglyad-iz-70i.

神西清-(Дзиндзай Киёси). [Электронный ресурс]: ja.wikipedia.org/wiki/

-Kitamikadojiro. [Электронный ресурс] / Wikipedia.org/wiki.

-日本通訳翻訳学会 *Нихон цу:яку хонъяку гаккай*. (Научное общество Японии по исследованиям в области устного и письменного перевода). [Электронный ресурс] / <http://ja.wikipedia.org/wiki/>.

-作家別作品リスト : 二葉亭四迷No.6 (Сакка бэцу сакухин рисуту: Футабатэй Симэй) №6/. Список названий произведений по писателям. ФУТАБАТЭЙ Симэй №6. [Электронный ресурс] / ja.wikipedia.org/wiki/.

-平井肇 *Wikipedia*ポータル文学 . *Хирай Хадзимэ. По:тару бунгаку*. (ХИРАЙ Хадзимэ. Википедия. Литературный портал).[Электронный ресурс].

-通訳цу:яку.(Устный перевод).[Электронный ресурс] / <http://ja.wikipedia.org/wiki/>.

Боранбаева З.И.
Менеджмент Университет
г. Алматы (Казахстан)

Boranbayeva Zubarzhat
Almaty Management University
Almaty (Kazakhstan)

*ОПЫТ СОЗДАНИЯ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ: ДИСЦИПЛИНА ПО ВЫБОРУ
«ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПЕРЕВОДЫ НА УРОКЕ»*

THE EXPERIENCE OF CREATING THE BOOK «LITERARY TRANSLATION AT THE LESSON»

В статье рассматривается структура и содержание учебного пособия «Художественные переводы на уроке», которое предназначено для студентов факультета русской филологии, обучающихся по специальности «Русский язык и литература в школах с казахским языком обучения». В пособии представлены программа и содержание данной дисциплины, методические разработки к практическим занятиям, задания для самостоятельной работы под руководством преподавателей (СРСП) и самостоятельной работы студентов (СРС), тематика рефератов, список литературы -основной и дополнительный; в приложении -переводы произведений русских поэтов на казахский язык.

This article is about the book "Literary translation in the classroom" which is designed for students of the Faculty of Russian Philology, students with a specialty in "Russian language and literature at schools with the Kazakh language learning."

The manual presents the program and the content of the discipline, methodical developments to practical exercises, assignments for independent work under the guidance teachers and independent work of students (IWS), the subject of essays, main and secondary references; translation works of Russian poets into Kazakh language in the application.

Ключевые слова: школа диалога культур, художественный перевод, адекватный перевод, оригинал, подстрочник, план-конспект урока, методические приемы.

Key words: School of Dialogue of Cultures, literary translation, an adequate translation, lesson plans, instructional techniques.

Как известно, история художественных переводов в каждой стране составляет органическую часть истории национальной литературы. Художественные переводы воспринимаются в одном ряду с произведениями оригинального творчества. Основная их функция "заключается в том, чтобы поддерживать связь отечественной литературы с инонациональным литературным процессом и обеспечивать внутреннее соизмерение художественных ценностей двух или нескольких литературных систем" [Дюришин, 1987,

с.168]. Поэтому будущих учителей-словесников следует познакомить хотя бы вкратце с историей и теорией художественных переводов на родной язык.

Данное учебное пособие предназначено для студентов факультета русской филологии, обучающихся по специальности "Русский язык и литература в школах с казахским языком обучения" [Боранбаева, 2009]. Необходимо, чтобы они во время педпрактики, а в дальнейшем - и в самостоятельной педагогической деятельности могли использовать на уроках переводы для полноценного восприятия учениками идейно-художественного своеобразия произведений русской литературы.

Современные школы «реально превращаются в школы диалога культур» [Черкезова, 2007, с. 52] и одной из основных задач этих школ является «формирование би(поли)культурной личности, способной осмысливать родную литературу (культуру) и при этом адекватно воспринимать инонациональные литературы (культуры)» [Черкезова, 2007, с. 57]. Этой цели и служит использование художественных переводов на уроках.

Особенно эффективно использовать художественные переводы при изучении поэтических произведений; слова в поэтическом тексте нередко обладают не только прямым, но и переносным значением, что не всегда доступно нерусским школьникам. Могут существенно различаться средства художественной выразительности, требует тщательной расшифровки на уроках русская поэтическая символика. Преподаватель должен учитывать, что ведущей системой стихосложения в русской поэзии является силлабо-тоника, а в казахской не только ведущей, но и единственной - силлабика. Это различие в системах стиха порождает специфические особенности их внутренней структуры. Обращение к литературному переводу будет способствовать преодолению трудностей восприятия учениками иноязычного и инонационального произведения.

В пособии представлены программа и содержание данной дисциплины по выбору:

Лекционные темы

- 1) Введение. Цель и задачи спецкурса. Литература – основная и дополнительная. Литература к практическим занятиям. Темы для рефератов. (1 час).
- 2) Перевод как искусство и теория перевода. Значение художественных переводов для развития национальных литератур. Основные типы художественных переводов. Критерии полноценного (адекватного) перевода. (1 час).
- 3) История развития художественных переводов в западноевропейских и русской литературах. Развитие художественного перевода в Казахстане. (2 часа).

4) Аргументированный выбор лучшего варианта перевода (стихотворение "Белеет парус одинокий..." М.Ю. Лермонтова в переводах Абая Кунанбаева, Касыма Аманжолова, Музафара Алимбаева) (2 часа).

5) Использование художественных переводов на уроках и во внеклассной работе (2 часа).

Темы практических занятий:

- 1) И.А. Крылов в переводах на казахский язык (1 час).
- 2) А.С. Пушкин в казахских переводах (1 час).
- 3) М.Ю. Лермонтов в переводах Абая Кунанбаева (1 час).
- 4) Н.А. Некрасов в казахских переводах (1 час).
- 5) С.А. Есенин в переводах на казахский язык (1 час).
- 6) Произведения западноевропейской литературы в переводах казахских поэтов (1 час)
- 7) Чтение и обсуждение рефератов. Подведение итогов работы (1 час).

В процессе проведения лекционных занятий преподаватель рассказывает о значении художественных переводов в истории национальных литератур, говорит об основных тенденциях в переводе, раскрывает вопрос о развитии художественных переводов западноевропейских литературах, кратко характеризует деятельность немецкого просветителя Гердера (сборник «Голоса народов в песнях» -1778 -1779 гг.), книгу И.В. Гете «Западно-Восточный Диван» (1819г.), говорит о переводах Ф. Шиллера и других поэтов.

Рассказывая об истории художественных переводов в России XIX – XX вв., преподаватель характеризует переводческую деятельность В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, М.Л. Михайлова и других, а также А.А. Блока, В.Я. Брюсова и других поэтов-переводчиков.

Большое внимание преподаватель уделяет вопросу о развитии художественных переводов в Казахстане. Он рассказывает о начале переводческого дела в Казахстане во второй половине XIX века, а также о переводах и переложениях произведений классических поэтов Востока. Подчеркивает роль Абая Кунанбаева как родоначальника художественных переводов в Казахстане, говорит о широте и многообразии поэтических переводов Абая (басен И.А. Крылова, произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, И.А. Бунина, И.В. Гете, Дж. Байрона, А. Мицкевича и других).

Преподаватель подчеркивает, что особое значение имеют переводы и переложения Ибрая Алтынсарина, переводы Шакарима Кудайбердиева, Магжана Жумабаева, Ахмета

Байтурсынова и других. Преподаватель говорит об издании на казахском языке "Избранных произведений" А.С. Пушкина (1937) как о значительном культурном явлении в жизни республики.

Преподаватель рассказывает о переводах произведений классиков русской и советской литературы, зарубежных писателей и поэтов, говорит о переводе М. Курмановым трагедии Гете "Фауст" непосредственно с языка оригинала (1982).

Особую страницу в истории художественных переводов занимают переводы произведений казахских писателей на русский и другие языки (Вс. Рождественский, И. Сельвинский, С. Липкин, В. Звягинцева, Л. Озеров и другие). Преподаватель кратко рассказывает о новом поколении переводчиков (О. Жанайдаров, К. Жанабаев и другие).

В процессе проведения практических занятий преподаватель обращает внимание студентов на основные критерии адекватного перевода. Он проводит коллективный анализ переводов стихотворений русских поэтов на казахский язык: на лексико-семантическом, образном, стилистическом и интонационно-ритмическом уровнях.

Он предлагает следующие вопросы и задания по сопоставлению оригинала и перевода:

1. Почему для перевода выбрано это произведение?
2. Какое место занимает это произведение во всем творчестве поэта?
3. Роль переводимого поэта в русской литературе.
4. Знание переводчиком страны, истории и культуры России (передача "национального колорита").
5. Текстологическая работа переводчика (разночтения в текстах, прояснение "темных мест", разыскивание в архивах пропавших строк и целых произведений).

1. Воссоздание в переводе единства формы и содержания подлинника:
 - а) сохранен ли в переводе лексико-семантический строй оригинала; на характер лексики подлинника и перевода;
 - б) передан ли в переводе образный и художественный смысл оригинала?
 - в) что можно сказать о синтаксисе оригинала и перевода?
 - г) каким стихотворным размером написан оригинал и перевод?
 - д) Рифмы и способы рифмовки в оригинале и в переводе; какие части речи рифмуются в оригинале и переводе?

7. Установление творческого метода переводчика (является ли перевод действительно произведением переводческого искусства или перед нами свободное переложение, обработка, вольный перевод, фантазия, вариация на поэтическую тему оригинала и т.д.)

8. Роль художественного перевода в истории родной литературы (восприятие перевода национальным читателем – рецензии, отзывы, воспоминания). Стали ли переводимые стихи достоянием отечественной поэзии?

9. Фольклоризация перевода в национальном устно-поэтическом творчестве.

10. Влияние творчества переводимого автора на оригинальные произведения поэта – переводчика.

11. Линии, по которым идет освоение традиций выдающихся русских писателей (поэтов) в процессе художественного перевода [Лосев, 1982, с.63-65].

В процессе проведения практических занятий преподаватель не только рассказывает об основных методических приемах использования художественных переводов на уроках:

- чтение вслух перевода на заключительном этапе анализа лирического стихотворения;

- сопоставление чисто "технических" признаков стиха (ритма, рифмы, строфики) оригинала и перевода;

- сопоставительный анализ подлинника и перевода на интонационно-ритмическом, лексико-семантическом и стилистическом уровнях;

- чтение всего произведения по переводу, а отрывков, предназначенных для текстуального изучения, - в оригинале;

- заучивание оригинала и перевода [Боранбаева, 1990, с.40-44].

Он знакомит студентов и с методическими приемами использования художественных переводов во внеклассной работе: художественные переводы можно использовать и на уроках внеклассного чтения, кружковой работе, во время проведения литературных утренников и вечеров, при организации литературных викторин и олимпиад и т.д. [Гусев, 1981, с.261-286].

Можно провести встречу школьников с переводчиками [Инфантьев, Лосев, 1971, с.62-65], организовать в старших классах переводческий кружок. Д.А.Клумбите отмечает: "Участие в нем требует хорошего знания языка и прежде всего стилистики, а также отличных знаний по русской и родной литературе". Автор указывает на следующие, самые общие ориентиры этой работы:

- 1) работа со словарем с целью выяснения значения всех непонятных слов, поиски эквивалентов слов в родном языке;
- 2) составление дословного перевода (подстрочника);
- 3) воссоздание художественного текста на другом языке [Клумбите, 1992, с. 77-79].

Члены переводческого кружка (наряду с основной своей работой) могут принять участие и в подготовке литературных утренников и вечеров. В живой увлекательной форме можно рассказать о том, как произведения русского писателя "входили" в родную литературу учащихся и как они были восприняты казахскими читателями.

Школьники могут поставить небольшие инсценировки на родном языке по произведениям русской литературы. Такие вечера можно "оживить" викторинами, которые, сохраняя в себе элементы игры, преследуют и общеобразовательные цели. В литературные викторины можно включить, например, такие вопросы:

1. Кому из казахских поэтов принадлежит наибольшее число переводов басен И.А. Крылова?
2. Какие казахские поэты обращались к переводу "Евгения Онегина" А.С. Пушкина?
3. Какие стихотворения С. Есенина имеют варианты переводов на казахском языке?

Викторины составляются так, чтобы поиски ответов на вопросы заставляли учащихся обращаться к чтению внепрограммных произведений, следить за публикациями в газетах и журналах.

Материал о художественных переводах в той или иной форме можно включить в программы и к литературным олимпиадам, например, дать задание: перевести стихотворение русского поэта на казахский язык, составить подстрочник к стихотворению казахского поэта и т.д.

В школах можно организовать конкурс на лучший перевод, конкурс на лучший комментированный подстрочник, конкурс на выразительное чтение переводов поэтических произведений. Например, для казахских школ разработан факультатив "Пушкин в казахских переводах". На занятиях этого факультатива ученики знакомятся с такими вопросами, как переводы поэтических произведений А.С. Пушкина на казахский язык, сопоставительный анализ переводов стихотворений русских поэтов, выполненный в разное время, сочинения учащихся как результат этой работы и т. д [Программа факультативного курса, 1990, №7, с. 47-48].

М. Мырзахметов предложил интересную разработку одного из занятий этого факультатива: "Оригинал и сравнительный микроанализ" – сравнения переводов стихотворения А.С. Пушкина "К Чаадаеву", которые были осуществлены в разное время И. Жансугуровым, Х. Бекхожиным, К. Аманжоловым и И. Мамбетовым. "Сравнительный микроанализ четырех переводов пушкинского стихотворения "К Чаадаеву", - пишет автор, - помогает ученикам понять, какой из них наиболее близок к оригиналу. Сделать это позволит и обратный перевод с последующим редактированием текста <...> После работы над переводами <...> можно предложить ученикам сравнить с пушкинским текстом четыре обратных перевода первой строки <...> Сравнение этих обратных переводов позволит старшеклассникам увидеть, какие элементы пушкинского стиха труднее всего передать адекватно средствами казахского языка так, чтобы сохранить смысл и образность оригинала" [Мырзахметов, 1990, №7, с.45-46].

В пособии предлагаются задания для самостоятельной работы студентов под руководством студентов (СРСП). Эти задания нацеливают студентов на сопоставительный анализ идейно-художественного содержания оригинала и перевода, на разработку планов – конспектов уроков по изучению того или иного произведения с использованием художественных переводов, например:

И.А. Крылов. "Слон и Моська" и перевод Абая "Піл мен Қанден" (V класс).

И.А. Крылов. "Лебедь, Рак и Щука" и перевод А.Байтурсынова "Аққу, Шортан һәм Шаян" (VI класс).

И.А. Крылов. "Мартышка и очки" и перевод А.Байтурсынова "Маймыл мен Көзілдірік"(VII класс)

А.С. Пушкин. «И путник усталый на бога роптал...» (из цикла "Подражание Корану") и перевод Б. Алдамжанова "Жолаушы жолда шаршады, маза көрмеді..." (IX класс).

М.Ю. Лермонтов ."Три пальмы" (*Восточное сказание*) и перевод Г.Орманова "Үш құрма"(*Шығыс аңызы*) (IX класс)

В учебном пособии представлены также задания для самостоятельной работы студентов (СРС), которые предполагают знакомство студентов с наиболее важными работами по литературно-художественному переводу, например:

В.Г. Белинский. "Гамлет". Принц датский. Соч.В.Шекспира /пер.с англ. Н.Полевого. М., 1837 (*любое издание*)

Н.Г. Чернышевский. Лирические стихотворения Шиллера в переводах русских поэтов/под ред. Н.Гербея (*любое издание*)

В.М. Жирмунский. "Поэты чистого искусства" – переводчики Гете / В.М. Жирмунский. Гете в русской литературе. Л., 1979 с.283-291.

М. Божеев. "Евгений Онегин" Абай аудармасы // Абай тағлымы. Алматы, 1986, с.209-223.

М.О. Ауэзов "Евгений Онегин" Абай аудармасында//Абай тағлымы. Алматы, 1986, с. 209-223.

Г.К. Бельгер. Этюды о переводах И. Джансугурова. Алматы, 2001.

Предлагается также примерная тематика рефератов, например:

- 1) Абай Кунанбаев - переводчик басен И.А.Крылова.
- 2) "Евгений Онегин" А.С.Пушкина в казахских переводах.
- 3) "Ночная песнь странника" И.В.Гете в переводах М.Ю.Лермонтова и Абая Кунанбаева.
- 4) В. Я. Брюсов о поэтическом переводе.
- 5) Русские поэты – переводчики казахской поэзии (*на выбор* – Вс. Рождественский, И. Сельвинский, В.Звягинцева, В. Потапова и другие) и т.д.

Завершает пособие список литературы-основной и дополнительный.

В приложении представлены произведения русских и зарубежных поэтов (стихотворения и басни) в переводах казахских поэтов.

Заключительное занятие по данной дисциплине посвящается заслушиванию и обсуждению рефератов студентов. Для этого заранее назначаются оппоненты, которые должны кратко охарактеризовать содержание и стиль рефератов сокурсников.

Рефераты должны представлять собой тщательно проанализированные переводы стихотворений русских поэтов и иметь приложение – план-конспект урока по изучению этого стихотворения с обязательным использованием художественного перевода на уроке. В случае, если к данному произведению нет перевода, студент должен самостоятельно подготовить его [Жаксылыков, 2013, с.401-406].

Опыт работы, полученный в процессе участия в данном курсе, закрепляется и развивается во время педпрактики.

Список литературы:

- Бирюкова С.К.* Перевод на уроках русской литературы в 5-8 классах как эффективный методический прием развития культуры русской и родной речи учащихся. //Филологическое образование в формировании этнического самосознания и общероссийского гражданского сознания. Сб. ст., посвященный 70-летию доктора педагогических наук, профессора М.В. Черкезовой. М., 2007, с.58-62
- Боранбаева З.И.* Художественные переводы на уроке. Рус. язык в национальной школе. М., 1990, №1, с.40-44
- Боранбаева З.И.* Художественные переводы на уроке (учебное пособие по дисциплине по выбору для студентов факультета русской филологии. Специальность "Русский язык и литература в школах с казахским языком обучения"), Алматы, КазНПУ им.Абая, 2009. - 95с.
- Гусев А.И.* Спецкурс "Некоторые вопросы литературно-художественного перевода". //Факультативные курсы по русской литературе в национальной школе//под. ред. Я.Г. Садовского. -Л., 1981, с.261-286
- Дюришин Д.* Посредническая функция художественного перевода//Перевод -средство взаимного сближения народов. Сб.ст. М., 1987, с.166-172
- Жаксылыков А.Ж.* Методические аспекты «Практикума по художественному переводу» и их применение на занятиях по переводческому делу// Рус. язык в современном мире: традиции и инновации в переводе русского языка как иностранного и в переводе. III Международная научно-практическая конференция. Материалы конференции . Греция, 2013, с.401-406
- Инфантьев Б., Лосев А.* Таким им открылся Некрасов.//Лит. в школе, 1971, №6, с.62-65
- Клумбите Д.А.* Внеклассная и внешкольная работа по русской литературе в национальной школе. //Методика преподавания русской литературы в национальной школе /Под. ред. М.В.Черкезовой и А.Д. Жижинной. Л., 1992, с.77-79
- Лосев А.Г.* Использование художественного перевода для углубленного осмысления литературного произведения. //Актуальные вопросы преподавания русской литературы в национальной школе. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной конференции. М., 1982, с.63-65
- Мырзахметов М.* Оригинал и перевод: сравнительный микроанализ //Русский язык и литература в казахской школе. 1990, №7, с.45-46
- Программа факультативного курса "А.С. Пушкин в казахских переводах" //Русский язык и литература казахской школе. 1990 №7, с.47-48
- Черкезова М.В.* Проблемы преподавания русской литературы в инокультурной среде. М., 2007. - 318 с.

Выговская Д.Г.
Южно-Уральский государственный университет (НИУ)
г. Челябинск (Россия)

Vygovskaya Darya
South Ural State University (National Research University)
Chelyabinsk (Russia)

ЭКСТРЕМИЗМ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РАЗЛИЧНЫХ ПОКОЛЕНИЙ РОССИЯН

EXTREMISM IN CONSCIOUSNESS OF DIFFERENT GENERATIONS OF RUSSIANS

В статье рассматривается проблема восприятия относительно нового для россиян понятия «экстремизм». Автор анализирует различные трактовки данного понятия, а также факторы, порождающие экстремизм. Кроме того, в статье представлены результаты исследования, посвященного изучению отражения понятия «экстремизм» в языковом сознании трех поколений россиян: молодых людей, проходящих социализацию при капитализме (поколение 20-летних); российских граждан, прошедших социализацию при социализме и капитализме (поколение 40-летних); старшего поколения россиян, основная социализация которых прошла при социализме (поколение 60-летних). В исследовании предлагается модель описания фрагмента языкового сознания, в которой последовательно используются метод экспертной оценки, метод свободных дефиниций, кластерный анализ и свободный ассоциативный эксперимент, а также различные уровни описания. Рассмотренная модель позволяет получить большой объем экспериментальных данных и наиболее полно раскрыть смыслы, которые россияне вкладывают в понятие «экстремизм». Также на примере данного явления автор выделяет несколько стратегий осмысления нового понятия, характерные для трех поколений россиян.

The article considers new concept "extremism", analyzes its different interpretations as well as factors that contribute to extremism. Also paper presents the results of scientific research of the reflection of "extremism" in the linguistic consciousness of three generations of Russians: young people whose socialization was under capitalism (20-year-olds); Russian citizens whose socialization was under socialism and capitalism (40-year-olds); the older generation of Russians whose socialization was under socialism (60-year-olds). The author proposes a model for the analysis of language consciousness. This model applies different methods like method of expert assessment, method of independent definitions, cluster analysis method, free association method and various levels of the analysis. The above model provides a large amount of experimental data and reveals the contents of "extremism" to the full extent. The example of this phenomenon helps the author to identify several strategies of understanding of new concept used by three generations of Russians.

Ключевые слова: языковое сознание, экстремизм, метод экспертной оценки, кластерный анализ, свободный ассоциативный эксперимент, поколение.

Key words: language consciousness, extremism, method of expert assessment, cluster analysis method, association method, generation.

В современном мире многие люди испытывают волнение при упоминании слова «экстремизм». В настоящее время мы, действительно, становимся свидетелями существенного повышения агрессивности человека, а также серьезных всплеск различных видов экстремизма. В литературе приводится обширный перечень различных причин, порождающих экстремизм. Экстремизм может быть обусловлен такими факторами, как слом сложившихся социальных структур, обнищание массовых групп населения, экономический и социальный кризис, ухудшающий условия жизни большинства населения, ослабление государственной власти и дискредитация ее институтов, падение исполнительной дисциплины, рост антисоциальных проявлений, распад прежней системы ценностей, озлобленность, вызванная неудовлетворенностью базовых потребностей (безопасность, идентичность, признание и др.), нарастание чувства ущемления национального достоинства и т.д.

При рассмотрении данного понятия в контексте существующей нормативно-правовой базы, мы увидим, что в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» (№ 114-ФЗ от 25 июля 2002г.) «экстремизм» определяется как система противоправных действий, направленных на подрыв и разрушение: государственно-политических, нормативно-правовых, социально-культурных, морально-нравственных основ, конституционного строя страны. Безусловно, с этим можно согласиться, т.к. экстремизм нарушает основные права и свободы граждан, а соответственно, и принципы, на которых функционирует большинство современных государств и обществ. Между тем экстремизм предстает именно как форма отчуждения личности от общечеловеческих, общекультурных, этнонациональных ценностей. Поэтому экстремизм должен пониматься широко. Его нельзя сводить к политической или иной конкретной форме, так как его проявления обнаруживаются во многих сферах человеческой активности: в межличностном общении (бытовой экстремизм), во взаимодействии классов, партий, государств (политический экстремизм), в отношениях племен, народностей, наций (этнический экстремизм) и т. д.

В средствах массовой информации понятия «экстремизм» и «терроризм» зачастую смешиваются и представляются весьма близкими по смыслу или даже равнозначными, что не совсем корректно. По сути, терроризм – это одно из направлений экстремизма, который представляет собой сложный феномен в современной культуре. Таким образом, для

успешной борьбы с экстремизмом особенно значимым исследователи считают концептуальное осмысление этого феномена: его разновидностей, перспектив развития, адекватности антиэкстремистских действий, различий в масштабах, содержании, мотивации проявлений.

В нашем исследовании для нас было важным рассмотреть, какое отражение понятие «экстремизм» находит в языковом сознании различных поколений россиян, а именно:

- молодых людей, проходящих социализацию при капитализме (поколение 20-летних);
- российских граждан, прошедших социализацию при социализме и капитализме (поколение 40-летних);
- старшего поколения россиян, основная социализация которых прошла при социализме (поколение 60-летних).

Так, для того чтобы понять, чем наполнено понятие «экстремизм» в бытовом сознании россиян, мы применили специально-разработанную методику, в которой были последовательно использованы ряд методов и различные уровни описания. Первым этапом стал метод экспертной оценки, в котором испытуемым нужно было написать слова, которые на их взгляд имеют отношение к данному понятию. Считаем целесообразным и необходимым обращение к экспертной оценке после каждого из проведенных этапов исследования, поскольку это позволяет избежать субъективного восприятия автором результатов экспериментов и получить наиболее валидные и объективные данные.

Полученные данные мы проанализировали с помощью кластерного анализа и семантического гештальта Ю.Н. Караулова, под которым он понимает структуру, воплощающую тот аспект языкового сознания, который связан с отражением окружающей реальности, «образов» национально-культурного мира, запечатленных в родном языке. Согласно Ю.Н. Караулову, «семантический гештальт есть один из способов представлений знаний об окружающем мире в языковом сознании носителей» [Караулов, 2000, с. 193].

Стоит отметить, что в ходе анализа данных возникали спорные моменты, и для того чтобы избежать излишней субъективности мы использовали метод свободных дефиниций. Группе экспертов было предложено дать определения словам, которые вызывали наибольшие сомнения. Результаты, полученные методом свободных дефиниций, помогли нам в составлении и трактовке «древ значений» исследуемого понятия. Полученные в ходе

кластерного анализа схемы («древа значений») были вновь отправлены на экспертную оценку. В данном случае мы попросили экспертов оценить логичность представленных схем.

Данные, полученные на первом этапе, доказывают идею о том, что представления российских граждан об экстремизме достаточно расплывчатые. В сознании всех трех поколений экстремизм ассоциируется с *терроризмом* и *террористами*. Террористы для молодежи – это *боевики, маньяки*, которые *насилуют, расчленяют, убивают, издеваются* и приносят *горе*. Молодые люди также связывают экстремизм с *политикой*, под которой понимается *борьба, цель, желание, азарт, риск, опасность, страх и хаос*; с *религией*, религия в этом случае – это *проповедники, литература* и *интерес* с одной стороны, *ислам* и *арабы* с другой, а также *идеология*, под которой подразумевается *идея фашизма* и *нацизма*, что является проявлением *ненависти, злости, жестокости* и приносит *вред*.

Самое старшее из представленных поколений рассматривает экстремизм как синоним *терроризма*, который ассоциируется с *террором, терактами*, например, *11 сентября*, с *агрессией, враждой, врагами*, также с *военными действиями*, такими как *диверсия, убийства, взрывы, разрушения, насилие*. Экстремизм для представителей данной группы – это *политика*, под которой понимается *коммунизм, навязчивая пропаганда, националисты (скинхеды), измена, фашизм* и *революция*; это *религия (ислам и мусульмане)*; и, наконец, это то, что одним словом они называют *плохое*, поясняя, что это *безнравственность*, а именно *отсутствие любви и доброты, беспредел, опасность* и *страх*. Встречались анкеты, где респонденты честно признавались, что не знают, что такое экстремизм.

Ответы представителей среднего поколения (поколение 40-летних) можно объединить в три основных блока: *религия, политика* и *терроризм*. Логические цепочки, полученные при рассмотрении блока, связанного с политикой, показывают, что представители данной группы исследуемых также связывают экстремизм с *провокацией*, которая ведется в *СМИ*, следствием чего может стать *ошибочное представление мира*, это в свою очередь может стать причиной *неграмотности, глупости* и *тупости*, либо причиной *беспринципности* и *безрассудства*. Мы предполагаем, что на это можно посмотреть и другой стороны, так как *ошибочное представление мира* может быть как причиной неграмотности, глупости и безрассудных поступков, так и следствием недостатка знаний, профессионализма, нравственности и толерантности.

При рассмотрении древ значений понятия «экстремизм», составленных представителями трех поколений, четко выделяются три общих для всех поколений кластера,

а именно – *религия, политика и терроризм*. Характерным только для старшего поколения является наличие еще трех семантических зон – это семантическая зона *плохое, инопланетяне* и семантическая зона обозначенная вопросом «*что это такое?*» и указывающая либо на незнание, либо непонимание данного понятия. Говоря о трактовке понятия «экстремизм» представителями различных возрастных групп, стоит отметить, что наиболее полная и правдивая картина представлена поколением 40-летних россиян.

Следующим большим этапом стал свободный ассоциативный эксперимент. Реакции, полученные на данном этапе, позволили нам выделить ассоциативные поля стимулов. Ассоциативное поле слова является совокупностью всех ассоциатов на слово-стимул. Ассоциативное поле имеет ядро (наиболее частотные реакции) и периферию (единичные реакции).

Кроме того, для анализа полученных данных нам представляется целесообразным использование нескольких классификаций и нескольких уровней описания. В нашем исследовании это выглядит так:

- лексико-синтаксический уровень описывает синтаксические отношения между стимулом и реакцией. Также на этом уровне рассматриваются лексико-категориальные отношения, в которые вступают стимул и реакция. Сюда входят синонимы и квазисинонимы, антонимы, квазиантонимы, паронимы, окказионализмы, родовые и видовые понятия, часть – целое, целое – часть, перифразы и игра слов. К нему также относятся конверсивные, омонимические, жаргонные и диалектные слова, архаизмы, парадигматические, синтагматические реакции, экзотизмы, иностранные заимствования и т.д.;
- на морфологическом уровне структура поля проявляется в словоизменительных и словообразовательных отношениях между реакцией и стимулом;
- когнитивный уровень ассоциативного поля отражает знания носителя языка о стимуле, запечатлённые в языке в именах собственных, антропонимах, этнонимах, прообразах, во фреймах типовых психологических ситуаций, в афоризмах и идиомах;
- прагматический уровень состоит из оценок, даваемых носителями языка стимульному слову;
- статистический уровень находит свое воплощение в определенных количественных параметрах.

Все эти уровни превращают поле в единицу языка или «владение языком» – «в языковую способность», при этом первые уровни (лексико-синтаксический и

морфологический) представляют основные системные уровни языка и, объединяясь в лексико-грамматические уровни, репрезентируют язык как таковой. Когнитивный уровень суммирует единицы хранения знаний и оперирования ими, отражает языковую картину мира и репрезентирует отношения «язык и человек», ибо нет знаний без их носителя [Новикова, 1998, с. 20]. Прагматический уровень поля определяет отношения «человек – действительность», а статистическая часть чисто формальными методами «показывает» степень адекватности численных характеристик поля внешним параметрам «единицы владения языком».

Отношения «язык – действительность» в нашем случае описываются при помощи семантического гештальта. Семантический гештальт выстраивается на основе семантической классификации входящих в поле ассоциатов (реакций) и состоит из нескольких семантических зон, которые объединяют типичные для данного языкового сознания признаки предмета или понятия, соответствующего имени поля (=стимулу). Вслед за Ю.Н. Карауловым мы считаем удобным для называния зон использовать местоименные обозначения, которые способны передавать наиболее общие смыслы. Для анализа данных эксперимента мы выделяем следующие семантические зоны: 1) кто (лицо, ассоциируемое со словом-стимулом); 2) что (предмет, ассоциируемый со словом-стимулом); 3) какой (включает постоянные (интегральные) признаки, рассматриваемые с позиции стороннего наблюдателя); 4) каков (оценочные характеристики в рамках шкалы «хороший – плохой»); 5) это (квазидефинитивные конструкции, в которых местоимение «это» выполняет роль гипотетической связки); 6) что делать (действие, ассоциируемое со словом-стимулом); 7) где (место, ассоциируемое со словом-стимулом); 8) когда (временной период, ассоциируемый со словом-стимулом).

Таким образом, использование данного подхода при описании результатов позволило нам наиболее полно и объективно отследить представленность интересующего нас стимула в языковом сознании респондентов (см. таблица 1).

Таблица 1

Ассоциативное поле «экстремизм»

	поколение 20-летних	поколение 40-летних	поколение 60-летних
Ядерные реакции	терроризм (7) спорт (6) террористы (4) адреналин (3)	риск (10) терроризм (6) война (5) террор (4)	плохо (9) риск (6) политика (5) опасность (4)

Лексико-синтаксический уровень			
Парадигматические	86%	86%	71%
Синтагматические	12%	14%	29%
Синонимы	15,5%	5,8%	5%
Антонимы	-	-	-
Паронимы	4%	7,8	6%
Заимствования	1,8%	0,9%	-
Жаргонизмы	1%	-	-
Видовые понятия	18%	32%	31%
Морфологический уровень			
Словообразовательные отношения	-	-	-
Когнитивный уровень			
Имена собственные	1,8%	-	1%
Антропонимы	-	-	-
Праобразы	-	-	-
Этнонимы	0,9%	-	-
Прагматический уровень			
Кто?	13%	8,5%	4%
Что?	61,3%	82%	71%
Где?	5,5%	-	2%
Когда?	-	-	-
Какой	11%	4,8%	7%
Каков?	4,6%	2,8	11%
Что делать?	4,6%	1,9%	5%

При анализе результатов, полученных в ходе работы с понятием «экстремизм», важным является то, что, как и в случае экспертной оценки, представители всех поколений россиян демонстрируют свою некомпетентность в отношении исследуемого понятия, доказательством служат: 1) такие реакции, как *спорт, адреналин, риск, парашют, скалолаз, скалолазание* и др., 2) а также такие реакции, как *не знаю, новое слово, не знаю значения, не понимаю, что-то новое*. Кроме того, знаковым является упоминание таких имен собственных и этнонимов, как *Ливия, Чечня, китаец*. Наблюдается высокий процент оценочных реакций, причем все оценки даются по принципу хороший/плохой, более того в ассоциативном поле старшего поколения *плохо* является ядерной реакцией. Характер и тип предоставленных реакций говорит о значимости данного стимула. Таким образом, можно сделать вывод о том, что данное понятие находится в настоящее время на стадии осмысления.

В дальнейшем нам удалось выделить стратегии осмысления нового понятия, используемые представителям трех поколений россиян: стратегия отказа, характерная для реципиентов старшего поколения (реакции: *не знаю значения, не понимаю, что-то новое,*

мм); оптимальная стратегия сорокалетних – определение предложенного стимула (*нелюбовь к другим, ненависть к людям, направление в группировках, вызывающие противодействие против общества*) либо указание понятий, связанных со стимулом (*терроризм, террор, взрыв, ваххабизм, вахабит, вахабиты, военные действия*); стратегия, свойственная молодому поколению, не желающему признать свою неосведомленность, а именно стратегия подмены предложенного стимула «экстремизм» известным понятием «экстрим» (*парашют; скалолаз; экстрим; кайф; адреналин*).

Все эти факты в совокупности указывают на то, что данное понятие является новым и сложным для понимания, по мнению представителей всех поколений. Однако если обратиться к кластерному анализу, можно заметить, что поколение 40-летних имеет более точное представление о данном явлении. Таким образом, рассмотрение понятия «экстремизм» в языковом сознании россиян позволило понять отличается ли представление об экстремизме в обыденном сознании от того, как это же понятие описывается на уровне общественного сознания, а также обратить внимание на необходимость массовой информационно-разъяснительной работы среди российских граждан по вопросам концептуального осмысления данного феномена.

Список литературы

- Караулов Ю.Н.* Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети/ Ю.Н. Караулов//Языковое сознание и образ мира. М., 2000. 320 с.
- Новикова А.М.* «Семантический гештальт» в структуре ассоциативного поля/ А.М. Новикова. М., 1998. С. 4 – 30.Отзыв о материалах, присланных М.Ш. Шекихачевой // Структурная методика преподавания языков. Нальчик, 2006, № 5.

Голубева-Монаткина Н.И.
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Golubeva-Monatkina Natalia
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

*О ПОДХОДАХ К ПЕРЕВОДУ СЛОВ-ПОНЯТИЙ СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ
ФИЛОСОФИИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК*

WORDS-NOTIONS IN MODERN WESTERN PHILOSOPHY: APPROACHES TO TRANSLATION

Некоторые русские философы полагают, что сегодня русская философия нуждается в (пере)создании своего философского языка и, в частности, в выработке концептуального аппарата для овладения новым культурным и интеллектуальным опытом. Наталия Сергеевна Автономова известна как выдающийся русский философ («Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках», 1977; «Рассудок. Разум. Рациональность», 1989; «Познание и перевод. Опыты философии языка», 2008; «Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров», 2009; «Философия языка Жака Деррида», 2011) и блестящий переводчик на русский язык работ французских философов М. Фуко («Les mots et les choses. Une archéologie des sciences humaines» / «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук» соавт. пер. Визгин В.П) и Ж. Деррида («De la grammatologie» / «О грамматологии»), швейцарского лингвиста П. Серио («Structure et totalité / «Структура и целостность»), а также текстов французских психиатров Л. Шертока и Р. де Соссюра («Naissance du psychanalyste, de Messmer à Freud» / «Рождение психоаналитика: от Месмера к Фрейду»), Ж. Лапланша и Ж.Б. Понталиса («Vocabulaire de la psychanalyse» / «Словарь по психоанализу»). В статье рассматривается ее подход не только к общим проблемам перевода философии, но и к тому, как создавать русские слова-понятия, эквивалентные, в частности, *sur-vie, articuler, langage, différAnce, espacement, discours*.

Some Russian philosophers assert that today the Russian philosophy needs to (re)create Russian philosophical language and in particular, to elaborate conceptual devices for grasping new cultural and intellectual experience. Natalia S. Avtonomova is known to be the philosophical books eminent author («Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках», 1977; «Рассудок. Разум. Рациональность», 1989; «Познание и перевод. Опыты философии языка», 2008; «Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров», 2009; «Философия языка Жака Деррида», 2011) and the excellent translator into Russian of writings of French philosophers Michel Foucault («Les mots et les choses. Une archéologie des sciences humaines» / «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук» соавт. пер. Визгин В.П) and Jacques Derrida («De la grammatologie» / «О грамматологии»), of the Swiss linguist Patrick Seriot («Structure et totalité / «Структура и целостность»). She put into Russian texts of French psychiatrists (Léon Chertok, Raymond de Saussure «Naissance du psychanalyste, de Messmer à Freud» / «Рождение психоаналитика: от Месмера к Фрейду»; Jean Laplanche, Jean Bertrand Pontalis «Vocabulaire de la psychanalyse» / «Словарь по психоанализу»). The article is a general over-view of her approach not only to general problems of philosophical translation but to elaboration of Russian 'words-notions' equivalent, e.g., to French *sur-vie, articuler, langage, différAnce, espacement, discours*.

Ключевые слова: Н.С. Автономова, перевод философии, философский перевод, переводчик философии, русский философский текст, дискурс, дискурсивный.

Key words: Natalia S. Avtonomova, translation of philosophy, translator of philosophy, Russian philosophical text, discourse.

Среди разрабатываемых Н.С. Автономовой философских проблем гуманитарного познания важное место занимает «новая трактовка перевода – в широком смысле слова – как фундаментальной категории философского и научно-гуманитарного познания, как рефлексивного ресурса понимания <...>» [[http:// www.iph.ras.ru/avtonomova.htm](http://www.iph.ras.ru/avtonomova.htm)].

Почему в России начала XXI века возник интерес философов к проблемам перевода? Потому что « развитие концептуальных, терминологических языков особенно важно в ситуациях кризисно ускоренного развития культуры. И прежде всего – сейчас в России, где после 70-летней изоляции открылись двери в современную западную мысль, а отказ от марксизма как всеобъясняющей схемы породил идеологический вакуум и одновременно обнаружил огромные концептуальные проблемы. И сейчас, когда на культурную сцену ворвался мощный поток новых текстов, концепций, понятий современной западной мысли, читатель сталкивается со всеми ими одновременно, вне всякой логики и хронологии». Н.С. Автономова видит выход «в такой переводческой работе, которая пытается справиться с неуправляемой спонтанностью, выработать свою осмысленную тактику и стратегию», в необходимости «содействовать формированию русского философского языка, созданию областей русскоязычной терминологии там, где она либо вообще не существовала, либо плодотворно намечалась (как это было с психоанализом и феноменологией в первые десятилетия XX века), а потом была изгнана вместе со своими предметами» [Автономова, 2006, с.95-96].

Перевод – это «антропологическая константа человеческого бытия и условие возможности познания в гуманитарных науках» [Автономова, 2008, с.6]: «<...> перевод лежит в фундаменте любого человеческого действия: так всегда было, только на это не обращали внимания. Деррида некогда сказал: везде письмо. Я говорю: везде перевод, хотя и не могу согласиться с тезисом о том, что оригиналов не существует. Просто в культуре никто, ничего, нигде и никогда не сказал в первый раз» [Автономова, 2008, с.13]. Эта связь познания и перевода была осознана древними греками: «Еще Платон в «Теэтете» фактически утверждал, что познание есть способ языкового выражения опыта, точнее – перевод мнений в словесную

форму. В этой процедуре есть нечто такое, над чем мы обычно не задумываемся, однако перевод прямо связан с потребностями работающей мысли <...>. Связь познания и перевода затрагивает разные области культуры – философию, филологию, лингвистику, психологию, историю идей и пр.» [Автономова, 2008, с.8].

Очень важно, что «в анализе механизмов перевода нередко бывает заметно то, чего обычно не удастся увидеть в других формах и видах познания: а именно как различные слои и фрагменты опыта переходят из сферы неявного и невыраженного в регистр того, что доступно операционализации и интересубъективной проверке <...>. Перевод <...> предполагает отрыв от наивной сращенности предмета и слова и показывает, что эта связь гораздо сложнее, чем мы думаем...» [Автономова, 2008, с.13].

Роль перевода в создании концептуального языка философии исключительно важна: «В противоположность тому, что думают философы, нельзя просто так — “непосредственно” — прочесть те или иные современные западные тексты. Для того, чтобы прочесть тех же Лакана или Делеза, нужна самоотверженная (а не самоутверждающаяся) работа, которая будет постоянно напоминать нам о том, что Делез во Франции и в России, Делез в 60 годы и в 90-е — это разные вещи в разных культурных контекстах <...>. Концептуальные языки всегда создавались и обогащались переводами» [Автономова, 2001].

Для перевода философских текстов требуется сотрудничество философии с филологией: «Понятия не дрейфуют сами собой через культурные границы, нужна работа для того, чтобы это могло произойти <...>. Философ может их выявить, но как правило, не умеет переводить тексты: восстанавливать чужую мысль в систематической форме для него пытка. Сохранить эти понятия в тексте перевода может скорее филолог, учитывающий культурно-исторические и лингво-стилистические сложности подбора и апробирования понятийных эквивалентов <...>. Отношения между философией и филологией не определены раз и навсегда, они складываются в конкретных обстоятельствах, что предполагает культурные взаимодействия и постижение языков друг друга. При этом будет хорошо, если филолог не будет бояться философской рефлексии и станет видеть в ней опору, а не помеху, а философ преодолет свой страх перед “агрессивностью” языка, который якобы лишают сознание его суверенности. <...> речь может идти не о помощи (ослабевшей) филологии со стороны философии, но о помощи философии со стороны филологии. Именно филология, профессионально призванная быть службой связи в культуре, может помочь (и реально помогает) философии, столкнувшейся с концептуальными дефицитами, проработать и

построить концептуальный русский язык, столь нужный сейчас культуре в целом и философии, в частности. Все вопросы, относящиеся к выработке философского языка понятий, к истории философии, к практикам чтения текстов, вводят в действие и заставляют учитывать приемы и навыки филологической работы» [Автономова, 2001].

Наталья Сергеевна подчеркивает: «Перевод философских текстов — это одновременно и философская, и филологическая работа. Тут вступает в действие герменевтический круг, который всегда так или иначе разрешается. Без понимания целого невозможно выделить те текстовые единицы, которые мы будем пытаться сохранить в тексте в виде идентифицируемых словесных единиц, а без понимания элементов, нельзя и пытаться строить целое. Без философской интуиции мы не заметим значимые (понятийные) словесные единицы. Но без филологического искусства мы никогда не сумеем провести найденные смысловые единицы через весь текст, не раскрошив и не растеряв их по дороге» [Автономова, 1999].

При переводе необходимо учитывать то, что по некоторым своим свойствам философский текст близок тексту поэтическому: «Главная сложность [при переводе понятий — Н. Г.-М.] <...> заключалась в переводе разветвленных словесных переключек, которые придают философской ткани свойства поэтического произведения и одновременно делают ее более плотной и насыщенной. Разумеется, это механизм не логический, а поэтический: он в известной мере сходен со скольжением смыслов в «тесноте стихотворного ряда» (Ю. Тынянов), где возникают взаимные тяготения смежных или близко расположенных слов. В философской прозе стихотворных рядов нет, но могут возникнуть повторы однокоренных слов, напоминающие об их этимологической общности, и такие синтаксические структуры (в пределах абзацев и между абзацами), внутри которых читатель способен воспринимать эти повторы слов и смыслов. Современные французские философы, и в частности Деррида, позаимствовали этот принцип <...> у позднего Хайдеггера» [Автономова, 2008, с.415-416].

У переводчика философии должно быть понимание того, что «перевод слов и перевод мыслей — не одно и то же. К переводу мыслей одно требование: каждое понятие должно быть так или иначе сохранено и определено <...>» [Автономова, 2008, с.401]. Сама Наталья Сергеевна «в случае необходимости <...> предпочитала жертвовать второстепенным, например, стилистическими красотами, ставя акцент на передаче гибкой и сложной мысли. Полагаю, что это сейчас важнее и для читателя, и шире — для функционирования русского философского языка. <...> от того, какой своей гранью смысла, звучания, внутренней

образности иностранное слово повернется к русскоязычному читателю, зависит и дальнейшая судьба переводимых текстов и концепция в культуре» [Автономова, 2008, с.402-403].

Необходимо «искать русские слова, которые были бы морфологически и синтаксически гибкими» [Автономова, 2008, с.378]. Поэтому главное слово-понятие «Слов и вещей» М. Фуко *epistème* переведено как эпистема (вместо ранее предлагавшейся кальки «эпистемé»), а вместо исторические а priori употреблено исторические априорности («<...> я апробировала здесь русское слово «априорность» во множественном числе <...>, что позволило писать это слово-понятие кириллицей и склонять его по нормам русского языка»). Н.С. Автономова подчеркивает, что по этой же причине предпочитает «использовать существительные на месте французских субстантивированных глаголов и прилагательных» и что она бы предпочла «на месте «Надзирать и наказывать» Фуко («*Surveiller et punir*») <...> «Надзор и наказание»» [Автономова, 2008, с.378].

Конечно, возможно использование создаваемых переводчиком неологизмов. Так, для передачи глагола *articuler* был создан неологизм сорасчленять (вместо словарных расчленять, сочленять), так как «это новое слово по своей семантической структуре немного напоминает слово деконструкция и, кажется, неплохо работает в целом ряде контекстов, освещавших соотношение слов и вещей» [Автономова, 2008, с.378]. Но переводческая неология должна быть основана на том, что ее создатель глубоко проник в «концептуальный мир» переводимого философа. Именно таким образом возникает пережизнь для передачи *sur-vie* у Жака Деррида: «В своем последнем интервью газете Монд <...> Деррида с пронзительной простотой формулирует задачу философии: ради жизни научить умирать. Идея смерти была для Деррида навязчивой, а отсюда и проблематика «пережизни» (*sur-vie*), которая не сводится ни к жизни, ни к смерти, но подразумевает интенсивную жизнь, которая не прячется от неизбежного, но и не утешает себя бессмертием трансцендентального субъекта или будущим существованием в виде «архивов», к которым Деррида был так равнодушен» [Автономова, 2008, с.393]. В целом же, по поводу переводческих неологизмов Н.С. Автономова замечает, что «переводчики знают что новые (или <...> старые новые) слова – это всего лишь гипотезы, а не окончательные решения» [Автономова, 2008, с.385].

Переводческие стратегии обусловлены тем, «как переводчик понимает позицию автора и возможности читателя. Наиболее распространенные типы переводческих подходов к текстам Деррида в России – интуитивистско-харизматический, подражательский, игровой. И все они представлены людьми талантливыми (интуитивистский – например, В. Библихиным,

подражательский – например, А. Гараджой, и др.). Но есть и просто неумелые переводчики, которые ограничиваются транслитерацией важнейших авторских понятий, отчаявшись найти им русские эквиваленты» [Автономова, 2008, с.399].

О возможности использования транслитерации Наталия Сергеевна пишет так: «Иногда, наверное, любому переводчику Деррида хочется прекратить свои тяжкие труды и оставить все как есть – пусть *supplément* будет «супплементом», а *différance* – «дифферансом»! Между прочим, это может потрафить любителям экзотики и иностранных слов, которые неизвестно что значат, зато «производят впечатление», интригуют, побуждают к повторению и закреплению <...>. Однако, если мы хотим, чтобы Деррида был в России мыслью, а не оттенком цвета в образной палитре, переводить его нужно, даже если это невозможно...» [Автономова, 2008, с.393]. И еще об этом же: «При выборе эквивалентов приходится иметь в виду, что среди русских переводов современной западной философской литературы наметились две крайности: либо уход в русскую этимологию слов, что при массивном использовании делает перевод неудобочитаемым, неоправданно затрудненным для мысли, либо построение таких текстов, которые выглядят как транслитерация иностранного текста в русском алфавите» [Автономова, 2008, с.400].

Некоторые переводчики обращаются с авторскими словами-понятиями как с элементами сакрального языка и вообще их не переводят. Например, Е. Гурко, автор книги «Божественная ономотология. Именование Бога в имяславии, символизме и деконструкции» (Минск, 2006), «поставила вопрос о связи некоторых тенденций в философии языка у Деррида с традициями русского имяславия и символизма, развертывая при этом достаточно фантастические представления о *différance* как божественной инстанции; сам термин *différance* Гурко вообще не переводит, обращаясь с ним как с элементом сакрального языка» [Автономова, 2008, с.395].

Собственный подход к переводу текстов Жака Деррида Н.С. Автономова определяет как «терминологический»: «<...> основные единицы его текстов – поэтико-терминологические <...>: они подчас представляют собой столь же понятия, как и образы. Его мысль ищет свой стиль – по-разному в разные периоды и в разных сочинениях, и это создает дополнительные трудности для переводчика. В «Грамматологии» – классической работе раннего периода – концептуальное начало все же явно преобладает над метафорическим. А потому, отдавая себе отчет в этой стилевой двойственности, я все же делаю акцент на концептуальной, а не стилистической стороне текста <...>» [Автономова, 2008, с.399].

Н.С. Автономова раскрывает многие секреты своей «переводческой кухни»:

1) «Langage – язык или речь? <...> «О грамматологии» – книга, насквозь пропитанная языковой проблематикой, а потому все, что относится к языку, имеет здесь первостепенное значение <...>. Особенно затрудняет дело перевод французского «langage» сосюрговской концептуальной трехчленки из «Курса общей лингвистики» (langue , langage, parole) langage принято переводить на русский язык как «речевая деятельность». Однако в нашем случае этот эквивалент подходит лишь в редких случаях <...>. Если переводить словом «речь» большинство случаев употребления этого термина в данной книге <...>, то нередко получается бессмыслица. <...> langage – это самое общее и абстрактное слово среди всех, имеющих отношение к языковой деятельности <...>, подобно русскому слову «язык»» [Автономова, 2008, с.404-405].

2) «РазличАние (différАnce). Этот термин – опору всей деконструкции – у нас подчас совсем не переводят: либо транслитерируют русскими буквами, либо просто пишут латиницей. <...> я решила подкрепить зрительное различие слуховым и предложила свой вариант: различие (иногда – различение) для différence и различАние – для différАnce. Этот последний термин (различание) передает своим неопределенно несовершенным видом длящееся действие различения, смысловую динамику этого французского неографизма термина <...>. Чтобы время от времени напоминать читателю о конкретном содержании термина различание, я иногда привожу его полную смысловую развертку: «различАние как отстранение-отсрочивание» (то есть откладывание в пространстве и промедление во времени). Русские переводчики немало мучились над переводом слова «différance» среди предложенных вариантов были различие-разлиШие (от слова «лишать»), и различение-разлУчение (от слова «разлучить»), и просто различие-различЕние (последний вариант был бы неплох, если бы не стертая семантика слова «различение»: слово «différance» во французском языке необычно и потому обязано резко выделяться в тексте), так что в моих переводческих страданиях я не одинока» [Автономова, 2008, с.407].

3) «Разбивка (espacement) – разделение, расчленение, рассосредоточение, расположение в пространстве. Через смысловую близость с «промежутком», «интервалом» устанавливается связь между пространственными и временными значениями этого термина; разбивка выступает как своего рода условие любых операций с пространством, а также со(рас)членения пространства со временем, подкрепляя этим пространственно-временной смысл différАnce. В русских работах о Деррида есть другой термин spacialisation, в отличие от

esacement, крайне редкий; его я перевожу словом «опространствливание» (a spacialité, соответственно, – «пространственность»))» [Автономова, 2008, с.407-408].

4) О выборе русского слова для передачи discours у Мишеля Фуко: «Сосредоточием многих сложностей было понятие «дискурс» (discours) <...>. Дело <...> в том, что именно в творчестве Фуко запечатлелись два важнейших этапа существования французского понятия «дискурс» <...>, причем при переходе от первого этапа ко второму слово «дискурс» фактически раздробилось на два разных понятия, что не было толком ни замечено, ни отмечено – ни самим Фуко, ни его критиками. В итоге омонимичными <...> оказались discours как логико-лингвистическая развертка представления и discours как социально регламентированное высказывание, не имеющее отношения ни к логике, ни к лингвистике. Discours в первом смысле слова противоположен одномоментному интуитивному схватыванию и представляет собой «последовательное изложение мысли посредством слов и предложений» <...>. Discours в втором смысле слова выступает как совокупность социальных и идеологических ограничений, определяющих, кто, что, кому, каким образом и при каких обстоятельствах может или не может говорить. Discours (1) (именно он преобладает в «Словах и вещах») я переводила как «дискурсия», а discours (2) – как «речь», реже – «дискурс». Как это ни парадоксально, этот социально-идеологический дискурс как раз «недискурсивен»: во всяком случае, он противоположен «дискурсивности» в логико-лингвистическом смысле слова. А потому к этому новому дискурсу следовало бы применять скорее прилагательное «дискурсивный», оставив прилагательное «дискурсивный» для обозначения логико-лингвистического упорядочения речи, рассуждения; это позволило бы избежать как путаницы терминов, обозначающих различные вещи, так и потери важных понятийных дистинкций» [Автономова, 2008, с.378-379].

Еще одним важным свидетельством того, как Н.С. Автономова подходит к передаче слов-понятий на русский язык, является ее интерес к истории этих слов как в творчестве переводимого автора, так и в языке, на котором создан оригинал. В частности, она полагает, что у М. Фуко «этот сдвиг терминов (речь идет о discours – Н.Г.-М.) происходил как раз между «Словами и вещами» и последующими работами – «Археологией знания» (1969) и «Порядком дискурса» (1970)» [Автономова, 2008, с.380]. Discours «происходит от латинского discurrere (разбегаться в разные стороны). В своем смысле, обозначенном выше как discours (2), оно существует во Франции примерно 40 лет, оставаясь практически непереводаемым и лишь калькируемым во всех других языках. Во Франции 50-х годов слово discours означало

«публичное выступление», «рассуждение». К середине 60-х годов это слово стало довольно быстро превращаться в модный термин, который постепенно заменил и «текст», и «теорию», и «стилистически окрашенную речь» и пр. Употребительность этого нового слова нарастала лавинообразно. Примерно с начала 70-х годов все ранее господствовавшие словесные жанры выравняются в своем статусе дискурсов <...>. Однако терминологическую четкость оно имело разве что в направлении *analyse du discours*, выясняющем социальные закономерности функционирования текстов в обществе <...>. Во Франции «анализ дискурса» 70-х годов стал направлением, объединившим лингвистику, социологию, психоанализ, теорию идеологий, философию <...>. В целом «анализ дискурса» как дисциплина изучает те социальные ограничения, которые налагаются на всю бесконечность потенциально возможных высказываний конкретным местом и временем. В известном смысле «дискурс» вообще не есть нечто непосредственно эмпирически данное. Это скорее объект, построенный на стыке языка и социума, языка и идеологии: он призван скорректировать лингвистический подход, который забывает об истории, а также идеологический подход, который растворяет язык в идеологии. В судьбе этого слова и термина запечатлелись важные сдвиги значений, свидетельствующие об изменениях в философском и научном мышлении» [Автономова, 2008, с.380-381].

Трудно не только найти, но и «последовательно выдержать выбранные эквиваленты»: «Так как все перевести невозможно, весь вопрос заключается в том, что выбрать и как удержать то, что будет выбрано. Если мы выберем десяток значимых терминов и последовательно проведем их через весь русский текст, то наш читатель не будет плавать среди неясных довербальных смыслов; он сможет работать с понятиями, выраженными в его родном языке» [Автономова, 2008, с.402]. В числе основных понятий «Грамматологии» Жака Деррида, «которым придавались последовательно удерживаемые русские эквиваленты, были *écriture*, *archi-écriture* (письмо, прото-письмо); *différence*, *différance* (различие, различАние); *espacement* (разбивка); *présence* (наличие); *supplément*, *supplémentarité* (восполнение, восполнительность) и др. В каждом конкретном случае выбор русского термина требовал взвесить другие возможные или предлагавшиеся варианты и привести доводы в пользу предложенных мною эквивалентов. Например, нужно было объяснить, почему я выбираю «письмо» (а не «письменность»), «прото-письмо» (а не «архи-письмо»), «разбивку» (а не «спасиализацию» – это иногда используемый «русскоязычный» эквивалент слова *espacement*), «восполнение» (а не «прибавку», «приложение» или просто «супплемент») и др.» [Автономова, 2008, с.400-401].

Немаловажную роль играет передача графического оформления некоторых слов-понятий: «Ряд понятий встречается в книге в различном написании и оформлении – в зависимости от контекста и от более или менее закрепившихся традиций. Это относится, например, к понятию Я. <...> «я» у Декарта оформляется обычной строчной буквой (я мыслю, следовательно ...т.д.) без курсива <...>. Например, в соседних фразах могут встретиться я строчное и Я заглавное – даже применительно к одному и тому же автору. Когда Декарт говорит «я мыслю» (а Леви-Строс об этом рассуждает), я будет строчным, но как только встает вопрос «что есть Я?» (где я становится предметом рассуждения и переходит из области склоняемых местоимений первого лица единственного числа в область несклоняемых элементов, выпадающих из морфолого-синтаксического строя фразы), оно пишется с заглавной буквы – Я. Итак, Я заглавное обобщает единообразием написания целый ряд различных смысловых контекстов, где встречаются Я воображаемое и Я реальное, самотождественность Я, множественность Я, образ Я, отчуждающие функции Я и многое другое» [Автономова, 2008, с.23-24].

Список литературы

Автономова Н.С. Философия и филология (о российских дискуссиях 90-х годов) [Электронный ресурс] // Логос. 2001, №4. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2001_4/09.htm.

Автономова Н.С. О философском переводе // Вопросы философии. 2006. №2. С.89-101.

Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыты философии языка / Н.С. Автономова. – М.: РОССПЭН, 2008. 704 с. (Humanitas).

Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.iph.ras.ru/avtonomova.htm>.

Наталья Автономова отвечает на вопросы “Логоса” [Электронный ресурс] //

Логос. 1999, № 9. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_09/1999_9_02.htm.

*Демина Е.Г.
Чуреева О.А.*

Медицинская академия имени С.И. Георгиевского
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»
г. Симферополь (Россия)

*Demina Elena
Chureyeva Olga*

Medical Academy named after S.I. Georgievsky
«V.I. Vernadsky Crimean Federal University»
Simferopol (Russia)

*ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК
ИНОСТРАННОГО: ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ*

*TRADITIONS AND INNOVATION IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE PRACTICE:
PARTICULARITIES OF TEACHING NEW GENERATION STUDENTS*

Настоящее исследование посвящено проблемам, связанными с особенностями восприятия информации современными студентами, аналитическим осмыслением инновационных тенденций в системе образования, современной практике преподавания РКИ, и отражает фундаментальную необходимость понимания механизма генерирования смыслов посредством различных языков и культур. Приоритетной целью является поиск единой универсальной методологической платформы, которая позволила бы объединить традиционные и новые методы в систему, одинаково эффективную применительно к условиям работы как в цифровом пространстве, так и в реальном.

This study focuses on the issue dealing with capture and effectively implement of new trends in foreign language teaching practice and reflects a fundamental need for understanding how humanity generating meaning through its various languages and cultures. A priority goal is the search for a universal methodological platform that would allow to combine traditional and new methods in the system, which may be equally effective in regard to conditions of work in the digital space and in real. The article includes actual issues linked with consideration of particularities of thinking and perception new generation students which is called Generation Y.

The issue raised in this study touch upon many important aspects dealing with development of the tools congruent to contemporary requirements. Our intention has been to take into consideration an efficient methodology of foreign language teaching and comprehension of new methods in the frames of the changing cultural paradigm. We have not the aim to cover the discussion about education 2.0, but intent to apply the some elements of web space scaffolding to the plan of constructing of foreign language lesson. Such an approach promotes the conscious involvement of students in studying process and high degree of learning motivation.

Ключевые слова: восприятие информации, поколение Y, инновации, концепция 2.0, Wikiteacher, междисциплинарность, поперечная компетенция.

Key words: information perception, Generation Y, innovation, conception, 2.0, Wiki teacher, Interdisciplinary, Transversal competence.

Актуальность данного исследования обусловлена тем интересом, который в настоящее время вызывает у лингвистов поиск путей адекватного решения острых проблем, связанных с практикой преподавания РКИ в условиях стремительно меняющегося мира. В данной связи следует подчеркнуть, что сегодня происходит активное взаимодействие и взаимовлияние двух планов действительности: киберпространства и мира осязаемых реалий. В результате тектонического сдвига, произошедшего в социокультурной парадигме в начале третьего тысячелетия, образовался когнитивный разлом между поколениями.

Развитие и усложнение киберпространства, проникновение информационных технологий в повседневную жизнь принесли не только комфорт, но и целый ряд проблем. «Существуя в одном территориально-временном пространстве, представители различных поколений оказываются вовлечены в несвязанные между собой информационные потоки с различными приоритетами подачи и интерпретации информации, что формирует у каждого из них свои особенности восприятия и мышления»²⁰.

В этой связи имеет смысл рассмотреть вопрос о специфике мышления и поведения молодых людей в возрасте 17-25 лет, родившихся на рубеже XX в XXI веков (в период с 1990 по 2010 годы). Для обозначения этой генерации используются разные способы вербальной номинации: «миллениумы», «сетевое» поколение, поколение «next», поколение «Apple». Социологи по отношению к молодым людям, не заставшим мир без Интернета, оперируют обозначением «поколение Y». Этот термин вошел в обиход благодаря «Концепции четырех поколений» американских исследователей William Strauss и Neil Howe.

В результате глобализации впервые за многие десятилетия поколение Y в мире и России почти не отличаются друг от друга. Игреки завершили переход от логико-структурной формы мышления к иконической. До Интернет-эры потребители информации были текстологически ориентированными, получали образование путем наращивания усложняющихся смыслов; основным источником информации (не всегда легкодоступным) была книга. При этом сам процесс обучения способствовал логической структуризации знания, формированию понятийного мышления. Новое поколение, формирующееся в условиях активного развития форм фрагментарного представления знаний, сведений и

²⁰ Карпушкина Г.И., Особенности восприятия информации современными российскими студентами / Г.И. Карпушкина, И.Ю. Ляпина, К.С. Дьяконова, Р.В. Соколов / [Электрон. ресурс] // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – № 6 – С. 116-117 Режим доступа: www.rae.ru/meo/?section=content&op=show_article&article_id=5036.

впечатлений имеет иконический тип мышления²¹. Информация для студентов престала быть труднодоступной и исключительно текстовой. Игреки осваивают информацию по горизонтали. «На смену текстологической парадигме пришла эпоха исследования динамических образов. Сформировалась клиповая ментальность, возникшая как отклик на «прорастание» экранной культуры в сознании людей»²².

В этих условиях усложняется роль преподавателя РКИ, которому необходимо представлять себе когнитивные возможности студента, знать и понимать особенности виртуальной среды его обитания. Эта информация поможет скорректировать систему взаимоотношений «преподаватель – студент», структурные элементы которой принадлежат не только к разным поколениям, но к конфликтующим когнитивным пространствам: образному и логико-понятийному.

С уменьшением репродуктивного сегмента в системе образования стала терять своё значение и структурная организованность знания. Отсутствие необходимости запоминать большой объем информации привела к тому, что молодежь зачастую демонстрирует безграмотность, некомпетентность, отсутствие элементарных сведений в тех или иных областях. Студенты легко ориентируются в системах поиска информации, но сталкиваются с трудностями в ее структуризации и систематизации. В этой связи обучение логико-структурному мышлению становится, если не первоочередной, то достаточно важной задачей преподавателя.

Существуя в мире, перенасыщенном информацией, студенты-игреки привыкли, с одной стороны, одновременно использовать несколько источников информации, с другой стороны, они стремятся ограничить этот поток конкретными прагматическими целями и задачами. Преподаватель должен быть готов на любом этапе передачи знаний ответить на вопрос о практической ценности выполняемой в данный момент работы. Следует отметить, что в этом случае преподаватели РКИ оказываются в выигрышном положении, поскольку целеполагание на каждом этапе работы – один из базовых принципов методики РКИ.

Еще одной важной характеристикой студентов поколения Y является нацеленность на результат и жесткий контроль времени, затраченного на учебу. Им нужны четкие

²¹ Нургалева Л.В. Конфликт иконических и логических форм интеллекта в современной образовательной среде [Электронный ресурс] // Открытое и дистанционное образование. - 2005. - № 2. - С. 46-51. – Режим доступа: http://huminf.tsu.ru/kaf/sotr/kaf/scientworks/nurgaleeva/1_confl.doc

²² Нургалева Л.В. Конфликт иконических и логических форм интеллекта в современной образовательной среде [Электронный ресурс] // Открытое и дистанционное образование. - 2005. - № 2. - С. 46-51. – Режим доступа: http://huminf.tsu.ru/kaf/sotr/kaf/scientworks/nurgaleeva/1_confl.doc

рекомендации, своеобразные «дорожные карты» для решения, поставленных задач. Молодые люди новой генерации привыкли получать в сети мгновенные ответы на любой интересующий их вопрос, они и от преподавателя ждут всеобъемлющей осведомленности в данный конкретный момент времени. Задавая вопрос, они хотят получить на него четкий ответ и не воспринимают пространные рассуждения.

Поколение Y сформировалось в период постмодернистского размывания значения авторитетов. «Старшие поколения уже не являются важнейшими носителями информации, они утратили свою роль единственных источников знаний и опыта. Для новых поколений главными, подчас, единственными, источниками информации становятся Интернет и телевидение»²³. Подтверждением данного тезиса может служить тотальная приверженность сетевого поколения принципам «лайфхака» (Интернет-рекомендации, облегчающие жизнь и помогающие просто решить любую проблему). Таким образом, преподавателю необходимо не столько апеллировать к авторитету тех или иных ученых, сколько к аргументационным базам той или иной теории или научной школы.

Исследуя особенности представителей поколения двухтысячных, психологи отмечают приоритет зрительного восприятия. Игрекам трудно долго концентрировать внимание на одном объекте изучения, воспринимая большие пласты информации, зачастую они осваивают ее поверхностно, не склонны анализировать и перепроверять. В связи с этим возникают трудности в овладении такими видами учебной работы, как лекция, самостоятельная и научная работа. Зная, где и как добывать информацию, современный студент теряет навык продуцировать собственный текст. Вместо этого он либо подыскивает чужой текст, соответствующий заданным параметрам, или механически компилирует тексты разного уровня и стиля.

Все перечисленные особенности мировосприятия игреков затрудняют процесс получения качественных знаний. Решать эти проблемы предстоит преподавателям, относящимся к иному поколению, с иной ценностной шкалой, с иным типом мировосприятия. Чтобы сблизить два способа мышления, две различные базы знаний и подходов к освоению мира, необходимо несколько иначе взглянуть на практику преподавания РКИ и надстроить над прочной базой отечественной образовательной традиции гибкую конструкцию, которая позволит быстро и легко осуществлять трансфер опыта и

²³ Карпушкина Г.И., Особенности восприятия информации современными российскими студентами / Г.И. Карпушкина, И.Ю. Ляпина, К.С. Дьяконова, Р.В. Соколов / [Электрон. ресурс] // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – № 6 – С. 116-117 Режим доступа: www.rae.ru/meo/?section=content&op=show_article&article_id=5036.

необходимых знаний из пункта А (от педагога-носителя языка) в пункт Б (к изучающему новый язык) с наибольшим коэффициентом полезного действия.

При этом следует учитывать два основополагающих момента. Во-первых, овладение языком в неязыковом вузе должно сопровождаться обучением логико-структурному мышлению. Поскольку язык – это система, постольку обучение языку уже само по себе способствует развитию системного мышления. Как нельзя лучше развитию понятийного мышления способствует обучение конспектированию, тезированию, реферированию. Приобретение навыков сворачивания информации сопровождается структурированием и глубоким анализом текста.

Во-вторых, взаимопонимание студента и преподавателя достигается не только путём обучения студента иному способу мышления, но и желанием преподавателя овладеть языком нового поколения, глубже познакомиться с номинациями и реалиями их универсума. Так, например, преподавателю РКИ при объяснении материала небесполезно иметь в виду, что в разговорном языке студента «notebook» – это тетрадь, а ноутбук – это «laptop»; «tablet» – планшет, а таблетка – «drug». В этом случае при ответе на вопрос: «Что это?», – значительно снижается риск неправильной интерпретации, и студенты понимают, что осваивают не застывший язык, а живой, функциональный, который они могут использовать за пределами аудитории. Также преподаватель должен помочь студенту ответить на вопрос: «Как правильно сказать по-русски?», – когда речь идёт не о хрестоматийных фразах, а о том, что имеет отношение к реалиям нового времени. В качестве примера можно привести следующие сочетания: work on FB & VK – общаться в социальных сетях (НЕ сидеть, НЕ работать); speak by skype – говорить по скайпу, звонить по скайпу; to recharger – зарядное устройство; to clear rework – отработать занятие; to do gym – ходить в тренажёрный зал, качаться, заниматься фитнесом, бодибилдингом.

Трудность заключается в соблюдении баланса между данным и должным, между проверенными временем методиками и назревшими реформами.

Вслед за Тимом О'Рэйли, который ввёл в обиход термин «веб 2.0» для обозначения новой цифровой парадигмы, мы будем рассматривать концепцию 2.0 как универсальную платформу, некое структурно организованное пространство, выстраиваемое в принципиально ином ключе, нежели предшествующие модели отношений. Были созданы условия для формирования образовательного подхода, которому канадский педагог Стефен Доунс дал

название «Образование 2.0». Вики-проекты (Wikipedia) – наиболее популярный сервис второго веба.

В реальной педагогике воплощением этой идеи может стать концепция учителя нового поколения (Wikiteacher) с поперечной компетенцией (Т-competence), которая предполагает не только профессиональную подготовку в узкой специальности, но также и междисциплинарный опыт. Это означает, что преподаватель должен иметь широкие знания как в области целевого предмета, так и в смежных дисциплинах, то есть должен быть компетентным в вопросах, касающихся исторических процессов, культурологических, психологических и др. Кроме того, необходимо обладать базовыми знаниями в области географии, политики, экономики, этики и, безусловно, искусства, поскольку это важно для эффективного преподавания РКИ.

Например, чтобы объяснить иностранцу, почему в современном русском языке (в современной культуре) отсутствует этикетная форма уважительного обращения к незнакомому человеку (как «господин», «сэр», «мисс», «мадам» и т.д.), требуется развернутый лингвострановедческий комментарий с экскурсом в историческое прошлое, необходимо объяснить причины и следствия сдвига в политическом устройстве страны, повлекшие серьёзные изменения в культурной парадигме, образе мышления и языке. В некоторых странах обращение по имени и отчеству считается фамильярным, в то время как в странах постсоветского пространства это универсальная этикетная форма вежливого обращения в контексте институционального общения. Важным параметром компетенции преподавателя РКИ должна быть готовность сразу ответить на любой вопрос, связанный с языковой подготовкой, социализацией и аккультурацией. Одним из ключевых факторов эффективного обучения является живой интерес к предмету изучения, воодушевление и осознание личной пользы. Если этот интерес не удовлетворяется, теряется мотивация к изучению языка. Следовательно, формула «дающий вовремя даёт вдвойне» в русле новой методологии особенно актуальна.

Если невозможно немедленно удовлетворить интерес студентов и по каким-то причинам дать ясный и понятный ответ, wikiteacher должен понятно объяснить, как найти эту информацию, обозначить кратчайший маршрут поиска. Таким образом, одним из важных параметров эффективного обучения в рамках новой методологии является объёмный социокультурный тезаурус преподавателя, способность установить эмоциональный контакт, ответить на любой вопрос, связанный с изучением, освоением и осмыслением языка и его

функций. Кроме того, если преподаватель обладает металингвистической компетенцией и владеет родным языком студента, это в значительной мере способствует повышению эффективности процесса и не только потому, что в этом случае преподаватель может быстрее подобрать нужные ключи к объяснению конкретного лингвистического материала и выбрать кратчайший маршрут освоения целевого языка, но и в значительной степени благодаря психологическим факторам: повышение авторитета преподавателя, осознание своих возможностей и ресурсов («если преподаватель знает мой язык, значит, я тоже могу и должен освоить в совершенстве русский язык»). На смену модели, в соответствии с которой наиболее успешный студент задавал темп и динамику процесса обучения, создавая атмосферу здоровой конкуренции и соревновательности среди студентов, в эпоху сотрудничества и взаимодействия, таким пэйсмэйкером может стать преподаватель, и студенты будут следовать за ним, помогая друг другу преодолевать препятствия.

Когда поднимается вопрос о внедрении в учебный процесс инновационных технологий и разгорается дискуссия по этому поводу, как правило, её участники оказываются по разные стороны баррикад: одни готовы броситься в океан инноваций, и активно использовать в работе все новейшие технические средства (интерактивные доски, мультимедийное оборудование, трёхмерное моделирование, симуляционные технологии, робототехнику, планшеты с электронной библиотекой и специальными программами); другие сдерживают осаду инноваторов и бдительно следят за тем, чтобы учителя и учащиеся не отступали от буквы бумажного базового учебника. В связи с этим в самом начале важно обозначить важный тезис: все технологии эры 2.0 (термин Тима О'Рэйли) основаны на постулате сотрудничества и консенсуса. А это значит, что в вопросе традиций и инноваций также важно обнаружить точку баланса и разумно подходить к применению той или иной техники в рамках стратегии обучения, сообразуясь с целями и задачами. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что под сочетанием инновационные технологии понимаются не столько конкретные технические средства, сколько пути и инструменты решения образовательных задач. Новые технологии не являются угрозой для традиционных методов. Их предназначение состоит в том, чтобы улучшить, усовершенствовать систему обучения и повысить показатели эффективности с учётом новых реалий и условий существования человека в мире, которые нельзя не принимать во внимание. Девиз новой модели образования можно определить как «Никто не умнее всех» (Кевин Келли). Однако означает ли это, что правило: «должен быть только один генерал» в рамках новой парадигмы

несостоятельно? В данной связи следует отметить, что преподаватель по-прежнему является главным авторитетом, к помощи которого студент будет прибегать во всех сложных случаях. При этом важно осознавать, что сегодня учащийся получает информацию из разных источников, осуществляя поиск самостоятельно по разным каналам. Преподаватель, таким образом, часто выступает в роли третейского судьи, и это требует от него высокой квалификации, компетентности, наличия широкого кругозора. Следовательно, сегодня имеет смысл говорить о таких параметрах преподавания и обучения, как мобильность, гибкость и многоканальность.

Анализ современной образовательной среды, тенденций и векторов обучения языку позволил сделать некоторые выводы относительно заявленной в заглавии проблемы. Прежде всего, необходимо отметить, что главное различие между традиционными методами и инновационными состоит не в уровне технической оснащённости, а в характере отношений. Если исходить из тезиса о том, что главная цель образования – вызвать интерес к процессу обучения, сделать его доступным, лёгким, и максимально повысить его эффективность, то очевидным оказывается, что перенос принципов концепции веб 2.0 в плоскость образования, в частности преподавания РКИ или любого другого языка, будет отвечать требованиям глобализованного мира и, следовательно, позволит добиться высоких результатов.

Однако если погрузиться в освоение цифрового пространства с неоправданным фанатизмом и внедрять технические новшества слепо и бездумно, следуя лишь модной тенденции, есть опасность потерять фундамент и, в окружении новых технологий оказаться дезориентированными и беспомощными. Поэтому важной задачей является создание платформы эффективного обучения языку в режимах on-line и off-line, которая позволит применять цифровые технологии, опираясь на традиционные методы преподавания и мышления. Экстраполируя ключевые идеи платформы веб 2.0 на плоскость преподавания иностранных языков, мы можем более отчётливо осознать принципы, на которых выстраивается взаимодействие между всеми участниками современного процесса обучения. В этой связи отметим несколько важных оппозиций новой парадигмы: 1) отношения – технологии, 2) междисциплинарность – узкая специализация, 3) уроки с открытой структурой (torrent) – строгие таксономии (skeleton), 4) сотрудничество и обмен – диктатура авторитета, 5) функциональный подход (для чего?) – субстанциональный (что?), 6) Интернет (многоканальность) – доска (единственный визуальный источник), 7) эвристические игры – дриллинг (механическое заучивание), 8) учебник как дополнительная опция – учебник как

обязательный атрибут, 9) эргономичность – давление и стресс, 10) мультилингвизм – монолингвизм.²⁴ Представляется, что такое понимание информационного пространства позволит приблизиться к точке баланса между фундаментальной традицией и необходимостью ее модернизации с помощью внедрения инноваций.

Стремительный темп жизни диктует новые условия человеческой экзистенции, взаимодействия с окружающей средой, аккультурации. В этом контексте практическая разработка вопросов, изложенных в настоящем исследовании, может быть плодотворной и полезной для совершенствования процесса преподавания иностранных языков в соответствии с требованиями глобализованного мира.

Список литературы

- Карпушкина, Г.И.*, Особенности восприятия информации современными российскими студентами / Г.И. Карпушкина, И.Ю. Ляпина, К.С. Дьяконова, Р.В. Соколов [Электрон. ресурс] // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – № 6 – С. 116-117 Режим доступа: www.rae.ru/meo/?section=content&op=show_article&article_id=5036.
- Нургалева, Л.В.*, Конфликт иконических и логических форм интеллекта в современной образовательной среде. [Электронный ресурс] // Открытое и дистанционное образование. – 2005. – № 2. – С. 46–51. – Режим доступа: http://huminf.tsu.ru/kaf/sotr/kaf/scientworks/nurgaleeva/1_conflict.doc
- О’Рейли Т.*, Что такое Веб 2.0 [Электронный ресурс] / Тим О’Рейли // Компьютерра. – 2005. – 14 октября (№ 609) – Режим доступа: <http://old.computerra.ru/offline/2005/609/233483/>
- О’Рейли Т.*, Что такое Веб 2.0 [Электронный ресурс] / Тим О’Рейли // Компьютерра. – 2005. – 19 октября (№ 610) – Режим доступа: <http://old.computerra.ru/offline/2005/610/234291/>
- Anderson, P.* (2007). What is Web 2.0? Ideas, technologies and implications for education. [Electronic resource] / JISC Technology and Standards Watch, – Feb. 2007. Bristol: Режим доступа: <http://www.jisc.ac.uk/media/documents/techwatch/tsw0701b.pdf>
- Chureeva, O.* Foreign language teaching: version 2.0 / O. Chureeva // Proceedings of International Academic Conference on Education, Teaching and E-learning (IAC-ETeL 2013) –Prague: MAC Prague consulting s.r.o. – 2013. – pp.57-63
- O’Reilly, T.* What is Web 2.0: Design Patterns and Business Models for the next generation of software. [Electronic resource] / O’Reilly T / Режим доступа: <http://www.oreillynet.com/pub/a/oreilly/tim/news/2005/09/30/what-is-web-20.html>

²⁴ Chureeva, O. Foreign language teaching: version 2.0 / O. Chureeva // Proceedings of International Academic Conference on Education, Teaching and E-learning (IAC-ETeL 2013) –Prague: MAC Prague consulting s.r.o. – 2013. – pp.57–63

Екшембеева Л.В.

Нуршаихова Ж.А.

Казахский национальный университет им. аль-Фараби
г. Алматы (Казахстан)

Yekshembeyeva Lyudmila

Nurshaikhova Zhanar

Al-Farabi Kazakh National university
Almaty (Kazakhstan)

*ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС САЙТА: ДИСКУРСНЫЕ СТРАТЕГИИ, ЯЗЫК,
МОДЕЛИРОВАНИЕ*

*IDEOLOGICAL DISCOURSE OF THE WEBSITE: DISCOURSE STRATEGIES, LANGUAGE,
MODELING*

В статье анализируется дискурсивная природа сайтов как единицы коммуникации в информационном пространстве Интернета. Сайт компании представляет собой её идеологический портрет, с помощью которого и обеспечивается идентификация компании на рынке и в социуме. Содержанием идеологического портрета становятся: система ценностей группы людей, объединенных в компанию; их коренные интересы; место в обществе и бизнесе; отношения внутри компании; внешние связи с властью, другими компаниями и группами компаний; цели и программы деятельности. Средством создания идеологического портрета определяется идеологический дискурс. Всё это определяет тот факт, что сайт компании как идеологический дискурс может быть исследован как средство презентации компании себя с целью социальной идентификации в глобальном информационном пространстве.

Объектом исследования определен идеологический дискурс сайтов казахстанской компании «Казакхмыс» и Фонда национального благосостояния «Самрук-Казына» Республики Казахстан.

Цель исследования – выявить специфику идеологического дискурса сайта как средства социальной идентификации компаний и как средства воздействия на посетителей сайта. Анализ языковых средств реализации дискурсивных стратегий, общего лексического фона позволяют осуществить ментальное моделирование содержания идеологического дискурса сайта в системе моделирующих утверждений и дать оценку эффективности инструментов социальной идентификации компании.

This article analyzes the discursive nature of the websites as a unit of communication in the information space of the Internet. A company's website is its ideological portrait, which provides the identification of the company in the market and in society. The contents of the ideological portrait are: the system of values of the group of people united by the company; their fundamental interests; their place in society and business; their relationships within the company; their external relations with the authorities, other companies and groups of companies; their objectives and program of activities. Ideological discourse is defined by creating an ideological portrait. All this determines the fact that the company's website, being an ideological discourse, can be studied as a means of presenting the company itself for the purpose of social identity in the global information space.

The objects of study are ideological discourse of the websites of the Kazakh company "Kazakhmys", and the National Welfare Fund of the Republic of Kazakhstan "Samruk-Kazyna".

The purpose of the research is to identify the specificity of the ideological discourse of the website as a means of social identification of companies, as well as the means of influencing the visitors. The analysis of language resources of implementing discursive strategies and general lexical background, allow a mental simulation of the content of ideological discourse of the website in the system of the model forming assertions, and evaluate the effectiveness of the tools of social identification.

Ключевые слова: сайт, дискурс, дискурсная стратегия, номинация, позиционирование, целеполагание, компания, социальная идентификация.

Key words: Website , discourse, discursive strategy , nomination , positioning, goal-setting , the company, social identification.

Современная речевая культура во многом определяется появлением Интернета – глобальной современной сферы коммуникативного взаимодействия. Он создает условия не только для опосредованного межличностного общения, но и общения субъектов в сферах различных социальных практик как на родном языке, так и на изучаемом. Каждая компания, любой человек, становясь субъектом социально-экономической реальности, вступает в те или иные отношения с другими субъектами социума. От того, как наш субъект будет воспринят в обществе, зависит успешность или неуспешность его деятельности. Успех в обществе часто определяется уровнем культуры презентации, тем, как человек или компания позиционируют себя. Под влиянием презентации их социальная роль и профессиональная деятельность оценивается общественностью. Эта оценка и формирует общественное мнение.

Реализация стратегий социального позиционирования отдельной компании в условиях общей глобализации наиболее успешно осуществляется через сайт. Именно поэтому уже создана целая индустрия разработки сайтов. Важнейшим инструментом создания сайта является контент, а точнее, текстовое поле сайта. Формируя информационное поле сайта, разработчики создают тексты. Поскольку текст реально функционирует в контексте сайта, оказывая воздействие на его посетителей, корректнее назвать его дискурсом. А точнее, институциональным дискурсом, обслуживающим, во-первых, саму компанию, обеспечивая её социальную идентификацию, во-вторых, - её потенциальных клиентов, партнеров, всех, кому интересна её деятельность. Социальная идентификация компании обеспечивается целой системой дискурсных стратегий: номинации, позиционирования, целеполагания, языкового выражения.

Стратегии создания привлекательного образа компании, как правило, специально разрабатываются и реализуются через создание идеологического портрета компании. Идеологический портрет компании выполняет функцию её идентификации на рынке и в социуме.

Термин идеологический портрет компании выведен нами через осознание понятия «идеологическая социализация», под которой понимаются абстрактные идеологические установки и верования: «свойства текста и речи позволяют нам формулировать и выражать

абстрактные идеологические верования самым непосредственным образом. ... Идеологическая социализация, таким образом, осуществляется в дискурсе» [ван Дейк, 1998, с. 43].

Е. Краснова под идеологической социализацией понимает «двусторонний, взаимообусловленный процесс взаимодействия индивида с идеосферой общества, результатом которого является избирательное усвоение индивидом идеологических ценностей, формирование собственной ценностной иерархии» [Краснова, 2009, с.6].

Содержанием идеологического портрета становятся: система ценностей группы людей, объединенных в компанию; их коренные интересы; место в обществе и бизнесе; отношения внутри компании; внешние связи с властью, другими компаниями и группами компаний; цели и программы деятельности. Средством создания идеологического портрета определяется идеологический дискурс. Вслед за Т. ван Дейком мы соотносим толкование понятия *дискурс* с его абстрактным смыслом, что позволяет говорить об идеологическом дискурсе, функционирующем в определенной социальной общности или в целой культуре [Т. ван Дейк 1998].

В процессе идеологической социализации посредством дискурса и создается идеологический портрет компании, который обеспечивает её социальную идентификацию. Сайт компании является одной из современных форм идеологического дискурса.

Базовой составляющей сайта компании как идеологического дискурса является система фонового (социального) знания о компании. Создавая дискурс, компания презентует себя системой параметров, характеристик, сущностей и отношений между ними с целью создания идеологического портрета как средства идентификации компании в социуме. Вместилищем знаний и основным транслятором их является язык.

Языковые средства репрезентируют совокупность знания о компании в упорядоченной системе утверждений. Для каждого утверждения дискурса, как считает Ф. Джонсон-Лэрд, [Джонсон-Лэрд, 1988, с.284] строится своя ментальная модель. Утверждение способно стать основой ментальной модели дискурса при условии экспликации базовых сущностей. Каждое новое утверждение добавляет к этой модели новые сущности, свойства или отношения. Все сущности, упомянутые в утверждениях, должны сохранять в ментальной модели дискурса свои свойства или отношения; если устанавливается ложность утверждения относительно имеющейся модели, то требуется модифицировать модель.

Таким образом, основным инструментом социальной идентификации компании

становятся фоновые знания о её деятельности, выстроенные как ментальная модель идеологического дискурса сайта и переданные языковыми средствами.

Объектом для исследования нами был избран идеологический дискурс сайтов Фонда национального благосостояния «Самрук-Казына» Республики Казахстан и казахстанской компании «Казахмыс». Цель исследования – определить, насколько успешно сайт осуществляет идеологическую социализацию компании.

Материал исследуемых сайтов, как и ожидалось, представлен системой утверждений, которые и формируют ментальную модель фонового знания о компании. Основными стратегиями презентации компаний с целью их социальной идентификации являются стратегии номинации, целеполагания, позиционирования и языковая стратегия. Важной стратегией презентации является номинация компании. Анализ материалов сайта компании «Казахмыс» позволил выявить систему номинации, которую заявляет сама компания: *группа, компания «Казахмыс»; ведущая компания, крупная международная компания, интегрированная группа*. Расширение номинации осуществляется а) за счет позиционирования себя по отношению к другим компаниям - *крупнейшая казахстанская компания, крупнейший производитель, одна из крупнейших казахстанских компаний, один из крупнейших производителей*; б) за счет включения в номинацию информации о сфере деятельности - *крупнейший отечественный поставщик электроэнергии в Казахстане, крупнейший производитель электроэнергии в Казахстане, крупная международная компания по добыче и переработке природных ресурсов, наиболее гибкий низкотратный производитель меди, полностью интегрированный производитель меди, один из низкотратных производителей меди в мире, одна из немногих в мире полностью интегрированных производителей меди в мире*.

Через вариативную систему номинации, использованную в презентации компании на сайте, формируется фоновое знание о компании – *очень крупная (крупнейшая), казахстанская, поставляющая электроэнергию внутри страны, вышедшая на международный уровень (международная, одна из ... в мире) по добыче и переработке природных ресурсов и, прежде всего, производству меди*. Это позволяет представить компанию как сильную, дееспособную, успешную, создающую конкуренцию на мировом рынке в области добычи и переработки природных ресурсов.

На фоне этого знания формулировка цели – *стать ведущей компанией по добыче и переработке природных ресурсов в Центральной Азии* - рассматривается как некорректно

сформулированная: более низкая оценочность прилагательного *ведущий* по сравнению с *крупнейший*; сужение сферы деятельности с *мира* до *Центральной Азии*. Это может быть рассмотрено как ложное утверждение, которое требует модификации ментальной модели дискурса.

Стратегия указания на рейтинг компании (*входит в список компаний FTSCI00*) и её регистрацию на Лондонской и Гонконгской фондовых биржах расширяет фоновое знание. Истинность утверждения формируется через ментальную модель позитивной оценки компании.

Своеобразным средством социальной идентификации компании является лексический фон дискурса. К сожалению, глагольная лексика, используемая в предложениях дискурса сайта при агенте «Казахмыс» - *привлек, участвует, представила, удовлетворяет, планирует увеличить, стремится увеличить, добивается, располагает, управляет, владеет, входит, имеет* – не поддерживает свойства и отношения положительного образа компании, сформированного при реализации стратегий номинации и указания на рейтинг. Система утверждений, сформулированных с использованием указанных предикатов, не моделирует образ сильного и самодостаточного субъекта мировой экономики и не может выстроить идеологическую модель, с которой компании следует отождествлять себя. Нарушается одна из процедур, указанных Ф. Джонсом-Лэрдом: *Все сущности, упомянутые в утверждении, должны сохранять в этой модели свои свойства или отношения.*

Фонд национального благосостояния «Самрук-Казына» позиционирует себя в обществе, во-первых, через статусные характеристики и, во-вторых, через роль, которую он играет в обществе.

Статусные характеристики определены содержанием его деятельности (*фонд, фонд национального благосостояния «Самрук-Казына»*), а также типом его организационно - управленческой модели – *стратегический холдинг, фонд и компании.*

Категоризация языковых средств номинации компании позволила выявить реализацию стратегии позиционирования в идеологическом дискурсе сайта через выполнение экономических и политических функций в обществе. О своей важной роли в экономической жизни страны Фонд заявляет через номинацию себя в системе следующих языковых средств: *катализатор развития несырьевых компаний, основа поддержания устойчивого функционирования экономики, участник инвестиционной деятельности (активный, многоплановый).* О его политической роли свидетельствуют номинации: *ключевой партнер в*

реализации поручений Президента Республики Казахстан в рамках ежегодного Послания народу страны и ряда государственных программ, проводник политики государства.

Реализованная стратегия номинации позволяет сформулировать ключевое утверждение ментальной модели дискурса сайта Фонда:

Фонд национального благосостояния «Самрук-Казына» реализует свое назначение в рамках деятельности, организованной по модели стратегического холдинга, что и определяет его ведущую экономическую и политическую роль в стране.

Дискурсная стратегия целеполагания реализуется на сайте описанием целей деятельности Фонда. Категоризация целей позволяет определить три их типа.

Первый тип представлен целями деятельности Фонда, определенными его статусными характеристиками: *повышение эффективности деятельности компаний, входящих в холдинг; активизация работы в регионах; укрепление межотраслевых и межрегиональных связей; максимальное использование имеющихся преимуществ и возможностей.*

Второй тип целей связан с приоритетами экономической деятельности: *управление принадлежащими Фонду пакетами акций национальных институтов развития, национальных компаний и других юридических лиц для максимизации их долгосрочной ценности и повышения их конкурентоспособности на мировых рынках; содействие в модернизации и диверсификации национальной экономики; содействие в стабилизации экономики страны; быстрое и оперативное решение вопросов по привлечению инвестиций в реальный сектор экономики; активная инвестиционная деятельность в приоритетных секторах экономики.*

Политическая составляющая, выявленная нами как результат стратегии номинации и позиционирования (*ключевой партнер в реализации поручений Президента, проводник политики государства*), практически не реализована стратегией целеполагания. Цель, сформулированная как *оказание максимального содействия Правительству Республики Казахстан*, не поддерживает презентацию Фонда как проводника политики государства и как ключевого партнера в реализации поручений Президента. Следовательно, требуется либо корректировка языковых средств, используемых разработчиками сайта для реализации стратегии номинации и позиционирования, либо уточнение формулировок целей деятельности компании.

Позитивная оценка компании составляется не только на основании вариативного использования номинаций, оценки стратегии, целей компании, но и на принципах и ценностях, на которых строится слаженная работа коллектива. Если принципами деятельности Фонда являются соблюдение интересов государства, оперативность в принятии решений и их реализации, социальная ответственность и законность, а во главу деятельности ставятся не только такие ценности, как командный дух, но и доверие, уважение, а также меритократия в противовес семейственности и бюрократии, то в таком случае можно говорить о миссии Фонда, повышающего национальное благосостояние Республики Казахстан.

Предикативная составляющая описания деятельности Фонда поддерживает ключевое утверждение ментальной модели дискурса сайта. Наиболее частотными являются глаголы и глагольные слова с семантикой активного физического и ментального действия: *оказывает* (содействие / поддержку), *содействует*, *способствует* (реализации), *осуществляет*, *создает*, *налаживает*, *действует*, *повышает* (конкурентоспособность), *функционирует*, *взаимодействует*, *управляет*, *поддерживает*, *реализует*, *активизирует*, *модернизирует* и др.

Приведенные примеры как система утверждений, сформулированных с использованием указанных выше предикатов, вполне соответствуют задаче презентации – созданию текстовых форм воздействия на сознание людей и получению в результате создания контента образа сильного, яркого и финансово мощно укрепленного инвестиционного Фонда.

Использование богатейшего словаря отглагольных существительных, формирующих когнитивный образ субъекта мировой экономики, полновесно подчеркивает работу описанных выше предикатов для создания идеологического портрета компании «Самрук-Казына». Одно только перечисление использованных в дискурсе отглагольных существительных работает над образом: *активизация*, *взаимодействие*, *влияние*, *диверсификация*, *достижение*, *использование*, *модернизация*, *обеспечение*, *отношение*, *повышение*, *поддержание*, *поддержка*, *превращение*, *притяжение*, *развитие*, *разработка*, *расширение*, *реализация*, *решение*, *соблюдение*, *содействие*, *увеличение*, *укрепление*, *управление*, *упреждение*, *утверждение*.

Следует обратить внимание на то, что в словаре нет ни одного слова, создающего отрицательный эффект воздействия на ментальное восприятие предлагаемого презентационного материала.

Неоспоримо также влияние использованных прилагательных и причастий в качестве инструмента социальной идентификации компании при создании ментальной модели идеологического дискурса сайта. Достаточно перечислить некоторые из них, чтобы получить наглядное представление об успешном осуществлении идеологической социализации: *активная инвестиционная деятельность, достигшие лучших мировых практик, инвестиционное сотрудничество, инвестиционная деятельность, инновационные, индустриальные и инфраструктурные проекты, интеллектуальное притяжение, ключевой партнер, командный дух, мультипликативный эффект, национальная экономика, национальное благосостояние; региональный, национальный и международный масштаб, стратегические международные направления, стремительное инновационное развитие, устойчивое функционирование экономики, эффективная система, эффективное управление активами.*

То же можно сказать и об использованных в дискурсе наречиях: *эффективно осуществляют, тесно взаимодействуют.*

Определив по выстроенной структуре презентационного дискурса акционерного общества «Фонд национального благосостояния «Самрук-Казына», что все сущности, упомянутые в утверждении, сохраняют по Ф. Джонсону-Лэрду «свои свойства и отношения», считаем доказанным, что мы имеем в результате проделанной работы положительный образ компании.

Исходя из фоновых лексических значений контента сайта и используя их в качестве инструмента для социальной идентификации компании, можно прийти к выводу, что сконструированная нами ментальной модель презентационного дискурса акционерного общества «Фонд национального благосостояния «Самрук-Казына» представляет собой идеологический портрет компании, требующий его частичной модификации в формулировании цели, либо номинации. В принципе же, базовые инструменты социальной идентификации компании использованы эффективно. При изучении фоновых знаний, которые представляют собой лексическую поддержку дискурса, а также конструируя когнитивную модель сайта, можно сказать, что текстовые формы манипуляции сознанием

были профессионально учтены создателями контента сайта. Дискурсные составляющие контента сайта представлены яркими утверждениями.

Анализ языковых средств выражения утверждений сайта позволяют судить о том, что базовые инструменты социальной идентификации Фонда использованы профессионально и эффективно, дискурсные составляющие контента сайта представляют собой блестящий инструмент воздействия на сознание.

Таким образом, система дискурсных стратегии и анализ языковых средств их реализации позволяют осуществить ментальное моделирование содержания идеологического дискурса сайта в системе моделиобразующих утверждений и дать оценку эффективности инструментов социальной идентификации компании.

Список литературы

Джонсон-Лэрд Ф. Процедурная семантика и психология значения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. – 320с.

Краснова Е.А. Идеологическая социализация современной российской студенческой молодежи: автореф. дис... канд.соц.наук: 22.00.04 / Е.А. Краснова. . Екатеринбург, 2009. – 16 с.

Teun Van Dijk. *Ideology: A Multidisciplinary Approach.* London: Sage. – 1998. – Режим доступа: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm/>

Сайт компании «Казакхмыс». – Режим доступа: www.kazakhmys.com

Сайт Фонда национального благосостояния «Самрук-Казына». – Режим доступа: www.sk.kz

Жизневская О.Н.
Минский государственный лингвистический университет
г. Минск (Беларусь)

Zhiznevskaya Olga
Minsk State Linguistic University
Minsk (Belarus)

АУТЕНТИЧНЫЙ ПЕСЕННЫЙ МАТЕРИАЛ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

AUTHENTIC SONG MATERIAL AT THE LESSONS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE: FROM THEORY TO USAGE

В статье описывается потенциал аутентичного русскоязычного песенного материала в практике преподавания русского языка как иностранного. Даются ссылки на специальные электронные ресурсы, позволяющие изучать иностранные языки, в том числе русский, с помощью песен, а также ссылки на сайты, где учителя и преподаватели русского языка как иностранного активно обсуждают преимущества «музыкальных уроков» и делятся опытом. Приводятся точки зрения преподавателей-практиков, которые обмениваются своими идеями и наработками в сети Интернет, на вопросы включения песен в процесс обучения русскому языку как иностранному. Анализируются экстралингвистические и лингвистические основания для включения песен в уроки РКИ. Рассматриваются основные этапы работы с песенным материалом в иностранной аудитории, и определяется перечень возможных заданий на каждом из этапов. Приводятся конкретные примеры использования аутентичного песенного материала при обучении аспектам языка и различным видам речевой деятельности. Отмечается особая роль песенного материала как средства обучения фонетике, лексике, грамматике; как средства обучения речевым коммуникативным ситуациям; как средства презентации знаний о культуре страны изучаемого языка.

The potential of the authentic song materials in teaching Russian as a foreign language is described. The links to the websites where teachers and students can share their experience and discuss the advantages of "musical" lessons are provided. The points of view of the teachers who are practically oriented and who can share their ideas and experience concerning usage of songs in the teaching process are given. Extra linguistic and linguistic base of working with songs during the lessons is analyzed. The main steps of work and the possible exercises are described. The real examples of usage if the authentic song material are provided in the teaching of aspects of the language. The attention is drawn to using song material in terms of teaching phonetics, lexis, grammar and as a means of teaching communicative situations, as means of presentation of the country of the language being learned.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, аутентичный песенный материал, экстралингвистические основания, лингвистические основания, этапы работы с песенным материалом, виды заданий, обучение аспектам языка, обучение видам речевой деятельности.

Key words: contrastive Russian as a foreign language, authentic song material, extralinguistic base, linguistic base, steps of working with song material, types of exercises, teaching the aspects of the language, teaching the types of speech activity.

Сегодня идея использования музыки в практике преподавания РКИ становится всё более популярной. Так, появляется учебная литература в данной области (например, пособие Н. Федотовой «Не фонетика – песня!» и др.). Создаются специальные сайты, позволяющие изучать иностранные языки, в том числе русский, с помощью песен. Один из таких сайтов – www.languagesbysongs.eu – является результатом слияния трех европейских проектов Grundtvig: “Languages and Integration through Singing”, “French and Spanish language competence through songs” (FRESCO) и “Find a Delightful Opportunity to learn Portuguese through Internet and songs” (FADO). Цель сайта – популяризация методики изучения иностранных языков, основанной на использовании песен, караоке и видеоклипов. Использование на занятиях по РКИ ресурсов сайта www.karaoke.ru, который занимается распространением бесплатных караоке-фонограмм, также дает много возможностей для проведения «песенных» уроков.

С 1 января 2013 на сайте Воронежского государственного университета размещена бесплатная программа для англоговорящих учащихся «Русский язык в песнях»

(<http://www.rusongs.vsu.ru/>) . Это интерактивный проект для тех, кто хочет больше узнать о России и русском языке, изучая популярные русские песни.

Отметим, что сами учителя и преподаватели русского языка как иностранного активно обсуждают преимущества «музыкальных занятий» и делятся опытом в сети Интернет. Например:

http://vk.com/topic-27870_21418967,

<http://www.russianedu.ru/phorum/viewtopic.html&f=1&t=112> и др.

Цель данной статьи – выявить потенциал аутентичного русскоязычного песенного материала в практике преподавания русского языка как иностранного.

Песня является одним из самых интересных материалов для преподавания языка. Она представляет собой аутентичный текст, т.е. текст, написанный не для обучения. Сочетание музыки и стихов может быть дополнено видеоматериалами, трейлерами и т.п., и это поддерживает у учащихся интерес и высокий уровень мотивации. Как правило, песня имеет оптимальную дидактическую продолжительность (три-четыре минуты). Это активизирует и формирует рецептивные умения обучающихся. Кроме того, использование песни в качестве учебного ресурса помогает преодолеть коммуникативный барьер между учащимся и преподавателем и поддерживать мотивацию на высоком уровне.

И.И. Грубмайр в статье «Использование песен на уроках РКИ» [Грубмайр, 2013] выделяет экстралингвистические и лингвистические основания для включения песен в уроки русского как иностранного. По мнению исследователя, экстралингвистические основания обусловлены следующими факторами:

1. Песни являются частью нашей повседневной жизни, поэтому их включение в обучающий процесс выглядит вполне естественно.

2. Песни легко доступны и широко распространены. Современные технологии предоставляют достаточный выбор форматов: диски, видео, интернет-ресурсы и т.д.

3. Песни носят личный характер. Поскольку их темы касаются, как правило, общих явлений, таких как, например, любовь, то слушатели зачастую ассоциируют свои личные ситуации с текстами песен.

4. Посредством песен можно касаться деликатных тем. Они являются удобным инструментом при обсуждении тем, которые зачастую остаются за рамками учебных текстов, например: развод, религия и т.д.

5. Песни вносят разнообразие в урок. Их использование позволяет избежать скучной рутины и добавить новый опыт в процесс обучения.

6. Песни помогают студентам расслабиться и внести динамику в урок.

Лингвистические основания:

1. Песни являются аутентичным материалом. Они демонстрируют реальное функционирование языка в речи, тем самым предоставляя широкие возможности для отработки различных аспектов языка: грамматики, лексики и т.д.

2. Представляя слуховую картину мира, песни предлагают слушателям примеры фонетических особенностей, интонации, тона русской речи.

3. Песни представляют собой образцы поэтической речи, что позволяет студентам видеть функционирование лексики в стихотворном тексте.

4. При работе с песнями, параллельно с прослушиванием, возможно одновременное выполнение других заданий, например, нахождение необходимой информации.

5. Песни легко запоминаются. Это позволяет студентам легко заучивать новые фразы и даже отрывки текста.

6. Песни являются естественным способом повторения. Благодаря повторяющимся в них припевам, их можно прослушивать или пропевать несколько раз.

При отборе аудио- и аудиовизуального материала рекомендуется учитывать следующие аспекты:

1) степень социокультурной маркированности звучащей речи, коммуникативно-речевой опыт человека, функциональную значимость звучащих текстов для конкретного варианта обучения иностранному языку, а также его дидактическую целесообразность [Сафонова, 2012, с. 80];

2) в зависимости от степени сложности текста, т.е. степени его аутентичности, песни можно включать в уроки РКИ, начиная с уровня А2;

3) при работе с песнями настоятельно рекомендуется использование визуального материала (различного рода иллюстраций или же видеороликов), т.к. это может послужить, во-первых, более эмоциональному восприятию содержания, а во-вторых, в некоторых случаях облегчить его понимание;

4) при загрузке текста песни из интернета следует обратить особое внимание на орфографию и пунктуацию (они не всегда бывают правильными), а также сверить текст со звучащей песней, т.к. некоторые существуют в нескольких вариантах. Песни с сюжетом обычно интереснее и легче с точки зрения составления заданий для них. При частом использовании песен на уроках рекомендуется избегать повторяемости одних и тех же типов упражнений, чтобы они не наскучили студентам [Грубмайр, 2013].

Работу с песенным материалом, как и работу с текстом, можно разделить на три этапа: 1) подготовительный этап 2) собственно прослушивание 3) этап после прослушивания.

I. Подготовительный этап. Цель – подготовить студентов с лингвистической, культурологической, образовательной, тематической и психологической точек зрения к прослушиванию. Здесь могут быть представлены тема и ключевая лексика, а также любой культурно-исторический и лингвистический материал, который поможет им эффективно работать с текстом на следующих этапах. Важным элементом этой ступени является пробуждение интереса студентов к предстоящему прослушиванию. Обычно сюда включаются вопросы, перекликающиеся с темой песни.

Приведем перечень возможных на данном этапе заданий:

1. Прочитайте заглавие песни и подумайте, о чем она (правильность выполнения данного и следующих 4 заданий осуществляется на стадии прослушивания).

2. Прочитайте заглавие песни и попробуйте угадать / предсказать слова, которые в ней встречаются.

3. Мозговой штурм (высказывание идей на тему песни).
4. Мозговой штурм (сбор лексики на заданную тему: преподаватель предлагает студентам текст песни, в котором некоторые слова заменены соответствующими рисунками).
5. Определите слова, замененные рисунками.
6. Опишите / обсудите фотографии / рисунки, относящиеся к обсуждаемой теме.
7. Ознакомьтесь с новыми словами и выражениями, которые помогут вам понять содержание песни (можно предложить студентам заранее разрезанные и перемешанные строчки / предложения текста песни).
8. Прочитайте строчки / предложения песни и сложите их в правильном порядке.

II. Этап прослушивания. Во время данного этапа, который является главной частью урока, деятельность студентов направлена непосредственно на работу с песней. Песня, как правило, проигрывается дважды. Для первого прослушивания обычно ставятся широкие задачи, но не более двух, например, определить тему песни. При повторном прослушивании внимание студентов фокусируется на более детальных вопросах, например, определить, верны ли предлагаемые утверждения. На данной ступени от студентов требуется одновременное решение нескольких задач, например, прослушивание песни и подчеркивание форм родительного падежа в тексте.

Возможные задания:

1. Прослушайте песню и определите, правильно ли была предсказана ее тема.
2. Прослушайте песню и выберите информацию, необходимую для написания изложения.
3. Прослушайте песню и расставьте ударение, обозначьте типы ИК.
4. Прослушайте песню и разложите фотографии / рисунки в правильном порядке.
5. Проверьте, в правильном ли порядке записаны события, происходящие в песне.
6. Диктант. Слушайте песню и записывайте ее под диктовку.
7. Найдите в розданном тексте песни ошибки (фактические, грамматические, лексические, синтаксические и т.д.) и исправьте их.
8. Какие из слов, записанных во время мозгового штурма, встречаются в песне?
9. Послушайте и посчитайте, сколько раз в песне встречается X (например, существительные в форме родительного падежа).
10. Придумайте заголовки к каждому куплету песни, а также заглавие ко всей песне.
11. Составьте схему или заполните таблицу.

12. Выберите для каждого вопроса один правильный ответ из нескольких предложенных.

13. Определите значение выделенных слов и выражений, встречающихся в песне.

14. Заполните пропуски подходящими по смыслу словами, выбрав одно из предложенных для каждого из них.

III. Этап после прослушивания. Этот этап, как правило, включает в себя упражнения, направленные на отработку навыков говорения и письма. В конце можно предложить студентам всем вместе спеть песню, но не настаивать, если они чувствуют себя неловко.

Возможные виды заданий:

1. Как вы думаете, что случится дальше?
2. Определите разницу между картинкой и содержанием песни.
3. Дискуссия по содержанию песни, например, обсуждение культурных фактов.
4. Придумайте темы сочинений, связанных с содержанием песни.
5. Напишите диалог между героями песни.
6. Напишите письмо одному или нескольким героям песни.
7. Напишите собственный текст песни на данную мелодию.
8. Напишите вопросы к песне.
9. Перепишите текст от имени другого персонажа, учитывая его точку зрения.
10. Проведите интервью с одним из персонажей песни.
11. Ролевая игра по ситуации, описанной в песне.
12. Нарисуйте / сделайте постер на тему песни.
13. Сделайте театрализованное представление песни.
14. Спойте песню (преподаватель может записать пение студентов на диск) [Грубмайр, 2013].

Автор данной статьи полностью разделяет точку зрения, что песни являются сильным дидактическим инструментом в преподавании РКИ, и по мере возможности и необходимости включает «музыкальные уроки» в учебный процесс. Приведём несколько конкретных примеров использования аутентичного песенного материала при обучении аспектам языка и различным видам речевой деятельности.

1. Пример 1. Песня как средство обучения фонетике.

1) Песня «Мне нравится...» (из кинофильма «Ирония судьбы, или с легким паром») может быть задействована при отработке противопоставления боковых и дрожащих согласных [л] – [р], [л'] – [р'], особенно в китайской аудитории:

*Мне нравится, что Вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не Вами,
Что никогда тяжёлый шар земной
Не уплывёт под нашими ногами.
Мне нравится, что можно быть смешной,
Распущенной
И не играть словами,
И не краснеть удушливой волной,
Слегка соприкоснувшись рукавами...*

Пример 2. Песня как средство обучения лексике. Песня Лолиты Милявской «Я» может быть использована в качестве материала при работе с антонимами русского языка, в том числе и контекстуальными:

*Я красивая, но ужасная.
Я безвредная, но опасная.
Очень смелая, но трусливая.
Я несчастная, но счастливая.
Я холодная, но очень жгучая.
Молчаливая, но крикучая.
Я блондинка такая вся - черно-рыжая.
Я стеснительная, но бесстыжая.
Я нашла себя, но я пропадающая!
Я безгрешная, но гуляющая!
И я - не я, когда люблю...*

Пример 3. Песня как средство обучения грамматике.

1) Песня Аллы Пугачевой «Как-нибудь» может быть использована на этапе обобщения и систематизации грамматического материала при изучении темы «Местоимения»:

*Припев
Как-нибудь, где-нибудь, с кем-нибудь,*

*Разговаривая ни о чем,
На два шага левее чуть-чуть
Отойди и чужое увидишь плечо.
Прошлой жизни вернуть ворожбу
Никому никогда не дано...
Как-нибудь, где-нибудь, с кем-нибудь
Всем нам быть суждено, суждено...*

2) Песню «Если у вас нету тѣти» (из кинофильма «Ирония судьбы, или с легким паром») можно использовать на этапе закрепления, а также обобщения и систематизации при изучении темы «Родительный падеж»:

*Если у вас нету дома,
Пожары ему не страшны,
И жена не уйдѣт к другому,
Если у вас, если у вас,
Если у вас нет жены,
Нету жены.
Если у вас нет собаки,
Еѣ не отравит сосед,
И с другом не будет драки,
Если у вас, если у вас,
Если у вас друга нет,
Друга нет...*

3) Народную песню «Миленький ты мой» можно использовать при изучении темы «Творительный падеж»:

*Миленький ты мой,
Возьми меня с собой,
Там в краю далѣком
Буду тебе женой.
Там в краю далѣком
Буду тебе женой...*

4) Песня Витаса «Улыбнись!» может быть использована при изучении возвратных глаголов:

*Улыбнись,
Если дождь за окном не кончается.
Улыбнись,
Если что-то не получается.
Улыбнись,
Если счастье за тучами спряталось.
Улыбнись,
Если даже душа поцарапалась...
Улыбнись,
И увидишь тогда: всё изменится.
Улыбнись –
Дождь пройдет, и земля в снег оденется.
Улыбнись,
И печаль стороною пройдет.
Улыбнись,
И тогда душа заживет...*

Пример 4. Песня как средство обучения речевым коммуникативным ситуациям. Так, например, при изучении темы «Поздравление. Пожелание», используя различные варианты заданий, преподаватель может включать в урок следующие аутентичные материалы:

- 1) песня И. Аллегровой «С Днем рождения»:
*С днем рождения! Успеха, радости, везения,
Любви, желаний исполнения, и миллион ночей и дней!
С днем рождения! Любви до головокружения,
И чумового настроения, и самых преданных друзей...*
- 2) песня Е. Ваенги «Желаю»:
*Желаю, чтоб вы все были здоровы и чтобы над вами
сияло солнце ярче, чем на Мадагаскаре,
Чтоб лет жили, чтоб горя не знали,
И чтобы ваши детки вас радовали!...*

Пример 5. Песня как средство презентации знаний о культуре страны изучаемого языка. Так, при изучение лексической темы «Жизнь человека год за годом: вступление в брак» в качестве дополнительного материала, иллюстрирующего особенности традиционной

русской свадьбы, можно представить студентам песни ВИА «Лейся песня» «Обручальное кольцо» и Муслима Магомаева «Ах эта свадьба пела и плясала». Включение данного песенного материала позволяет не только отработать и закрепить лексику в контексте изучаемой темы, но и сопоставить свадебные традиции русской культуры и культур студентов-иностранцев, выявить общее и национально-специфическое.

При работе над темой «Особенности национального характера» может быть использована песня Владимира Высоцкого «Я не люблю», в которой отражены основные черты русского характера (стремление к свободе личности и социальной справедливости, максимализм, нежелание делать что-то наполовину и т.д.).

*Я не люблю фатального исхода,
от жизни никогда не устаю.
Я не люблю любое время года,
когда веселых песен не пою...
Я не люблю, когда наполовину
или когда прервали разговор.
Я не люблю, когда стреляют в спину,
Я также против выстрелов в упор...*

*Я не люблю уверенности сытой,
Уж лучше пусть откажут тормоза...
Я не люблю себя, когда я трушу,
обидно мне, когда невинных бьют.
Я не люблю, когда мне лезут в душу,
тем более – когда в неё плюют.*

Как видим, аутентичный песенный материал можно эффективно использовать на занятиях по русскому языку как иностранному при обучении аспектам языка и основным видам речевой деятельности на разных этапах работы. Для преподавателя, творчески подходящего к своему делу, аутентичный песенный материал всегда может стать хорошим подспорьем в организации учебного процесса.

В заключение приведем несколько высказываний преподавателей, взятых с форума электронной версии журнала «Русский язык за рубежом» (<http://www.russianedu.ru/phorum/viewtopic.html&f=1&t=112>), на тему использования аутентичного песенного материала на уроках РКИ.

Пользователь Elil: «Для меня песня никогда не самодостаточный материал, но всегда комплементарна – в награду студенту за проделанную работу, как украшение урока и как форма знакомства с нашей культурой (то есть в большей мере решает метаязыковые задачи).

Пользователь Lokidor: «...песня «строить и жить помогает» и уж во всяком случае на уроке «она скучать не дает никогда». У меня беспроблемными вариантами со взрослыми всегда были песни Окуджавы и некоторые популярные песни типа «Очи черные» или «Ой, цветет калина».

Пользователь Tango: «Я активно использую песни на уроках. Я обучаю шотландских детей. По моей просьбе родителями было приобретено караоке... Советую использовать песни на уроках: это позволяет избавиться от акцента, лучше выговаривать русские буквы, развивает память, способствует запоминанию новых слов... Дети счастливы петь, поверьте!»

Список литературы

Грумбайр И.И. Использование песен на уроках РКИ [Электрон. ресурс] / Многоязычие и межкультурная коммуникация: вызовы XXI века. – 2013. – Режим доступа: http://bilingual-online.net/index.php?option=com_content&view=article&id=1092%3Akongress-bilingual-bilium&catid=35%3Atema-mesyaca&Itemid=6&lang=de

Русский язык за рубежом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.russianedu.ru/phorum/viewtopic.html&f=1&t=112>

Сафонова В.В. Современный русский аудио- и видеотекст в контексте межкультурного языкового образования / Русский язык как инославянский. Белград, 2012. Выпуск IV. С. 78 - 90.

Журавлева Е.И.
Северный государственный медицинский университет
г. Архангельск (Россия)

Zhuravleva Elena
Northern State Medical University
Arkhangelsk (Russia)

ПОЭЗИЯ Р.М. РИЛЬКЕ В ПЕРЕВОДАХ М.В. ПИККЕЛЬ

THE POETRY OF R.M. RILKE AND ITS TRANSLATION BY M. PIKKEL

Статья посвящена переводам стихотворений Р.М. Рильке, выполненным архангельской переводчицей М.В. Пиккель. Дается подробный сопоставительный анализ стихотворения "Aus einem April" и его перевода на русский язык. Оригинал и перевод рассматриваются в трех аспектах: соответствие метро-ритмической структуры исходного и переводного текстов, их семантико-структурное подобие, эстетический эффект. Далее представлен фрагмент стихотворения Рильке из сборника "Часослов" в переводах М. Пиккель, С. Петрова и А. Прокопьева. На основе анализа делается вывод, что переводы, выполненные М.В. Пиккель, характеризуются высокой степенью эквивалентности на уровне строфики, рифмы, ритмического рисунка, семантики и структуры, коммуникативного эффекта. Переводчица производит очень тщательный отбор лексики, удачно использует стилистически маркированную лексику, не нарушая баланс между оригиналом и переводом.

The article deals with the translations of Rilke's poems that were realized by an Arkhangelsk translator Maria Pikkel. The comparative analysis of Rilke's poem "Aus einem April" and its translation into Russian is taken into consideration. There are three aspects of the analysis: correspondence of the rhythmic structure of the source and translated texts, their semantic and structural similarity and the aesthetic effect. There is also a fragment of a poem by Rilke from The Book of Hours which was translated by M. Pikkel, S. Petrov and A. Prokopiev. According to the analysis, Pikkel's translations have a high degree of equivalence at all levels: strophic forms, rhymes, rhythmic patterns, structure and semantics, images. The translator makes a very careful selection of vocabulary, uses stylistically marked words successfully, without disturbing the balance between the original and the translation.

Ключевые слова: поэтический перевод, поэтический текст, сопоставительный анализ, метро-ритмическая структура, художественный образ, эстетическая реакция, эквивалентность.

Key words: poetic translation, poetic text, comparative analyses, metro-rhythmic structure, image, aesthetic reaction, equivalence.

Данная статья посвящена переводам поэзии Райнера Марии Рильке, выполненным архангельской переводчицей М.В. Пиккель.

Мария Дагмара Владимировна Пиккель (1911-2008) – доктор медицинских наук, профессор, Почетный гражданин города Архангельска, врач-педиатр, поэт-переводчик.

Переводу посвятила себя с 1978 года. М.В. Пиккель не была профессиональной переводчицей. Однако хорошее образование, знание иностранных языков, немецкие корни и любовь к поэзии позволили ей заниматься этим. Она переводила с немецкого, английского, французского.

Итогом переводческой деятельности М.В. Пиккель стали несколько сборников переводов. Наиболее значимыми являются «Часослов» (1994, лирический цикл Р.М. Рильке), «Избранная лирика» (1998, в сборник вошли переводы разных лет из Рильке, в том числе переработанное издание «Часослова» и «Дуинские элегии»), «Искры» (2003, лирика зарубежных поэтов). Примечательным является то, что перевод «Часослова», выполненный М.В. Пиккель, стал первым в России полным изданием этого сборника на русском языке. Второй полный перевод «Часослова» на русский язык вышел несколько позже, в 1998 году, и принадлежит известному переводчику Сергею Владимировичу Петрову (1911-1988)²⁵.

В 1982 году М. В. Пиккель обращается к творчеству Райнера Марии Рильке и с этого времени практически становится переводчиком одного поэта. Перевод поэзии Рильке становится главным делом ее жизни, о чем она пишет в своих воспоминаниях: «... подаренная мне судьбой встреча с поэзией Рильке, ее глубочайшая духовность и через нее мой возврат к вере, дали мне силы жить дальше и продолжать главное на склоне моих лет дело – переводы его стихов» [Мое святое ремесло, 2011, с. 17].

Всесторонний анализ переводов М.В. Пиккель до сих пор не был осуществлен. В данной статье будут представлены результаты некоторых наблюдений относительно переводческого творчества архангельской переводчицы.

Прежде чем приступить к анализу поэтических текстов Р.М. Рильке и их переводов, выполненных М.В. Пиккель, необходимо сказать о значимости этого поэта для русского читателя и кратко представить особенности его поэтики.

Поэзия Райнера Марии Рильке вызывает огромный интерес у русских читателей. По мнению В. Куприянова, Рильке является одним из самых переводимых поэтов в России. Более того, «в России он едва ли не более популярен, чем в странах его родного немецкого языка» [Куприянов, 2006]. И этот интерес обоюдный. Рильке считал Россию своей духовной родиной. Он дважды побывал в России (1899/1990). Знакомство с русской культурой вдохновило поэта, и он стал изучать русский язык, написал несколько стихотворений на нем,

²⁵ Работа над переводом «Часослова» Рильке была завершена С.В. Петровым более чем за 20 лет до его выхода в свет, т.е. примерно в конце 1970-х годов. Однако в силу объективных причин в то время он не мог быть напечатан. Один из последних вариантов перевода «Часослова» увидел свет в 2014 году, его автор Н.Ф. Болдырев.

читал в оригинале Фета и Тютчева, переводил русских поэтов и писателей на немецкий язык. Сборник «Часослов» (1899-1903) стал итогом этих двух поездок и раздумий по поводу полученных впечатлений. С этого сборника начинается период зрелого творчества поэта.

В одном из писем к Леопольду Шлёцеру (от 21 января 1920 года) поэт признается: «Чем я обязан России? Она сделала из меня того, кем я стал: из нее я внутренне вышел, все мои глубинные истоки – там!» [цит. по: Куприянов, 2006].

Поэзия Рильке обо всем, что волнует человека – о любви и одиночестве, о жизни и смерти, об истории и религии, об окружающих нас вещах и о самом человеке, о творчестве и духовном поиске. Поэзия Рильке – это духовный опыт высокой концентрации [Болдырев, 2014]. Она глубоко философична и религиозна.

Обращают на себя внимание особый язык, особая поэтическая техника Рильке, размышляя о которых, мы вплотную подходим к вопросам перевода. О.А. Седакова пишет, что в XX веке поэтическое слово пытается уйти от обыденности, прозаичности. В противоположность этому язык Рильке «повышенно нестихотворный, повышенно словарный. Простоту его не следует смешивать с прозаизмом или просторечием. Такие вещи выглядели бы в прозрачном письме Рильке как стилистические нажимы. Имя, которое он предпочитает, – в замысле, бесстильное слово» [Седакова, 1979]. Далее автор статьи поясняет свое высказывание: из ряда слов единого семантического поля Рильке выберет нейтральное слово, центр этого поля; например из ряда «лес», «роща», «бор» и т. д. Рильке выберет «лес»; из ряда «большой», «великий», «возвышенный» – «большой». И эти простые, однажды найденные поэтом слова, становятся своего рода «терминами» в его идиостиле. Это очень важный момент, потому что непонимание именно этой особенности поэтики Рильке – простота и взвешенность слов, точность образов, за которыми скрывается «красота внутренних смысловых пространств, смыслоопорных метафизических переживаний» [Болдырев, 2010, с. 17] – зачастую ведет к приукрашиванию образов при переводе на русский язык, к неуместной эстетизации переводного текста. В итоге разрушается совершенно особенная атмосфера поэзии Рильке, которую называют духом Рильке. Поэтому Н.Ф. Болдырев призывает переводчика Рильке стать «его смиренным читателем», «его естественным союзником по мировоззрению» [Болдырев, 2010, с. 6].

Перейдем к сопоставительному анализу стихотворений Рильке и их переводов, выполненных М.В. Пиккель. Первое стихотворение – «Aus einem April» – будет рассмотрено подробно, в трех аспектах: соответствие метро-ритмической структуры оригинала и

перевода, семантико-структурное подобие исходного и переводного текстов, коммуникативный, эстетический эффект или в терминологии Л.К. Латышева регулятивное воздействие, производимое оригиналом и переводом [Латышев, 2005, с. 31]. Далее будет представлен фрагмент стихотворения Рильке из сборника «Часослов» и воспроизведение его образной структуры в переводах М. Пиккель, С. Петрова и А. Прокопьева.

Стихотворение «Aus einem April» взято из сборника «Книга образов», который относится к более раннему творчеству поэта. Приведем оба текста – оригинал и перевод, чтобы было понятно насколько нетрадиционно рифмуется стихотворение:

Aus einem April

Wieder duftet der Wald.

Es heben die schwebenden Lerchen
mit sich den Himmel empor, der unseren Schultern schwer war;
zwar sah man noch durch die Äste den Tag, wie er leer war,
aber nach langen, regnenden Nachmittagen
kommen die goldübersonnten
neueren Stunden
vor denen flüchtend an fernen Häuserfronten
alle die wunden
Fenster furchtsam mit Flügeln schlagen.

Dann wird es still. Sogar der Regen geht leiser
über der Steine ruhig dunkelnden Glanz.
Alle Geräusche ducken sich ganz
in die glänzenden Knospen der Reiser. [Рильке, 1998а, с. 18]

В апреле

Вновь лесов аромат.

Парением жаворонков поднимается ввысь небосвод,
он плечам нашим тяжестью БЫЛ.
Сквозил меж деревьями день, так прозрачен он БЫЛ;
после часов дождливых, после ПОЛУДЕННЫХ,

как звон золотой, нам звучат
 часы, неизвестные ранее,
 пред которыми двери закроет домов дальних ряд
 и окна, словно все они раненые,
 створки захлопнут испуганно.

Потом станет тихо. И дождь лениво
 точит камень в вечернем блеске,
 и шорохи смолкнут на ветке
 распускающей почки ивы. [Рильке, 1998а, с. 19]

В стихотворении подчеркнуты концы рифмующихся строк. Обратим внимание, что есть строки, которые совсем не рифмуются – это первая и вторая. В следующих двух строках последние рифмующиеся слова полностью совпадают, это же мы наблюдаем и в переводе Пиккель. Правда, у Рильке в 3-й и 4-й строках рифмуются три последних слова, в переводе сохранить эту сложную рифму не удалось. Далее идет совершенно непредсказуемая рифмовка текста, которую удобнее изобразить в виде схемы: abcbsca. Тот же рисунок мы видим в переводе. Уточним однако, что у Рильке рифмы очень точные, в переводе последние две строки в первой строфе получают неточную рифму, далее в таблице это отображено с помощью прописных букв. Во второй строфе оригинала рифмы имеют более традиционный рисунок, что воспроизводится и в переводе, однако снова имеет место неточность, неполная созвучность рифмы в 3-й и 4-й строках, что также отображено в таблице с помощью прописной буквы.

Таблица 1

Автор	Фрагмент 1	Фрагмент 2
Рильке	xyzzabcbca	deed
Пиккель	xyzzabcbCA	deEd

Столь сложный рисунок рифмы позволяет до некоторой степени проникнуть в творческую кухню переводчицы, поскольку можно предположить, что такие закономерности построения рифмы и такие «закономерные» расхождения с оригиналом не могли возникнуть

в один миг. Это требовало огромной, напряженной работы, близкой к мастерству ювелира.

Далее рассмотрим соответствие оригинала и перевода на уровне семантики и структуры. Отметим, что для поэтического текста на данном уровне наибольшую значимость будет представлять вербальный план, поскольку слово является первоэлементом, основой семантического наполнения текста; кроме того, слово – «слово-хамелеон», «рефлектирующее слово», слово «мерцающее», слово-средоточие «тысячи ассоциативных связей» [Винокур, 1991, с. 30; Виноградов, 1981, с. 15; Балли, 1961, с. 89; Славинский, 1975, с. 270], организует образную ткань поэтического текста; производной эстетической функции языка является поэтическая образность, которая формируется языковыми средствами всех уровней.

Стихотворение «Aus einem April», как уже упоминалось выше, относится к раннему периоду творчества поэта. Однако уже здесь ощущается особый дар Рильке прислушиваться и присматриваться к вещам вокруг – вот лес, вновь благоухает, вот парящие жаворонки, окна, испуганно хлопающие створками. В стихотворении описываются дома, камни, побеги деревьев в их весеннем состоянии. Переводчица довольно точно воспроизводит авторскую образность. Сравним первые строки стихотворения. В оригинале – *снова благоухает лес*, в переводе – *вновь лесов аромат*. Происходят изменения на уровне частей речи, глагол *duften* (*благоухать*) превращается в существительное *аромат*. И понятно, что это не совсем одно и то же – *лес благоухает* – это естественное состояние леса весной, *аромат леса* – это видение человека, его акцент на ощущении. Однако не будем забывать, что это поэтический текст, который накладывает серьезные ограничения на возможности переводчика. То же самое можно сказать и о следующей строке, где мы имеем трансформацию *парящие жаворонки* – *парение жаворонков*. В большей части текста трансформации носят именно такой характер.

Возможно, М.В. Пиккель в большей степени поэтизирует образ – *zwar sah man noch durch die Äste den Tag, wie er leer war*. Дословно в оригинале – *хотя сквозь ветки виден день, как он пуст (ничем не заполнен)*. В переводе читаем: *Сквозил меж деревьями день, так прозрачен он был*. Очень интересный образ появляется в конце текста: в оригинале – *Sogar der Regen geht leiser über der Steine ruhig dunkelnden Glanz*, т.е. буквально *даже дождь идет тише над спокойно темнеющим блеском камней*. Рильке, как всегда, говорит просто, но взвешивает каждое слово, создавая живую картину одного из весенних вечеров, которую видишь перед глазами – вечер, камни, мокрые и блестящие от дождя, дождь становится тише, прислушиваясь к тем вечерним часам весной, которые несут обновление. Хотя некоторая поэтизация данного образа здесь присутствует и в самом

оригинале: дождь идет не над камнями (как, возможно, сказал бы более зрелый Рильке), а над блеском камней. У Пиккель образ дождя поэтизируется в большей степени: *И дождь лениво точит камень в вечернем блеске*. Дождь не просто идет тише, затихает, а, во-первых, *точит камень*, и, во-вторых, делает это *лениво*, таким образом, становится в большей степени персонафицированным, наделенным своей волей. Поэтизация, некоторое приукрашивание образов отчасти оттягивает внимание от сосредоточенности на самих объектах. А она есть, и она инициируется с помощью обычных слов, в большинстве своем лишенных какой-либо стилистической маркированности (*Wald, Lerchen, kommen, fern, leer, Fenster*), а также довольно ясной логической схемы большинства предложений (субъект – предикат (– объект)): *лес благоухает, жаворонки поднимают небо, часы приходят, дождь идет* и т.д. При этом субъект активен, Рильке не использует пассивный залог. М.В. Пиккель в большинстве случаев удается сохранить эти особенности стиля Рильке. Отметим еще один нюанс. В третьей строке Рильке использует глагол *emporheben*, который имеет возвышенную окраску. М. Пиккель компенсирует приподнятость стиля в этой строке с помощью русских слов *небосвод* и *ввысь*. Что касается поэтизации, приукрашивания, еще раз подчеркнем, что раннему Рильке элементы поэтизации не чужды. В рассматриваемом стихотворении это образы: *die goldübersonnten neueren Stunden, alle die wunden Fenster furchtsam mit Flügeln schlagen, der Regen geht leiser über der Steine ruhig dunkelnden Glanz*.

В какой-то степени в переводе снижается эстетический эффект последней строфы. В оригинале этот стих имеет сложный ритмический рисунок, в котором едва просматриваются закономерности, но они есть. На этот удивительный рисунок накладываются очень красивые точные рифмы с переключкой дифтонга [ae], краткого гласного [a] и согласных [s] и [z]:

leiser – Glanz – ganz – Reiser.

В итоге последняя строфа становится красивым завершением стихотворения. В переводе ощущается попытка воспроизвести этот ритм, но она не вполне удалась. Неточность и неблагозвучность рифмы (*блеске – ветке*) еще в большей степени снижают эстетический эффект этой строфы.

В целом можно констатировать, что данный перевод очень точно воспроизводит ритмический рисунок, семантику и структуру оригинала, авторскую образность. В ходе анализа некоторые расхождения на уровне образной системы обсуждались, однако подчеркнем, что они незначительны. Самый серьезный недостаток связан с последней строфой, ее художественным оформлением. Это позволяет говорить об эквивалентности

эстетических реакций при восприятии оригинала и перевода. В поэтическом переводе эквивалентность – понятие относительное. Измерить ее очень сложно. Возможно, в данном случае она приближается к высокому показателю.

Чтобы показать, как переводчица работает со словом, с образом, рассмотрим фрагмент перевода М.В. Пиккель из первой части «Часослова» Рильке:

ICH liebe dich, du sanftestes Gesetz,
an dem wir reiften, da wir mit ihm rangen;
du großes Heimweh, das wir nicht bezwangen,
du Wald, aus dem wir nie hinausgegangen,
du Lied, das wir mit jedem Schweigen sangen,
du dunkles Netz,
darin sich flüchtend die Gefühle fangen. [Рильке, 1998а, с. 66]

ЛЮБЛЮ Тебя, Ты – кротости Закон,
с ним зрели мы, его мы постигали;
тоска по дому Ты, его искали;
Ты – лес, откуда выхода не знали;
Ты – наша песнь из молчаливой дали;
Ты – сеть-заслон,
где наши чувства бег свой прекращали. [Рильке, 1998а, с. 67]

В первой строфе стихотворения человек говорит о значимости Бога для него. Переводчица точно воспроизводит образы, которые возникают в воображении размышляющего человека, зачастую сохраняя исходный синтаксис: *Ты – лес, откуда выхода не знали; / Ты – наша песнь из молчаливой дали*. Особенно интересен с точки зрения перевода следующий образ: *Ты – сеть-заслон, / где наши чувства бег свой прекращали*. Автор перевода находит нужные слова для того, чтобы показать, как Бог умиротворяет человека. *Темная сеть* у Рильке превращается в *сеть-заслон* у Пиккель. Хотя утрата эпитета *темный* является существенной, так как однокоренные слова *темный*, *темнота* и т.д. встречаются во многих стихотворениях «Часослова» и являются ключевыми.

Здесь хотелось бы представить два других перевода этого фрагмента.

Перевод С. Петрова:

Люблю Тебя, Закон сладчайший. Ведь
с тобой сражаясь, мы росли и зрели;
тоска по дому Ты - мы с ней посмели
тягаться, но ее не одолели;
Ты – песнь, которую мы молча пели,
Ты – лес, откуда выйти не сумели,
Ты – сеть,
в которой чувства-беглецы засели. [Рильке, 1998б, с. 37]

Перевод Петрова обнаруживает больше расхождений с оригиналом. Во-первых, в тексте появляется типичная для этого переводчика, разговорная лексика – *тягаться, засели*. В первой строфе оригинала большая часть лексики относится к той категории «бесстильных слов», о которых говорилось выше – *Wald, herausgehen, Lied, singen, Schweigen* и т.д. Большая часть их воспроизводится в переводе, однако появление даже двух разговорных слов снижает эмоциональный тон стиха. При этом такие слова как *Heimweh, ringen* скорее придают возвышенную окраску образу оригинала. Вызывает сомнение выбор переводчика в отношении эпитета *сладчайший*. В оригинале употребляется прилагательное *sanftestes*. Основные значения прилагательного *sanft* – мягкий, нежный, кроткий, тихий, едва заметный, спокойный, т.е. в оригинале происходит актуализация семы «легкости, деликатности». В переводе данный эпитет придает образу не совсем уместную в данном контексте чувственность. Во всех трех переводах утрачено одно из ключевых слов лексикона Рильке в «Часослове» – *dunkel*. Удачны пятая и шестая строки, где переводчик находит слова, созвучные оригиналу. Особенно это касается шестой строки, где образ Рильке не очень прозрачен – *du Lied, das wir mit jedem Schweigen sangen*, дословно это означает, что Бог – это песня, которую человек поет с каждым молчанием (молча). С. Петров находит свое решение для парадоксального образа Рильке: *Ты – песнь, которую мы молча пели*.

Приведем перевод этой строфы, выполненный А. Прокопьевым:

Ты – благодать, и Ты ее закон,
созрели мы, борясь в Твоем же лоне,
святая родина, где мы - в полоне,
Ты – лес, в котором мы плутаем, сони,
Ты – песнь, молчальники мы в общемestone,

Ты – сеть времен

с уловом беглых чувств в конце погони. [Рильке, 2010]

Стихотворение Рильке начинается с простого признания лирического героя: я люблю тебя (*ICH liebe dich*). А далее следует, определение, которое человек дает Богу – ты самый нежный (мягкий) закон (*du sanftestes Gesetz*). Таким образом, человек любит Бога, который является для него «нежнейшим законом». В переводе А. Прокопьева человек не говорит прямо о своей любви, но в первой строке дважды определяет, что есть Бог. Удачна вторая строка стиха, где возвышенная окраска немецкого *ringen* перетекает в русское слово *лоно*, и нет ничего лишнего. Возможно, переводчик несколько усиливает возвышенный тон строфы, используя несколько слов более высокого стилистического регистра: *лоно, в полоне, песнь, молчальники*. Некоторый трагизм придает строфе появление слова *стон* в переводе. Диссонансом ко всей строфе, ее подчеркнутой возвышенности звучит разговорное слово *соня* в конце четвертой строки: *Ты – лес, в котором мы плутаем, соня*. В последней строке происходит развитие и усложнение исходного образа. В целом можно говорить о большей экспрессивности языка в переводе А. Прокопьева и, как следствие, усилении эмоционального тона, большей пафосности.

Анализируемое стихотворение имеет несколько неожиданный конец:

Lass deine Hand am Hang der Himmel ruhn

und dulde stumm, was wir dir dunkel tun. [Рильке, 1998а, с. 68]

Перевод М. Пиккель:

На склоне неба дай руке покой,

прости, - Тебя мы окружили тьмой. [Рильке, 1998а, с. 69]

В оригинале человек, разговаривающий с Богом, заявивший о своей любви к Нему, осознавший Его значимость для себя и понимающий величие дел Творца, вдруг обращается к Нему в императивной форме – *оставь руку покоиться на склоне неба и терпи безмолвно, что мы делаем / творим тебе темное*. Мир и люди таковы, какими их создал Бог. И то, что они теперь творят (хорошее и плохое, светлое и темное) – это, вероятно, есть продолжение Творца, то, в чем он завершает себя (о чем была речь выше). М.В. Пиккель заменяет *терпи* на *прости: прости, – Тебя мы окружили тьмой*. В результате в переводе человек осознает свою вину за то темное, что в нем есть и просит у Творца прощения за это. Это отклонение от оригинала концептуального характера. Вероятно, здесь мы имеем дело с иной

интерпретацией, иным видением образа, что является следствием расхождений на уровне мировоззрения, миропонимания автора и переводчика.

Сравним еще раз оригинал, подстрочник и перевод этих строк, сделанный разными авторами:

Lass deine Hand am Hang der Himmel ruhn

Дай руке покоиться на склоне небес

und dulde stumm, was wir dir dunkel tun. [Рильке, 1998а, с. 68]

и терпи молча то, что мы делаем / творим Тебе темное.

Перевод А. Прокопьева:

Со склона неба простирая длань,

прости: во тьме мы строим, Божья Рань. [Рильке, 2010]

Перевод С. Петрова:

На скате неба руку укрепи,

и то, что в нас темно Тебе, – терпи! [Рильке, 1998б, с. 37]

Перевод М. Пиккель:

На склоне неба дай руке покой,

прости, – Тебя мы окружили тьмой. [Рильке, 1998а, с. 69]

С точки зрения основной мысли, содержания этого фрагмента ближе всех к оригиналу, вероятно, перевод С. Петрова. Однако форма, в которой подается эта мысль (см. буквальный перевод) чужда духу Рильке. Здесь слышится некий вызов, дерзость. Почему так звучат эти строки? Казалось бы мысль одна и та же. Вероятно, причиной тому рифмующиеся формы императива, перенесенные в конец предложений-строк (у Рильке они стоят в начале), что, безусловно, усиливает императив, его категоричность. Кроме того в переводе С. Петрова это обращение завершается восклицательным знаком, который повышает эмоциональность, неуместную в данном контексте. В основной части стихотворения лирический герой Рильке проявляет свою любовь к Богу и показывает удивление, возможно, тихий восторг по поводу всего, что творит Бог. Но в последних строках он бесстрастен, и поэтому его императив не

звучит как дерзость. Возникает очень тонкая грань, перешагнув которую можно впасть в непочтительность и даже дерзость.

Два других перевода идут вразрез с основной мыслью автора, лирический герой просит прощения у Бога за то, что он творит. Вероятно, сознание не каждого человека принимает мысль о возможности «велеть Богу что-то делать». В. Куприянов объясняет возможные расхождения между оригиналом и переводом следующим образом: «В переводе соединяются два разных образа автора. Они изначально не совпадают. Переводчик не может полностью поглотиться образом переводимого поэта...» [Куприянов, 2003]. Помимо концептуального расхождения в переводе А. Прокопьева усиливается возвышенность, торжественность стиля: в двух строках встречается три стилистически маркированных слова – *длань, простирая (о руке), Божья Рань*. Язык Рильке в этом фрагменте прост, он использует любимые им "нестихотворные" слова. Как стилистическое усиление в оригинале можно рассматривать употребление существительного *Himmel* во множественном числе, вероятно, чтобы подчеркнуть неизмеримость Бога и необъятность сотворенного им. Последние две строки в переводе М. Пиккель наиболее точно передают стиль Рильке, его простоту и прозрачность, почтительность лирического героя к Богу, которая просматривается в масштабах всего «Часослова».

Сопоставительный анализ показал, что переводы, выполненные М.В. Пиккель, характеризуются высокой степенью эквивалентности на уровне строфики, рифмы, ритмического рисунка, семантики и структуры, коммуникативного эффекта. Эквивалентность приближается к максимальной степени на уровне метро-ритмической структуры.

Переводчица производит очень тщательный отбор лексики. В большинстве случаев ей удается найти точные соответствия в языке перевода. В результате образная ткань оригинала гармонично перетекает из оригинала в перевод, сохраняя основной тон образа.

М.В. Пиккель удачно использует стилистически маркированную лексику (архаизмы, поэтизмы и т.д.), не нарушая баланс между оригиналом и переводом. Все это позволяет переводчице воспроизвести совершенно особенную атмосферу поэзии Рильке.

Список литературы

- Балли Ш.* Французская стилистика / Ш. Балли. М.: Изд-во иностр. лит., 1961. 394 с.
- Болдырев Н.Ф.* Лес Фонтенбло: эссе, внутренние ландшафты, переводы из Р.-М. Рильке [Электронный ресурс] / Н.Ф. Болдырев. – 2010. – Режим доступа: <http://refdb.ru/look/1515468-p6.html>.
- Болдырев Н.Ф.* Учился видеть наш мир «в ангеле» ... : интервью с Н.Ф. Болдыревым [Электронный ресурс] / Н.Ф. Болдырев. – 2014. – Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/nikolaj_boldyrev_uchilsya_videt_nash_mir_v_angele_35065
- Винокур Г.О.* О языке художественной литературы / Г.О. Винокур. М.: Высш. шк., 1991. 448 с.
- Виноградов В.В.* Проблемы русской стилистики / В.В. Виноградов. М.: Высш. шк., 1981. 320 с.
- Куприянов В.Г.* Обыкновенный и необыкновенный Рильке. Предисловие к «Избранным стихотворениям» [Электронный ресурс] / В.Г. Куприянов. – 2003. – Режим доступа: <http://www.tamastar.com/1870-1~1/rilke/kupriy~1.sht>.
- Куприянов В.Г.* Вступление к «Избранным стихотворениям» [Электронный ресурс] / В.Г. Куприянов. – 2006. – Режим доступа: <http://www.stihi.ru/2006/05/03-210>.
- Латышев Л.К.* Технология перевода: Учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. / Л.К. Латышев. Москва: Издательский центр «Академия», 2005. 320 с.
- Мое святое ремесло (к 100-летию со дня рождения Марии Владимировны Пиккель / авт.-сост. Л.А. Зубов, А.В. Андреева. Архангельск: Пресс-Принт, 2011. 154 с.
- Рильке Р.М.* Избранная лирика. Пер. с нем. и франц., сост. М. Пиккель / Р.М. Рильке. Архангельск: ГУП «Сев.-Зап. кн. изд-во», 1998а. 509 с.
- Райнер Мария Рильке.* Часослов / Р.М. Рильке. Санкт-Петербург: издательство «Азбука» Книжный клуб «Терра», 1998б. 188 с.
- Рильке Р.М.* Часослов. Книга первая. Об иноческой жизни. Перевод А. Прокопьева [Электронный ресурс] / Р.М. Рильке. – 2010. – Режим доступа: http://www.lib.ru/POEZIQ/RILKE/rilke1_1.txt.
- Седакова О.А.* Новая лирика Р.М. Рильке. Семь рассуждений [Электронный ресурс] / О.А. Седакова. – 1979. – Режим доступа: <http://www.olgasedakova.com/Poetica/259>.
- Славинский Я.* К теории поэтического языка. В сб.: Структурализм: "за" и "против" / Я. Славинский. М., 1975. С. 256-276.

Какильбаева Э.Т.
Казахский национальный университет им. аль-Фараби
г. Алматы (Казахстан)

Kakilbayeva Enkar
Al-Farabi Kazakh National University
Almaty (Kazakhstan)

*НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ В СТИХАХ РУССКОЯЗЫЧНОГО ПОЭТА
ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА*

*NATIONAL MENTALITY IN VERSES OF THE RUSSIAN-SPEAKING POET OLZHAS
SULEYMENOV*

В статье рассматриваются проблемы отражения национального менталитета в лирике казахского поэта Олжаса Сулейменова, пишущего на русском языке. Главной мыслью автора является утверждение, что в лирике поэта нашли воплощение особенности национального мышления казахского народа, и в силу этого, Олжас Сулейменов – один из немногих художников слова в казахской литературе, чье поэтическое сознание синтезировало художественный опыт двух культур и цивилизаций. Объектом интерпретации автора статьи являются стихи, в которых те или иные детали сюжета, мотивы и образы рассматриваются как проявление национальной ментальности, служат своеобразными маркерами, отражающими традиционное мышление казахов. Автор статьи отмечает отличительные черты сулейменовской поэтики, сложность и метафоричность его ассоциативного художественного мышления, подчеркивает близость его стиля к поэтической манере шестидесятников. Для доказательства идеи о том, что Олжас Сулейменов, пишущий на русском языке, остается казахским поэтом, дает интерпретацию сюжета двух стихотворений, в которых реминисценции, аналогии и ассоциации позволяют увидеть и услышать его героя – носителя казахского культуры и мышления.

This article considers problems of reflection of national mentality in lyrics of the Kazakh poet Olzhas Suleymenov writing in Russian. The main thought of article is the statement that in lyrics of the poet found an embodiment of feature of national mentality of the Kazakh people. Olzhas Suleymenov is one of the few literary artists in the Kazakh literature, whose poetic consciousness synthesized art experience of two cultures and civilizations. Object of interpretation of the author of article are are verses in which these or those details of a plot, motives and images are considered as manifestation of national mentality. They serve as peculiar markers which reflect national thinking of Kazakhs. The author of article notes distinctive features of Suleymenov's poetics, complexity and metaphoricalness of his associative art thinking, emphasizes proximity of his style to a poetic manner of poets of 60-th years of the XX century. The author of article considers that Olzhas Suleymenov writing in Russian remains the Kazakh poet, gives interpretation of a plot of two poems of the poet. In her opinion, a reminiscence, analogy and association in them allow to see and hear Suleymenov's hero as representative Kazakh culture and thinking.

Ключевые слова: национальный менталитет, поэтическая миниатюра, реминисценция, мышление степного тюрка.

Key words: national mentality, poetic miniature, reminiscence, thinking of the steppe Turkoman.

Творческая индивидуальность казахского поэта Олжаса Сулейменова, пишущего на русском языке, во многом сложилась под влиянием русской и европейской литературы и русского языка, что проявилось на всех уровнях организации его художественных текстов. Но в то же время, по мнению известного русскоязычного литературоведа, писателя Мурата Ауэзова, «национальный стереотип мироощущения выступает в его (Сулейменова) русскоязычной поэзии непринужденно, без натяжек и громоздких построений рассудочной стилизации» [Ауэзов, 1972, с. 111]. То есть в художественной картине мира Олжаса Сулейменова находит полное отражение своеобразие национального менталитета казахов, «язычески древнее, испытанное и возвышенное историей представление далеких предков о неделимом едином мире». Поэтому уже давно стало аксиомой утверждение, что в стихах поэта, созданных при помощи средств и приемов поэтического русского языка, внутреннее содержание составляет ментальное сознание казаха.

Общеизвестно, что для лирики русскоязычного казахского поэта характерно объемное и цветное видение мира, удивительное сюрреалистическое чувство пространства и перспективы, яркая импрессионистическая живопись слова, пластика и щедрая звукопись. Сюжеты Олжаса Сулейменова отличаются сложностью ассоциативного мышления, резкой сменой интонаций, метафористичностью, и это сближает его больше с Андреем Вознесенским, Евгением Евтушенко, Робертом Рождественским, Беллой Ахмадуллиной и отдаляет от по-своему ярких представителей казахской литературы того времени. Но, тем не менее, своеобразное сулейменовское проявление ментального можно обнаружить на уровне внутритекстовых и подтекстных связей, отдельных образов, мотивов и сюжетов. В пределах данной статьи обратимся к так называемым «русским» стихам поэта, созданным в 60-е годы, когда он учился в Литературном институте имени М. Горького на отделении поэтического перевода. В 1965 году он написал небольшую миниатюру на тему русской природы, назвав ее «Пейзаж»:

*Развешаны картины Левитана
в лесах;
река холодная горит;
неторопливый грохот Левитана
о молнии потухшей говорит.
На фоне свежескрашенных холмов
стоят столбы,*

*как скважины в разрезе,
и воздух после молнии разрежен,
так дышится в тени степных колков.
О, лиственных лесов остолбененье,
какая-то полуденная тьма,
она бывает перед наводнением,
когда земля в невидимых дымах.
Брожу травой,
которую не косят;
великая, табунная трава;
в ограде лесника жируют козы;
я помогаю складывать дрова.
Гляжу на облако,
оно на ветке молнии,
как яблоко багровое, висит... [Сулейменов, 2006, с. 87].*

Сулейменова привлекала, прежде всего, в И.И. Левитане любовь к открытым горизонтам (великая река Волга, русские степи, леса), которая отразилась в предпочтении панорамных видов, в широком использовании эффектов пленэрного письма, что, в свою очередь, сближало живопись Левитана с импрессионизмом. Художник стремится достигнуть иллюзии быстрой смены состояний природы, иллюзии сиюминутно протекающей жизни природы и человека в ней и передает тончайшие нюансы смены настроения природы через игру цвета. А Олжас Сулейменов воплощает это визуальное в словесном сюжете.

Видение поэта вызывает к действию сюжеты картин Левитана: он зрительно расширяет пространство, вписывая в необъятные лесные просторы левитановские пейзажи. И этим задает высокий тон всему сюжету, предъявляет особые требования и к читателю, и к слушателю: сулейменовский сюжет не понять, если не знаешь и не чувствуешь русское пейзажное искусство и, в частности, шедевры Левитана.

Из всех картин Исаака Ильича Левитана, мастера русского пейзажа, по нашему мнению, наиболее соответствует поэтическому описанию, данному в сюжете Олжаса Сулейменова, картина «Над вечным покоем», которая является «самой русской» из всех, когда-либо написанных на русскую тему картин, подаренная им лично коллекционеру произведений русского изобразительного искусства Павлу Михайловичу Третьякову. Взгляд

художника с небес, с высоты птичьего полета, представляет нам высокий берег озера, огромное небо в часы заката, бледно-лиловые облака, тяжелую тусклую воду озера, маленькую одинокую церковь, старое кладбище с покосившимися от времени деревянными крестами и щемяще слабый огонек в окне церкви. Левитан передает ощущение неброской красоты русской природы, философию жизни русского человека, стремящегося к свету, к жизни. Это картина о надежде, о мимолетности жизни и вечности природы. Олжас Сулейменов изображает это ощущение словами, передает чувство тонкой тоски, одиночество (неслучайно художника называли гением абсолютизированного одиночества), и в то же время казахский поэт подчеркивает в пейзажах Левитана ощущение покоя и величия природы.

Художественная деталь: «...*река холодная горит; / неторопливый грохот Левитана / о молнии потухшей говорит*» рассматривается нами как скрытая реминисценция из картины художника «*Лесная речка*». Только что прошел дождь, ветрено, речная вода покрыта рябью, вокруг зелено, летний пасмурный день. Невысокие холмы по берегам речки и впереди зеленый, огромный лес. В сулейменовской интерпретации все это воспроизведено кратко, понятно и в то же время полно глубокого смысла. Здесь ничего не говорится о дожде, но зная, что молния бывает во время наступления дождя, понимаем, о чем идет речь.

*На фоне свежескрашенных холмов
стоят столбы,
как скважины в разрезе,
и воздух после молнии разрежен,
так дышится в тени степных колков.*

Эти строки также можно интерпретировать как реминисценцию, которая напоминает читателю о другом сюжете, то есть поэт рассчитывает на память и ассоциативное мышление своего собеседника, он присоединяется к тем мыслям, которые были высказаны до него Левитаном, расширяет смысл левитановского сюжета. Наиболее созвучен этот мини-сюжет с картиной «*Полотно железной дороги*». Безлюдная железная дорога, столбы, стоящие на фоне холмов и голая степь, на фоне которых возникает мотив дороги, сочетающийся с мотивом дорожной тоски и несбывшихся желаний, которые материализуются в щемящее чувство пустоты и одиночества. Олжас Сулейменов в своей интерпретации более экспрессивно передает ощущение от увиденного. Он затрагивает здесь не только такие человеческие рецепторы, как зрение и слух, но и осязание и обоняние. Поэт сквозь себя

проносит увиденное на картине, и выражает свое видение с помощью слова, визуальное получает воплощение в вербальном.

*О, лиственных лесов остолбененье,
какая-то полуденная тьма,
она бывает перед наводнением,
когда земля в невидимых дымах.*

Описание, данное Сулейменовым в этих строках, отсылает нас к картине И. Левитана «Осиновая роща». Роща изображена после дождя, в полуденное время. Весь лес пронизан невидимым дымом. Поэт не просто описывает картину, а передает читателю свои чувства и ощущения, которые возникли в его душе. Мы понимаем, что в этой малой по объему поэтической миниатюре Сулейменов не просто обозначает увиденное в картинах Левитана, а представляет в сжатом виде совокупность его художественных приемов, его колористику, подчеркивает в своем препевистом сюжете сюрреалистичность, импрессионистичность художественного стиля Левитана, а левитановские образы стали основой его лирического сюжета.

Далее в сюжете неожиданно появляется еще один действующий герой, рассказывающий о себе и своем состоянии от первого лица:

*Брожу травой,
которую не косят;
великая, табунная трава;
в ограде лесника жируют козы;
я помогаю складывать дрова.*

Описание – своеобразный экфрасис вызывает в нашей памяти ассоциацию с картиной Исаака Левитана «Домик на опушке», где изображен летний день, старенький домик, вокруг него некошенная трава, высокие ели. Левитан - мастер «настроения», в этой картине показывает тихую, уединенную жизнь на лоне природы, своеобразную пастораль, соприкосновение человека с живой природой, и это доставляет радость и умиротворение душе человеческой. Неожиданный поворот в сюжете происходит с введением в него лирического героя-современника поэта. В домике лесника, у которого имеется свое хозяйство, кипит жизнь (неподалеку пасется коза, герой помогает складывать дрова), домик заселен людьми, он живой. А появление в этом описании *великой, табунной травы* не является, с нашей точки зрения, поэтической неряшливостью Сулейменова, это - проявление

национальной ментальности, и вместе с предыдущей деталью: *так дышится в тени степных колков* – обозначает оригинальность художественного мышления казахского поэта, ибо *табун, колок* в данном контексте воспринимаются как скрытые тюркизмы и являются своеобразными маркерами, обозначающими атрибуты мышления степного тюрка.

Интерпретация и «домысливание» левитановской картины продолжается в следующих строках:

*Гляжу на облако,
оно на ветке молнии,
как яблоко багровое, висит....*

Сулейменов использует здесь художественный прием сравнения, уподобляя облако висящему *багровому яблоку*. Это можно рассматривать как национальный образ, даже сугубо индивидуальный, имеющий отношение к поэту-уроженцу Алма-Аты, края знаменитого алматинского апорта.

Образ яблок, придающих национальный колорит стихам Олжаса Сулейменова, воссоздан и в стихотворении «Яблоки» [Сулейменов, 1976, с. 105], посвященном *Л. Мартынову*, одному из друзей-поэтов старшего поколения, уроженцу Омска, хорошо знавшему жизнь и быт степняков-казахов. Сулейменова и Мартынова сближало и их увлечение геологией, участие в геологических экспедициях, что и легло в сюжет этого стихотворения. Местом действия является *край, / где лишь пихты и ели, / где ели от тяжести неба присели, / где между стволами ветры белели, / их называли так нежно: «метели»...* Использование поэтического приема перифразы придает обстановке особый колорит. Подробно выписана экспозиция: «*холодная землянка*», «*войлочные лапы*», «*печка*»-*спасительница, буры и дрели, которые «лежали недвижно четыре недели*», и «*мужчины, лохматые, как метели*», «*злые на всё за четыре недели*». Каждая деталь зримо представляет картину происходящего. Появление яблок из рюкзака представлено как чудо, рождающееся на глазах присутствующих: «*Откуда вдруг солнце / в холодной землянке?*». Олжас Сулейменов в кульминационной части использует двойной оксюморон как сочетание несочетаемого: «*вспыхнул румяный / сияющий запах*». Нам кажется, что здесь сулейменовская трактовка яблок схожа с мифами об этом фрукте. В мифологии яблоко издавна связано с мировоззрением человека. Почти идеальная круглая форма связывалась с представлениями о мире, Вселенной, космосе; золотистый нежный цвет, «румянец» яблочка – с красотой, здоровьем и молодостью; гладкая атласная кожица, которая скрывает сочный

плод – с тайной и богатством; сладость и аромат – с удовольствием и наслаждением. Олжас Сулейменов вводит в сюжет мотив преображения: «*лохматые*» и «*злые*» до сего момента мужчины «*в грубых ладонях яблоки грели, / яблокам в щёки, / как детям смотрели -/ арыки, ущелья, проспекты, аллеи!..*». В стихотворении возникает тема южного города, яблоневого сада и образ самого дорогого для человека существа мамы: «*Мама, в саду так не пахли они, / как в эти таёжные зимние дни*». Яблоки выступают здесь символом солнца, тепла, Алматы, создают атмосферу праздника света и уюта.

И, хотя стих Олжаса Сулейменова в этом сюжете близок по звучанию и графическому оформлению В. Маяковскому и А. Белому (ср.внутреннюю рифму А. Белого: «*Блестели и пели капли, // Златился покров ледяной.../ Сестрицы сидели и млели/ В окошке весной под луной*» - и сулейменовские женские полусквозные рифмы *ели, присели, белели, метели, осмотрели, дрели, недели, посмотрели, грели, смотрели*, которые создают ту же атмосферу чуда, что и у А.Белого), все же *арыки, ущелья, проспекты, аллеи, мамин сад* придают этому небольшому стихотворению национальный колорит.

Как видим, несколько деталей, используемых поэтом с определенной целью, достигают цели и придают всему сюжету необходимое звучание. Другой случай воссоздания Олжасом Сулейменовым быта и жизни своего народа представлен в стихотворении «Хрипло поёт о любви старик...»:

*Хрипло поёт о любви старик,
Почесывая домбру,
К юрте прислонена чаща пик,
Усатый скуластый круг.
Трется об юрту пыльный ишак,
Кони лягают псов,
Люди покрикивают в такт
Грустных кипчакских слов.
Мясо остыло,
Серый айран
В чашах цветных уснул...
Блеет в предчувствии пара баран...
Завтра проспит аул [Сулейменов, 1976, с. 118].*

В этой поэтической миниатюре все прозрачно и безыскусственно: вечер в степи, аул готовится к сну, названы реалии степной жизни, высказано два предчувствия. Создается ощущение реальности, зримости этих картин, то есть возникает своеобразная иллюзия кинематографической точности изображения: старик после трудового дня, несмотря на усталость, наслаждается слух своих сородичей песней. В этом ритме жизни песня звучит постоянно, но люди не устают ее слушать. Старик-певец будет вознагражден за свои песни о любви: казахи, несмотря на суровое время (об этом говорит этнографическая деталь: *чаща пик*), способны и наслаждаться искусством, устраивать праздник для души (*блеет в предчувствии пара баран... / Завтра проснит аул*). Тюркские слова в русском тексте создают неповторимую мелодию стиха - казахскую, неторопливую, размеренную, как сами казахи, живущие в гармонии с природой.

Национальная ментальность в стихах Олжаса Сулейменова проявляется каждый раз по-разному, в силу своего поэтического дарования поэт реализует свои намерения через необычное сочетание тюркизмов и исконно русских слов, через восточные ассоциации аналогии и аллюзии, через специфические метафоры, дающие знать, что за ними стоит поэт-казах. К примеру, в подтексте строк:

Тебя, зима,

Схвачу - не отпущу,

Свяжу арканом кос [Сулейменов, 1976, с.158] – возникает чисто национальный образ, не соответствующий семантике традиционных русских слов (*аркан как петля, веревка для ловли*), у Сулейменова он ассоциируется с длинными девичьими косами, придающими их обладательнице особую нежность и пленительное изящество. Подобные метафоры, обозначающие детали национального быта, можно встретить в любом стихотворении казахского поэта: домбра-лебедь, конский уран (клич), дряхлая рука минарета и др. Эта особенность поэтического стиля Олжаса Сулейменова позволила российскому критику и литературоведу Л. Аннинскому сказать, что «Олжас Сулейменов (хоть он и пишет по-русски) - поэт подчеркнута национальной складки, он казах во всем: от метафор, навеянных степным пейзажем, до основной мысли его высших раздумий - о том, что внесет Азия в грядущее мировое содружество» [Аннинский, 1963, с. 76].

Список литературы

Аннинский Л. В кольце страстей (о творчестве О. Сулейменова) /Аннинский // Простор. 1963. № 10. - С. 75 - 79.

Ауэзов М. Времен связующая нить: Литературно-критические этюды / М.М. Ауэзов. А-Ата: Жазушы, 1972. 296 с.

Сулейменов О. Пейзаж // Сулейменов О. Избранное: Стихотворения и поэмы / Сулейменов. Алматы: Раритет, 2006. 414 с.

Сулейменов О. Яблоки // Определение берега: Избранные стихи и поэмы / Сулейменов. Алма-Ата: Жазушы, 1976. 248 с.

Сулейменов О. Хрипло поёт о любви старик...// Определение берега: Избранные стихи и поэмы / Сулейменов. Алма-Ата: Жазушы, 1976. 248 с..

Сулейменов О. Тебя, зима... // Определение берега: Избранные стихи и поэмы / Сулейменов. Алма-Ата: Жазушы, 1976. 248 с.

Карданова Н.Б.
Болонский университет,
Школа языков и литератур, письменного и устного перевода
г. Форли (Италия)

Kardanova Nataliya
University of Bologna,
Higher School of Languages and Literatures, Translation and Interpretation
Forli (Italy)

*О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КОММУНИКАЦИИ В ХОДЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ
МИССИИ : ПЕРЕГОВОРЫ 1655 Г. В ОСВЕЩЕНИИ ДЬЯКА ТОМИЛО ПЕРФИРЬЕВА И
ВЕНЕЦИАНСКОГО ПОСЛАННИКА АЛЬБЕРТО ВИМИНЫ*

*CONCERNING SOME DETAILS OF THE COMMUNICATION DURING A DIPLOMATIC
MISSION: THE NEGOTIATIONS OF 1655 AS DESCRIBED BY A FUNCTIONARY OF THE TSAR,
TOMILO PERFIRJEV, AND BY THE VENETIAN DELEGATE, ALBERTO VIMINA*

В докладе рассматриваются материалы переговоров, проведенных в 1655 г. посланником Светлейшей республики Венеции Альберто Виминой в России с целью заключить военный союз между русским царем Алексеем Михайловичем и Венецианской республикой против Османской империи. Неожиданно заболев, Вимина не смог прибыть на аудиенцию, назначенную ему царем, и обратился с письменным ходатайством к царю, прося о том, чтобы к нему было направлено доверенное лицо царя, что дало бы ему возможность выполнить доверенную ему миссию. К Вимине был направлен пользовавшийся доверием царя дьяк Томило Перфирьев, который затем составил письменный отчет о проведенных переговорах. Вимина, в свою очередь, описал переговоры в письме к Баттиста Нани – послу Светлейшей республики в Вене. Сопоставительный анализ двух текстов позволяет выявить сходство и различие в содержании и в используемых речевых средствах, обусловленные особенностями дипломатической коммуникации. Делается вывод о том, что Вимина, выдержав хронологический порядок, отчитался перед вышестоящими при помощи подробного описания переговоров, тогда как Перфирьев в составленном им документе должен был в первую очередь придерживаться правил русского этикета того времени.

This paper will examine the subject matter of the negotiations carried out in 1654, in Russia, by the delegate of the “Serenissima” Republic of Venice, Alberto Vimina, with the aim of the creating a military alliance between the Russian Tsar, Aleksej Michajlovic, and the Republic of Venice, against the Ottoman empire. During the negotiations, however, Vimina, fell ill, and could not continue to go to have an audience with the Tsar. He therefore asked by letter that someone be sent to take his place. A trusted functionary of the Tsar, Tomilo Perfirjev, was chosen, and he visited Vimina, and wrote up an official account of his visit. Vimina also wrote up an account of the negotiations in a letter he had sent to Battista Nani, the Venetian ambassador to Vienna. A comparison between the two texts allows us to identify the similarities and differences between the content and style of diplomatic communiqués. In conclusion, it can be noted that Vimina left us with a very detailed description, in chronological order, of the negotiations, while Perfirjev, in a document which he himself edited, had to follow the stylistic rules of the Russia of that time.

Ключевые слова: царь Алексей Михайлович, Венецианская республика, Альберто Вимины, Томило Перфирьев, дипломатия, переговоры, коммуникация.

Key words: Tsar Aleksej Michajlovic, Republic of Venice, Alberto Vimina, Tomilo Perfirjev, diplomacy, communication.

В настоящем докладе рассматриваются дошедшие до нас документальные материалы российско-венецианских переговоров 1655 г., проведенных А. Виминой и Т. Перфирьевым в царской ставке, в Смоленске. С венецианской стороны – письма венецианского посланника Альберто Вимины к послу Венеции в Вене Баттиста Нани, все четыре датированные 24 января 1656 г.²⁶. Нани, в свою очередь, отправлял письма Вимины в Венецию в составе так называемых «донесений» («dispassi») – знаменитых писем-отчетов постоянных дипломатических представителей Венецианской республики за границей – отчетов, представляющих значительный исторический интерес. С российской стороны – так называемые «ответные статьи» А.Вимины – «Ответные статьи виницейского посланника, как допрашивал дьяк Томило Перфильев»²⁷. Нами проводится сопоставительный анализ указанных выше текстов, целью которого является выявление некоторых особенностей коммуникации в ходе переговоров, подлежащих переводу на иностранный язык, и определение жанровых особенностей документов, возникающих в процессе этой коммуникации и как ее результат.

Дипломатическая миссия венецианского посланника Альберто Вимины в Россию состоялась в 1655 г.: измученная затянувшейся (с 1644 г.) Кандийской войной с Османской империей (Кандия – итальянское название Крита, за который велась борьба), Светлейшая республика просила о военной помощи царя Алексея Михайловича²⁸.

²⁶ В статье Д.Каккамо, посвященной личности А.Вимины и его дипломатической деятельности и содержащей письма Вимины к Б.Нани, они помещены под следующими номерами: N 32 [Сассато, 1986, р. 277-278]; N 33. [Сассато, 1986, р. 278-281]; N 34. [Сассато, 1986, р. 281-282]; N 35. [Сассато, 1986, р. 282-283] – прежде всего, нас будет интересовать письмо N 33. Подчеркнем, что Вимины написал эти письма два месяца спустя, в Риге, тогда как рассматриваемые в статье переговоры состоялись в Смоленске, как следует из его письма, 24 ноября [Сассато, 1986, р. 278].

²⁷ Они сохранились в РГАДА среди документов, относящихся к миссии Вимины, опубликованы в «Памятниках дипломатических сношений [ПДС X, 1871, стб. 902-907] в составе материалов «Дело о приезде в Россию венецианского посланника Алберта Вимины. 1655–1656 г.» [ПДС X, 1871, стб. 869–930].

²⁸ Взаимоотношениям России и Венеции данного периода посвящены работы Т. К. Крыловой [Крылова, 1939], Дж. Джираудо [Giraud, 1991], Ф.Лонгворта [Longworth, 1968], торговым отношениям – монография И.С. Шарковой [Шаркова, 1981].

В число дипломатических представителей Венеции Альберто Вимина (1603-1667, настоящее имя – Микеле Бьянки) – простой мещанин из Беллуно, принявший духовный сан [Cassato, 1986, p. 235] – попал в известной мере случайно. Как признавался сам Вимина, некая совершенная им «ошибка», которой не преминули воспользоваться «обладающие большой властью враги» [Cassato, 1986, p. 234], вынудила его бежать (из Рима в Неаполь и далее) и искать фортуны в далекой Варшаве [Cassato, 1986, p. 234-235], где личные качества Вимины помогли ему приобрести покровительство папского нунция (посла) Торреса [Cassato, 1986, p. 234-235], который наилучшим образом рекомендовал Вимину своему коллеге, венецианскому послу в Вене, Никколо Сагрето. Когда-то, еще в начале карьеры Сагрето в Венето, Вимина был у него на службе, кроме того, он сумел в письме к Сагрето [Cassato, 1986, p. 235] так описать обстоятельства, побудившие его бежать за границу, что Сагрето счел возможным доверить именно ему – после того как Венеция не смогла найти союзников в Польше [Cassato, 1986, p. 236-237] – миссию 1650 г. к запорожским казакам во главе с Богданом Хмельницким.

После Переяславской рады и решения земского собора в Москве о принятии в подданство казаков во главе с гетманом Богданом Хмельницким – «казаки поклялись в верности Московиту» [Cassato, 1986, p. 245] – Вимина, увидев возможность совместных военных действий и донских, и запорожских казаков [Ibid.], подал на рассмотрение в венецианский Сенат свою записку от 16 ноября 1654 г. [Cassato, 1986, p. 271-272], в которой он аргументировал стратегическую необходимость военного союза с Московией и участия в военных действиях донских казаков, подчинявшихся – по точным сведениям Вимины – царю. Вимина настаивал на необходимости дипломатической миссии к царю, который непременно согласится принять посланника Светлейшей республики. Не упуская из виду экономическую сторону миссии, Вимина коснулся необходимости дорогих подарков, подчеркнув, что на оплате труда донских казаков можно будет сэкономить. Применяв свои познания в географии, он подчеркивал важность того, чтобы дипломатическая миссия к русскому царю была отправлена в ближайшее время.

По-видимому, рассуждения Вимины убедили венецианских сенаторов: решением Сената он был оправлен к царю Алексею Михайловичу с посланием от дожа Франческо Молина от 12 декабря 1654 г. Грамота подтверждала полномочия Вимины говорить от лица Светлейшей республики, тогда как о военном союзе он должен был ходатайствовать перед царем устно.

Более полугода, с июня по декабрь 1655 года, Вимина проезжал по России в ожидании встречи с царем – Алексей Михайлович находился в военном походе, шла война с Польшей. Побывав в Ладого, Пскове и Новгороде, затем – в Смоленске, где с 6 августа по 21 сентября он ожидал аудиенции, в Литве и снова в Смоленске [Сассато, 1986, р. 249], Вимина, наконец, должен был предстать перед царем.

Задолго до приезда Вимины в царскую ставку в Посольском приказе готовились к приему у царя посланника Светлейшей республики и пытались определить наиболее подходящую форму дипломатического ритуала: сотрудниками последнего был написан ответ на царскую грамоту от 2 июля, где им было «велено в Посолском Приказе приискать виницейских послов, и посланников и гонцов дела, которые к посланничью приему надобны, а те дела и переводчика, кому лист переводить» [ПДС X, 1871, стб. 866], однако, поскольку «в Посолском Приказе виницейских послов, и посланников²⁹ и гонцов приезду не сыскано», то, как докладывали царю его чиновники, «для примеру велели мы, холопи твои, выписать, как бывают у тебя В. Г-ря на приезде и на отпуске галанские посланники, и по чему им дают твоево Государева жалованья» [Там же] – в выписках описывался прием в Москве царем Алексеем Михайловичем голландского посланника Александра Голстема [ПДС X, 1871, стб. 869-871].

В грамоте царя Алексея Михайловича от 12 августа 1655 года к «князю Ивану Никитичу Хованскому с товарищи» [ПДС X, 1871, стб. 864], направленной в Смоленск – когда предполагалось, что Вимина отправится из Смоленска в царскую ставку, – содержались точные распоряжения о приеме дипломатического посланника, сообразованные с условиями военного времени: «И как к вам ся наша грамота придет, и вы б виницейского посланника Албертуша Вимина, дав ему в дорогу корм, и питье, и подводы и провожатых, сколько человек пригоже, отпустили к нам В. Г-рю со псковским же приставом; а как из Смоленска отпустите, и велели ево вести в Днепровые ж ворота, и чтоб было по тому ж, как ево приняли в Смоленск, людно и стройно, по посолскому обычаю, и приставу ево приказали б есте: как учнет приезжать к нашему стану и не доезжая верст за пять, или за шесть, виницейского посланника велели поставить на стану с провожатыми, а самому ему велели ехать наперед и про посланника объявить, на нашем Цар. Вел-ва на стану, в посолском шатре, думному

²⁹ Об особенностях русской дипломатической терминологии см. работу Ф.П. Сергеева [Сергеев, 1971].

нашему дьяку Лариону Лопухину, а без нашего указа посланнику к нам на стан без обсылки ездить не велели» [ПДС X, 1871, стб. 865].

В этой же царской грамоте содержались вопросы, которые пристав Алексей Лужин, прикомандированный к Вимине, должен был задать венецианскому посланнику как бы от своего имени: «А покаместа посланник в Смоленске у вас будет, и вы б велели ево спросить приставу Алексею Лужину, бутто от себя в розговорех, а не от вас: от ково он к нам В. Г-рю послан? и кто у их князь именем, или Статы? и как они пишутца в своих титлах в грамотах в иные государства? да и грамоты б посмотреть на подписи, как к нам В. Г-рю подписана, и как он подаст нам В. Г-рю грамоту, естли с ним словесной приказ? и в ответе ему быть ли? или с ним о всем писано в грамоте, а в ответе ему не быть» [ПДС X, 1871, стб. 865-866]. Вопросы, как нетрудно заметить, позволяли составить представление о дипломатическом статусе венецианского дожа, что было необходимо для подготовки дипломатического приема, откуда – ходатайство царя о том, чтобы информация эта была к нему отправлена до того, как Вимина доберется до царя: «Да о том бы есте о всем к нам В. Г-рю отписали тотчас, чтоб за долго поспеть до посланникова приезде к нам на стан» [ПДС X, 1871, стб. 866].

Однако аудиенции Вимины у царя было не суждено было состояться: Вимина тяжело заболел.

Уже на следующий день после того как «великий князь прибыл в Смоленск 21 ноября» [Сассато, 1986, р. 278], к Вимине пришел назначенный ему в помощь царем пристав – «мой городской пристав и сказал, что сообщил его величеству о моей болезни и что его величество посочувствовал мне и пожелал скорейшего выздоровления» [Ibid.].

Пристав спросил Вимину о том, позволит ли ему его «слабость предстать перед светлейшими очами его величества и устно изложить все то, что было ему поручено» [Ibid.]. Вимина ответил: «Лихорадка продолжает мучить меня так, что мне с трудом удастся встать с постели, когда мне то нужно, и поэтому я полагаю, что никак не смогу принять предложение его величества, в котором вижу большую честь для меня. Тогда он сказал: «Думаю, что Вы могли бы передать вашу верительную грамоту и письменно изложить то, что было поручено Вам дожем. Я ответил, что писать о порученном у нас непринято, что я надеюсь в скором времени прийти в себя и лично сообщить необходимое его величеству. С этими словами пристав ушел» [Ibid.].

Вимина пишет, что «пристав вернулся на следующий день, передал мне наилучшие пожелания от лица своего господина и сказал, что, поскольку я не могу явиться на аудиенцию лично, его величество решил посмотреть мою верительную грамоту и затем прислать ко мне вице-канцлера, который выслушает меня, после чего пристав спросил меня, не желаю ли я доверить ему послание от дожа, адресованное его величеству. “Если таково желание его величества”, – ответил я и с этими словами передал ему послание дожа вместе с золотой тканью³⁰, которая пришлась его величеству столь по вкусу, что в ту же ночь он отправил ее в подарок великой княгине» [Ibid.].

Вероятно, после первой встречи с приставом 22 ноября или ранее Виминой было написано ходатайство к царю Алексею Михайловичу о том, «чтоб Е. Цар. Вел-во изволил у меня верующую грамоту взять и выслушать, что мне приказано изустно говорить, и себя великого доложить, и на то мне свой Цар. Вел-ва милостивой ответ учинить, и свою Цар. Вел-ва грамоту мне дать и с той своей Цар. Вел-ва милостивой грамоты дать перевод на итальянском или на латынском языке, потому что в Вениции ныне переводчика нет, кто б русской язык умел перевести» [ПДС X, 1871, стб. 908]³¹.

По всей вероятности, вместе с царем Алексеем Михайловичем в военном походе оказались и служащие Посольского приказа, в ведении которого находилась внешнеполитическая переписка (приказ располагал и штатом профессиональных переписчиков и оформителей царской грамоты, а также опытными устными и письменными переводчиками). Получив ходатайство Вимины, сотрудники Посольского приказа перевели его на русский язык (затем было переведено на русский и послание дожа³², переданное Виминой), и довели до сведения царя Алексея Михайловича, который пошел навстречу захворавшему венецианскому посланнику и отправил к нему дьяка Томила Перфирьева (его фамилия, восходящая к имени «Порфирий», передается также как Перфильев, реже Перфурьев). Дьяк Перфирьев с 1654 г. возглавлял Приказ тайных дел и в этом качестве сопровождал царя в военном походе. Функции приказа, если верить Г.К.Котошихину, служившему в Посольском приказе времен царя Алексея Михайловича, заключались в том,

³⁰ В документах Посольского приказа сохранилось точное описание размеров подаренной ткани – «аксамит, мерою 13 аршин без 5 вершков» [ПДС X, стб. 909]

³¹ Это прошение сохранилось среди архивных русских документов напечатано на итальянском в «Памятниках дипломатических сношений» [ПДС X, 1871, стб. 907], там же – русский перевод [ПДС X, 1871, стб. 907-908]. Копия «челобитной» Вимины была отправлена послом Нани в Венецию (хранится в государственном архиве г. Венеция: Archivio di Stato di Venezia, Disp. Germania, filza 106, f. 488), однако в своих письмах Вимина не сообщает Нани о том, каким именно образом уведомил царя о болезни, по-видимому, ограничившись тем, что приложил копию своего ходатайства.

³² Русский перевод напечатан в «Памятниках дипломатических сношений» [ПДС X, 1871, стб. 900-902].

что его служащие «ведают они и делают дела всякие царские, тайные и явные; и в тот Приказ бояре и думные люди не входят и дел не ведают, кроме самого царя» [Котошихин, 2000, с. 107]. Это был наиболее приближенный к царю приказ: «А устроен тот Приказ при нынешнем царе, для того чтоб его царская мысль и дела исполнилися все по его хотению, а бояре б и думные люди о том ни о чем не ведали» [Там же].

Отметим, что обозначение должности Томило Перфирьева в письмах Вимины («*vicescancelliero*») совпадает с использованным в итальянском переводе грамоты царя Алексея Михайловича от 23 ноября 1655 г., пусть и в другой огласовке («*vicescancellario*³³»). Итальянский эквивалент для русского «дьяк Тайного приказа», по всей вероятности (документальными свидетельствами мы не располагаем), был подобран – или переводчиком, или Виминой – исходя из реалий Светлейшей республики после того, как переводчик объяснил венецианскому посланнику роль Тайного приказа и должность Перфирьева в ней.

Дело в том, что в Венецианской республике канцелярия, официально называвшаяся «дожеской канцелярией» («*cancelleria ducale*») играла особенную роль в общественной, политической и экономической жизни Венеции. Она находилась в непосредственном ведении Совета Десяти (декрет последнего от 24 июня 1462 года) – органа, отвечавшего за государственную безопасность, который еще в декрете от 22 декабря 1459 года определил ее как «сердце нашего государства» [Cozzi, Knapton, 1986, p. 143]³⁴. «Штатные писцы» служили не только в Венеции, но и в качестве секретарей у «главнокомандующего морскими силами» («*capitani generali da mar*») и у «наместника на материке» («*provveditore di Terraferma*»), при венецианских послах и у байюла (венецианский посол) в Константинополе [Ibid., p. 143]. Наконец, некоторым из них доверялись чрезвычайные миссии – к примеру, вести переговоры о мире (в 1479 году с Отоманской империей Джованни Дарио) [Ibid.], их отправляли за границу и в качестве постоянных представителей Венеции, но не в качестве посла («*ambasciatore*» – им могли быть только венецианские патриции), а в качестве так называемого «резидента» («*residente*»), предполагавшего иной, более низкий статус [Ibid. P. 144-145].

На переговорах с дьяком Томило Перфирьевым 24 ноября, явившегося «с двумя секретарями» [Cassamo, 1986, p. 278], венецианский посланник от лица дожа предложил царю Алексею Михайловичу вступить в военный союз с Венецией, а также указал на выгоду

³³ Archivio di Stato di Venezia. Collegio. Lettere principi. Filza 13. № 3.

³⁴ Работе дожеской канцелярии в XVIII в. посвящена работа М.Гальтаросса [Galtarossa M., 2009].

возможных торговых отношений, предложив возможные торговые пути и венецианские товары, тогда как Перфирьев обратил внимание Вимины на то, как следует писать царские титулы, переданные в послании дожа далеко не полностью. Вимины не уточняет, присутствовал ли на переговорах переводчик (или им был один из секретарей?), скорее всего, это подразумевается само собой.

Несмотря на искусство, проявленное Виминой, его миссия не увенчалась успехом. Ответ от царя был получен им довольно быстро, через два дня (как пишет Вимины, сразу после приема царем шведского посланника и некоего большого православного праздника [Сассато, 1986, р. 280]), – 28 ноября (так у Вимины в письме [Ibid.], хотя, если верить его хронологии, это должно было произойти 27 ноября). Перфирьев, прибывший к Вимины «в сопровождении двух секретарей» [Ibid.], пожаловался «многословно на скудость титулов» [Ibid.] в послании дожа к царю, после чего, «развернув лист бумаги, начал давать ответы» [Ibid.]: «И, перейдя к делу, сказал, что его величество не может дать мне ответ, поскольку занят войной с поляками. Но что Богу и пресвятой Деве ведомо, когда и каким образом наказана будет дерзость татар, подобно тому, как это произошло с куда более сильными Казанским и Астраханским царствами. Тем не менее, его величество накажет своим боярам заняться этим делом и отправит в Венецию посланника, который сообщит Светлейшей республике решительное намерение его величества» [Сассато, 1986, р. 280-281].

Ответная грамота царя Алексея Михайловича дожу Франческо Молину была передана Вимины Перфирьевым: «4 декабря 1655 г. пришел вице-канцлер с письменным ответом от великого князя, запечатанным и внутри с переводом на итальянский язык, о чем я просил устно» [Сассато, 1986, р. 282]. Из описания беловека царской грамоты, сохранившегося в России, известно, что царская грамота была «...послана в тафте червчатой» (красной) [ПДС X, 1871, стб. 925], уточнено, что ее Вимины «относил дьяк Томило Перфирьев» [Там же].

В своих письмах к Б.Нани Вимины утверждал, что Томило Перфирьев (ранее, 22 и 23 ноября, Вимины вел переговоры через пристава) побывал у него с визитом четырежды – 24 ноября (когда на переговорах Вимины изложил Перфирьеву суть дела, приведшего его в Россию), 26 ноября вечером (с подношениями в честь некоего православного праздника [Сассато, 1986, р. 280]), 28 ноября (дьяк передал устный ответ царя на речь Вимины) и 4 декабря (когда Перфирьев отдал царскую грамоту Вимины). «Ответные статьи винеицкого посланника» [ПДС X, 1871, стб. 902] помечены 12 ноября (22 ноября по новому стилю, используемому Вимины), то есть следующим днем после прибытия в Смоленск царя

Алексея Михайловича – когда, если верить Вимине, состоялась первая описанная им беседа его с приставом и когда им была передана золотая ткань в подарок царю. В «ответных статьях» получили отражение переговоры, отнесенные Виминой к 24 ноября, на которых Вимина изложил суть дела, приведшего его в Россию. Расхождение в датах у Вимины и Перфирьева, на наш взгляд, можно объяснить тем, что 23 ноября была датирована грамота царя Алексея Михайловича к дожу Франческо Молину, где речь шла о завершившихся к тому времени переговорах Вимины и Перфирьева. Можно предположить, что либо Виминой была допущена ошибка в указании дат, либо царская грамота специально была датирована днем, последовавшим за переговорами (в хронологии Перфирьева).

Следует предположить, что устный переводчик, через которого вели переговоры Перфирьев и Вимина, и письменный переводчик, выполнивший перевод на итальянский грамоты царя Алексея Михайловича от 23 ноября 1655 г., – это одно и то же лицо (нельзя исключать, что им же были переведены с итальянского на русский послание дожа и прошение Вимины к царю Алексею Михайловичу). Это следует из слов Вимины: «Посылаю Вашему Сиятельству копию письма, написанную рукою переводчика (устного – Н.К.), который всячески заботясь о соблюдении тайны, доверился мне и тому, что, пока я буду везти оригинал, перевод не попадет в чужие руки» [Сассато, 1986, р. 283]. Имя же переводчика царской грамоты известно из описания беловика последней: «...и с той грамоты переведено и написано цесарским писмом на тетради в десть; писал переводчик Иван Фан-Делдин, и положена в грамоту <...> относил дьяк Томило Перфирьев» [ПДС X, 1871, стб. 925]. Из письма Вимины следует, что с переводчиком – скорее всего, приписанным к Посольскому приказу – у него сложились более чем доверительные отношения. Возможно, сказалось и то, что переводчик владел родным языком Вимины: именно на итальянский (а не на латинский, использовавшийся по-преимуществу для перевода грамот в Венецию до Петра Первого включительно) была переведена царская грамота. Во всяком случае, именно у переводчика Вимина попытался получить ответ о возможных перспективах российско-венецианского союза после того, как переговоры с Перфирьевым были завершены, и ответ этот он счел необходимым полностью привести в письме к Нани: «Вечером того же дня, 28 ноября, увидевшись с переводчиком его величества, как то было у нас заведено, – человеком, безусловно, порядочным и заслуживающим подобающим общественного признания, я решил сказать ему, что не до конца удовлетворен столь кратким и общим ответом. Однако он ответил мне: “Мне не кажется, что ответ этот не так далек от того, что Вы ждали, ведь великий князь

сказал о том, что сейчас не может пойти вам на помощь в решении ваших дел в силу нынешних своих дел, и что со временем прийдет в Венецию своего посланника, дабы заверить Светлейшую республику в своих намерениях. И безусловно, – добавил он, – это Ваше предложение было бы более чем заманчивым, будь оно сделано в других политических условиях. Чего желает больше всего вся Московия, что одобрит и дворянин, и смерд, как не военную кампанию против татар, от которых столь часто терпим мы урон, да и его величеству не составило бы труда двинуться на их юрты, поскольку они, вооруженные луками и саблями не смогли бы оказать никакого сопротивления московитам, вооруженным копьями и аркебузами”» [Сассато, 1986, р. 281].

По тематике рассматриваемые российско-венецианские переговоры могут быть разделены на несколько частей: вводная (осведомление о здоровье и указание на Перфирьева как на царского представителя), изложение дела, с которым послан Вимины (возможный военный союз России и Венеции против Османской империи и возможные торговые отношения), вопрос о написании титулов. Все эти части представлены и в отчете Перфирьева, и в письме Вимины, но в разной последовательности. У обоих первой описана вводная часть, за которой у Перфирьева следует изложение дела – ходатайства Вимины о военном союзе, тогда как Вимины передает жалобу дьяка на «скудость царских титулов», затем говорит о сути своей миссии – военный союз и торговые дела, после чего подробно пересказывает вопросы дьяка о государственно-административном устройстве Венецианской республики – в отчете Перфирьева эта последняя часть никак не передана, поскольку, по-видимому, не имела отношения к «ответам» Вимины и предназначалась для внутреннего использования, затем Вимины вновь возвращается к вопросу о военном союзе и говорит о возможности развития торговых отношений, заканчивая описание переговоров обещанием дьяка вскоре дать ответ. В отчете Перфирьева переговоры оканчиваются обещанием Вимины писать царские титулы «как годно» [ПДС X, 1871, стб. 906] царю и передачей в дар царю золотой ткани со стороны Вимины [Там же], после чего Перфирьев, в свою очередь, продемонстрировал готовность помочь заболевшему венецианскому посланнику; записана и незамедлительно последовавшая просьба Вимины, причем с точным указанием желаемого напитка: «И посланник говорил: бьет челом он В. Г-рю, Е. Цар. Вел-ву, чтоб пожаловал, велел к нему прислать дохтура и лекаря, а пить он желает кинареи» [ПДС X, 1871, стб. 906-907].

Проведенный нами анализ материалов российско-венецианских переговоров 1655 года убеждает в том, что их ход и содержание, зафиксированные в письменных текстах Перфирьева и Вимины, предстают едиными в том, что касается главного вопроса, поднятого на переговорах, – возможности военного союза (а также совместной торговли). Именно первый был целью дипломатической миссии Вимины, а также имел принципиальное значение для дипломатических отношений обеих сторон. Вместе с тем, нами был выявлен ряд расхождений. Они касаются как содержания переговоров (Перфирьев никак не упоминает все заданные им вопросы Вимине о государственном устройстве Венеции и свое обещание передать услышанное им царю, но фиксирует принятие дорогого подарка для царя от Венеции и проявленное к заболевшему Вимине внимание русской стороной), так и отмеченной нами последовательности в ходе переговоров (порядок поднимаемых тем).

Точное объяснение практического характера, которое Вимина дал неполному написанию царских титулов в послании дожа, у Перфирьева обобщено таким образом, что выявлена главная их причина (неведение венецианцев), которая никак не может повредить отношениям России и Венеции, и специально добавлено заявление о готовности Венеции к исправлению.

Что касается главного – вопроса о возможном военном союзе, то речь Вимины звучит как речь дипломата, в которой потенциальному союзнику демонстрируется военная и идеологическая (дипломатическая) выгода для России, вытекающая из военного союза с Венецией; главные доказательства, к которым прибегает Вимина, чтобы убедить через Перфирьева царя, носят не только идеологический, но и стратегический характер (слабость Турции в настоящий момент, раздробление сил противника возможными действиями на двух фронтах и укрепление дипломатического статуса России среди других христианских держав, поскольку под защиту будет взято христианское население), благодаря чему демонстрируется, насколько может быть выгоден план Вимины для России³⁵. У Перфирьева речь идет о защите интересов православных (и отсюда – уважение всех христиан) и о помощи завязшей в десятилетней войне Венеции, которая не в состоянии справиться одна, – именно такая мотивация призвана была убедить царя оказать помощь Венеции.

Обнаруженные нами особенности в изложении материала одних и тех же переговоров могут быть объяснены не только интерпретацией, данной переводчиком, тем, каким именно образом слова Вимины и Перфирьева им были переданы на русский и на итальянский, но и

³⁵ В отличие от записки Вимины в Сенат, прямо говорящей о выгоде для Венеции [Cassano, 1986, p. 271].

тем, что написаны они в значительной мере по памяти и, главное, в восприятии пишущего. Так, даже у Вимины с его стремлением к документальной точности мы находим ничто иное, как его интерпретацию услышанного, даже в том случае, когда последнее приводится им в форме прямой речи. Чем, как не восприятием Вимины, можно объяснить то, что в его письмах царский пристав утверждает, что верительная грамота Вимины царем «была прочитана» [Сассато, 1986, р. 278], а не заслушана³⁶, тогда как официальный царский переводчик называет царя Алексея Михайловича «великим князем» и Россию – «империей» и «Московией» [Сассато, 1986, р. 281].

Однако, как представляется, далеко не последнюю роль играла коммуникативная задача, стоявшая перед составителем документа, и определявшая, в свою очередь, жанровую принадлежность документа.

Письма Вимины к Нани были по своей сути отчетом перед вышестоящим дипломатическим лицом (Нани, напомним, отправлял их из Вены в Венецию вместе со своими отчетами). Виминой были описаны переговоры с Перфирьевым, предшествовавшие им встречи с приставом, когда было передано послание дожа, а также последовавшее за переговорами получение ответной царской грамоты от 23 ноября 1655 г. По своему содержанию последняя может быть сопоставлена с материалом переговоров – в той их части, которая касалась вопроса о царских титулах и о возможных торговых связях, – но скорее в изложении дьяка Томило Перфирьева, нежели Вимины. Проведенный анализ свидетельствует о том, что составленные Перфирьевым «ответные статьи» приближаются по своей жанровой природе (в частности, по использованным речевым средствам) к таким документальным жанрам русской дипломатии (и древнерусской литературы³⁷), как указы и статейные списки (отчеты) русских послов: отправляясь на переговоры к Вимине, дьяк Томило Перфирьев оказался в роли дипломатического представителя царя Алексея Михайловича, пусть и находившегося совсем неподалеку от него. Царская грамота к дожу Франческо Молину от 23 ноября 1655 г., то есть следующим за переговорами днем, могла

³⁶ Известно, что подготавливаемые документы именно зачитывались царю: к примеру, в своей грамоте к венецианскому дожу Франческо Молину от 23 ноября 1655 г. царь Алексей Михайлович писал о том, что «грамота» дожа была принята от венецианского посланника, переведена по распоряжению царя и «выслушана» им: «Грамоту Вашу велели у него принять и велели перевести и выслушали любительно» (Archivio di Stato di Venezia. Czar di Moscovia, Filza 13. N 2; опубликована в ПДС [ПДС X, 1871, стб. 925]).

³⁷ О взаимодействии литературных и «деловых» жанров на примере статейных списков русских послов XVI–XVII вв. см. работу Д.С.Лихачева, где, в частности, говорится о том, что «С самого своего начала развитие литературы совершалось в тесной близости к деловой письменности. Литературные и “деловые” жанры не были отделены друг от друга непроницаемой стеной» [Лихачев, 2008, с. 320].

быть составлена с учетом того, каким образом дьяком (или от лица дьяка) была пересказана беседа с Виминой (поэтому в царской грамоте речь идет о возможных предметах экспорта из России, а не из Венеции – Вимина упоминал знаменитые венецианские ткани; отсюда и чрезвычайная схожесть в рассуждениях о царских титулах в тексте грамоты и в отчете Перфирьева). Нельзя исключать, что и царская грамота, и отчет Перфирьева составлялись одним лицом (лицами) и примерно в одно время: над грамотами к иностранным правителям работали подъячие Посольского приказа по заданному содержанию, затем они редактировались дьяком и, наконец, одобрялись царем и боярами [Котошихин, 2000, с. 45-46], нельзя исключать, что и текст Перфирьева вычитывался дьяком в последней редакции.

В текстах Вимины и Перфирьева оказались зафиксированы те стратегии, к которым прибегли их авторы в ходе переговоров. Но в них же получила отражение работа переводчика, присутствовавшего на переговорах, и труд авторов письменных текстов, а в случае «ответных статей», по всей вероятности, еще и составителей. «Статьи», скорее всего, писались с учетом их главного адресата – царя Алексея Михайловича, никогда Вимины не слышавшего: именно на основании «ответных статей» была подготовлена ответная царская грамота. Содержание переговоров с Виминой, переданное на русский язык переводчиком, было пересказано – с участием и переводчика? – с установкой на венценосного адресата, слуху которого могли предназначаться только тексты, обработанные стилистически в соответствии с определенными нормами этикета, пусть и нигде не зафиксированными официально, подобно тому, как статус автора царской грамоты учитывался при составлении от его лица внешнеполитических грамот в Посольском приказе, подобно тому как сохранен был дипломатический царский статус переводчиком Вимины и Перфирьева, который оставался сотрудником своего приказа даже в конфиденциальной беседе, какую вели он и венецианский посланник по завершении официальной части переговоров. Именно так, позднее, будет наказано посланнику царя Алексея Михайловича Томасу Кельдерману, отправлявшемуся в Венецию: «А о иных делех держати ему ответ по их речам учтиво и остерегателно, чтоб Государеву имени было к чести и к повышенью, а лишних речей не говорить и собою ничего не всчинать» [ПДС IV, 1856, стб. 706].

Список литературы

- Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича / Подг. публ., вводн. ст., коммент. и словник Г. А. Леонтьевой. М.: РОССПЭН, 2000. 272 с.
- Крылова Т. К.* Россия и Венеция на рубеже XVII и XVIII веков // Учен. зап. Ленингрд. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1939. Т. 19. С. 43–82;
- Лихачев Д. С.* Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки. СПб.: Наука, 2008. С. 319–346. (Репр. 1954 г.). (Сер. «Литературные памятники»).
- Памятники дипломатических сношений с Римскою империею. Т. 4: (С 1661 по 1674 год) // Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. СПб., 1856. 1436 стб.
- Памятники дипломатических сношений с папским двором и с италиянскими государствами. Т. 10: (С 1580 по 1699 год) // Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. СПб., 1871. 1859 стб.
- Сергеев Ф. П.* Русская дипломатическая терминология XI–XVII вв. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1971. 219 с.
- Шаркова И.С.* Россия Италия: торговые отношения XV– первой четверти XVIII в. Под редакцией члена-корреспондента АН СССР В.И.Рутенбурга. Л.: «Наука», 1981. 210 с.
- Caccato D. Alberto* *Vimina in Ucraina e nelle “parti settentrionali”*: diplomazia e cultura nel Seicento veneto // *Europa Orientalis*, 1986. № 5. P. 233–283;
- Cozzi G., Knapton M.* *La repubblica di Venezia nell’età moderna. Dalla guerra di Chioggia al 1517.* // *Storia dell’Italia.* / A cura di G.Galasso. Torino: UTET, 1986. Vol. XII/1. 361 p.
- Galtarossa M.* *Mandarini veneziani. La Cancelleria ducale nel Settecento.* Roma: «Aracne», 2009. – 383 p.
- Giraud G.* *Venezia e la Russia, 1472–1797: trionfi e tramonti a confronto.* // *Volti dell’Impero Russo.* Milano: Electa, 1991. P. 53–62;
- Longworth Ph.* *Russian-Venetian Relations in the Reign of Tsar Aleksey Mikhailovich* // *The Slavonic and East European Review.* Vol. 64. № 3. July 1986. P. 380–400; *Venturi F.* *I rapporti italo-russi dalla seconda metà del ‘700 al 1825.* // *I quaderni di Rassegna Sovietica. Atti del II Convegno degli storici italiani e sovietici.* Roma, maggio 1966. Quaderno secondo, 1968. P. 6–30.

Керимова С.М.
Казахский национальный университет им. аль-Фараби
г. Алматы (Казань)

Kerimova Saniya
Al-Farabi Kazakh national university
Almaty (Kazakhstan)

*ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПЕРЕВОДА В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ*

LINGUOKULTURAL TRANSLATION UNITS IN CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

В статье рассматриваются лингвокультурные единицы перевода, представляющие собой феномены культуры (реалии, идиокультурные ситуации, концепты, структурно-семантические особенности языковых единиц). На примере лингвокультурных реалий в переводе рассматриваются особенности развития определенных национально-обусловленных ассоциаций у читателей-инофонов на уровне эмоционального восприятия. Автор приводит различные модели перевода, разработанные теоретиками и практиками перевода в разное время. Особое внимание уделяется лингвокультурологической модели перевода, основанной на новых научных подходах в изучении и интерпретации национально-культурных представлений при осуществлении межкультурной коммуникации. Выдвигается точка зрения о том, что при сопоставлении культур необходимы интерпретация культурных кодов, а также адаптация текста перевода, чтобы облегчить понимание культурно значимых элементов в тексте. Кроме того, в статье обосновываются новые подходы к изучению перевода как основного аспекта межкультурной коммуникации, в результате которой национально-культурная маркированность языкового феномена становится наиболее очевидной.

In article the linguokultural translation units representing culture phenomena are considered (realities, idiokultural situations, concepts, structural-semantic features of language units). On an example the lingvokultural of realities in translation features of development of the certain national caused associations in readers-inofonov at the level of emotional perception are considered The author gives various models of the translation developed by theorists and practitioners of the translation at different times. The special attention is paid to the linguokultural model of the translation based on new scientific approaches in studying and interpretation of national and cultural representations at implementation of cross-cultural communication. The point of view that by comparison of cultures are necessary interpretation of cultural codes, adaptation of a target text to facilitate understanding of national outlook of culturally significant elements in the text moves forward. Besides, new approaches to translation studying as main aspect of cross-cultural communication as a result of which the national and cultural markirovannost of a language phenomenon becomes the most obvious locate in article.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, перевод, лингвокультурные единицы, лингвокультурологическая модель перевода, культурные реалии, концепты и символы.

Key words: cross-cultural communication, translation, linguokultural units, lingvokultural model of the translation, cultural realities, concepts and symbols.

Современный мир характеризуется небывалым развитием новых технологий, появлением новых научных парадигм и подходов. Современные информационные средства и увеличение объема информации делают необходимым поиск новых и уточнение имеющихся принципов коммуникации в теоретическом и практическом аспектах, в частности, в переводоведении. Перевод приобретает новое социальное измерение. Как социально обусловленная, общественно признаваемая деятельность, он представляет собой в условиях глобализации специальный вид межкультурной коммуникации, имеющий большое значение для распространения информации и культурного обмена.

Именно в процессе межкультурного общения национально-культурная маркированность языкового феномена становится наиболее очевидной. В настоящее время межкультурная коммуникация является актуальной областью исследования, что вполне закономерно в эпоху транснационализации культурных и языковых пространств. Процесс межкультурной коммуникации – это процесс общения представителей разных национально-культурных сообществ и ознакомление с иной культурой. В связи с этим рассмотрение триады «этнос – язык – культура» в ее сложной взаимообусловленности и взаимосвязи является весьма актуальным. Теоретический и прагматический анализ этого триединства позволяет судить о механизмах, «управляющих» этносом, языком и культурой и приемах, которые способствуют оптимизации интракультурного (внутри одной лингвокультурной общности) и интеркультурного (между двумя лингвокультурными общностями) общения.

Преодоление языкового барьера недостаточно для обеспечения эффективности общения между представителями разных культур. Для этого нужно преодолеть барьер культурный. В исследовании И.Ю. Морковиной и Ю.А. Сорокина представлены национально-специфические компоненты культур, которые и создают проблемы межкультурной коммуникации: «В ситуации контакта представителей различных культур (лингвокультурных общностей) языковой барьер – не единственное препятствие на пути к взаимопониманию. Национально-специфические особенности самых разных компонентов культур-коммуникантов (особенности, которые делают возможной реализацию этими компонентами этнодифференцирующей функции) могут затруднить процесс межкультурного общения.

К компонентам культуры, несущим национально-специфическую окраску, можно отнести как минимум следующие:

а) традиции (или устойчивые элементы культуры), а также обычаи (определяемые как традиции в «соционормативной» сфере культуры) и обряды (выполняющие функцию

неосознанного приобщения к господствующей в данной системе нормативных требований);

б) бытовую культуру, тесно связанную с традициями, вследствие чего ее нередко называют традиционно-бытовой культурой;

в) повседневное поведение (привычки представителей некоторой культуры, принятые в некотором социуме нормы общения), а также связанные с ним мимический и пантомимический (кинестический) коды, используемые носителями некоторой лингвокультурной общности;

г) «национальные картины мира», отражающие специфику восприятия окружающего мира, национальные особенности мышления представителей той или иной культуры;

д) художественную культуру, отражающую культурные традиции того или иного этноса

Специфическими особенностями обладает и сам носитель национального языка и культуры. В межкультурном общении необходимо учитывать особенности национального характера коммуникантов, специфику их эмоционального склада, национально-специфические особенности мышления» [1, с. 77].

Смена научных парадигм связана с развитием таких новых лингвистических наук, как когнитивная лингвистика, этнолингвистика, этнопсихоллингвистика, лингвокультурология и др. Лингвокультурологическая теория, взятая в совокупности с методологическими подходами других лингвистических и интерлингвистических теорий, позволяет раскрыть сущность имплицитных связей языка и культуры. Суть смены парадигмы заключается в изменении лингвистических исследований с производства текста к его значению для реципиента.

Развитие лингвистических наук отразилось и на науке о переводе. Перевод стал рассматриваться не как межъязыковая, а как межкультурная коммуникация. Новые научные подходы особо «высветили» языковую личность и условия ее формирования в культурном контексте. Поскольку культурная и языковая компетенция не совпадают, «переключение» языковой компетенции в культурную основано на интерпретации языковых знаков в категориях культурного кода [2, с. 227]. Перевод рассматривается не как простое взаимодействие двух языков, а как взаимодействие контекстов, включающих лингвистические и экстралингвистические параметры коммуникации. Перевод, являясь лингвокультурным процессом, призван обеспечить взаимопонимание участников коммуникативного акта, принадлежащих к различным национальным и независимым друг от друга культурам.

В переводоведении проблема взаимосвязи языка и культуры отмечалась теоретиками и практиками перевода в виде прагматического или экстралингвистического факторов

(Бархударов), культурологического аспекта (Комиссаров), лингвоэтнического барьера (Латышев), учета национальной специфики или прагматической адаптации (Швейцер), роли культурного фактора (Швейцер), речевой ситуации (Рецкер), фоновой информации (Виноградов). Однако в используемых в настоящее время ситуативной (денотативной), трансформационно-семантической, коммуникативной, информативной, психолингвистических моделях (процесса) перевода не находит полного отражения специфика сложной системы образов, отражающих действительность в коллективном сознании, в языковой картине мира, хотя в хронологии появления этих моделей четко прослеживается тенденция рассмотрения проблемы от языка к языку и культуре.

Так, трансформационно-семантическая модель перевода успешно решает задачу передачи структурно-семантических особенностей языковых единиц, т.е. ориентируется на связь между структурами и лексическими единицами исходного и переводного текстов.

Ситуативная (денотативная) модель перевода позволяет переводить безэквивалентную лексику, описывать стороны ситуации, которые не входят в значения используемых в сообщении языковых единиц. Основная ориентация этой модели – внеязыковая действительность.

Информативная модель принимает во внимание информационный запас отправителя и получателя текста, учитывая при этом своеобразие двух взаимодействующих культур, различия в видении мира языковых общностей, ситуативные и коммуникативные условия порождения исходного текста.

Коммуникативная модель переводческой деятельности позволяет осуществлять перенос культурно-мировоззренческой системы, как она отражена в оригинале, в иную культурную среду.

Однако указанные модели перевода не способны в полной мере сохранить образные ассоциации исходного текста, не снимают проблем передачи семантики единиц, связанных с культурной, исторической, этнографической спецификой того или иного народа. Перевод представляет собой вид речевой деятельности творческого характера на стыке двух культур, имеющий целью проникновение в культуру, духовные ценности другого народа с целью познания и обогащения своей культуры, что и определяет поступательное развитие каждой из культур. Проблемой представляется понимание текстов иноязычной культуры в случае отсутствия у реципиента знаний внутреннего контекста культуры, под которым понимаются условия интерпретации языковой и внеязыковой информации, связанной с

лингвокультурологическими параметрами коммуникации. В такие параметры входят специфически переработанные и представляемые знания о мире (система знаний), различная степень информированности реципиента об описываемом в тексте объекте или событии, отношения в определенной культуре к ценностям, выработанные и закреплённые (вербальные и невербальные) нормы и традиции заставляют переводчика решать задачу преодоления «лингвоэтнического барьера» (по Л.К.Латышеву) с тем, чтобы устранить эти различия в результате трансформации текста и обеспечить коммуникацию.

При сопоставлении культур необходимы интерпретация культурных кодов, адаптация текста перевода, чтобы облегчить понимание национального мировоззрения культурно значимых элементов в тексте. В связи с этим появилась необходимость в разработке такой модели перевода, которая позволяла рассматривать и учитывать специфическую для каждой культуры систему когнитивно-вербальных представлений, языковую картину мира и восприятия действительности представителей инокультуры. Такой моделью стала лингвокультурологическая модель перевода, разработанная С.В.Евтеевым [3], включающая когнитивные «параметры», и, учитывающая лингвокультурную эквивалентность, под которой понимается восприятие перевода представителем иной культуры культурно-специфических элементов оригинала.

Необходимым в переводческой деятельности следует считать триаду «язык – культура – личность». С.П. Мамонотов выделяет основные функции культуры в его взаимодействии с языком [4]:

- 1) познавательная (или гносеологическая), направленная на систематизацию знаний и раскрытие законов развития природы и общества, а также познание человеком самого себя;
- 2) информативная, обеспечивающая накопление, преемственность и распространение социального опыта человечества;
- 3) коммуникативная, неразрывно связанная с первыми двумя функциями, носителями которой, в первую очередь выступают естественные языки;
- 4) регулятивная (или нормативная), проявляющаяся в системе норм и требований к членам общества или групп людей;
- 5) оценочная (аксиологическая), подразумевающая классификацию предметов и явлений окружающего мира с точки зрения их ценностей, определяемых человеческим интеллектом;
- 6) разграничения и интеграции человеческих групп, учитывающая культурно-

исторические особенности этносов, сопротивляемость ассимиляции и процессы взаимного культурного обогащения.

Основной функцией, согласно этой классификации, является познавательная (или гносеологическая), поэтому под переводом следует понимать вид языкового посредничества в условиях межъязыковой и межкультурной коммуникации, общественное предназначение которого заключается в обмене информацией в познавательных целях.

Суть лингвокультурологической модели перевода сводится к интерпретации текста, который складывается из двух этапов:

- выделение представлений о феномене в исходной культуре;
- интерпретация осмысленного феномена в рамках представлений принимающей культуры и его адекватное описание.

«В процессе выравнивания идиоэтнической специфики внутренних контекстов при создании переводного текста переводчик производит действия над следующими лингвокультурными единицами в исходном тексте, которые могут стать причиной информационных сбоев и искажений в понимании реципиентом текста в другой культуре:

- феномены культуры: реалии (безэквивалентная лексика), идиокультурные ситуации (внеязыковая реальность, связанная с проблемой отражения национально-культурной специфики, в том числе культурно значимые традиции, нормы, обычаи, обряды и т.п.);
- концепты (стереотипы мышления, символы культуры, различия во взглядах на мир);
- структурно-семантические особенности языковых единиц (образы языка, фразеология, речевое поведение, система кодов)» [3, с. 60].

Концепты, например, под которыми подразумевается содержание культурно обусловленных понятий и представлений людей, которые расходятся в своей интерпретации у носителей разных языков и культур. Воспринимая действительность субъекты вносят в нее свое содержание или наделяют ее своим смыслом и ценностями под воздействием культуры и ее традиций. Концепты, создающиеся и проявляющиеся в деятельности человека, сводятся в концептуальные системы. В этой системе и фиксируется уникальное мировосприятие определенного языкового сообщества – «определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета» [5, с. 164].

Итак, лингвокультурологическая модель перевода связана с новой научной парадигмой в контексте триады «язык – культура – личность». Эта модель, разработанная и предложенная

Е.Евтеевым, охватывает способы реализации процесса перевода, рассматриваемого как вид языкового посредничества в условиях межъязыковой и межкультурной коммуникации, общественное предназначение которого (перевода) заключается в обмене информацией в познавательных целях в условиях языкового выражения национально-культурной специфики. В модели выделяются лингвокультурные единицы перевода – феномены культуры (реалии, идиокультурные ситуации, концепты, структурно-семантические особенности языковых единиц), обнаруживаемые при сравнении внутренних контекстов получателей текстов на исходном языке и на принимающем языке, т.е. совокупности интерпретаций разнообразных знаний, устоявшихся в соответствующей культуре в качестве оснований для взаимопонимания при коммуникации.

Функциональные единицы когнитивного и культурного пространства участвуют в осуществлении работы механизма национально-культурного восприятия действительности и реализации культурно-обусловленного мировидения, которое проявляется в несущих культурную информацию языковых знаках. «Языковые единицы, выступая в функции культурных знаков – эталонов или стереотипов культурно-национального миропонимания, участвуют не только в воспроизведении и межпоколенной трансляции установок национальной культуры, но и формируют ее вместе с усвоением и употреблением языка» [2, с. 269].

Таким образом, лингвокультурологическая модель перевода учитывает национально-культурный компонент значения слов оригинала и специфику выражения бытия с помощью языка, различия и сходства между культурами. Эта модель перевода представляет собой динамичную, функциональную модель интерпретации значений национально-культурных концептов, имеющих лингвокультурологические (лингвоэтнические) особенности.

Список литературы

- Антипов Г.А., Донских О.А., Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А.* Текст как явление культуры. – Новосибирск, 1989.
- Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 228 с.
- Евтеев С.В.* Интеркультура и перевод // Ментальность. Коммуникация. Перевод. – М., 2008. С.51-64.
- Мамонтов С.П.* Основы культурологии. – 2-е изд. доп. – М., 1996. – 272с.
- Красных В.В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации. – М., 2001. – 156 с.

Константинова О.В.

Муравьева А.А.

Российский государственный университет нефти и газа им. И. М. Губкина
г. Москва, (Россия)

Konstantinova Olga

Muravyeva Alla

Russian State University of oil and gas
Moscow (Russia)

*ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ НАУЧНОМУ ДИСКУРСУ ИНОСТРАННЫХ
МАГИСТРАНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ*

*THE THEORETICAL ASPECTS OF TEACHING ACADEMIC LANGUAGE AT THE STAGE OF
SCIENTIFIC KNOWLEDGE*

В данной статье на основании анализа лингвистических, психологических, социологических, методических исследований рассматриваются теоретические аспекты обучения языку науки на этапе освоения научных знаний и приобретения навыков научных исследований, создание научного дискурса как достижения одной из целей образовательного процесса в высшем учебном заведении.

The article discusses the theoretical aspects of teaching academic language at the stage of scientific knowledge and research skills acquisition and developing academic discourse as an aim of higher education based on analyses of linguistic, psychological, sociological and methodical surveys.

Ключевые слова: научный дискурс, педагогический дискурс, научная мысль, научный стиль, научный текст и его основные категории, компетенции магистрантов-иностранцев.

Key words: scientific discourse, educational discourse, scientific thought, scientific style, the scientific text and its main categories of competence graduate students from abroad.

Проблема обучения научному дискурсу является уже достаточно разработанной, однако не теряет своей актуальности и требует ее дальнейшего рассмотрения. Раскрытие содержания понятия «научный дискурс» является, с одной стороны, условием осмысления науки как особого рода знания, социального института и культурно-исторического проявления человеческой духовности в неразрывном единстве этих трех аспектов, с другой стороны, – условием успешного формирования коммуникативно-речевых и развития профессиональных компетенций иностранных специалистов, обучающихся в российских вузах. Исследования, проведенные учёными-психологами, дают основание полагать, что

«путь человека, идущего в науку и живущего в ней, динамика его мотивов, характерологические особенности, способствующие его успеху, и множество других моментов, влияющих на продуктивность научной деятельности (хотя и не определяемых ее содержанием и структурой), заслуживают специального изучения» [Психология науки, с. 86].

Дискурс как основное проявление человеческой «жизни в языке», как «языковое существование» охватывает все сферы человеческой деятельности. «Всякий акт употребления языка – будь то произведение высокой ценности или мимолетная реплика в диалоге – представляет собой частицу непрерывно движущегося потока человеческого опыта. В этом своем качестве он вбирает в себя и отражает в себе уникальное стечение обстоятельств, при которых и для которых он был создан» [Карасик, 2000, с. 39].

Различные толкования дискурса влекут за собой соответствующие его типологии. Среди разнообразия подходов и концепций нам представляется возможным выделить два больших класса самих критериев классификации дискурсов: семантический (или тематический) и структурный. Релевантным признаком в данном случае является обращение авторов либо к содержательной, либо к формальной стороне дискурса. Не ставя перед собой задачу уточнять толкования дискурса и его типологии, подчеркнем, что для нас значимо выделение во многих работах, посвященных этой проблеме, научного дискурса. При этом, с точки зрения обучения научному дискурсу иностранных учащихся, важными являются оба аспекта: и содержательный, и формальный.

Как известно, институциональный дискурс, к которому относят и научный дискурс, «есть специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума. Полное устранение личностного начала превращает участников институционального общения в манекенов, вместе с тем существует интуитивно ощущаемая участниками общения граница, выход за которую подрывает основы существования того или иного общественного института» [Карасик, 2000, с. 45-46]. Принято выделять институциональный дискурс на основании двух системообразующих признаков: цели и участники общения. Вместе с тем для каждого вида институционального дискурса характерна своя мера соотношения между статусным и личностным компонентами. Особенности участников научного дискурса в процессе обучения заключаются в том, что они должны сочетать в себе черты участников и научного, и педагогического дискурса. В педагогическом дискурсе доля личностного компонента достаточно велика (она различается и в лингвокультурном

отношении, например, в российских и американских школах приняты разные режимы общения учителя и ученика, в нашей стране традиционно отношения между школьниками и учителями являются более близкими, чем в США, но, с другой стороны, там менее формализованы отношения между студентами и преподавателями университетов, чем в России). В научном и деловом дискурсе личностный компонент выражен значительно меньше, хотя, например, в последнее время традиционные безличные обороты реже употребляются в жанрах научных статей и монографий на русском языке» [Карасик, 2000, с. 10].

Известно, что участниками научного дискурса являются исследователи, представители научной общественности. Характерной особенностью данного дискурса является принципиальное равенство всех участников научного общения в том смысле, что никто из исследователей не обладает монополией на истину, а бесконечность познания заставляет каждого ученого критически относиться как к чужим, так и к своим изысканиям. В научном сообществе принято уважительное обращение «коллега», нейтрализующее все статусные признаки. Диада «агент – клиент», удобная для описания участников других видов институционального дискурса, в научном дискурсе нуждается в модификации. Задачи ученого – не только добыть знания, оценить их и сообщить о них общественности, но и подготовить новых ученых, поэтому ученые выступают в нескольких ипостасях, обнаруживая при этом различные статусно-ролевые характеристики: ученый-исследователь, ученый-педагог, ученый-эксперт, ученый-популяризатор. Отдельно стоит обратить внимание на точку зрения учёных-психологов, которые, говоря об общении типа "учитель – ученик" или "мастер – подмастерье", акцентируют внимание на плодотворности такого типа контактов для "младшей" стороны, но и не меньшее значение имеет "поток общения" обратного направления – от ученика к учителю. С этой точки зрения интересна мысль П.Л. Капицы: "Те, часто нелепые, вопросы, которые задают студенты после лекции, исключительно стимулируют мысль и заставляют с совершенно новой точки зрения взглянуть на то явление, к которому подходим всегда стандартно, и это тоже помогает творчески мыслить" [Капица, 1974, с. 135].

Клиенты научного дискурса четко очерчены только на его периферии, это широкая публика, которая читает научно-популярные журналы и смотрит соответствующие телепередачи, с одной стороны, и начинающие исследователи, которые проходят обучение на кафедрах и в лабораториях, с другой стороны» [Карасик, 2000, с. 12]. Общение является не

только необходимым, но и качественно своеобразным фактором научной деятельности, имеющим особое строение и собственные механизмы, неотделимые от механизмов познания и вместе с тем не совпадающие с ними.

Анализируя развитие научной мысли, многие исследователи отмечают, что личностное общение учёных родилось вместе с возникновением самой науки. В развитии научных идей важны не только представление их своим коллегам, но и критика и одобрение как фактор развития дальнейшей работы, её стимулирования. В рамках задач обучения научному дискурсу представляются интересными результаты исследований психологов, а также мысли известных ученых о науке и научной деятельности.

Так, авторы научного исследования «Психология науки» ссылаются на труд П. Л. Капицы [Капица, 1974, с.166], в котором учёный вспоминает М.В. Ломоносова и пишет, что «отсутствие адекватной научной общественности в России и невозможность общения с зарубежными коллегами составляли трагедию величайшего русского ученого М. В. Ломоносова. Как известно, М. В. Ломоносов отрицал возможность действия на расстоянии посредством тяготения или электрического взаимодействия. Считая, что «сколько от одного тела отнимется, столько присовокупится к другому», он полагал, что тело, приобретающее скорость, должно отнять скорость у окружающей тело среды. Это вызвало необходимость введения среды с подобными свойствами (Ломоносов постулировал ее существование) и привело Ломоносова к отрицанию универсальной связи между весом и массой тел через ускорение свободного падения, в то время как со времени открытия Ньютона это стало общепризнанным почти всеми учеными законом».

«Чтобы плодотворно заниматься наукой, мне прежде всего нужно иметь возможность обмениваться мыслями с другими учеными" [Винер, 1967]. Сама кибернетика была создана группой ученых разных специальностей. Среди них, наряду с математиками и техниками, были физиологи и психологи. Они образовали неформальный коллектив, в котором непринужденно, соответственно своим интересам и способностям, общались между собой, совместно раздумывая о принципах построения новой науки.

Существуют две точки зрения на то, что такое научное мышление: научное мышление это творчество со своими атрибутами и, противоположная, научная мысль – это реализация готовых алгоритмов. Не согласиться с тем, что научное мышление основано на готовых алгоритмах, позволяют следующие аргументы: во-первых, наука располагает алгоритмами не на все случаи жизни, новые проблемы далеко не всегда могут быть решены по аналогии со

старыми, на основе существующих алгоритмов, во-вторых, даже те алгоритмы, которые имеются в арсенале науки, не всегда доступны каждому конкретному ученому: он может не знать об их существовании, не уметь ими пользоваться и т.д. и в результате часто вынужден заниматься "изобретением велосипеда", что, безусловно, является творческим процессом, но не на социальном, а на индивидуальном уровне. В-третьих, исходные элементы этого процесса – объясняемый феномен, знание, на основе которого строится объяснение, и др. – могут быть хорошо известны науке. Однако способ их соединения в конкретном акте научного мышления, как правило, уникален, и в результате эти акты обычно являются творческими [Психология науки 89].

Безусловно, научное мышление и научный дискурс – понятия комплементарные, без научного мышления трудно реализовать цель научного дискурса, которая отличается в «процессе вывода нового знания о предмете, явлении, их свойствах и качествах, представленном в вербальной форме и обусловленном коммуникативными канонами научного общения, логичностью изложения, доказательством истинности и ложности тех или иных положений, предельной абстракцией предмета речи» [Карасик, 2000, с. 12].

Обучение в магистратуре предполагает развитие научного мышления, что позволяет реализовать поставленную цель образовательного процесса. При этом следует иметь в виду, что теоретиками описана стратегия научного дискурса, которая определяется частными целями: «1) определить проблемную ситуацию и выделить предмет изучения, 2) проанализировать историю вопроса, 3) сформулировать гипотезу и цель исследования, 4) обосновать выбор методов и материала исследования, 5) построить теоретическую модель предмета изучения, 6) изложить результаты наблюдений и эксперимента, 7) прокомментировать и обсудить результаты исследования, 8) дать экспертную оценку проведенному исследованию, 9) определить область практического приложения полученных результатов, 10) изложить полученные результаты в форме, приемлемой для специалистов и неспециалистов (студентов и широкой публики). Эти стратегии можно сгруппировать в следующие классы: выполнение, экспертиза и внедрение исследования в практику» [Карасик, 2000, 13].

Принято выделять следующие жанры научного дискурса: научная статья, монография, диссертация, научный доклад, выступление на конференции, стендовый доклад, научно-технический отчет, рецензия, реферат, аннотация, тезисы. Следует отметить, что стратегии дискурса являются ориентирами для формирования текстовых типов, но жанры речи

кристаллизуются не только в рамках дедуктивно выделяемых коммуникативных институциональных стратегий, но и в соответствии со сложившейся традицией. Чисто традиционным является, например, жанр диссертаций, в которых не только представлен результат научного исследования, но и ярко отражено владение соискателем научным дискурсом.

Исходя из того, что научный дискурс – это специфический для науки способ организации речевой деятельности, который включает в себя когнитивные (понятия, схемы, объекты, методы, программы, парадигмы), лингвистические (тропы и фигуры речи, терминология, речевые акты, синтаксис, семантика и прагматика языка) и политические (запреты и предписания, формы педагогического воздействия, социального взаимодействия и дисциплины) компоненты, в отечественной традиции сложилась объективистская, нейтральная традиция изучения научного дискурса как научного стиля речи, т. е. совокупности речевых форм, средств и правил, используемых в научной коммуникации (анонимность, объективность, строгость, точность, формализованность).

Современная теория функциональных речевых стилей выделяет характеристики научного дискурса по двум параметрам – плану содержания и плану выражения. Основная особенность плана содержания научного стиля – это строгая определенность рамок предмета высказывания и принципиально объективное отношение к нему. Основными содержательными единицами научной речи, как и логического мышления, являются понятие, суждение и умозаключение; при этом следует отметить, что в научном дискурсе план содержания является определяющим, доминирующим и первичным по отношению к плану выражения. Именно содержательной стороной научной речи, коммуникативными требованиями содержания определяется и исконная форма ее существования – письменная, ее монологический характер. Общие характеристики научного дискурса в плане выражения таковы: обобщенный характер, объективность изложения, смысловая точность, подчеркнутая логичность, абстрактность и безличность изложения, безобразность и отсутствие эмоциональности изложения. Кроме того, для современного научного стиля свойственны системность и стандартизация средств выражения.

Анализируя научный дискурс, следует уточнить, что в процессе обучения основной единицей является текст, который мы рассматриваем как компонент дискурса, опираясь на широко известное определение Н.Д. Арутюновой: «Дискурс – это связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными,

психологическими факторами, текст, взятый в событийном аспекте: речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)». Для понимания особенностей научного дискурса и текста как его компонента, выделим текстовые категории, которые отличают научный текст. Как известно, текст всегда моделируется не одной текстовой категорией, а их совокупностью, создающей текст как коммуникативную систему. Отдельные текстовые категории функционально ориентированы, т.е. существуют в виде совокупности функционально-стилевых и жанровых вариантов. К текстовым характеристикам научного дискурса, помимо глобальных (связности и целостности), следует отнести логическую завершенность, информативность, интертекстуальность, оценочность и др.

Специфической характеристикой научного дискурса является использование искусственных языков: 1) графиков, чертежей, рисунков и пр.; 2) математических, физических, химических символов и пр.; 3) названий химических элементов, математических знаков и пр. Характерной особенностью научного дискурса является широкое применение разного рода ссылок, сносок, примечаний, что обусловлено такой чертой научного стиля, как его точность. Кроме того, эта особенность указывает на интертекстуальность научного дискурса, о которой было сказано выше. В семантическом аспекте (отношение означающего и означаемого) отвлеченный, обобщенный характер научного дискурса проявляется в том, что в нем широко употребляются слова с абстрактным значением. Слова бытового характера также приобретают в научном тексте обобщенное, часто терминологическое значение, например, таковы технические термины «усталость» (металла), «складка» (геол.), «вышка» (буровая) и пр. Характерной чертой научного дискурса является также его терминологичность. Необходимым условием этого типа дискурса является правильное, логическое определение понятий, вводимых терминами. В научном дискурсе типичным является употребление форм настоящего времени глагола, и эти формы, характеризующие изучаемое явление, имеют обобщенное вневременное значение. Такое же вневременное значение приобретают и формы прошедшего времени. Чередование форм настоящего и прошедшего времени в других стилях делает речь образной, «живописной», в научном же стиле оно указывает на закономерность явления, что подчеркивается контекстом.

В научном дискурсе чаще употребляются глаголы несовершенного вида (около 80 % от всех глаголов), так как от них образуются формы настоящего времени, которые, как уже отмечалось, имеют вневременное, обобщенное значение. Частота употребления в научном

дискурсе пассивной формы глагола объясняется тем, что при описании механизма, процесса, структуры внимание сосредоточивается на них самих, а не на производителе действия. В научном стиле изложения часто используется глагол в форме 3-го лица множественного числа настоящего времени и множественного числа прошедшего времени без указания на субъект действия. Своеобразно проявляется категория лица: значение лица обычно является ослабленным, неопределенным, обобщенным. Объясняется это тем, что в научной речи вместо местоимения 1-го лица единственного числа «я» употребляют местоимение «мы» (авторское мы). Принято считать, что употребление местоимения «мы» создает атмосферу авторской скромности и объективности. В целом же в научном стиле имена существительные и прилагательные преобладают над глаголами. Именной характер научного стиля – его типичная черта. Объясняется это наличием в этом стиле качественных характеристик предметов и явления. Кроме того, частое употребление в научном стиле имен существительных в сочетании с прилагательными в функции определения объясняется краткостью такого сочетания и высоким информативным весом именных форм, что чрезвычайно важно для научного изложения, цель которого – сообщить читателю большое число предметных значений в возможно более компактной форме.

В синтаксическом аспекте современный научный стиль характеризуется стремлением к синтаксической компрессии, увеличению объема информации при сокращении объема текста. Поскольку логичность – одна из основных стилевых черт научного текста, для его синтаксиса характерны структуры, прежде всего выражающие чисто понятийное содержание. Такой основной структурой во многих языках является полносоставное повествовательное предложение с нейтральным (в стилевом отношении) лексическим наполнением, с логически правильным (нормативным), прямым порядком слов и с союзной связью между частями предложения. Кроме того, для научного стиля характерно широкое распространение безличных предложений разных типов, поскольку в современной научной речи личная манера изложения уступила место безличной, что обусловлено стремлением к объективной обобщенности и отвлеченности. Для научной речи характерно также установление причинно-следственных отношений между явлениями, поэтому в научных текстах преобладают сложные предложения с союзной связью. В прагматическом аспекте (отношение знака к ситуации общения и агентам речи) для научного дискурса характерны употребление преимущественно в официальной обстановке, установка на косвенно контактное общение. Кроме того, преобладание письменной формы речи предполагает продуманность,

намеренность, подготовленность ее и, как следствие, тщательность оформления. Основное условие прагматики научного дискурса – адекватность восприятия автором и читателем, их «информативная» однородность в речевом акте.

Любой текст, является не только закрытой системой, обладающей категорией завершенности, но и открытой системой, т.к. он вступает в ассоциативные отношения с множеством других текстов. Это обстоятельство дает основания рассматривать межтекстовые связи научных текстов, т.е. категорию интертекстуальности. Поскольку научный дискурс характеризуется ярко выраженной степенью интертекстуальности, опора на прецедентные тексты и их концепты для рассматриваемого дискурса является одним из системообразующих признаков. «Интертекстуальные связи применительно к тексту научной статьи представлены в виде цитат и ссылок и выполняют несколько функций (оценочную, этикетную и т.п.). Прецедентными текстами для научного дискурса являются работы классиков науки, известные многим цитаты, названия монографий и статей, прецедентными становятся и иллюстрации» [Карасик, 2000, 14].

В научной литературе интертекстуальность рассматривается как важнейшая категориальная характеристика текста, отражающая его способность вступать в контакт с другими текстами, а также как специфическая стратегия построения текста в различных сферах коммуникации. Теория интертекстуальности позволяет объяснить имманентное свойство текста – способность к приращению смысла, генерированию смыслов через взаимодействие с другими смысловыми системами. Под интертекстуальностью принято понимать текстовую категорию, отражающую соотнесенность одного текста с другими, диалогическое взаимодействие текстов в процессе их функционирования, обеспечивающее приращение смысла произведения. Интертекстуальность предстает как категория текстовой «разгерметизации» и отражает процесс диалогического взаимодействия текстов в плане содержания и выражения, особую стратегию соотнесения одного текста с другими текстами. Интертекстуальность, на наш взгляд, может рассматриваться как свойство текста, не только создающее определенный стилистический и эстетический эффект, но и отражающее в «хорошем тексте» такие важнейшие коммуникативные качества речи, как точность, логичность, выразительность, образность.

Подчеркнем, что интертекстуальность научного дискурса требует и обучения соответствующим речевым действиям, приемам создания научного текста. Научный текст принципиально диалогичен – как имплицитно, в смысле М. Бахтина, или в связи с прямыми и

косвенными ссылками на научный контекст, так и эксплицитно, благодаря явному обращению к адресату и вовлечению его в рассуждение, начиная от помет и до использования дискурсивных операторов «очевидно», «к тому же», «если вспомнить» и т.д. Диалогичность научного изложения обеспечивается присутствием в нем предмета рассуждения – научной проблемы или технической задачи, которая позволяет производить к ней прямую референцию и задавать участие адресата в ее «изменении» – развитии и прогрессии рассуждения. Диалогичность речи в научном дискурсе проявляется наиболее ярко, поэтому формой существования научного дискурса считается диалог, но диалог особого рода, диалог в расширенном толковании. Научная проблема в какой-либо отрасли знания может формализоваться только в творческом взаимодействии различных школ, подходов, концепций, что достигается за счет использования приемов интертекстуальности.

В заключение подчеркнем, что подробное рассмотрение особенностей научного дискурса, характерных признаков научного текста является теоретической основой для уточнения содержания образования и формирования компетенций в процессе обучения русскому языку как иностранному магистрантов высших учебных заведений.

Список литературы

- Винер Н. Я* – математик. М.: Наука, 1967. – 355 с.
- Залевская А.А.* Вопросы теории и практики межкультурных исследований. // Этнокультурная специфика языкового сознания. М: ИЯ РАН, 1996. 226 с.
- Капица П.Л.* Эксперимент, теория, практика. М., Наука, 1974. 352 с.
- Карасик В.И.* О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. 228 с.
- Карасик, В.И.* Этнокультурные типы институционального дискурса / В.И.Карасик // Этнокультурная специфика речевой деятельности: сб. обзоров / ИНИОН РАН. - М.: САРМА, 2000. – 112 с.
- Константинова О.В.* Использование гипертекстовой технологии при обучении иностранных учащихся языку специальности в техническом вузе: дис... к-та педагогич. наук: 13.00.02 / Константинова О.В. М., 2001, 212.
- Муравьева А.А.* Текст права в культурно-речевом аспекте: дис... к-та филол. наук: 10.02.01 / Муравьева А.А. М., 2006, 209 с.
- Психология науки [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.syntone-spb.ru/library/news/content/4919.html>
- Этнокультурная специфика языкового сознания. Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: САРМА, 2003. Изд. 2-е. 256 с.

Коробова С.Н.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Korobova Svetlana
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

У НАС «ПОНЕДЕЛЬНИК НАЧИНАЕТСЯ В СУББОТУ», А У ВАС?

«MONDAY STARTS ON SATURDAY», AND IN YOUR COUNTRY?

На факультете Высшая школа перевода обучается много студентов из разных стран мира, значительную часть которых составляют студенты из Китая. В качестве эксперимента в 2014 году им было предложено помимо русского языка изучать французский язык как второй иностранный. Эти языки имеют совершенно разные языковые системы, отличающиеся на фонетическом, лексическом, морфосинтаксическом уровнях.

Но, преодолев языковые трудности в обучении, мы сталкиваемся с культурными различиями, часто являющимися причиной недопонимания обучающего и обучаемых, есть риск того, что межкультурная коммуникация не состоится. Главная причина, затрудняющая диалог между преподавателем и студентами – слишком разная культурная картина мира. Чтобы немного сгладить эти различия и приобщиться к культуре Поднебесной, на факультете были организованы занятия по китайскому языку, которые пользовались большим успехом у преподавателей.

Эти и иные сложности, возникающие в процессе обучения, а также способы их преодоления рассматриваются в данной статье.

Many students from different world countries are studying at Higher School of Translation and Interpretation. The majority of them are students from China. In 2014 besides Russian they were offered as an experiment to study French as a second language. These languages have significantly different language systems, which vary on phonetic, lexical and morphosyntactic levels. Moreover, the most important aspect of language studying in China is visualization while in France it is hearing, which is quite difficult for Chinese students to get used to. That is why a professor has to use much more visual images teaching these students compared to classes with Russian ones.

But having overcome the language difficulties in studying, we face cultural differences which often lead to misunderstanding between teacher and students. Intercultural communication risks failing. The main reason complicating the dialogue between the teacher and students is different cultural image of the world. In order to smooth out the differences and get acquainted to the culture of the Celestial Empire the faculty organized classes on the Chinese language, highly popular with teachers.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, французский язык, культура Китая, языковые различия, диалог культур.

Key words: intercultural communication, French, Chinese culture, language differences, the dialogue of cultures.

В 2015 году Высшая школа перевода Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова празднует свой юбилей. Вот уже 10 лет факультет развивается, твердо следуя своим основным принципам: открытость, синергия, гибкость, инновационность. На факультете обучается много студентов из разных стран мира, значительную часть которых составляют студенты из Китая. В качестве эксперимента в 2014 году им было предложено помимо русского языка изучать французский язык как второй иностранный.

В процессе обучения возникало немало ситуаций, которые часто заставляли меня вспоминать название одного из произведений братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу». Почему? Первая же трудность проявилась при изучении темы «Календарь». Вопрос преподавателя: «Назовите первый месяц года!», вызвал непонимание и недоумение у китайских студентов, а обучающиеся из стран Западной Европы, не задумываясь, назвали «январь». И действительно, в Китае новый год³⁸ наступает позже, чем в Европе, это следовало бы знать преподавателю, работающему со студентами из азиатского региона.

Так, главная причина, затрудняющая понимание между преподавателем и студентами – слишком разная культурная картина мира. Чтобы немного сгладить эти различия и приобщиться к культуре Поднебесной, на факультете были организованы занятия по китайскому языку, которые пользовались большим успехом у преподавателей, работающих с данной группой студентов. Подготовка преподавателя, вхождение его в культуру страны обучающихся, играет важную роль в обучении иностранных групп.

Об этом и пойдет речь в статье, а также будут описаны трудности, возникающие у студентов при обучении, будут приводиться ссылки на результаты опроса, проведенного среди китайских студентов после окончания первого года обучения французскому языку.³⁹

Итак, китайский и французский языки имеют совершенно разные языковые системы, отличающиеся на фонетическом, лексическом, морфосинтаксическом уровнях.

В китайском языке 4 тона, совершенно иные правила постановки ударения и т.п., иные фонетические нормы, поэтому студенты не замечают оппозицию между глухими и звонкими

³⁸ Китайский новый год (с 1911 года – Праздник весны) – самый продолжительный праздник в Китае, приуроченный к зимнему новолунию по завершении полного лунного цикла. В григорианском календаре он соответствует одному из дней между 21 января и 21 февраля. Его точная дата определяется на основе лунных фаз.

Цикл новогодних празднеств традиционно начинается в первый день первого же месяца китайского календаря и заканчивается Праздником фонарей, который наступает на 15-й день празднований. В эту новогоднюю пору большинство китайцев собираются семьями на свой ежегодный ужин воссоединения.

³⁹ Мнения студентов приводятся без ссылок на авторов, так как они предпочли свои фамилии не называть.

согласными [p-b, k-g, t-d], для них «cadeau» (подарок) и «gateau» (пирожное), «poison» (яд) и «poisson» (рыба) звучат одинаково. Не отличают они [r] и [l], такая же ошибка встречается и при изучении ими русского языка, так они не видят разницы в словах «лак» и «рак», как и во французском языке «flan» и «franc».

Среди основных фонетических трудностей можно также назвать оппозицию носовых и чистых звуков (эта ошибка также встречается у русских студентов), сцепление и связывание в потоке речи (не свойственные русскому языку), интонация. Интонационные ошибки часто являются следствием интерференции русского языка, так как при обучении русскому языку студентов учат интонационно выделять наиболее важные для донесения мысли слова, выражающие суть того, о чем говорится в предложении.

Я хочу пойти в кино. Я хочу пойтì в кино (а не поехать). Я хочу пойти в кино (а не в театр). Так, в русском языке ударение падает на слово, которое мы хотим подчеркнуть, во французском же языке ударение всегда падает на последний слог в предложении *Je veux aller au ciné`m`a*. А для выделения какого-либо слова или словосочетания используются иные синтаксические конструкции.

Поэтому самостоятельное произнесение французских звуков становится для обучаемых проблемой, однако надо заметить, что они в совершенстве владеют искусством имитации, идеально повторяя за преподавателем звуки, слова, и небольшие предложения.

На занятиях с китайскими студентами часто присутствует большое количество гаджетов (электронные словари, смартфоны, диктофоны, планшетные компьютеры). Они фиксируют все, а потом работают с данным материалом внеаудиторно, результаты такой работы или отсутствия проведенной работы становятся очевидными уже на следующем занятии.

Поскольку для китайцев первым изучаемым иностранным языком является русский, они часто на него опираются, по результатам опроса они считают эти два языка очень похожими. *«Русский похож на французский для меня, особенно грамматика, и произношение тоже похоже. Русский язык я сама выбирала 5 лет назад, мне нравится, но французский это как дверь к другому миру, похожему и разному миру».*

Русскоговорящие студенты не могут согласиться с этим утверждением, аргументируя свое мнение использованием двумя языками различных графических систем, разных способов выражения грамматических форм (русский язык – синтетический, французский – аналитический) и т.п.

Нельзя обойти также лексические трудности, возникающие в процессе интерференции первого изучаемого языка, «вторжение» норм одной системы языка в пределы другой.

Так при изучении темы «Еда» в русском языке было встречено слово «*винегрет*», что означает салат из отварных свёклы, картофеля, моркови, а также солёных огурцов и лука. Слово это заимствовано из французского языка, но там оно имеет совершенно иное значение « *vinaigrette*» – это соус, состоящий из растительного масла, уксуса, горчицы и специй. Таких примеров можно провести очень много «*tomate* – томат – помидор»; «первый этаж – *premier étage* – *rez-de-chaussée*» и т.п.

Еще один неожиданный сюрприз для китайских студентов – различный дидактический подход к преподаванию.

При изучении иностранного языка в Китае доминирующее место занимает использование грамматико-переводного метода, где основное внимание уделяется изучению лексики, грамматики и переводу изученного материала.

Основные задачи такого метода: чтение литературных текстов; развитие интеллектуальных способностей и т.п. Однако сейчас грамматико-переводной метод можно назвать неэффективным для овладения французским языком как вторым иностранным, поскольку восприятие текстов на слух и говорение уходят на второй план. В нашем эксперименте такая модель преподавания не работает, потому что, во-первых, преподаватель не владеет китайским языком; во-вторых, учебный план предполагает слишком мало времени для овладения письменной речью на высоком уровне. Наша цель была – научить их азам общения на французском языке, чтобы они могли свободно ориентироваться в стране изучаемого языка.

Поэтому мы опирались на коммуникативный подход, где язык воспринимается как средство общения и социального взаимодействия. Согласно этому подходу изучение языка включает в себя не только овладение знаниями и навыками, такими как аудирование, говорение, понимание письменного текста, письменное выражение. Коммуникативное обучение строится таким образом, что контекст деятельности учеников, их опыт, мировоззрение, интересы и склонности учитываются при организации общения на занятии. Студенты получают возможность обсуждать свои увлечения и поступки, текущие события из жизни, учатся высказывать свое отношение к происходящему, обосновывать и отстаивать собственное мнение (в перспективе).

Поэтому с самого первого занятия в обучении использовались методы самостоятельной работы в группах (составление диалогов), игры («Летел лебедь» при изучении чисел и т.п.). В Китае основное место при изучении языка принадлежит визуализации, во Франции же слух занимает привилегированное место – то, к чему трудно привыкнуть китайцам, поэтому при обучении преподаватель больше опирается на зрительные образы, нежели на занятия с группой европейских студентов. При изучении темы «Погода», «Внешность», «Одежда» это было не сложно, а вот над другими преподавателю пришлось поразмышлять, дабы развить свои художественные способности. Подобные виды работы для студентов оказались непривычными, но они оценили их эффективность.

«Мне было интересно на занятии, мы в игры играли, рисовали на доске, чтоб лучшие слова запомнили. И мне очень понравилось и хотелось бы вам сказать спасибо!»

По мнению Йохана Хейзинга («Homo ludens» – «Человек играющий»), играют все люди, независимо от возраста, профессии и социального положения. Игра на занятиях иностранного языка не только повышает интерес к предмету, но и активизирует все когнитивные механизмы, тренирует коммуникативную компетенцию.

Конечно, изучение любого иностранного языка не будет эффективным, если отсутствует мотивация. В изучении иностранных языков учёные выделяют два типа мотивации – инструментальную и интегративную (Р.Гарднер и В.Ламберт).

Инструментальная мотивация имеет практическую цель – получить хорошую работу, продвижение по службе и т.п. Студентами же Высшей школы перевода, по моему мнению, движет интегративная мотивация, которая является отражением внутренних потребностей и появляется в связи с желанием идентифицировать себя с культурой той страны, где говорят на иностранном языке. Об этом свидетельствует опрос, проведенный в конце учебного года: *«Франция – это страна, в которой я долгое время хотела побывать. Поэтому я начала изучать французский язык. На каникулах я поехала в Бордо. Бордо – красивый город, много древних зданий, невероятный пейзаж. Там я встречалась с настоящей французской жизнью, она оставила мне сильное впечатление. Язык очень важен, в Бордо везде трудно без французского языка. Сначала я даже не могла объяснить, что я делала каждый день. Было очень грустно. Но я постепенно начала говорить по-французски, хотя медленно. Но нужна практика! Это первый раз я чувствовала себя не уверенно. Раньше никогда не чувствовала,*

что свободно говорить по какому-либо языку это счастье! Поэтому я хочу продолжать изучать французский язык. Это полезно».

Итак, преодолев языковые трудности в обучении, мы сталкиваемся с культурными различиями, часто являющимися причиной недопонимания обучающего и обучаемых, есть риск того, что межкультурная коммуникация не состоится. Это следует учитывать преподавателю, выстраивая свою методическую модель. Общение между преподавателем и иностранными студентами как представителями разных культур может протекать в различных ситуациях, быть успешным или, наоборот, приводить к культурному шоку. Условия успешной коммуникации зависят от правильного построения учебного процесса, скорейшей учебной, социально-психологической и других видов адаптации, контакта учащихся с преподавателем и т.д.

В этот период очень важны поведение и позиция преподавателя, который должен помнить о недопустимости давления, назидательности. Ему необходимо проявить особый такт, полностью исключив навязчивую пропаганду иной культуры. Главным в этот период является не пропаганда национального, не противопоставление, а сопоставление различных культур и утверждение мысли, что культура сближает народы.

Так, группе китайских студентов было интересно узнать о культурных связях России и Франции, существующих на протяжении столетий, они пытались сравнить традиции трех стран (тема «*Bonnes manières*»), провести параллели.

Вообще «межкультурное общение представляет собой процесс коммуникативного взаимодействия между индивидами, являющимися носителями разных культур и имеющими собственный языковой код, конвенции поведения, ценностные установки, обычаи и традиции». Готовность студентов строить межкультурное общение – это совокупность таких компонентов, как мотивационный, эмоциональный и поведенческий. Они мобилизуют личностные качества, знания и умения, с помощью которых можно эффективно обучать.

Исследователи Ю. Рот и Г. Коптельцева отмечают: «В педагогической практике межкультурного обучения считается доказанным, что применение дидактических приемов, ориентированных на *эмоциональное обучение*, дает высокий уровень эффективности вне зависимости от конкретной цели преподавания». Они же указывают на необходимость воспитания культурной сенсбилизации, или осознания учащимися особенностей своей и чужих культур. Эта методика работает на всех уровнях обучения – интеллектуальном, поведенческом и эмоциональном. Попытка такого подхода к обучению и была предпринята в

ходе нашего эксперимента, и, хочется надеяться, что она завершилась успехом. *«Я люблю с вами вместе учить французский язык, на занятии очень активная атмосфера, не скучно».*

Также важным моментом эффективного обучения является учет национально-психологических особенностей иностранных студентов в процессе педагогического общения. Например, если студенты из азиатского региона негативно воспринимают громкий голос, принимая его за крик, то латиноамериканцев или арабов с их живостью характера утомит тихий и размеренный голос преподавателя. На занятиях с китайскими студентами голос преподавателя должен быть спокойным, не громким и не тихим: Дикция педагога в иностранной аудитории – максимально четкая, но не преувеличенная, чтобы студенты привыкали к естественному произношению. Мимика и жесты преподавателя должны быть понятны и приняты студентами, что не всегда является легкой задачей, так как в разных культурах мимика и жесты имеют различное, а подчас и противоположное значение.

Преподаватели-практики прекрасно понимают, насколько отличаются национальные модели поведения студентов, приехавших из разных регионов. Поэтому очень удобна для практического применения классификация культур, предложенная Ричардом Льюисом. Согласно его классификации, культуры по способу организации их деятельности подразделяются на моноактивные (Германия, США, Великобритания, Франция, Швеция), полиактивные (Испания, Италия, страны Латинской Америки, арабские страны) и реактивные (Китай, Вьетнам, Корея, Япония).

Представители моноактивных культур ориентированы на выполнение задачи, пунктуальны, обязательны, в спорах сдержанны, вежливы, стараются быть объективными. Представители полиактивных культур эмоциональны, импульсивны, многословны и не всегда пунктуальны. Они часто меняют планы, но в трудных ситуациях способны к импровизации. В третью группу объединены культуры, представители которых молчаливы, уважительны по отношению к собеседнику, пунктуальны. Считается, что первым двум группам сложно общаться между собой и легче – с представителями реактивных культур, так сотрудничество на парах студентов из Китая и Голландии было более плодотворным, нежели работа двух китайских студентов.

В процессе педагогического общения преподаватель решает педагогические задачи, дает иностранным студентам общие и профессиональные знания, организует их учебную и внеучебную деятельность, удовлетворяет их потребность в общении, создает благоприятную эмоциональную атмосферу в аудитории, помогает избежать конфликтов, в том числе и

межкультурного характера, учитывая их ценностные ориентации и специфику национального менталитета.

Можно утверждать, что главным в педагогическом общении с иностранными студентами должно стать повышение педагогического мастерства преподавателей как суммы педагогических умений, знаний и способностей. Как говорится: «Docendo discimus (обучая, учимся сами)».

Итак, современный вуз – это поликультурное пространство, в котором происходит диалог культур представителей разных народов, и преподаватели высшей школы должны владеть организацией межнационального и межкультурного общения.

Завершить данную статью мне бы хотелось еще одним высказыванием братьев Стругацких: *«...человек... существо, испытывающее непреодолимую потребность в знаниях... Но вся беда в том, что... массовый человек... с лёгкостью преодолевает эту свою потребность».* [Братья Стругацкие «Пикник на обочине»] И отрадно, что студенты Высшей школы перевода к этой категории людей не относятся, а, преодолевая свой страх и трудности, уверенно идут к своей цели. *«Французский для нас достаточно трудно, особенно грамматика. Но мы стараемся, и все получится!»*

Список литературы

- Ром Ю., Коптельцева Г.* Межкультурная коммуникация. Теория и тренинг. Учебно-методическое пособие. – М.: Юнити-Дана, 2012. – 223 с.
- Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – 2-е издание, доработанное. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 352 с.
- Gardner, R.C., Lambert, W.E.* Attitudes and Motivation in Second Language Learning. – Rowley, Mass, Newbury House, 2012.
- Xu Haiyan* L'enseignement du français en Chine face à la problématique de l'interculturel: Quel rôle jouent les TIC? [Электрон. ресурс] / Haiyan Xu. – 2005. – Режим доступа: <http://didatic.net/IMG/pdf/XUH-DEA.pdf>

Маркуччи Джулия
Пизанский университет
г. Вьяле (Италия)

Marcucci Giulia
University of Pisa
Viale (Italy)

ЛИТЕРАТУРНАЯ КИНЕМАТОГРАФИЧНОСТЬ: «МУЛЬТИКИ» В ПЕРЕВОДЕ

CINEMATOGRAFICH COMPONENT OF LITERATURE «CARTOONS» IN TRANSLATION

Русский язык современной литературы характеризуется сильным смешиванием визуальных знаков, слоганов и советских интертекстов и заимствованием из других языков, в особенности из английского, не иначе как из-за постоянного, более частого влияния со стороны сетевого письма и из-за заметного усиления влияния разговорной речи.

В данной работе будет рассматриваться конкретный аспект современного литературного текста и его языка, иначе говоря ярко выраженная кинематографичность, которая встречается как на синтаксическом, так и на лексическом уровне, но прежде всего на интертекстуальном уровне.

В частности будут проанализированы некоторые примеры, взятые из романа «Мультимики» писателя Михаила Елизарова. Интертексты взятые во внимание различаются по типологическим основам: в некоторых, например, источник – ясный, в других – интертекст неявный и смешивается с исходным текстом. В особенности, в случае Елизарова, элементы невторостепенной важности вводятся при помощи метафоры.

Проанализировав употребление и функции этих кинематографических интертекстов и их интерсемиотический характер, в последней части данной работы мы остановимся на стратегиях перевода на итальянский, где решающая роль играет выбор между методом *адаптации* и методом *отчуждения*.

Повышение качества обучения – важнейшая задача методики преподавания иностранных языков, в частности русского языка как иностранного. В статье представлена информация о работе кафедры русского языка (довузовский этап обучения), которая осуществляет подготовку иностранных учащихся по русскому языку для их дальнейшей учебы на филологическом факультете гуманитарных и социальных наук.

Russian language of contemporary literature is a mixture of different elements: visual signs, slogans, adoptions from different languages, especially English, sovietic quotations, the influence of internet and spoken languages.

In this paper we focus on another very important component of contemporary Russian literature: the influence of cinema on syntax and lexical levels, and first of all as dialogue between texts of different semiotic systems. In particular, the author focuses on some examples from Mikhail Elizarov's book «Cartoons» where the influence of the cinema is dominant. The goal of the present work is to show the translation strategies used to render in Italian a number of expressions which contain many intertextual links and quotations of different nature, after having analyzed their function in the source text.

Ключевые слова: современная литература, кинематографичность, перевод, интертекст.

Key words: contemporary literature, cinematografich component, translation, intertextual links.

1. Русский язык современной литературы: основные процессы

Начиная с размышлений, касающихся в частности русского языка последних пятнадцати лет и его основных тенденций развития, нельзя не отметить постоянные изменения, замеченные как носителями языка, так и многочисленными лингвистами, которые посвятили этой теме ряд исследований, в особенности Е.А. Земская [1996; 2007] и Л.П. Крысин [2003; 2008]⁴⁰.

Что касается в частности русского языка современной литературы, как утверждает Денисова [2012, с. 62-63], он характеризуется сильной смесью визуальных знаков, слоганов и советских интертекстов с одной стороны, и жаргонизмов, англицизмов, не иначе как реалий «новой России» с другой стороны. Таким образом, современная литература и советские традиции в пределах одной и той же системы переплетаются в диалогическом отношении, и советское прошлое, переплетаясь с настоящим, продолжает быть частью коллективной традиции.

Несомненно, существенное влияние на русский язык оказывалось средствами массовой информации и в связи с этим Б. Дубин утверждает, что в формировании актуального слоя лингвистических реалий, помимо телевизионных сериалов, криминальных хроник, встреч с известными людьми, передач о доме, семье и повседневности, преобладающая роль была осуществлена рекламой: «<...> можно сказать, что ее лексика, имагинарий и герои становятся теперь <...> таким же доминантным кодом общения, какими были для масс в предыдущие периоды языки радио, кино, массовой песни, байки и анекдота, позже - политической мобилизации...» [Дубин, 2001, с. 185-186].

К этому необходимо добавить устремление литературы к языку «улицы, офиса, дискотеки или кухмистерской» [Чупринин, 2003, с. 391]. И так, в языке литературы особой популярностью стала пользоваться фигура рассказчика не профессионального, который предлагает включить в нарративный пласт полный поток элементов разговорной речи. Однако стратегия, которая еще более очевидно иллюстрирует попытку подражать и воспроизводить на страницах литературы устную стихию, делая литературный текст особенно интерактивным, основывается на имитации сетевого письма. Красноречивым с этой точки зрения является роман «Арбайт. Широкое полотно» (2012) Е. Попова, который в значительной степени развивается в сети, так как автор, написав каждую из отдельных глав,

⁴⁰ См. также на отдельные труды: [Земская 2004, Крысин 2004, Кронгауз 2008].

составляющих первую часть интернет-романа, публиковал их еженедельно на личной странице ЖЖ, таким образом, привлекая пользователей к участию в диалоге. В итоге, вторая часть интернет-романа представляет собой совокупность ответов пользователей на проблемы различных видов, которые были выдвинуты в первой части.

Иными словами, вновь не существует разграничения между письменным и устным языком, и желание имитировать разговорную речь в письменной, влечет за собой включение в литературный современный текст диегетических элементов, с последующим преобразованием читателя во «внутритекстового» адресата, который оказывается вовлеченным и вынужденным постоянно принимать участие в данной деятельности. С этой точки зрения использование второго лица является эффективным инструментом для установления прямого контакта с читателем [см. Денисова, 2012, с. 66-67].

Еще один интересный аспект, касающийся приемов многих современных писателей, начиная с В.Пелевина в «Поколение П» (1999), это применения эпитафий и целых частей, взятых из песен, которые цитируются в русском тексте на исходном языке, английского в частности. Рядом с этим феноменом, в прозе XXI века наблюдается возрастающее влияние, которое может быть различных видов со стороны седьмого искусства. На этой теме и на последствиях этого компонента при переводе мы остановимся в последующих двух разделах.

2. Кинематографичность современной прозы

И.А.Мартыанова определяет влияние кино, которое по своей природе является синтезом двух повествовательных тенденций: изобразительной и вербальной [см. Лотман (1973), 1988, с. 316-317], в литературе XXI века как «литературную кинематографичность», объясняя ее следующим образом: «Это характеристика текста с монтажной техникой композиции, в котором различными, но прежде всего композиционно-синтаксическими средствами изображается динамическая ситуация наблюдения. Вторичными признаками литературной кинематографичности являются слова лексико-семантической группы. Кино, киноцитаты, фреймы киновосприятия, образы и аллюзии кинематографа, функционирующие в тексте <...> [Мартыанова, 2002, с. 9].

Согласно мнению Денисовой, динамика взаимоотношений между зрелищной культурой и словесностью может быть интерпретирована следующими тремя способами: как связь, осуществляемая благодаря внедрению в литературный текст определенных приемов; как поиск «кинематографичности» в смысловой области; и наконец, решающий элемент в культуре XXI века – попытка создания единого литературно-кинематографического поля, то

есть с учетом традиционных, в особенности для русской культуры, экранизаций, по мотивам литературного произведения и наоборот, литературных произведений, которые вдохновляются кинематографическими текстами [см. Денисова, 2012, с. 147].

В данной работе мы следовательно ограничимся разработкой единственного тезиса, а именно: кино привнесло собственные фреймы и изображения в современное лингвокультурное сознание и повлияло на композиционно синтаксическую технику создания литературного произведения, которое как сценарий, часто является продуманным текстом для чтения, но в то же время оказывается перформативным, то есть является текстом в котором выполняется ритмичное чередование между основными параметрами того же сценария, как *наблюдаемое/ненаблюдаемое* и *слышимое/неслышимое*.

Кстати, о принципе монтажа, как об общей составляющей текстов различных семиотических систем, И. Хейфиц, один из главных режиссеров кинематографического жанра экранизации в истории советского кино 60-70гг, уже утверждал, что монтаж дает возможность управлять *ритмом* всего произведения, чередовать ускорение и замедление скорости. Монтаж объединяет экспрессивные средства кино и литературы, приближая кинематографическое искусство к явной литературе [Хейфиц, 1966, с. 55]. Всё же нужно отметить, что речь идет о наблюдениях, которые еще раньше С.М. Эйзенштейн изложил во время лекций для студентов ВГИКа, когда утверждал: «...творчество Маяковского очень наглядно в этом монтажном отношении. Но в принципе в этом направлении интереснее обращаться к Пушкину, потому что он принадлежит к периоду, когда о монтаже как таковом не было еще и речи. Маяковский же целиком принадлежит к тому периоду, когда монтажное мышление и монтажные принципы широко представлены во всех видах искусства, смежных с литературой: в театре, в кино, в фотомонтаже и т.д.» [Ейзенштейн, 1998, с. 92-96].

Следовательно речь идет о давней связи, изначально однозначной (кино по отношению к литературе), усиленной в течении всего XX века⁴¹, теперь уже закрепленной в современной литературе, где можно говорить о влиянии «в двух направлениях».

Рассмотрим, например, особый случай романа «Мультики» (2010)⁴², чья «кинематографичность» вытекает 1) из самого названия, и 2) сразу подтверждается в

⁴¹ По мнению А. Гениса «сегодня зависимость книги от фильма достигла такого уровня, что первая стала полуфабрикатом второго. <...> Во всяком случае, книги кумира книжного рынка Виктора Пелевина просто рвутся на экран. Его тексты кажутся записями фильмов. <...> Во всем этом я не вижу никакого ущерба для литературы. Добравшись до экрана, беллетристика ничего не теряет, но много приобретает. Прежде всего - лаконичность и интенсивность» [Генис, 2000].

⁴² Итальянский перевод вышел в 2012. См. Elizarov M. Cartoni // M. Elizarov, Roma: Atmosphere, 2012. 238 с.

повествовании с образом главного героя Германа, который будет подвергаться ряду показов, не настолько шокирующих, как «дидактических», помимо 3) очевидной связи между романом и кинолентой «Заводной апельсин» (1971), а также 4) многочисленных присутствующих интертекстов кинематографического характера.

Учитывая, что к изучению интертекстов можно подходить с разных сторон и рассматривать их в разных аспектах, в данной работе предлагается анализ их употребления и функционирования в мыслительно речевой деятельности носителей русского языка, чтобы приблизиться к некоторым заключениям, касающимся перевода на итальянский язык⁴³.

Остановимся на следующих примерах:

1. Родные с детства краснославские вещи: диваны, стулья, лампы, шкафы — походили на палестинских беженцев, *точно говорящие чашки и уютги из мультика про неопрятную тетку Федору* [Елизаров, 2010, с. 8; курсив мой. - Дж.М.].

2. У Светы лицо было эффектное, *как у атаманиши из «Бременских музыкантов»*, особенно когда Света собирала на затылке волосы в хвост [Елизаров, 2010, с. 31; курсив мой. - Дж.М.].

3. Тоша тоже быстро окосел и как зачарованный *смотрел в телевизоре «Капитана Врунгеля»*, имитируя голосом дурацкую звуковую заставку, с которой начиналась каждая серия [Елизаров, 2010, с. 33; курсив мой. - Дж.М.].

В этих трех примерах, особенно что касается присутствия кинематографических интертекстов, хотя они находятся на одном и том же уровне, возможно отметить типологические различия. В первом случае можно наблюдать кинематографичность во-первых с точки зрения синтаксического построения: именительные темы расставляют тематические акценты, как будто с целью выделения жирным шрифтом того, на чем следует обратить внимание и остановиться, прежде чем следовать по руслу дальнейшего повествования. Иными словами, односоставные номинативные высказывания являются очевидным способом выражения крупного плана. Во вторых, признаком кинематографичности является аллюзия с атрибуцией к мультфильму Натальи Червинской «Федорино горе» (1974) по мотивам сказки в стихах Корнея Чуковского. Таким образом, старые вещи, перевезенные главным героем в новый дом после переезда в город К., порождают особенные эмоции и их конкретную визуализацию: главное действующее лицо ассоциирует их с мультфильмом, который является несомненно частью личной

⁴³ Подробнее об интертекстуальности см., в частности: [Денисова, 2003].

энциклопедии⁴⁴ автора и который в то же время является известным широкому кругу читателей, принадлежащих к определенному культурно- исторического пространству.

Во втором примере, описание Светы снова выполнено через сравнение с кинематографическим персонажем: жена атамана в «Бременских музыкантах» (1969), музыкальном мультфильме Инессы Ковалевской, с темами заимствованными из одноимённой сказки братьев Grimm. Следовательно, источник интертекста иностранного происхождения, но интерсемиотический перевод Ковалевской – полноправный советский мультфильм, который стал сразу же широко известным благодаря музыке, написанной Геннадием Гладковым с оригинальными элементами рок-н-ролла. Даже в этом случае интертекст – явный.

В третьем примере наоборот, кинематографический интертекст не внедрен через метафору, напротив, с образом Тоши, смотрящего телевизор и даже в этом случае визуальный элемент сопровождается элементом слышимого характера с имитацией со стороны Тоши звуковой дорожки мультфильма Давида Черкасского «Приключения капитана Врунгеля» (1980), еще один культовый фильм советской эпохи, вдохновленный длинным рассказом с тем же названием Андрея Некрасова.

Однако, это только некоторые из самых первых кинематографических интертекстов, присутствующих в романе Елизарова, действительно, идя вперед можно найти другие, такие как:

4. Под строчками была стилизованная фигурка милиционера, ведущего за руку малолетнего правонарушителя. Последний едва доходил до пояса милиционеру, и было непонятно: *то ли это милиционер ростом с дядю Степу*, то ли правонарушитель уж совсем малолетний <...> [Елизаров, 2010, с. 87; курсив мой. - Дж.М.].

В этот момент сюжета, главного героя задерживают и отводят в детскую комнату милиции, где он будет подвергаться смене “видений” вплоть до того, что он становится главным героем в процессе перевоспитания через диафильмы, одного из этих.

Указанный раздел точно устанавливает границу между переходом от реальности к сюрреалистичному миру, и этот переход происходит еще один раз посредством использования кинематографического интертекста с аллюзией к очень высокому герою мультфильма Ивана Аксенчука «Дядя Стёпа» (1964), основанного на культовой трилогии

⁴⁴ Под *энциклопедией* предлагается понимать «полный объем памяти, связанной с комплексом знаний о мире, выработанным в рамках определенного культурного пространства на основе пользования естественным языком» [Денисова, 2003, с. 144].

Сергея Михалкова о том же персонаже. Герман не понимает почему мальчик, изображенный рядом с милиционером является таким низким, поэтому спрашивается, возможно мужчина не так высок, как главный герой знакомого ему мультфильма.

В отличие от предыдущих примеров, последний интертекст – неявный, таким образом его узнавание со стороны переводчика сложнее. Но, так в случае мультфильмов «Федорино горе» и «Дядя Степа», как в особенности в случае «Бременских музыкантов» и «Приключений капитана Врунгеля», речь идет об очень знаменитых фильмах истории советского кино. К этому необходимо добавить слова Елизарова, который в неопубликованном интервью по поводу этих интертекстуальных знаков утверждал: «Это часть детства, его культурный пейзаж. Песни из Бременских поют до сих пор. Врунгель - сейчас наверное уже не будет смотреться так как раньше, тогда это была авангардная анимация - видео и аппликации».

Что тогда происходит, когда мы переводим тексты, где интертекстуальный компонент кинематографического характера является настолько доминантным кодом, явным, узнаваемым для широкого круга представителей русской лингвокультуры⁴⁵, иными словами, когда мы переводим произведения, в которых кинематографические интертексты не относятся к мировой семиосфере (универсальная энциклопедия) – в этом случае задача переводчика не является такой сложной, поскольку универсальная энциклопедия представлена текстами мировой семиосферы, общими для представителей разных лингвокультурных общностей? При этом нельзя забывать, что кино, как утверждает Менегетти, это «открытый психоанализ, это прошлое субъекта, отраженное и удержимое в образе» [Менегетти, 2001, с. 33, 39].

Рассмотрим в следующем разделе вопросы, касающиеся перевода.

3. Переводческие заметки

Известно прежде всего, что при построении модели передачи интертекстов, придерживаются двух противоположных стратегий, адаптации и отчуждения, предложенных первоначально Ф.Шлейермахером и углубленно разработанных теоретиком Л. Венути (*domestication/foreignization* в терминологии последнего): в первом случае исходный текст подвергается «*ethnocentric reduction*» для приспособления к ценностям принимающей

⁴⁵ См. подробнее о теории «прецедентных текстов»: [Караулов 1987; 1999]. При изучении вопроса интертекстуальности, нельзя упускать из виду, что корпус интертекстуальных элементов не остается неизменным во времени. Как утверждает Денисова «в структуре ЯЛ на когнитивном уровне позволительно выделить устойчивое ядро и более динамичный пласт, актуализация которого ограничена *временными рамками* и *связана с социальными факторами*» [Денисова, 2003, с. 151; курсив мой. - Дж.М.].

культуры, во втором, наоборот, те же исходные ценности подвергаются «ethnodeviant pressure» для того, чтобы записать отличия исходной культуры от культуры переводной [Венути, 1995, с. 20]. Если в общем Венути выступает противником невидимости переводчика и принципа отчуждения, У.Эко анализируя переводы собственных произведений насчёт цитаты одной фразы Сандокана («Посмотри на меня, я тоже тигр») проявляет себя противником «буквализма» своих переводчиков (английский, немецкий и французский), которые не уловили интертекстуальные знаки и их функцию. Он сам таким образом, как возможный перевод на французский язык предлагает цитату из романа А. Дюма: «Regardemoi, moi aussi je suis Edmond Dantès» [см. Эко, 2000, с. 594].

Безусловно, следует подчеркнуть, что в переводе каждое отдельное решение должно быть принято всегда в каждом конкретном случае с учетом ряда компонентов, в том числе типологии текста и его адресата, и в нашем особом случае обсуждая комплексную проблематику интертекстов в переводе, их свойства и функции. Другой, не менее важный параметр в выборе, как мы полагаем, это пара языков/культур изредка принятая во внимание. Если мы вернемся к конкретному случаю вышеуказанных интертекстов, то мы сможем увидеть прежде всего, что необходимо взять во внимание особенности современной русской литературы, где интертексты вообще представляют одно из главных свойств. Кроме того, не менее важным фактором является кинематографичная природа вышеуказанных интертекстов и тот факт, что они узнаваемы для широкого круга представителей русской лингвокультуры.

Таким образом, выбирая адаптацию, мы должны были бы заменить советские интертексты с интертекстами, желательно относящимися к списку итальянских или зарубежных мультфильмов, для того, чтобы сделать точно такую же непосредственную визуализацию главных героев для адресата переводного текста. Но полагая специфичность анализируемого интертекста и, в особенности, его взаимодействие с текстом в целом, наш осознанный выбор перевода более буквальный с добавлением коротких сносок культурологического характера внизу страницы⁴⁶ может показаться многим мало

⁴⁶ Только в переводе интертекста из мультфильма «Дядя Степа» кроме сноски, мы решили с компенсацией лучше воссоздать в итальянском переводе образ милиционера. Таким образом, мы добавили прилагательное «гигантский» в описании Степы: «Sotto la scritta era stilizzata la figura di un poliziotto che tiene per mano un violatore minore della legge. Quest'ultimo arrivava a stento alla cintura del poliziotto e non era chiaro se lo sbirro fosse un *gigante* come Stepa⁴ o se il trasgressore fosse veramente piccolo come uno dell'asilo». Примечание переводчика: «Personaggio del cartone animato *Djadja Stepa – milicioner* (zio Stepa – il poliziotto) di Ivan Akseščuk» [Персонаж мультфильма «Дядя Степа - милиционер» Ивана Аксенчук] [Елизаров, 2012, с. 67; курсив мой. - Дж.М.]

причудливым, но в соответствии с нашей точкой зрения, наоборот, результатом тщательного анализа исходного текста, в последствии направленного на обогащение энциклопедии итальянского читателя.

Список литературы

- Генис А.* Фотография души: в окрестностях филологического романа / А. Генис. Звезда. 2000. Н. 9. Режим доступа: <http://dusch2.ru/zvezda/2000/9/>
- Денисова Г.В.* На изломе веков: русский язык в зеркале современной прозы / Г.В. Денисова. М.: Азбуковник, 2012. 230 с.
- Денисова Г.В.* В мире интертекста: язык, память, перевод / Г.В. Денисова. М.: Азбуковник, 2003. 298 с.
- Дубин Б.* Слово - Письмо - Литература / Б. Дубин. М.: НЛЮ, 2001. 416 с.
- Елизаров М.* Мультитики / М. Елизаров. М.: Астрель, 2010. 317 с.
- Земская Е.А.* Язык в движении: к 70 летию Л П Крысина / Е.А. Земская, М. Каленчук; под общ. ред. М.: Язык славянской культуры, 2007. 664 с.
- Земская Е.А.* Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь / Е.А. Земская. М.: Языки славянской культуры, 2004. 896 с.
- Земская Е.А.* Активные процессы современного словопроизводства / Е.А. Земская; под общ. ред. Русский язык конца XX столетия 1985-1995. М.: Языки русской культуры, 1996. 67-89 с.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. М.: Наука, 1987. 264 с.
- Караулов Ю.Н.* Активная грамматика и ассоциативно вербальная сеть / Ю.Н. Караулов. М.: ИРЯ РАН, 1999. 180 с.
- Кронгауз М.* Русский язык на грани нервного срыва / М. Кронгауз. М.: Языки славянских культур, 2008. 232 с.
- Крысин Л.П.* Слово в современных текстах и словарях. Очерки о русской лексике и лексикографии / Л.П. Крысин. М.: Знак, 2008. 320 с.
- Крысин Л.П.* Русское слово, свое и чужое / Л.П. Крысин. М. Языки славянской культуры, 2004. 888 с.
- Крысин Л.П.* Социальная дифференциация системы современного русского национального языка / Л.П. Крысин; под. общ. ред. Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003. 33-100 с.
- Лотман Ю.М.* Об искусстве / Ю.М. Лотман. СПб: Искусство-СПБ, 1998. 704 с.
- Мартыанова И.А.* Киновек русского текста: парадокс литературной кинематографичности / И.А. Мартыанова. СПб: Сага, 2002. 240 с.
- Менегетти А.* Кино, театр, бессознательное (2000). Т. 1. / А. Менегетти. М.: ННБФ Онтотпсихология, 2001. 384 с.
- Попов Е.* Арбейт. Широкое полотно / Е.Попов. М.: Астрель, 2012. 568 с.
- Хейфиц И.* О кино / И. Хейфиц. М.: Искусство, 1966.232 с.
- Чупринин С.* Перемена участи / С. Чупринин. М.: НЛЮ, 2003. 400 с.
- Эйзенштейн С.М.* Монтаж / С.М. Эйзенштейн. М.: ВГИК, 1998. 193 с.
- Eco U.* Opera aperta / U. Eco. Milano: Bompiani, 2000. 306 с.
- Elizarov M.* Cartoni / M. Elizarov. Roma: Atmosphere, 2012. 238 с.
- Popov E.* Arbeit. Un'ampia tela / E. Popov. Gorizia: Corpo60, 2014 (ebook).
- Venuti L.* The Translator's Invisibility / L.Venuti. London and New York: Routledge, 1995. 367с

Молдабеков Ж.Ж.

Абуова А.Ж.

Казахский национальный университет им. аль-Фараби
г. Алматы (Казахстан)

Moldabekov Zhakhan

Abuova Ainel

Kazakh National University named al-Farabi
Almaty (Kazakhstan)

КУЛЬТУРНЫЙ ОБМЕН В КАЗАХСТАНЕ: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ

CULTURAL EXCHANGE IN KAZAKHSTAN: EXPERIENCE AND PROBLEMS

Новое культурное развитие Казахстана, а) осуществляется в сжатые по историческим меркам сроки, б) проходит несколько этапов реформирования национальной культуры, в) протекает масштабно и интенсивно на разных уровнях консолидации сил. Неуклонно растет роль культуры в человеческой жизни и в укреплении международных связей страны.

В республике накоплен опыт по укреплению межъязыковой активности, расширению культурного общения. Эти взаимосвязанные процессы коммуникации приобретают предметный, мобильный и ориентированный характер, пронизаны межличностным, межэтническим и международным духом. Проблемой становится умелое использование стратегического ресурса культурного взаимодействия и межэтнических отношений в обществе; функций казахского, русского, английского языков как средства сплочения народов стран; расширения сферы межкультурного общения и внешних связей - туризма, рекламы и бизнеса.

The new cultural development of Kazakhstan a) is carried out at short historical period, b) goes through several stages of the national cultures' reform; c) it takes a place in a large scale and intensity on the different levels of consolidation forces. The role of culture in a human life and in strengthening the country's international relations is steadily growing.

The experience to strengthen cross-language activity, the expansion of cultural communication has accumulated in the Country. These interrelated processes of communication become subject, and mobile-oriented character, imbued with interpersonal, inter-ethnic and international spirit.

The problem becomes a skillful use of the strategic resource of cultural cooperation and inter-ethnic relations in society; Functions of the Kazakh, Russian and English languages as a means of uniting the peoples of the countries; expanding the scope of intercultural dialogue and external relations - tourism, advertising and business.

Ключевые слова: культурное наследие, культурный код истории, духовный обмен, культурно-национальная традиция, языковое взаимодействие, опыт общения.

Key words: cultural heritage, cultural code history, spiritual exchange, cultural and national tradition, linguistic interaction, communication experience.

Государственная программа Республики Казахстан «Культурное наследие» стала основным документом в сфере развития духовной и образовательной деятельности, стратегическим национальным проектом, определившим государственный подход к культуре [Назарбаев, 2010].

Новое культурное развитие страны, а) осуществляется в сжатые по историческим меркам сроки, б) проходит несколько этапов реформирования национальной культуры, в) протекает масштабно и интенсивно на разных уровнях консолидации сил. Неуклонно растет роль культуры в общественной системе и человеческой жизни страны. Это естественно, поскольку культура формирует самого человека, создает внутреннюю мотивацию его поступков, содействует становлению гражданского согласия; обладает тремя уникальными ресурсами – творческим потенциалом ее создателей, накопленным и развиваемым из поколения в поколения; культурным наследием, являющимся результатом труда творцов; культурными традициями, материализованными в интересе населения к ценностям культуры. [Рубинштейн, Музычек, 2014, с.5-6].

Культурное наследие и бережное отношение к нему составляет стратегический ресурс культурного взаимодействия и межэтнических отношений в обществе. В эпоху глобализации историко-культурное наследие страны образует основу самоидентификации людей и нации. Программа «культурное наследие» республики реализовалась одновременно по многим направлениям. К слову сказать, на первом этапе ее реализации (2005-2008 гг.) изданы по 35 номинациям более 250 томов. Тут охвачены (1) основные направления мировой культуры, истории, философии, науки, (2) литературные тексты устного творчества казахского и других народов, (3) исторические и культурные памятники Казахстана и прилегающих его стран, (4) перевод жемчужин мыслителей с иностранных языков на казахский и русский языки, и наоборот; осуществлены научно-исследовательские экспедиции в Китай, Турцию, Монголию, Россию, Японию, Египет, Узбекистан, Армению, в США, страны Западной Европы и приобретено свыше 5 тысяч ценнейших архивных документов, рукописей и печатных изданий по истории, этнографии, искусству Казахстана, ранее неизвестных в отечественных научных кругах.

У Казахстана светлое будущее, поскольку сумел сохранить свое духовное достояние, чтит ценности народа. О масштабности проекта говорит тот факт, что в нем задействован весь интеллектуальный потенциал современного Казахстана: академические

институты литературы и искусства, философии, истории и этнографии, языкознания, национальная библиотека, высшие учебные заведения страны, а также специалисты из России, Турции, Германии, Венгрии, Норвегии и др. стран. Издание продолжается, поскольку источник общечеловеческих и казахстанских ценностей недостаточно раскрыт.

Межкультурные отношения, языковая коммуникация, перевод текстов составляют культурный код истории народа и идентификации людей.

Культурный код истории и художественного познания понимается как система самобытных, доминирующих в обществе ценностей, смыслов и взглядов, общепринятая норма для самоидентификации людей независимо от их этнической принадлежности и передаваемая из поколения в поколение.

Межкультурная связь в Казахстане расширяется в контексте «одна страна – одна судьба», единства и согласия в обществе, толерантности и доверия друг к другу, развития экономики и укрепления государства. Действенным механизмом и специальным институтом поддержки межкультурных отношений стала Ассамблея народа Казахстана. Нормы функционирования Ассамблеи формируют основу стабильной межнациональной политики и языковой коммуникации в стране.

Эти ориентиры и факторы направлены на формирование казахстанской идентичности и культуры, общих духовно-нравственных ценностей, на развитие национального духа, трехязычного образования и патриотического воспитания, на углубление культурно-гуманитарного взаимодействия с партнерами по Союзу [Казахстанская правда, 24 апреля 2015].

В республике накоплен опыт по укреплению межъязыковой активности, расширению культурного общения. Эти взаимосвязанные процессы коммуникации приобретают предметный, мобильный и ориентированный характер, пронизаны межличностным, межэтническим и международным духом. Созидательный и совместный опыт укрепляет веру казахстанцев в себе и будущее.

Проблемой становится умелое использование стратегического ресурса культурного взаимодействия и межэтнических отношений в обществе; функций казахского, русского, английского языков как средства сплочения народов стран; расширения сферы межкультурного общения и внешних связей - туризма, рекламы и бизнеса.

Язык, является основным элементом коммуникации и культуры всех народов мира. Общение между странами может осуществляться на базе одного или нескольких языков.

Межъязыковая коммуникация возникает при использовании одного официально установленного международного языка.

Казахстан – девятая страна в мире по площади. В ней проживают представители более 100 национальностей, где единство народа, держится именно благодаря межкультурной коммуникации. Государственным языком является – казахский, а русский язык употребляется на равне с казахским, независимо от каких-либо обстоятельств в органах государственного и местного управления, используется как язык коммуникации, введения бизнеса и межнационального общения.

Английский язык занимает лидирующие позиции в мировой экономике для всех стран мира и становится межкультурным языком. Благодаря, единому языку разные континенты мира, международные корпорации могут вести совместный бизнес, переговоры и интеграционный процесс успешно внедряется в глобальную экономику. Расширение международных контактов благоприятно влияет на состояние экономики и населения Казахстана.

Язык, который воспринимается как средство профессионального, делового и культурного общения, служит сплочению народов стран и расширению внешних связей Казахстана. На данный момент, по словам главы государства Н.А.Назарбаева: «Мы достигли лидирующих позиций в региональной экономике, конструктивных отношений с международными партнерами, политической и социально-экономической стабильности». Однако, успех и стабильность, могут быть только, благодаря предсказуемости и долгосрочности интересов международных партнеров и соседей Казахстана [Назарбаев, 2007].

В условиях глобализации крупные международные компании все чаще и чаще прибегают к применению английского языка. Сегодня Казахстан ведет международные проекты с такими странами и регионами как Россия, Китай, США, Турция, страны Центральной Азии, Каспийского и Черноморского регионов, Евросоюза. Ключевые области, в которых может развиваться межкультурное общение, являются — сфера туризма, рекламы и бизнеса. На данный момент Казахстан имеет похвальное количество зарубежных партнеров в сфере бизнеса, туризма и рекламы.

Межъязыковая коммуникация – это непосредственное общение разных культур на одном и более языках, но при этом каждый язык видоизменяется под влиянием культурных

особенностей носителей языка. Особенность ее ярко и явно проявляется в сфере туризма. В сфере туризма лидируют три мировых языка: английский, русский, китайский.

Согласно данным Агентства по статистике Республики Казахстан, можно отметить положительный рост туристов в страну. Например, с 2011 года по 2013 год количество иностранных граждан, посетивших нашу страну, составило 18,6 миллион человек, и оно постоянно возрастает.

Эти результаты показывают положительный рост числа иностранных туристов, посетивших Республику Казахстан. Живой пример, работающий над результатом въездного туризма: развитие сферы туризма, обеспечение развития туристской отрасли, увеличение темпа роста туристов с каждым годом – являются целевой направленностью Программы развития территории «Великого шелкового пути», вдоль трассы «Нурлы жол», исторически святых местностей и районов.

В Казахстане создаются благоприятные условия для такой сферы межкультурной информации как реклама. Сегодня в мире, реклама также является одной из главных средств коммуникации. Благодаря рекламе покупатели знакомятся с продуктами, пользующимися спросом по марке, бренду. Только она, независимо от формы и используемого средства распространения, должна публиковать достоверную, распознаваемую информацию. Развлекательная реклама набирает темп на трех языках, в большей степени бесконтрольно и не всегда объективно.

На расширяющем фоне туризма и рекламы исследователи вынуждены корректировать познавательные функции знания, языковой коммуникации и формы художественного опыта. Этим формам культурного взаимодействия приписывают функции обобщать и развивать, опосредовать и иллюстрировать, популяризировать и проблематизировать, предвосхищать и присваивать знание и художественный вкус, динамизм и креативность мыслительной деятельности.

Языковая коммуникация в Казахстане становится доступным для населения средством соучастия в творчестве и воздействия на психику, поведение и образ жизни человека. Языковая активность человека и креативность мыслительного акта становятся взаимосвязанными процессами в укреплении взаимопонимания людей, придают мобильный характер всем разновидностям коммуникации межэтнического и межконфессионального характера. Современная коммуникация приобретает предметный, мобильный и

ориентированный характер, пронизан межличностным, межэтническим и международным духом. Креативные акты языка и язык креативности работают с концептами.

Кэти Карут, проделав скрупулезную концептуальную работу, заключает: Концептуальная работа заставляет нас по-новому (со)пережить и осмыслить (1) опыт, которого мы не имели; (2) опыт, который мы как носители культурной истории переживаем в сознании; (3) опыт, культурный смысл которого как мыслящие субъекты будем переживать всегда [Вайзер, 2001, с.381]. Осмысленная работа призвана закладывать путь к новым интеллектуальным направлениям. Текст ее превращает факт, событие, человеческую судьбу в основу открытой концептуализации, чтобы понимать и помнить, чтобы противостоять забвению. Язык концепта открывает для исследователя чувственный, интеллектуальный, эстетический, эпистемологический доступ к опыту.

При анализе культурного проекта Ассамблея народа Казахстана, воспроизведенного образа действительности возникают вопросы методологического характера: Каков концепт перевода в историко-культурном контексте? Как влияет на знание о переводе интеллектуальный контекст эпохи? Правда, не так-то просто выявить адекватный инструментарий для анализа столь остро поставленных проблем. Тем не менее, это попытка, а) наметить подход к описанию парадигмы взаимосвязей литературы, знания и перевода, встречающихся языковой коммуникации и истории культуры; б) инициировать «поворот» в гуманитарном знании; в) обновлять модель литературно-языковой коммуникации (креация – текст – рецепция – контекст).

Художественный текст как структура отражает мировоззрение писателя, мир героя и картину социально-психологической ситуации, организует литературное знание по тематике. Художественный текст образует особый режим существования языка в историко-культурном контексте и открывает доступ к познанию самого действительного мира. В художественных текстах реализуются постулаты художественного опыта познания, литературного и научного перевода и эстетической установки.

Художественное познание может кооперироваться с иными познавательными практиками – философией, историописанием, религиозным дискурсом и тем самым стать методом познания действительности в образной форме.

В Казахстане интерес к переводу по всем направлениям непрерывно растет, поскольку является основным инструментом межкультурной коммуникации. В этом контексте перевод – не только литературная, но и философская, культурно-гуманитарная проблема. Перевод

представляет связующую константу человеческого бытия, условие возможности гуманитарного и философского познания, сферу страстей и столкновений. Осмысление проблемы перевода отнюдь не ограничивается технической формой деятельности, а проявляется как творческая деятельность людей, способных образовывать потоки инноваций и формировать почву для качественных прорывов в сфере культуры, в сфере логики и тем самым закладывать основу для качественного развития личности, сообществ, всего общества.

Казахскими философами были переведены на казахский язык философские наследия мировых мыслителей в 20 томах, составлен русско-казахский и казахско-русский словарь по философии и политологии. Это был первый опыт и совместный труд ученых. Опыт показал, что проблемы перевода в философии разработаны довольно поверхностно, отрывочно, но они базируются на устоявшие положения.

Столкнулись с трудностями разных толков и степеней сложности. Умение работать со словами и восстанавливать контекст оказалось не простым делом, а творческим занятием. Постепенно усвоили азбуки и правила переводческой деятельности, научились сделать правильный, адекватный перевод.

По сути, язык и слово в переводе существуют по определенным правилам функциональной системы и человеческой жизни. Переход из слова в вещество, из языка в язык есть условность систем по отдельности. Достоинство работы переводчика проявляется в осознанной воле к динамическому пониманию (художественной) формы текста и контекста отдельных направлений и дисциплин. В предметном переводе нередко вне поля зрения исследователя остаются двойственная модель текста публичной истории и культурно-исторических перипетий эпохи.

Перевод как жанр литературы производит особый тип знания, который адекватно не редуцируется к понятиям и может быть постигнут только в процессе рецепции произведения. Перевод — это разновидность деятельности по пониманию. Можем ли мы сказать, что полностью понимаем текст, прочитанный даже на родном языке? Далеко не всегда. В языке концентрируется наше отношение к миру. Строй языка выражает особенности национального мировосприятия. Но ведь есть и специфическое индивидуальное мировосприятие. Поэтому вопрос о точности перевода, как и понимания в целом, это вопрос о проявлении общего в индивидуальном.

Понимание при переводе может носить двоякий характер. Можно очень быстро наловчиться подменять слова и выражения, т.е. делать в уме подстрочник иностранного

текста или речи. Иногда скорость составления этого подстрочника настолько велика, что приравнивается к очень хорошему владению языком. Настоящее владение им заключается в непосредственном выражении мысли или состояния, неоформленной предварительно словами и изречениями из родного языка. Часто эти две разновидности выражений мысли на нематеринском языке смешаны.

В переводе текстов важнее синтаксис, передающий логический ход мысли и возможность эту мысль проследить, проверить, продолжить. Синтаксис и логика, единство их позволяют точнее и цельно понять смысл фраз и обобщенных идей и перестроить фразу в более внятном порядке.

Перевод—прежде всего языковое ремесло людей, т.е. процесс перевода одного языка на другой; важнейшая форма интерпретации культур, их специфики, нормы, логики. Языковой перевод раскрывает свою жизнь между своими полюсами как обобщающее творчество и как стремление к ремесленному повтору. Это разные уровни перевода-интерпретации.

В структуралистском смысле перевод представляют систему знаков, класс структур или операций и преобразование их в сфере действия при определенных изначально заданных условиях. По меткому выражению В. фон Гумбольдта, перевод—это орудие интерпретации. В интерпретации правила перевода формировались в систему, представляют попытку выхода за пределы языка, закладывают основу межъязыкового взаимодействия.

Философский аспект проблемы перевода, а) охватывает спектр параметров, позволяющих осмыслить его в качестве инструмента понимания, толкования и языковых средств формирования мысли; б) рассматривает соотношение философии и перевода как разновидность творческой деятельности. Такое цельное понимание складывается постепенно, но неоднозначно. Одна из причин, по мнению Н. С. Автономовой, кроется в том, что «философия не всегда замечала перевод как заслуживающую внимания деятельность, равно как и не всегда она замечала и проблему языковых средств формирования мысли» [Автономова, 2008, с. 7]. Язык сохраняется, если под системой подразумеваем кодексы знаков.

Г.-Г. Гадамер отмечает: «Там, где требуется перевод, там приходится мириться с несоответствием между точным смыслом сказанного на одном и воспроизведенного на другом языке, — несоответствием, которое никогда не удастся полностью преодолеть» [Гадамер, 1988, с. 447]. Такого же мнения придерживается и К. Ажеж: «Конечно, если рассматривать язык как системы знаков, то следует признать, что структурные связи между

знаками весьма различны в разных языках; не бывает так, чтобы некий знак одного языка занимал в его системе точно такое же место, какое занимает в системе другого языка знак, с помощью которого пытаются перевести первый» [Ажеж, 2006, с. 46]. Однако, несмотря на это препятствие, затрудняющее перевод, каждому языку присуще замечательное свойство – быть «семиотикой (системой знаков), в которую могут быть переведены все другие семиотики» [Ельмслев, 2006, с. 231], в том числе и все другие языки.

С точки зрения У. Куайн, каждый человек имеет свой язык, который неоднозначно переводится, интерпретируется на язык другого человека. Применительно к культуре и ее развитию позиция параллелизма является релятивистской» [Куайн, 2000, с. 267]. Релятивистский характер перевода объясняется тем, что перевод иноязычного текста «неизбежно сопровождается и знакомством с чужой культурой, и конфликтом с ней. В процессе этого конфликта человек начинает глубже осознавать свою собственную культуру, свое мировоззрение, свой подход к жизни и к людям» [Тер-Минасова, 2000, с. 24].

Перевод двойственен. Двойственность проявляется в процессе перехода от знания о языковой коммуникации к переводу как знанию и художественному опыту. В своих высших проявлениях он не замыкается в чисто знаковой сфере, скорее находится на грани культур, создавая некоторую возможность взаимопроникновения культур и инноваций, где фактически обновляется языковая культура и культура мышления. В социокультурном контексте двойственность языка выходит за рамки языка и превращается в возможность социального сотрудничества или этнического конфликта.

Деятельность перевода в сфере языков является формой саморазвития личности, так как, переводя с одного языка на другой в условиях усложняющегося общества (становится больше языков) человек развивается интеллектуально.

Речь идет о ситуации высокой сложности, в изменяющемся, динамичном мире, а ситуация иноязычия нарастает, меняется, усложняется. Иноязычие является не просто единицей коммуникации или средством перебрасывания информации, а есть важнейший механизм формирования личности. Проблема соотношения перевода и философии дает подступ к устойчивым общегуманитарным проблемам, вызывающим системные трансформации и двойственное изменение образа жизни самих людей.

Этот двусторонний процесс (1) приводит к индивидуальному изменению и (2) через индивидуальное к массовому изменению. Повышается культурный потенциал человека, что в конечном итоге дает новый стимул развития личности и общества в целом.

Самостоятельный перевод поэтического текста представляет скорее проблему для автора, чем способ творческого расширения его поэтики, но вместе с тем примеры продуктивных стратегий автоперевода реализуют уникальные модели автокоммуникации в языке и литературе осуществляют межкультурный трансфер в рамках отдельных текстодвойников. Усилие наше будет продуктивным, если проблему литературного авторства ставим в широком контексте суверенного субъекта. В Казахстане субъективность автора еще не стало предметом критического рассмотрения.

Нужны новая волна творческого дерзания, поиск новых форм сохранения прошлого и взаимодействия с ним, новые определения для существующих и зарождающихся ценностей.

Культурный центр – это не просто факт биографии автора, но и важнейший ключ к пониманию многоязычной культурной системы. В нем больше возможности шире и прицельно: а) обсуждать проблему культурной идентичности в критический момент истории; б) привлечь публики как сотворца техники переплетения реальной жизни с художественной.

Для возрождения культурного обмена нужно создание и функционирование официального институционального органа в государстве и международном сотрудничестве, разумеется, совместное усилие профессионалов и патриотов, молодых кадров континентов.

Список литературы

- Автономова, Н. С.* Познание и перевод. Опыты философии языка / Н. С. Автономова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008.
- Ажеж, К.* Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки / К. Ажеж; пер с фр. 2-е изд. М., 2006.
- Вайзер Т.* Языки лжи. //Литературное НОВОЕ обозрение, №1, 201, с.381
- Гадамер, Г.-Г.* Истина и метод (Основы философской герменевтики) / Г.-Г. Гадамер. М., 1988.
- Динамика развития туристической отрасли в 2013 году, источник Новости Туризма в Казахстане
- Ельмслев, Л.* Прологомены к теории языка / Л. Ельмслев. М.: КомКнига, 2006. 248 с.
- Куайн, У.* Слово и объект / У. Куайн; пер. с англ. А. З. Черняк, Т. А. Дмитриев. – М., 2000.
- Лингвистические особенности антропонимов как единиц языка и единиц межкультурного общения, 6 стр., 1.1.3
- Назарбаев Н.А.* Modern decade – modern economic development – new possibilities of Kazakhstan, Президент РК, Январь 2010
- Назарбаев Н.А.* Послание президента народу Казахстана от 28 февраля 2007
- Одна страна – одна судьба. //Казахстанская правда, 24 апреля 2015
- Рубинштейн А.Я., Музычек В.Ю.* Оптимизация или деградация? Между прошлым и будущим российской культуры. Общественные науки и современность, №6, 2014, с.5-6
- Тер-Минасова, С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация. Как соотносятся между собой язык и культура / С. Г. Тер-Минасова. М., 2000.

Осмоловская И.Г.
Минский государственный лингвистический университет
г. Минск (Беларусь)

Osmolouskaya Inna
Minsk State Linguistic University
Minsk (Belarus)

НЕУЗУАЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ТЕКСТАХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМЫ

NON-STANDARD LANGUAGE PHENOMENA IN ADVERTISING DISCOURSE OF GERMAN LANGUAGE

В статье идет речь о нарушениях языковых норм в немецкоязычных рекламных текстах, которые являются основным способом повышения эффективности рекламного сообщения. Наибольшее количество нарушений зафиксировано среди лексико-семантических норм, где наивысшей частотностью обладают аномальные явления в сфере словообразования. Далее следуют нарушения правил орфографии, внутри которых самым распространенным явлением выступает написание каждого компонента сложного слова с большой буквы. В грамматике зарегистрировано наименьшее количество отклонений. В статье также речь идет также об установлении зависимости между отклонениями от нормы на различных языковых уровнях и типом отправителя рекламного сообщения внутри гиперактов информирования и побуждения. Нарушения языковых норм внутри рекламно-речевого гиперакта зависит от типа отправителя рекламного сообщения. Выведены три типа адресанта рекламного сообщения: адресант-комментатор (рекламно-речевой гипертакт информирования), адресант-информатор (рекламно-речевой гипертакт информирования), адресант-советчик (рекламно-речевой гипертакт побуждения). При нарушении лексико-семантических норм лидирует адресант-советчик. В то же время правила орфографии чаще всего нарушаются отправителем-информатором. Наибольшее количество отклонений в грамматике допускается отправителем-комментатором.

The article under discussion deals with deviations from German language norms in the context of German language advertisement, which act as a major means to increase the effectiveness of the advertisement message. The majority of language norms violations in German advertising texts are proven to take place among lexical and semantic standards, where anomaly phenomena in the sphere of word formation are most frequent. Then go violations of the orthographic norms, among which the most frequent violation is capitalization of the first letters of all compound word components. The lowest number of deviations has been registered on the grammatical level. The article deals also with the establishment of the dependence between the violations of the norm at certain linguistic levels and the type of the sender of the advertising message within hyperacts of information and motivation. The type of language norm violation within speech hyperact of advertising is influenced by the type of an advertising message sender. Three types of a sender are a commentator (communicational speech act of advertising), an informant (communicational speech act of advertising) and an adviser (motivational speech act of advertising). Most often regulations are violated on a lexico-semantic level, the leading violating type is adviser. Spelling rules are most frequently violated by a sender-informant. The highest number of grammatical deviations is made by a sender-commentator.

Ключевые слова: рекламный дискурс, языковая норма, узус, языковая аномалия, словообразование, англицизм, креолизация, морфология, синтаксис, орфография, речевой акт, адресант.

Key words: advertising discourse, language norm, usage, language anomaly, word formation, anglicism, creolisation, morphology, syntax, orthography, speech act, addresser.

На современном этапе развития лингвистики с ее антропоцентрическим уклоном особую значимость приобретает изучение механизмов вариативного потенциала языка в различных сферах и ситуациях общения и знание способов использования языковых средств для ведения эффективной коммуникации. Эти средства способны выходить за пределы нормы и узуса, отражая тем самым неограниченные возможности языкового варьирования. Ненормативные явления обнаруживают высокую степень употребления, многократно тиражируются, поднимая эффект воздействия конкретных рекламных текстов.

Отдельные аспекты отклонений исследовались учеными-лингвистами на материале русского [Пирогова, 2008], английского [Амири, 2007], немецкого языков [Баранов, 2011]. В данной статье описывается система неузуальных явлений в немецкоязычной рекламной коммуникации и роль каждого типа отклонений, используемых для воздействия на потенциального получателя и мотивации его к совершению покупок или иных действий в соответствии с интенцией отправителя рекламной информации.

Материалом исследования послужили немецкоязычные рекламные тексты в период с 2001–2013 гг., размещенные в немецких, австрийских и швейцарских газетах и журналах, а также тексты плакатов, упаковок, наружной немецкоязычной рекламы, рекламы в интернете. Совокупная выборка составила более чем 3000 текстов.

1. В убеждающей коммуникации, к которой относится и рекламная коммуникация, стало повседневной практикой нарушение нормы и узуса. Авторы рекламных текстов активно проводят эксперименты над языком, затрагивая все его уровни. Рекламная сфера общения порождает и способствует активному внедрению в язык новых слов, оборотов и конструкций. Самое многочисленное количество отклонений зафиксировано в лексической сфере. В частности, речь идет о: 1) нарушении узуальности в словообразовании; 2) использовании иностранной лексики – главным образом, англицизмов – вместо немецких слов при сохранении оригинального написания; 3) использование многозначности и омонимии в «искусственных» контекстах; 4) модификации фразеологизмов; 5) нарушении правил сочетаемости слов; 6) замене вербальных компонентов невербальными, т.е. частичной креолизации текста.

С целью создания иллюзии уникальности и неповторимости продукта создатели рекламных текстов прибегают к созданию новых окказиональных лексем. Данный вид отклонения является самым многочисленным. При этом внутри *словосложения* представляется возможным выделить следующие подвиды:

1) *сложение* немецкоязычных основ друг с другом (как внутри имен существительных, так и внутри имен прилагательных). При этом часто эксплуатируется прием смысловой несочетаемости: *winterreif* ‘дозревший до зимы’ (Frankfurter Allgemeine), *zinshungrig* ‘изголодавшийся по высоким процентам’ (Reader’s Digest) с целью вовлечения адресата в разгадывание смысла послания, так как только то, что проработано нами самостоятельно, остается в долгосрочной памяти. Значение подобных окказиональных новообразований иногда представляется возможным вывести из значения составных частей *Stromfresser* ‘пожиратель электричества’ (Der Spiegel), иногда понятно только из контекста *Speißen* ‘выгода-блюда’ (рекламное объявление кафе «Бляйбтрой», г. Берлин);

2) *сложение* немецкоязычных и англоязычных основ: *Home-Cinema-Vergnügen* ‘удовольствие от домашнего кинотеатра’ (Der Spiegel);

3) использование при *сложении знаков других семиотических систем*: *Giro4free* ‘Безналичный свободный’ (Der Spiegel);

4) *сложение* иноязычных основ: *Brainware* ‘мозговое обеспечение’ (Neue Zürcher Zeitung).

Следует отметить, что и немецкие слова, и англицизмы актуализируют в непривычной сочетаемости значения, которые вызывают у адресата дополнительные ассоциации, повышающие экспрессивность и суггестивность информации.

В целях ускорения передачи информации интенсивно используется контаминация, которая демонстрирует следующие модели:

1) *контаминация* немецкоязычных основ: *Fleuropa* ‘Цветропа’ (Brigitte);

2) *контаминация* немецкоязычных и англоязычных основ: *Energiebig-Gutschein* ‘купон на экономно-достаточную энергию’ (наружная реклама поставщика электричества «ЭнерБест» г. Билефельд, Германия).

Для акцентирования внимания на универсальности рекламируемого объекта исконная немецкая лексика зачастую, особенно в продуктах транснациональных корпораций, заменяется англоязычной, несмотря на то, что в «арсенале» немецкого языка достаточно собственных лексических средств. Среди «интервентов» представляется возможным выделить:

1) отдельные слова без изменения значения: *der smart **forfour** kommt* ‘смарт на **четверых** (forfour) уже в пути’ (Der Spiegel);

2) отдельные слова с изменением значения: *der Oldtimer* ‘ретро-автомобиль’ (Welt am Sonntag);

3) словосочетания: *Tanken Sie neue Kraft und Vitalität während der Wellness-Woche in Bad Füssig, powered by Kurhotel Astoria* ‘Наберитесь жизненных сил и бодрости в течение недели здоровья в Бад Фюссиге, **организованной** отелем-санаторием Астория’ (Süddeutsche Zeitung), *Mehr sehen, mehr finden, mehr wissen – Research made by West LB hat besondere Qualitäten: intelligent im Ansatz, individuell in der Analyse, intensiv im Einsatz* ‘Больше видеть, больше находить, больше знать – **исследование, проведенное компанией «Вест ЛБ»** – исследование особого качества: разумное по подходу, индивидуальное по анализу, интенсивное по применению’ (Der Spiegel);

4) предложения: *open your mind* ‘открой свой разум’ (Der Spiegel), *feel the difference* ‘почувствуй разницу’ (Focus).

Полисеманты и омонимы, будучи помещены в нетипичные контексты, актуализируют одновременно несколько значений с опорой на иллюстрации. При этом благодаря иллюстрациям первым зачастую актуализируется то значение полисемантической лексической единицы, которое в данном контексте не является корректным. И только в процессе рефлексии адресат реконструирует интенцию адресанта: *Schaltjahr für Ihr Geld* ‘Високосный / переломный год для Ваших денег’ (Die Zeit), *Wir lieben Fliegen* ‘Мы любим мух / летать’ (Frankfurter Allgemeine).

Часто наблюдаются трансформации устойчивых выражений: *Über Geschmack lässt sich natürlich streiten – über Qualität nicht*. ‘О вкусах, естественно, стоит спорить, а о качестве – нет’ (Der Spiegel).

Все активнее распространяется явление частичной креолизации текста, при которой происходит замена вербальных компонентов (отдельных слов) невербальными: *Ein + verbindet* ‘+ соединяет’ (Der Spiegel).

2. Установлено, что в рекламном текстопостроении, подчиняясь интенциям сферы, «дестабилизируется» также самый стабильный языковой уровень – уровень *грамматики*. Отклонения зафиксированы как в морфологии, так и синтаксисе. Следует, однако, отметить, что грамматический уровень допускает наименьшее количество колебаний по сравнению с другими языковыми уровнями.

В области *морфологии* зарегистрированы следующие отступления:

1) нетипичное опущение артикля: *mit kompaktem Motor* ‘с компактным мотором’, *extrem niedrigem Leistungsgewicht* ‘чрезвычайно низким удельным весом’ (Der Spiegel), *Brauchst du guten Italiener?* ‘Тебе нужен хороший итальянец?’ (Der Spiegel);

2) отклонения в образовании повелительного наклонения: *Guckst du hier!* ‘Глянь-ка здесь!’ (Der Spiegel);

3) отсутствие окончаний у существительных, в частности, окончания – s у существительных мужского рода единственного числа родительного падежа: *beim Neuwagenkauf eines Sprinter* ‘при покупке нового автомобиля Спринтер’ (Neue Zürcher Zeitung);

4) использование именительного падежа вместо косвенных: *Und auf 40 Fachmessen, davon 22 internationale Leitmessen mit 1,8 Mio hochkarätigen Besuchern auch die erfolgversprechendste* ‘На 40 международных специализированных выставках, из них 22 ведущие международные выставки, с 1,8 миллионами высококлассных посетителей также самая перспективная’ (Der Spiegel).

Наиболее отчетливо выраженным фактом в грамматических категориях имени существительного выступает *опущение артикля*. Это может свидетельствовать об определенной тенденции в сторону размывания категории падежа. Случаи опущения артикля составляют половину морфологических нарушений.

Для *синтаксиса* рекламных текстов характерно:

1) нарушение порядка слов в сложноподчиненных предложениях: *Es gibt Dinge, von denen kann man nicht genug bekommen – Auszeichnungen zum Beispiel* ‘Есть вещи, которых никогда не бывает слишком много – награды, например’ (Handelsblatt, Derivate);

2) отсутствие подлежащего: *Scheint, als könnten wir gar nicht geradeaus denken* ‘Похоже, что мы не умеем думать стандартно’ (brand eins);

3) отсутствие согласования между подлежащим и сказуемым: *Beim Kurshalten hilft Impulse* ‘При следовании курсу поможет (журнал) импульсы’ (Der Spiegel).

При этом нарушение порядка слов в сложноподчиненных предложениях и отсутствие подлежащего встречаются с одинаковой частотностью, что свидетельствует о влиянии разговорных шаблонов на построение рекламных сообщений с целью упрощения подачи информации

3. В качестве нового результата установлено, что для привлечения внимания адресата наибольшим разнообразием обладают случаи нарушения **орфографических норм**. В рамках отклонений от норм правописания немецкого языка имеют место:

1) модификации написания сложных слов:

1.1 написание каждого элемента с большой буквы: *der SofortKredit* ‘Мгновенный Кредит’ (Der Spiegel);

1.2 «гибридное» написание существительных (использование дефисного написания и написания каждого компонента сложного слова с большой буквы): *Deka-FondsSparplan* ‘сберегательный план инвестиционного фонда «Декабанк»’ (Focus);

1.3 написание первого компонента с малой буквы, а второго – с большой: *der bratSensor* ‘датчик процесса жарки’ (Der Spiegel);

2) преднамеренные орфографические ошибки, ономотопеическое написание текстов *Lieper herr Volkswagen* ‘Дарагой гаспадин Фольксваген’ (Der Spiegel);

3) креолизация текстов *November der W!S\$€nschaf(f)t 2008* ‘ноябрь знаний 2008’ (Наружная реклама, г. Ганновер, Германия, ноябрь 2008);

4) слитное написание слов:

4. 1 слов внутри словосочетания и предложения: *FÜHLENSIESICH WIENEUGEBOREN* ‘ЧУВСТВУЙТЕ СЕБЯ КАК ВНОВЬ РОДИВШИЙСЯ’ (Die Zeitreisen);

4. 2 артикля и существительного: *der Club* ‘клуб’ (Die Presse);

5) написание имен существительных с малой буквы: *Wir suchen die köpfe, die deutschland inspirieren...* ‘Мы ищем **умы**, которые вдохновят **германию** ...’ (Der Spiegel).

Выявлено, что все виды отклонений, однако, обладают различными *количественными, структурными* и *прагматическими* характеристиками, что свидетельствует об их разном воздействующем потенциале. Лексические аномалии служат созданию новых ассоциаций, грамматические – упрощению передачи информации, орфографические – привлечению внимания. Нарушения на определенном уровне могут функционировать как самостоятельно, так и в комплексе с отклонениями от норм в других языковых сферах, усиливая эффект воздействия всего рекламного текста – как его формы, так и его содержания.

4. Нарушение языковых норм на разных уровнях можно считать отличительной чертой рекламного стиля и в русском языке. Представляется возможным выделить общие и отличительные черты отклонений в обоих языках.

Наибольшее количество отклонений в немецком языке зафиксировано на *лексико-семантическом*, потом *орфографическом* уровнях, в то время как в русском языке с отрывом лидирует *орфографический*, за ним следует *лексико-семантический*. Наименьшее число нарушений нормы в обоих языках установлено на *грамматическом* уровне (морфология и синтаксис), так как грамматика представляет собой наименее подвижный, конституирующий пласт языка.

На *лексико-семантическом* уровне в рекламных текстах на обоих языках самым частотным отклонением является *образование новых слов*, что связано с необходимостью привлечения внимания в рекламируемым товарам и услугам за счет необычности презентации. Активно идут процессы *нестандартного использования англицизмов и других иноязычных слов (русскоязычная реклама)* вместо имеющихся родных эквивалентов. Это объясняется, как думается, экспансией английского языка во все сферы употребления многих языков. В русскоязычной рекламе также очень активна тенденция к *использованию многозначной языковой единицы в нетипичном контексте*.

На *словообразовательном* уровне в немецкоязычных текстах самым продуктивным способом образования новых слов остается *сложение основ*, что является отличительной чертой немецкого словообразования вообще. На материале русского языка более частотной оказалась *контаминация* как *русскоязычных основ*, так и *русскоязычных и иноязычных*. Она служит привлечению внимания, компримированию содержания, а также порождению новых дополнительных ассоциаций.

На *морфологическом* уровне в немецкоязычных рекламных текстах были зафиксированы немногочисленные отклонения, в то время как в русскоязычных текстах было представлено только использование именительного падежа вместо косвенного, что связано с особенностями морфологического строя русского языка.

На *синтаксическом* уровне отклонения носят различный характер. В немецкоязычных рекламных текстах нарушения связаны с нарушением фиксированного порядка слов и структуры предложения (в частности – отсутствием подлежащего). В русскоязычных рекламных текстах это явление изолировано. Однако, как уже отмечалось выше, грамматика демонстрирует наименьшее количество отклонений по сравнению с другими языковыми уровнями.

На *орфографическом* уровне в немецкоязычных рекламных текстах наиболее частотны *модификации написания сложных слов*, что способствует выделению каждого компонента в

составе композита. В русскоязычных очень популярны процессы *креолизации* – замены отдельных букв, а также их частей знаками других семиотических систем. Однако *модификации написания слов* также проявили себя как очень активная тенденция.

5. Рекламная информация «транслируется» в постоянном общественном дискурсе через речевые акты, как и любая другая общественно значимая информация. Это означает, что осуществление рекламно-языковой деятельности происходит в пространстве общения его инициатора, отправителя информации и получателя, каждый из которых может являться индивидуальным и коллективным партнером. Главный прагматический повод общения диктуется прямым стремлением отправителя-адресанта довести через содержание и оформление рекламного текста свою интенцию до получателя-адресата. Тем самым интенция инкорпорируется в содержание рекламного текста, который служит отражением речевого акта, сопровождаемого множеством оттенков экспрессивности с целью максимально повлиять на адресата. Речь идет, естественно, о косвенных речевых актах с разнообразной спецификой, которая формировалась по ходу времени под воздействием как экстралингвистических, так и лингвистических факторов в этой сфере коммуникации. Общими признаками рекламно-речевых актов, косвенных по характеру их реализации, признаются, согласно специальным исследованиям, абсолютная *тематическая привязка* к доминантной теме (гипертеме) и конститутивные трансформанты темы – *ситуативная обусловленность или опора на коммуникативную ситуацию*; *динамичность* (возможность видоизменять гипертему); *социальная ориентация*; *неоднородная структурированность* и *жанровая форма* проявления [Горлатов, 2002, с. 23–24].

В ходе исследования опора делается на утверждение, что для рекламного дискурса характерны два преобладающих коммуникативно-речевых типа: гиперакт *сообщения* и гиперакт *побуждения* [Горлатов, 2002, с. 22]. Оба гиперакта выступают как совокупности вариантных реализаций более конкретных типов речевых актов.

Совокупность речевых актов в рамках гиперакта *сообщения* информирует адресата о товаре или услуге, подчеркивая их отличительные особенности и указывая на преимущество перед другими похожими товарами или услугами. Однако, важно иметь в виду, что большинство сообщений в этих актах не носит исключительно информативный характер. Для того, чтобы рекламное сообщение могло *манипулировать* поведением адресата, в нем должно присутствовать побуждение к желательному для отправителя рекламы действию. Семантика *побуждения* имеет прямое эксплицитное выражение в виде глагольных форм императива, в

целом, императивных предложений. Вместе с тем она реализуется также имплицитно, главным образом через конструкции модальности.

Что касается самих совокупностей отдельных речевых актов, то оба гиперакта – сообщение и побуждение – отмечены определенной спецификой. Так, внутри гиперакта сообщения выделяются *прямое одобрение, отвержение, интенсификация, генерализация, комментирование, ограничение, уведомление*. Для гиперакта побуждения признаются *прямое побуждение* (императив), *мягкое побуждение*, реализующееся как *совет, упрек, предостережение* [Горлатов, 2002, с. 24–43].

Исследуемая зависимость между типом рекламно-речевого акта и нарушениями нормы опирается на теорию о репрезентации адресантом различных масок. Идея «маскировки» отправителя информации предложена в исследовании Е.С. Поповой со следующей дифференциацией: *маска-информатор, маска-комментатор, маска-собеседник, маска-советчик, маска-эмоциональный лидер, маска-наставник, маска-трибун* [Попова, 2002, с. 276–288]. На основании данного подхода в работе анализируются три маски: *информатора, комментатора, советчика*.

При этом маски *информатора* и *комментатора* интерпретируются как типичные для гиперакта сообщения, маска *советчика* осмысливается как типичная для гиперакта побуждения. Критерием для выделения коммуникативных масок послужил способ подачи информации. Простое информирование, введение в курс дела о наличии товара или услуги позволило выделить коммуникативную маску информатора: *Die Presse @uktion 05. Start: 8. Oktober 2005. '@укцион* газеты «Ди Прессе» 05. Старт: 8 октября 2005 г.’, передача информации с комментарием, личной оценкой, однако без прямого призыва к совершению действий обусловили выделение коммуникативной маски комментатора: *günstlich* ‘выгодно для меня’. Наличие прямого призыва к действию, а в языковом выражении – предложений в императивной форме дали основания для выделения коммуникативной маски советчика *Kontrolliere immer, dass die Schuhe Made in Italy* sind ‘Всегда следи за тем, чтобы обувь была **произведена в Италии**’.

По зафиксированным в корпусе материала данным (42% случаев реализуют отправителя-комментатора, 34% – отправителя-информатора и 24% – отправителя-советчика) обобщенные результаты практического анализа можно представить как следующие выводы:

1) Гиперакт сообщения с двумя типами адресанта – информатор и комментатор – является более распространенным в силу того, что интенция побуждения в нем реализуется завуалировано, а тайное всегда более интригует, чем явное;

2) Более частотной позицией является комментатор, и эффект ее воздействия достигается как за счет использования аномалии, так и за счет эмоциональной подачи рекламного объекта;

3) Позиция информатора отмечена нарушениями нормы в качестве основного фактора привлечения внимания;

4) Позиция советчика в гиперакте побуждения уступает по значимости двум другим позициям, поскольку совет регулярно заменяется прямым призывом к приобретению товара.

Под углом зрения гиперактов и масок удалось выявить, что нарушения нормы и узуса происходят по-разному.

Установлено, что *лексико-семантические* нарушения составляют подавляющее большинство отклонений как у адресанта-комментатора, так и у адресанта-информатора, чему способствует подвижность данного пласта языка и способность к разнообразным модификациям. Информатор активно прибегает и к разнообразным отклонениям в сфере орфографии.

Внутри гиперакта побуждения (адресант-советчик) лексико-семантические нарушения также являются самыми многочисленными нарушениями языковых норм.

При нарушении лексико-семантических норм лидирует адресант-советчик. В то же время правила орфографии чаще всего нарушаются отправителем-информатором. Наибольшее количество отклонений в грамматике допускается отправителем-комментатором.

Проведенный в рамках исследования анализ позволил выделить наиболее подвижные элементы языковой системы, вариативное использование которых и способно давать существенный прагматический эффект.

Список литературы

- Амири Л.П.* Языковая игра в российской и американской рекламе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 ; 10.02.19 / Л.П. Амири; Южный фед. ун-т. Ростов н/Д., 2007. 26 с.
- Баранов К.С.* Языковая игра в немецкоязычных рекламных текстах: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / К.С. Баранов; Московский гос. лингв. ун-т.М., 2011. 24 с.
- Горлатов А.М.* Функциональный стиль рекламы в современном немецком языке : монография / А.М. Горлатов. Минск : Минск. гос. лингв. ун-т, 2002. 257 с.
- Пирогова Ю.К.* Игровые техники в рекламных текстах [Электронный ресурс] / Ю.К. Пирогова. – 2008. – Режим доступа: http://www.dv-reclama.ru/?_id=4143.
- Попова, Е.С.* Структура манипулятивного воздействия в рекламном тексте / Е.С. Попова // Известия Уральск. гос. ун-та; гл. ред. В.Е. Третьяков. Свердловск: УрГУ, 2002. № 24. Вып. 5. С. 276–288.

Передриенко Т.Ю.
Южно-Уральский государственный университет
г. Челябинск (Россия)

Peredrienko Tatiana
South Ural State University
Chelyabinsk (Russia)

КАТЕГОРИЯ ОЦЕНКИ В ЗАГОЛОВКАХ МЕДИАТЕКСТОВ: СПЕЦИФИКА ПЕРЕДАЧИ

THE SPECIFIC CHARACTER OF EXPRESSING EVALUATION IN THE HEADLINES OF MEDIA TEXTS

В статье анализируются средства выражения категории оценки в русском и английском языках, а также предпринимается попытка сформулировать подходы к переводу оценочных высказываний. Это обусловлено тем, что оценка, несмотря на то, что ее исследованию посвящено много работ, все еще является одной из наиболее дискуссионных проблем современной лингвистики. В процессе познания и в процессе общения человек воспринимает окружающую действительность и формирует свое отношение к ней, он оценивает окружающие его предметы, явления, события и выражает свое отношение к ним в языке. Изучение языковой репрезентации категории оценки позволяет понять когнитивные механизмы оценочной интерпретации. Оценочная интерпретация ориентирована на систему ценностей, которая для представителей разных лингвокультур не идентична. Для лучшего взаимодействия людей, для более полного понимания языка и культуры других стран необходимо более полное изучение этой системы. Интересным материалом для исследования категории оценки являются медиатексты, так как они фиксируют, оценивают и описывают самые актуальные события в жизни общества. Они становятся обязательной частью жизни человека. Будучи ориентированными на разную аудиторию, они позволяют раскрыть систему ценностей носителей разных лингвокультур наиболее полно.

The article is devoted to the analysis of the language means of expressing the category of evaluation in the Russian and English languages. The effort has also been made to formulate the principles of translating evaluation utterances. This study seems to be timely due to the fact that the category of evaluation in present day linguistics is still open to question in spite of the numerous research works on this problem. A human being apprehends the surrounding reality and develops his attitude towards it in the process of cognition and in the process of communication. He evaluates the objects surrounding him, the phenomena, the events and expresses his attitude to them through the language. The study of language representation of the category of evaluation permits to understand the cognitive mechanism of evaluation interpretation. The evaluation interpretation is based on the system of values which is different in different linguocultures.

Ключевые слова: категория оценки, медиатекст, заголовок, перевод, лингвокультура.

Key words: category of evaluation, media text, headline, translation, linguoculture.

Познавая окружающий мир, человек неизбежно формирует отношение к нему. Он оценивает окружающие его предметы, явления, события, и это позволяет человеку

упорядочить полученные знания о себе и мире, в котором он существует. Упорядоченные знания находят выражение в языке.

Н.Н. Болдырев отмечает, что в абсолютном смысле вещи не делятся на хорошие и плохие, они выделяются как таковые только в сознании человека, с точки зрения человека и только с помощью и на основе языка [Болдырев, 2010, с. 37]. В последние годы растет интерес ученых–лингвистов к категории оценки и ее языковой репрезентации. Е.М. Вольф, Н.Д. Арутюнова, В.И. Карасик, В.Н. Телия, Н.Н. Болдырев и другие ученые посвящали и посвящают свои работы изучению данной категории. Это объясняется интересом к многогранности оценки и желанием понять и объяснить сложный процесс ее формирования и выражения в языке.

С одной стороны, оценка тесно связана с когнитивной деятельностью человека, а с другой стороны, с его практической деятельностью. Оценка является универсальной языковой категорией, поскольку вряд ли существует общество и язык, в котором бы человек не оценивал окружающую его действительность и данные представления не отражались бы в языке. Именно поэтому нам видится интересным рассмотреть специфику передачи категории оценки в русском и английском языках, а также попытаться сформулировать подходы к переводу оценочных высказываний.

Оценка имплицитно или эксплицитно присутствует в текстах любых стилей. Но в большей степени, мы полагаем, оценочность характерна для публицистического стиля. В публицистическом стиле «оценка возводится в принцип создания текста», поскольку необходима не только номинация явлений, фактов, событий, но и их социальная оценка [Кожина, 2003, с. 313]. Публицистический стиль служит для воздействия на людей через СМИ (газеты, журналы, телевидение, радио, интернет и т.д.). Современная языковая личность, как отмечает Л.Г. Антонова, живет в пространстве медиатекстов, представленных контекстом массовой информации» [Антонова, 2012, с. 275].

Медиатексты, фиксирующие происходящие события, в настоящее время являются одним из самых доступных источников информации. Они становятся обязательной частью профессиональной и личной жизни человека. И именно массовость медиатекстов, свойственная им при создании и при потреблении, делает их интересным материалом для исследования категории оценки.

Под медиатекстом мы, вслед за А.В. Федоровым, понимаем сообщение, изложенное в любом виде и жанре медиа [Федоров, 2014, с. 29]. Основной коммуникативной задачей

медиатекста является передача информации реципиенту с определенной оценочной позиции. Одной из самых важных частей медиатекста является заголовок. Он лаконично передает основную идею текста. Как правило, он легко воспринимается и достаточно выразителен, чтобы привлечь внимание читателя. Заголовок соотносится с темой текста, и одной из его функций является вербализация оценки, предшествующей восприятию текста. В электронных версиях изданий значимость заголовка и его оценочности еще больше возрастает, так как читатели часто не видят полный текст статьи, пока не откроют её. А решение о прочтении принимают, глядя на заголовок. Н.В. Сабурова называет заголовок лучшей иллюстрацией оценочной составляющей текста [Сабурова, 2013, с. 181].

Для анализа вербализации категории оценки мы изучили заголовки российских и американских медиатекстов, связанных с тематикой образования (education). Тематическая выборка текстов была сделана по электронным версиям печатных изданий России и Америки и крупным новостным сайтам. Для анализа были взяты материалы из РБК Daily, РИА Новости, РосБизнесКонсалтинг, Вести, Газета.ru, Комсомольская правда, Lenta.ru, NewsRu.com, Известия, АиФ, The New York Times, Washington Post, San Francisco Chronicle, Los Angeles Times, CBS, NBC News, CNN, Fox News и др.

Рассмотрим структуру оценки. Согласно общепризнанной теории, предложенной Е.М. Вольф, в структуре выделяют субъект оценки, объект оценки и «оценочное отношение» [Вольф, 1985, с. 12]. Объектом оценки в медиатексте может стать любой человек, группа лиц, предмет или событие, к которому относится оценка. Субъектом оценки является лицо, дающее оценку одному человеку, группе лиц, предмету или событию. Давая оценку, субъект (автор) выражает отрицательное или положительное отношение к объекту оценки. Необходимо отметить, что медиатекст чаще выражает не только мнение (оценку) автора, но и редакции печатного издания или новостного сайта, или организации, заказавшей текст. Поэтому оценка в медиатексте выражает скорее не индивидуальную, а общественную точку зрения.

Анализ выбранных медиатекстов показал, что для выражения оценки в заголовке медиатекста могут использоваться различные языковые средства, большей частью лексические. Доминирующее положение среди оценочной лексики в обоих языках занимают прилагательные и наречия. Это происходит потому, что функцией данных частей речи является обозначение признака предмета или действия соответственно, а указывая признак предмета или действия, легче всего дать оценку.

В обоих языках существует довольно четкое разграничение положительно- и отрицательнооценочной лексики. В российских медиатекстах положительнооценочная лексика в наших примерах была представлена следующими прилагательными и наречиями: *избранный, высокий, счастливый, богатый, улучшенный, совершенный, непревзойденный, лучшие, оригинально и др.* В американских медиатекстах нами были выделены следующие положительнооценочные лексические единицы: *enriched; reformed; refined, better, happily, modernized, free и др.*

Отрицательнооценочная лексика в российских и американских медиатекстах представлена следующими лексическими единицами: *смертоносный, сложный, скудный, принудительный, boring, short-cut, redundant, collapsed, trifling, poor, unnecessary, peddling и др.*

Глаголы, вербализующие категорию оценки в заголовках российских и американских медиатекстов, также как и прилагательные, и наречия достаточно четко делятся на положительнооценочные: *завлекать, спасать, помогать, like, ease, rescue* и отрицательнооценочные: *убивать, не значиться, не хватать, заманивать, squeeze, poison, hate, forced to close.*

Нередко для усиления выражения категории оценки, как положительной, так и отрицательной в обоих языках используются наречия и частицы: *Российские учителя невероятно преданы своей работе (РИА новости 27.02.15); Computer troubles (yet again) create havoc on testing day in Florida (Wash.post 20.04.15).* Частицы также могут самостоятельно передавать оценку: *Лишь 2% написали «Тотальный диктант» на «отлично» (АиФ 22.04.15); Sen. Jon Tester says **no** to annual standardized testing (Wash.post 21.04.15).* Добавление частицы, предлога или наречия может сменить оценку на противоположную: *Владимир Познер: «Интернетовский язык - язык людей не очень грамотных» (КП 20.04.15); Мониторинг без эффективности (Газета.ru 4.06.14); Schools Are Not Cool (NY Times 01.06.13).*

Отличительной чертой заголовков американских медиатекстов является частое выражение оценки именем существительным, что мы объясняем большей номинативностью английского языка: *A Home-Schooling Pioneer Pioneer Looks to the Future (NY Times 19.01.13); 11-year-old **genius** enrolled in college (Msnbc 28.02.15); Security Education (CBS News 15.04.07).* Заголовки российских медиатекстов, в которых оценка выражена существительным, нам

встретились в незначительном количестве: *Гении сыска* (АиФ 20.04.15); *Вузы ожидает удар* (Газета.ru 10.07.14).

В ряде заголовков, как американских, так и российских медиатекстов наблюдается взаимодействие нескольких лексических средств, вербализующих категорию оценки, например прилагательное + существительное, глагол + существительное, отрицательное местоимение + глагол в отрицательной форме: *Maximum Security Education* (CBS News 15.04.07); *The real keys to success for college grads* (CBS News 23.04.15); *Зло ради знания: как Леонардо да Винчи разрабатывал смертоносное оружие* (АиФ 15.04.15); *The school where teachers are armed with guns* (CNN 13.04.15); *«Никому на Западе мы не нужны»*. (АиФ 29.03.15).

Категория оценки может быть выражена в заголовке при помощи игры слов. Н.В. Сабурова отмечает, «что заголовочная отсылка, облеченная в игровую форму», способствует эффективному донесению оценки, а также закреплению ее и пробуждению в читателе чувства интеллектуального удовлетворения от успешной расшифровки игры слов [Сабурова, 2013, с. 182]. При игре слов могут обыгрываться многозначность лексической единицы, фразеологические единицы, паремии и афоризмы.

В заголовке: *Принудительное «Просвещение»* (Газета.ru 30.04.14) использована многозначная лексическая единица. «Просвещение» обозначает название издательства и процесс «распространения знаний, образования» [ОТСРЯ]. Использование отрицательнооценочного прилагательного «принудительное» в игровой форме показывает, что процесс распространения знаний только при помощи пособий, изданных данным издательством, вряд ли будет приятным и полезным, так как будет проходить «не по доброй воле, насильно, по принуждению» [ОТСРЯ]. Фразеологизм «подводные камни» обозначает «опасность; препятствия». Использование данного фразеологизма в заголовке: *Подводные камни приемной кампании будущего года* (КП 7.11.14) делает его отрицательнооценочным.

Нередко игра слов приводит к тому, что после ее расшифровки оценочность заголовка может измениться. В заголовке, содержащем намек на паремию с отрицательной оценкой: *Гляжу в книгу - вижу... смайлик* (КП 11.02.15), реципиент вместо лексической единицы «фига» видит лексическую единицу «смайлик» и данный заголовок уже воспринимается им не как отрицательнооценочный. Лексическая единица «смайлик» актуализирует намек на электронные учебные пособия, которые сделают обучения более современным и приятным, а значит, не будут вызывать отрицательное отношение. Репрезентация паремии в заголовке: *Is*

Experience The Best Teacher? (NY Times 9.01.13) в форме вопроса также меняет оценочность заголовка. Форма вопроса ставит под сомнение реальность утверждения, что «опыт – лучший учитель».

Еще одним способом вербализации категории оценки в российских и американских медиатекстах является коннотативное использование в заголовке прецедентного имени: *Orwell in the Classroom (NewAmerican 12.02.15)*; *Русский Спилберг (АиФ 19.04.15)*. Владельцы данных имен, их действия уже имеют свою оценку, и теперь они вносят эту оценку в тот заголовок, в котором они коннотативно используются.

Например, имя английского писателя Дж. Оруэлла (G. Orwell) ассоциируется с романом «1984» и тоталитарным режимом, который он в нем описал. Использование этого прецедентного имени в заголовке медиатекста о Мичиганском университете, усилившем политическую корректность на территории кампуса, формирует ассоциации с романом «1984» и актуализирует отрицательную оценку данного события. Стивен Спилберг – наиболее успешный американский режиссер и сценарист, многократный лауреат премий «Оскар» и «Золотой глобус». Использование его имени в заголовке медиатекста несомненно приводит к актуализации положительной оценки того человека, которого с ним сравнили.

Заголовки российских и американских медиатекстов, построенные как цитаты, тоже вербализуют оценку: *Владимир Познер: «Интернетовский язык - язык людей не очень грамотных» (КП 20.04.15)*; *Sen. Jon Tester says no to annual standardized testing (Wash.post 21.04.15)*. В подобных заголовках оценочность определяет личность, от лица которой дана цитата. Если это уважаемый в обществе человек, то и заголовок будет положительнооценочным и наоборот.

Разграничение лексики на положительно- и отрицательноокрашенную далеко не всегда однозначно. Как точно отмечает Е.М Вольф, шкала оценок представляет собой сложную структуру. С одной стороны, она учитывает отношение субъекта к объекту оценки, а с другой – свойства самого объекта, к которому относится оценка [Вольф, 1985, с. 48].

Рассмотрим несколько примеров. Заголовок *Южноуральские вузы затянут пояса, чтобы не поднимать стоимость обучения (КП 29.01.15)* будет отрицательнооценочным для преподавателей и руководства вузов, так как придется «затянуть пояса», но положительнооценочным для абитуриентов и их родителей, так как стоимость обучения не будет поднята. Заголовок *Крым для всех - «Артек» для избранных (КП 17.04.15)* будет расцениваться как положительнооценочный «избранными», которые попадут в «Артек» и

будет отрицательно оценен теми, кому это не удастся. Заголовок *Teacher fired for racist tweets* (*CNN 15.11.14*) будет положительнооценочным для борцов с расизмом и отрицательнооценочным для учителя и его близких.

Интересно рассмотреть встречаемость в рамках одного заголовка лексических единиц с противоположной оценочностью: *Утечка с возвратом* (Газета.ru 24.06.14); *University pres: Zero tolerance for racism* (*Msnbc 9.03.15*). Лексическая единица «утечка» обозначает «потерю» и является отрицательнооценочной, однако если эта «потеря» не постоянна и возможен «возврат», оценочность заголовка меняется на противоположную. В заголовке американского медиатекста также присутствуют лексические единицы с противоположной оценочностью: *tolerance* и *racism*. Добавление к лексической единице «tolerance» [терпимость, толерантность] определения «zero» [нулевая] сразу же меняет оценочность заголовка на противоположную.

Итак, мы видим, что способы выражения оценки в российских и американских заголовках медиатекстов чрезвычайно разнообразны и в тоже время схожи. Однако, при передаче заголовков, вербализующих оценку, с одного языка на другой может возникнуть ряд трудностей. Первым, и наиболее важным фактором, который может привести к искажению оценочных смыслов, мы вслед за А.А. Водяницкой считаем субъективный фактор [Водяницкая, 2012, с. 29]. На начальном этапе переводчик выступает в роли реципиента оценки, далее он соотносит ее с контекстом медиатекста, интерпретирует и ищет языковые средства для передачи смысла и оценки на другой язык. Ошибка на одном из этих этапов может привести к искажению оценочного смысла: к замене положительной оценки на отрицательную или наоборот. Поэтому особенно хотелось бы подчеркнуть важность для корректности перевода соотношения оценочного заголовка с контекстом медиатекста.

Задачей переводчика является адекватная передача особенностей заголовка, а это значит, что нужно попытаться максимально сохранить содержание, вербализуемую оценку и форму презентации. К заголовкам, в которых встречаются фразеологизмы, игра слов, реалии, прецедентные имена выражающие оценку, нужен особый подход. При переводе нужно правильно распознать эти явления, четко вычленив их оценочность, далее подобрать соответствие, либо выполнить перевод, используя прием компенсации, сохраняя вербализуемую ими оценку.

Еще одну трудность может составить перевод заголовков, презентующих цитату. Как мы уже упоминали выше, оценочность в них определяет личность, от лица которой дана

цитата. Однако роль личностей в истории для носителей разных лингвокультур может не совпадать, что при переводе приведет к смене оценочности заголовка.

Анализ примеров показал, что в обоих языках отмечается большое разнообразие способов выражения категории оценки. Оценочность медиатекста проявляется через его способность апеллировать к системе ценностей носителей разных лингвокультур. Готовых рецептов и универсальных приемов перевода оценочных заголовков медиатекстов не существует. Но тщательный анализ языковых средств, культурных особенностей, контекста позволит переводчику не допустить ошибку, избежать субъективности и максимально сохранить оценочность сообщения.

Список литературы

Антонова Л.Г. Медиатексты в современной массовой коммуникации // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – № 2. Том I (Гуманитарные науки) / Л.Г. Антонова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ. С. 275 – 278.

Болдырев Н.Н. В поисках оценочного смысла // В поисках смысла: сборник научных трудов, посвященный памяти А.А. Худякова / Н.Н. Болдырев. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2010. С. 37 – 54.

Водяницкая А.А. Роль субъективного фактора при переводе оценочных значений с английского языка на русский // Проблемы языка: сборник научных статей по материалам Первой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых / А.А. Водяницкая. – М.: Институт, 2012. С. 29-39.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – М.: Наука, 1985. 228с.

Сабурова Н.В. Роль заголовка в реализации функциональных особенностей публицистического стиля (на примере анализа англоязычной статьи) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. № 6 (24): в 2-х ч. Ч. I. / Н.В. Сабурова. - Тамбов: Грамота. С. 181 – 185.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. - М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.

Федоров А.В. Словарь терминов по медиаобразованию, медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности / А.В. Федоров. – М.: МОО «Информация для всех», 2014. 64 с.

Общий Толковый Словарь Русского Языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://tolkslovar.ru/p22910.html>

Родина Е. Л.
ТГПУ им. Л.Н. Толстого
г. Тула (Россия)

Rodina Elena
Tula State L.N. Tolstoy Pedagogical University
Tula (Russia)

ПЕСЕННЫЙ ТЕКСТ В ИНОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ

SONG LYRICS IN A FOREIGN LECTURE HALL

Статья посвящена описанию песенного текста и способам работы над ним в иностранной аудитории. В работе раскрывается принцип подачи песенного материала, различные виды заданий к песням. Особое внимание уделяется некоторым нетрадиционным способам работы с песней: игре на ударных музыкальных инструментах, моторике, органике студентов. Здесь также рассказывается о методах изучения русской песни, близкой и доступной широкой иностранной аудитории и песне сложной для восприятия инофона.

This article focuses on ways of working, main and additional, with the song lyrics on the linguo musical classes. The paper describes the principle of the introducing of the song material, different types of working to the songs. Special attention is given to some support ways of working with songs, singing, playing percussion instruments, as related to the students` personal kinesics;

And also the self-preparing for public performances, the psychological aspects of them. It also describes the methods of studying of the Russian song, both the song close, accessible to a wider foreign audience and the song that is difficult to perceive by a foreigner.

Ключевые слова: русская песня; вспомогательные способы работы с песенными текстами; лингвокультура, коммуникативная и культурная компетенция, песенный материал.

Key words: Russian song; additional ways to work with song texts; linguaculture, communicative and cultural competence, song material.

Изучение и исполнение песенных текстов при овладении иностранным языком приобретает всё большую популярность и значимость. К этой форме художественного текста как наиболее простому и мобильному способу проникновения в незнакомую языковую реальность сегодня обращается немало исследователей. Песенный текст рассматривается в различных аспектах и методических ситуациях. Интерес представляют советы С. Зарайской в книге «Лёгкий способ быстро выучить иностранный язык с помощью музыки», работы Т.А. Потапенко: «Песни для всех возрастов», и «Роль песни в изучении иностранцами русского языка и его культурного фона», «Методика музыкальной организации учебного материала»

Г. Лозанова и Э. Гатевой, «Социокультурный аспект песенных материалов» Г.В. Кокориной и т.д.

Песенный текст - доступный для восприятия, компактно структурированный, органичный – это лёгкий способ глубокого погружения в иное языковое и культурное пространство, работа над которым - не очень трудоёмкая возможность приобретения произносительных и речевых навыков, расширения словарного запаса, повышающий мотивацию изучения языка и эмоциональный настрой на занятиях, органично сочетающий учебный процесс и психологический комфорт.

Каждый язык обладает своей индивидуальной специфической мелодикой. И песня является тем жанром художественного творчества, который даёт нам возможность её слушать и воспринимать. Песня – синкретичный вид музыкально-поэтического творчества, представляющий гармоническое сочетание энергетики, темперамента, темпоритмической, интонационно-мелодической, этической, эстетической, эмоциональной сфер не только самого языка, но и жизнедеятельности народа, его носителя.

Целью обращения к песенному материалу на уроках РКИ является расширение кругозора учащихся, поиск новых возможностей соприкосновения и постижения инореальности, оптимизация и мобилизация учебного процесса

для скорейшего адаптирования иностранцев в незнакомой среде, повышение их языковой, коммуникативной и культурной компетенции, творческой активности, создание эмоционально-комфортной атмосферы на занятиях.

В рамках включённого обучения знакомство с ментальностью страны изучаемого языка рекомендуется начинать, если позволяет уровень владения учащимися языком, с гимна – концептуализации лица государства или песен- символов России, таких как «Катюша», «Подмосковные вечера», «Широка страна моя родная»... Студентам начального уровня владения языком следует предложить простые русские народные или детские песни: «Миленький ты мой», «Шар голубой», «Песенка крокодила Гены», «Антошка», «Улыбка», «В лесу родилась ёлочка»...

Предельно простые лексически, мелодически, ритмически образцы лингвомузыкальной культуры характеризуются лаконизмом языковых элементов, синтаксической компактностью, сопровождаются частотным рефренным обрамлением. Минимум новой информации, максимально непринуждённая манера воспроизведения

текста, наличие релаксирующего компонента на уроке – хороший стимул для дальнейшего изучения иностранного языка.

Целесообразно на одном из первых занятий попросить иностранных студентов спеть любимые лёгкие популярные песни в их культуре на их родном языке. Это наглядно показывает какого типа музыку и какие ритмы предпочитают инофоны, на каких инструментах чаще всего исполняется эта музыка.

Задача преподавателя – подобрать песни каким-либо образом похожие на представленные иностранные (темпо-ритмически, мелодически, образно, содержательно и т.д.). Небольшой процент песенного материала такого типа необходимо в первую очередь использовать на занятиях. Эти произведения всегда будут нравиться и с желанием повторяться учащимися на уроках и досуге, постоянно поддерживая высокий эмоциональный настрой и мотивацию обучения.

Практика преподавания показала, что народные мотивы воспринимаются иностранцами легче и живее других. Народная музыка мира обладает универсальными особенностями, близкими любому этносу. В ней сконцентрированы эмоциональность, заразительность и увлекательность, гиперболизированность образов народной поэзии, её связь с природой и складом любого национального темперамента, относительная свобода воспроизведения звуков, ритма и метрики, простота мелодии...

Принцип подачи песенного материала – тематический («от простого к сложному») в жанровом аспекте. Русская народная песня, авторская народная песня («Тонкая рябина», слова Ивана Сурикова), детская песня, песня военных лет, песня советской эпохи, эстрадная песня. Учащимся, достигшим высокого уровня владения языком, следует предложить авторскую (бардовскую) песню, произведения из кинофильмов и спектаклей, а так же старинный русский и современный романс.

Работа над вокально-инструментальным произведением совершается в несколько этапов (сначала теоретических, а затем собственно музыкальных).

1 этап: фонетика - аудирование: воспроизведение строчек текста со слуха, повторение их за преподавателем в соединении со зрительным восприятием текста (прочитывание строки про себя, пока преподаватель её озвучивает) большое внимание уделяется работе над интонацией. Здесь имеет место многократное повторение трудных фонетических элементов (редуцирование гласных, стяжение согласных, сонорные и дрожащие звуки...).

Одно из обязательных условий: учащимся предоставляются иллюстрированные песенные тексты и графически вербализованная его мелодия (ноты песни с расположенными под ними словами). При этом иностранцам не обязательно владеть нотной грамотой, но желательно иметь перед глазами синтезированный образ песни во время работы над ней. Это диаграмма движения голоса (повышения - понижения интонации). Это образец слогоделения куплета и припева и пример для дальнейшего слогоделения последующего текста. Это наглядная модель речевого построения отдельных фраз на фоне визуального восприятия произведения в целом, темпоритмики текста (системы пауз). Они показаны (обозначаются) нотными и словесными пробелами на нотном стане. Величина пробелов говорит о длительности пауз. Это можно использовать в последующих этапах работы. При повторных исполнениях песни студенты по собственному желанию заполняют их "тишиной", хлопками, всевозможными жестами и движениями или близкими их сознанию и культуре ритмами на простых ударных инструментах, подходящих стилю песни (бубен, маракас, барабан, треугольник, колокольчик и т. д.). Иногда это расценивается как время своеобразного «учебного отдыха» - осмысление спетого (сказанного) под аккомпанемент преподавателя или под «образ тишины».

При начальной фонетической работе над текстом преподавателю желательно произносить фразы максимально медленно и внятно, приближенно к последующему их пропеванию, с соблюдением высоты звуков и длительности пауз и отражением всех интонационных нюансов (вопросительных, восклицательных...) и тщательно следить за произношением студентов. (Учащиеся повторяют фразы вслед за преподавателем хором, акцентируя внимание на трудных фрагментах, возможно отрабатывать их по очереди, индивидуально.)

2 этап: лексический. Работа над словом, афористикой, фразеологией, словообразованием... Выявление преподавателем незнакомых языковых единиц («какие слова вам не известны?»). Студенты их перечисляют. На данном этапе используются все способы поиска и объяснения лексического значения (наглядность, синонимия-антонимия, контекстуальная интуиция, ассоциативные связи, словообразовательная парадигма и т.д.).

Эта работа продолжается последовательно со всеми куплетами песен и их припевами, если они не повторяются.

3 этап: практика речи. Следует после разбора всех лексических единиц и фонетических оттенков до исполнения самой песни. Здесь студентам предлагается ответить

на ряд вопросов по общему пониманию смысла произведения в целом. Например, к песне «Милая моя» Ю. Визбора:

- От какого лица исполняется песня?
- Как вы думаете, когда происходит действие?
- Где находится главный герой стихотворения? Почему?
- Опишите характер главного героя.
- Расскажите о девушке, в которую влюбился главный герой. Опишите её характер.
- Перескажите историю своими словами, короткими и простыми фразами (из 3-7 лексических единиц), используя новую лексику из текста

Ответы студентов иллюстрируются предложениями и словосочетаниями из песни.

Согласны ли вы со следующим высказыванием: «Всем нашим встречам разлуки, увы, суждены». Аргументируйте ответ.

В конце обсуждения песни важен момент обращения преподавателя к родной культуре учащегося.

4 этап: стилистические задания. Определить тип текста.

Чаще всего встречаются тексты повествовательного характера. Это рассказ героев песни о каком-либо событии их жизни: «Во поле берёза стояла», «Девочка-видение», «Зимний сон» (Алсу), «Мельница»... Реже песни пишутся в стиле рассуждения: «Виновата ли я?» присутствует среди песенных текстов и форма диалога: «Миленький ты мой», "Бояре, а мы к вам пришли". Есть тесты, написанные в стиле народной сказки или легенды: «Жил-был художник один».

Определите самое яркое, на ваш взгляд, метафорическое выражение, эпитет, сравнение, образ текста. ("А до смерти четыре шага", «Крылья сложили палатки, их кончен полёт», "Солнышко лесное", "Два часа блины ходили", «Комара женить мы будем»).

Выделите и назовите маркированную лексику: устаревшие слова и речевые обороты ("кумач да китайки", сени, гризет, терем, квашня, башмачки, кафтанчик...), разговорные, просторечные слова (заплутавшее, "моя надежда", не марай, ...), "высокую" лексику (священная держава, великая слава, достоянье, отечество...), индивидуально-авторское словоупотребление ("ты у меня одна, словно... в году весна, словно в степи сосна...), эмоционально окрашенную лексику (зайка моя, ручка моя, банька моя, рыбка моя, пой, гармоника...).

5 этап непосредственно музыкальный: текстовая работа – вокально-инструментальное исполнение песни (с элементом аудирования). Студенты слушают исполнение преподавателя 1 раз (часто, это первый куплет и припев, учащиеся быстро "схватывают" музыкальный образ). Затем пробуют повторить вместе с преподавателем под музыку текст (два раза). Далее иностранцы делают это свободно и уверенно, стараясь найти точки соприкосновения со своей родной культурой ("сделать иноязычный текст своим").

На следующих этапах работы: закреплении материала, его повторении идёт отработка фонетических (произносительных и интонационных) навыков, творческое осмысление произведения, предложение и обсуждение дидактических игр, подбор музыкально-ритмических движений и танцевальных элементов, сопровождающих пение, исполнение песни от лица различных (выделенных студентами) героев, определение конкурсно-соревновательного момента (пение командами: мальчики начинают - девочки подхватывают; мальчики спрашивают - девочки отвечают; исполнив песню, команды меняются ролями). Итоговый урок по пройденной теме, или праздничное занятие (23 февраля, 8 марта), внеаудиторное мероприятие, всевозможные конкурсы вокально-инструментального исполнительства, зачётное занятие - концерт в различных формах: мальчики поют для девочек, затем девочки - для мальчиков, инсценировки песен, академическое хоровое исполнение, фолк-арт... Важно, чтобы все приведённые здесь виды работ инициировали сами учащиеся. Для этого необходимо чутким, гибким высоко компетентным педагогам чётко организовывать учебный процесс, вовремя находить совместно с учащимися и показывать различные пути творческого решения произведений, поддерживать и развивать интерес и творческую активность студентов, максимально разнообразить формы и приёмы работы над песенным материалом, создавать атмосферу эмоционального подъёма, что служит неременным условием высокой результативности занятий.

Как осуществлять знакомство с другой частью сложных песенных текстов, не всегда совпадающих со взглядом на мир инофонов? Преобразовать, видоизменить, трансформировать в ракурсе использования их в преподавании РКИ. Дать возможность активизировать творческую (музыкальную) фантазию аудитории с помощью вспомогательных способов работы с песенными текстами. Например:

1. использовать на занятиях простые детские ударные инструменты (бубен, маракас, барабан, треугольник). Преподаватель тем самым предоставляет возможность желающим поиграть на них, обрмить слова и мелодию новой изучаемой песни собственным, близким,

знакомым их сознанию, аккомпанементом. Так, работая над песней «Во кузнице», студенты играют на инструментах, импровизируя ритмический рисунок по собственному желанию. Это задание можно повторить несколько раз, предоставляя возможность каждому студенту выразить свои музыкальные представления. Финальное исполнение песни в заключении урока группой звучит в новом неожиданном музыкальном решении. Так, русская народная песня «Во кузнице» в исполнении малийскими студентами приобретает новый

неповторимый колорит, динамику, окраску, а нередко и иные смысловые акценты. Это уже принципиально другое культурное явление, в ином синтезированном комплексном национальном его осмыслении. Данный факт представляет интерес как для практики изучения иностранного языка и культуры в целом, так и для развития музыкально-исполнительной мысли.

2. Следует обратить внимание на моменты механики, органики. Слово + движение (жест, мимика) рассматривается как визуальный образ слова, как перевод его на «язык интуиции». Так очень удобно работать над песнями типа «Зайка моя» или «Блины». Исполнение песен осуществляется с одновременным жестикуляционным отображением лексического значения языковой единицы.

Не случайно слова первых песенок ребёнок не проговаривает, а запоминает, заучивает под определённые простые движения и жесты. Например, «Ладушки» (под слова, произносимые взрослым, хлопая в ладоши). Или «Сорока-сорока» (текст пропеваётся мамой, которая одновременно водит круговыми движениями пальчика ребёнка по ладошке; загибая пальчики под перечисления детей сороки: «Этому дала...»).

Первая работа над песней - проговаривание фраз под музыкальный ритм. Это упражнение можно использовать для работы над другим текстом нужным в другой ситуации студенту: наложение новых, своих собственных придуманных аналогичных фраз под музыкальный ритм. Заученные песенки остаются, как правило, в памяти человека надолго, и в нужное время легко извлекаются в процессе коммуникации.

Практика показала, что иностранцам интересно спеть песню, слова или мелодию которой они слышали, пели в переводе на родном языке. Например, в Китае популярны песни: «Уральская рябинушка», «Ой, цветёт калина», «Виноградная косточка», «Вот мчится тройка почтовая» и т.д. У вьетнамцев – это песни патриотического жанра, такие как «Песня о тревожной молодости» А.Пахмутовой; народные песни - «Калинка»; детские песни, такие как «Улыбка», «Песенка крокодила Гены». Этот контингент с удовольствием исполняет даже

незнакомые, но лирические, напевные неторопливые мелодии: песни из репертуара Алсу, «Милая моя» и «Ты у меня одна» Ю. Визбора; им комфортно петь многословные песенные тексты речитативного характера, подвижного темпа, типа «Девочка-видение» М. Леонидова.

Поляки и венгры отдают предпочтение цыганские романсы («Очи чёрные», «Дорогой длинною»). Не следует игнорировать и индивидуальные пожелания (исполнить песни В.Высоцкого).

Иногда на занятиях звучит и перевод песни с родного языка на изучаемый. Например, песня еврейского народа, написанная на языке идиш «Es brand» («Горит») органично звучит на русском языке. Её эквивалент – «Враги сожгли родную хату».

3. Психологический аспект. Ощущение присутствия успеха, возрастающая мотивация обучения. Важно учиться не там, где только трудно и скучно, недостижима перспектива и не ощутим конечный результат, а там, где не только интересно, но весело, легко, приятно и комфортно. Вот высказывание по этому поводу польской студентки Катарины. На вопрос преподавателя после выступления хора польских и малийских студентов на фестивале военной песни (Гос.иря ми. А.С. Пушкина,2013) ответ был следующий:

- Вам понравилось?

- Очень!!! Я пела в трёх хорах в своей жизни. Но это мне понравился больше всех!

Перед таким хором не ставятся высокие профессиональные исполнительские задачи, участвовать в нём может каждый. Здесь важен совместный творческий подход студентов и преподавателя: неординарные предложения новых речевых, вокальных и сценических форм, неожиданных решений воплощения художественных образов и поиск оптимальных, доступных путей воплощения замысла (т.е. каким образом люди, не владеющие певческим голосом, могут продемонстрировать идею произведения).

Такой групповой работе способствуют непринуждённые игровые формы её организации, доверительные отношения друг к другу, атмосфера эмоционального подъёма на занятиях, психологический комфорт. Скорее всего, высказав своё восторженное отношение к собственному выступлению, девушка имела в виду все выше перечисленные факторы. Участие иностранцев в подобных видах работ позволяет значительно сократить или вообще преодолеть барьер общения с носителями языка; повышает самооценку и интерес к учебному процессу.

В данной ситуации также немаловажен и этический аспект: серьёзное отношение к занятиям, ответственность перед членами коллектива, психологическая поддержка друг друга во время работы...

4. Разноплановая послетекстовая работа переносится на последующие аудиторные занятия. В процессе разучивания песенных текстов учащимся предлагаются выполнить следующие виды заданий:

- Грамматические задания. Во время исполнения под аккомпанемент песни проспрягать следующие строчки (указываются преподавателем). Например,

«А если я по дому загрущу,
А если ты по дому загрустишь,
А если он по дому загрустит и т.д.

Студенты могут исполнять предложения хором, по очереди или работать в командах (группах). После этого таким же образом исполняется новая строчка, определённая преподавателем: например,

«И вспомню о Москве.
И вспомнишь о Москве.
И вспомнит о Москве»...

При выполнении подобного рода упражнений не обязательно соблюдать точность передачи мелодической линии. Задания могут произноситься речитативом под аккомпанемент преподавателя или собственный ритмический рисунок учащихся, созданный с помощью вспомогательных ударных инструментов.

- Возможны упражнения на употребление времени глаголов, например:

«Я на горку шла, тяжело несла...»
«Я на горку иду, тяжело несущу...»
«Я на горку пойду, тяжело понесу...»

- Упражнения на глаголы движения: например, «Все бегут, бегут..., а он им светит; все идут, идут, идут..., а он горит...» и т.д.

- Упражнения на развитие речи. После изучения песенного текста «Мельница» учащимся предлагается задание. Перескажите текст от третьего лица простыми предложениями из трёх-пяти-семи единиц, используя песенные фразы.

5. Следует сказать несколько слов о домашних заданиях. Если учебная ситуация в аудитории студенту приятна и комфортна, занятие плавно переходит в своеобразную

домашнюю работу. Запомнившиеся слова и мелодия разученной понравившейся песни напеваются студентами на переменах, после занятий, во время похода в магазин, во время вечернего отдыха (группой) и т.п.

Представим один из видов домашнего задания. Найти разученные на занятиях песни в исполнении разных артистов (в разных вариантах воспроизведения текста). Прослушать как можно больше таких вариантов, определить наиболее понравившиеся и удобные для себя (по тембру голоса, по манере исполнения, по темпу), попробовать охарактеризовать каждый вариант, попробовать повторить за исполнителем (продублировать мелодию и слова несколько раз). Упражнения желательны проделывать каждый день или несколько раз в день во время отдыха или другие временные паузы до следующего занятия. При выполнении упражнения важно обращать внимание (добиться) полного слияния своего собственного голоса и исполнительского. При этом, упражнение делается тихо, легко, органично, как бы не пропевая, а проговаривая песню, соблюдая паузы, тон, интонации. Затем продублировать текст можно громче, смелее и свободнее. Продемонстрировать результат проделанной работы на уроке.

Контроль домашнего задания преподаватель может начать с игрового момента:

- Запеваается любая по его выбору строчка изученных песен, студенты её продолжают. Здесь возможен соревновательный момент: учащиеся разделяются, как правило, на две команды. Первая команда предлагает начало любой по их выбору знакомой строчки из песни, вторая команда должна подхватить её и продолжить. Командам начисляются баллы в случае правильного исполнения строчки. Следующее задание для команд:

- Назвать основные художественные образы произведения, яркие метафоры, оригинальное сравнение и эпитеты, обращения, крылатые фразы, пословицы или поговорки, встретившиеся в изученных песнях.

- Вспомнить и назвать языковые единицы, вызвавшие затруднения в переводе на предыдущем занятии (новую лексику). Команды по очереди или преподаватель проецирует речевые ситуации, в которых закрепляется употребление новых слов.

После всех видов работы над песней часто текст становится для студентов «родным». Как правило, здесь возможны виды деятельности на активизацию творческих способностей (возможностей) учащихся. Например, изменить фразу, дополнить фразу по модели. Сочинить свой собственный вариант текста понравившейся песни и спеть его в аудитории. Составить и воспроизвести диалоги от лица главных героев произведений, например: актрисы и

художника из песни «Миллион алых роз». Так же возможна работа в командах. По её итогам определяется команда-победитель, которой обязательно выдаётся поощрительный приз.

6. Вспомогательные способы знакомства (проникновения) в иную лингвокультуру. Художественное обрамление произведения: песня и танец, песня и театр (костюм). Как правило, такая работа ведёт к какому-либо типу показательного (открытого) занятия, уроку или концерту или иного публичного выступления. Подобные виды деятельности остаются в памяти учащихся на всю жизнь. Итог его фиксируется фото и видеосъёмкой. Такие систематические занятия характеризуются ярчайшей групповой креативностью (каждый желающий предлагает свои идеи), потрясающей результативностью. Работа предполагает предельную активизацию:

- Коммуникативных и коммуникабельных способностей учащихся (общение с другими группами иностранцев на русском языке, обсуждение с ними творческих планов и основных организационных моментов при работе над показательным номером).

- Творческих ассоциативных возможностей (сочинить свой новый вариант изученной песни с новым, финальным решением, созвучным личному опыту участников готовящегося мероприятия; предложить оригинальный контекст постановки номера (обстоятельства, мизансцены, костюмы, реквизит). Продумать внешний художественный образ сценического воплощения своего предложенного поэтического песенного варианта (жесты, мимика, танец, костюм, инструментальное сопровождение, мизансцена).

- Психологический аспект работы в коллективе. Периодически в учебном процессе студенты выполняют упражнения «Помоги другу» или «Поддержи друга». Эти упражнения на правильное владение дыханием. Условия выполнения: дышать свободно и непринуждённо в любое время, определённое самим студентом, но не одновременно, сохраняя ровной общую музыкальную линию песни, чтобы дыхание одного человека не было заметно окружающим.

Обязательное соблюдение условий совместного вступления и завершения музыкального произведения учащимися (никто не заканчивает и не начинает петь вперёд других).

Привлечение песенного материала в процесс обучения иностранному языку представляет интерес как для преподавателей в поиске новых методических приемов, так для студентов-филологов, как способ лёгкого погружения в глубокие пласты культурного наследия, студентам нефилологического профиля, как возможность быстрого преодоления

барьера общения с носителями языка, школьникам-инофонам, как мобильный и эмоционально-комфортный фрагмент обучения и всем интересующимся вопросами русского искусства в целом и любителям пения в частности.

Список литературы

Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков) / Азимов Э.Г., Щукин А.Н. – СПб: «Златоуст», 1999. – 472с.

Россия: история и язык: сборник научных трудов международной конференции (27-29 сентября, 2012 г., Печ, Венгрия). - Печ: Nyomdai kivitelezés: Edenscript KFT. e.graphic stúdiója, 2012. - 194 с. / [Электронный ресурс] ISBN 978-963-89172-2-5 / Отв. ред. В. Вегвари. Печ, 2012. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com>.

Библиотека электронных ресурсов Русско-польского института [Электронный ресурс] / YEARBOOK OF EASTERN EUROPEAN STUDIES (ЕЖЕГОДНИК ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ) № 4, 2014. – 233 с. / Ред. Ирина Попадейкина. Вроцлав, 2014, Русско-польский Институт (Irina Popadeykina, Instytut Polsko-Rosyjski, ul. Legnicka 65 54-206 Wrocław POLAND www.ip-r.org biuro@ip-r.org) – Режим доступа: <http://ip-r.org/wp-content/uploads/2014/11/YEES-4-2014.pdf>

Библиотека электронных ресурсов Русско-польского института [Электронный ресурс] / Способы работы над песенным текстом в системе преподавания РКИ. – Режим доступа: <http://ip-r.org/wp-content/uploads/2014/12/Родина-Е.-Способы-работы-над-песенным-текстом-в-системе-преподавания-РКИ.doc>

Библиотека электронных ресурсов Русско-польского института [Электронный ресурс] / YEARBOOK OF EASTERN EUROPEAN STUDIES (ЕЖЕГОДНИК ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ) № 5, 2015. – 215 с. / Ред. Ирина Попадейкина. Вроцлав, 2014, Русско-польский Институт (Irina Popadeykina, Instytut Polsko-Rosyjski, ul. Legnicka 65 54-206 Wrocław POLAND www.ip-r.org biuro@ip-r.org) – Режим доступа: https://www.academia.edu/12066182/Yearbook_of_Eastern_European_Studies_5_2015

Садыгова А.А.
Азербайджанский государственный университет культуры и искусств
г. Баку (Азербайджан)

Sadigova Afag
Azerbaijan State University of Culture and Art
Baku (Azerbaijan)

НОРМЫ СЛОВЕСНОГО УДАРЕНИЯ В РУССКОМ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКАХ

THE RULES OF WORD STRESS IN RUSSIAN AND AZERBAIJANI LANGUAGES

Культура речи является сложным понятием. Культура устной речи в области произношения прежде всего, несомненно, связана с орфоэпическими нормами. Норма – это правило произношения, словоупотребления, грамматические и стилистические средства языка, принятые в общественно-речевой практике образованных людей. Литературную норму всегда связывают, прежде всего, с письменной традицией. Произношение, в котором воплощается звуковая форма языка, не в меньшей степени характеризует языковую культуру человека, нежели его письмо. Каждая историческая эпоха вносит свое содержание в языковые нормы.

Culture of speech is a complex concept. Culture of speech in the field of pronunciation especially, of course, associated with pronouncing rules. Norm - this rule pronunciation, usage, grammatical and stylistic means of language adopted in the public and speech practice of educated people. Literary norms are always linked, first of all, with a written tradition. Pronunciation in which embodied the sound form of the language, no less characteristic of human language culture, rather than its letter. Each historical epoch making their content in the language rules.

Ключевые слова: культура речи, нормы языка, литературная норма, словесное ударение.

Key words: culture of speech, rules of language, literary norm, word stress.

Культура речи является сложным понятием. Л.И.Скворцов выделяет в культуре речи два уровня:

1. Правильность речи, то есть соответствие всем нормам русского языка.
2. Речевое мастерство, то есть умение выбирать из сосуществующих наиболее точный вариант в смысловом отношении, стилистически уместный, выразительный и доходчивый и т.п. [Скворцов, 1981, с.20; Головин, 1980].

Культура устной речи в области произношения прежде всего, несомненно, связана с орфоэпическими нормами.

Норма – это правило произношения, словоупотребления, грамматические и стилистические средства языка, принятые в общественно-речевой практике образованных людей. Норма характеризуется обязательными признаками, которые и обеспечивают её существование. Это стабильность и регулярная употребляемость, общеобязательность, соответствие возможностям системы языка, социальная и историческая обусловленность, динамичность [Горбачевич, 1981, с.31].

Норма – объективна. Она одинакова для всех носителей данного языка.

Литературную норму всегда связывают, прежде всего, с письменной традицией. Каждый член общества правильно должен писать, и с детских лет он учится этому. Письмо характеризует грамотность человека, его знание языка и, наконец, его культуру вообще. Произношение, в котором воплощается звуковая форма языка, не в меньшей степени характеризует языковую культуру человека, нежели его письмо.

Понятие нормы языка является основным понятием в области культуры речи. Л. И. Скворцов пишет: «Интерес языковедов к природе литературной нормы вполне закономерен. Языковые нормы в общественном, культурном бытии – это маяк, по которому языковой коллектив ориентируется в безбрежном океане речевой деятельности. Изучение, точное описание и закрепление – важная общекультурная задача" [Скворцов, 1984, с. 9]. Проблема литературной нормы является сложной, многогранной. Она определяется как внутрilingвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Языковая норма представляет собой «социальный регулятор речевой деятельности».

Для нормы характерна системность и связь со структурой языка. Норма различается по степени устойчивости в разных уровнях языка и в различных условиях общения. Решающим при этом оказывается соотношение нормы и системы. Так, в области орфоэпии система почти целиком определяет норму, что и создает понятие образца, идеала правильного произношения, на который должно ориентироваться общество.

Каждая историческая эпоха вносит свое содержание в языковые нормы.

Нормы русского ударения являются наиболее важной и сложной частью орфоэпии, так как русское ударение характеризуется сложной системой разноместности и подвижности.

В русском литературном языке нет универсальной причины изменения ударения. На современные нормы ударения оказывают влияние территориальные и социально-

профессиональные диалекты, а также иноязычная среда и многоконтakтность при заимствовании. [Горбачевич, 1971]

Что же касается норм произношения в азербайджанском языке, то здесь всё же наблюдается меньше трудностей, чем в русском. Это объясняется тем, что орфографические правила азербайджанского языка построены на основе фонетических и морфологических принципов, что способствует устранению противоречий между письменной и устной речью.

Орфография современного азербайджанского языка построена на основе разговорной речи. Поэтому ряд правил орфографии можно принять как правила орфоэпии.

Между орфографией и орфоэпией современного азербайджанского языка существуют как общие, так и отличительные черты.

Отличительные черты связаны с особенностями орфоэпии. Эти особенности следующие:

1. Основные принципы литературного произношения должны избегать от случаев, при которых нарушается сингармония языка, создающие трудности в произношении, и хранить в себе быстро произносимые, нежно и красиво произносимые черты.

2. В орфоэпии основное место уделяют на черты, носящие общенародный разговорный характер, а не учитывают узко-диалектные особенности.

3. В орфоэпии длительное и краткое произношение имеет особое значение.

4. В произношении окончаний соблюдается закон сингармонии, но в связи с принципами орфоэпии при произношении некоторых окончаний нарушается закон сингармонии.

5. Случаи ассимиляции и звукопадения связаны с особенностями устной речи.

Поэтому они занимают основное место в орфоэпии.

Русское словесное ударение характеризуется тремя признаками: динамичность (интенсивность звучания), количественность и качественность.

Русское словесное ударение является динамическим или (силовым) потому, что выделение ударного слога достигается усилением напряженности артикуляции.

Русское словесное ударение является количественным или квантитативным. Считается, что ударный слог произносится в 1,5 раза дольше, чем безударные слоги. Данный признак является, конечно, для русского ударения одним из основных. Именно этот признак в сочетании с признаком динамичности порождают контрастность ударных и безударных гласных, в основе которой лежит редукция гласных. Как при количественной, так

и при качественной редукции гласные безударных слогов по сравнению с ударным гласным теряют по долготе и силе, т. е. в безударном положении делаются слабее и короче [Реформатский, 1967, с.194].

Русское словесное ударение является качественным. Это значит, что в ударном положении «гласный произносится ясно и четко, что, следовательно, придает ему акустически особый тембровый характер». В русском языке ударение не прикреплено к одному какому-либо слогу слова, т. е. оно является разноместным, иначе свободным. Разноместность ударения делает его в русском языке индивидуальным признаком каждого отдельно взятого слова. Поэтому чтобы знать место ударения в каждом данном слове, надо знать самоё это слово.

В русском языке ударение не прикреплено к одному какому-либо слогу слова, т. е. оно является разноместным, иначе свободным. Разноместность ударения делает его в русском языке индивидуальным признаком каждого отдельно взятого слова. Поэтому чтобы знать место ударения в каждом данном слове, надо знать самоё это слово. В тех случаях, когда русский язык является родным, правильность ударения слов (то есть место его) до известной степени обеспечивается традицией, с детства усвоенными языковыми нормами. Однако это относится, прежде всего, к слою общеупотребительной и часто употребляемой лексики.

Что же касается слов малоупотребительных и вновь усваиваемых говорящим, то в них часто делают ошибки и лица, родной язык которых является русским. В тех же случаях, когда русский язык не является родным, возможность ошибок в месте ударения значительно увеличивается. Они становятся возможными чуть ли не во всех не односложных словах, так как нет таких правил, которые могли бы объяснить, в каких случаях ударение падает на первый слог слова, в каких – на второй и т. д.

Как в русском, так и в азербайджанском языках ударение является признаком целого слова. Как и другие фонетические единицы языка, ударение в азербайджанском языке связано с общими свойствами, внутренними закономерностями языка. В отличие от слога, ударение азербайджанского языка изучено практическим путем. В этой области есть интересные исследования Ш. Абдуллаева и А. Башировой [Ахундов, 1983, с. 275].

В азербайджанском языке гласный ударного слога отличается от безударного тремя особенностями, который и составляют материальные признаки и особенности ударения.

1. Одним из основных признаков ударения азербайджанского языка является длительность ударного гласного. Однако это не означает, что в азербайджанском языке, как и в других языках, например, русском, «имеется квантитативное ударение».

2. Вторым основным признаком ударного гласного является его повышенный тон по сравнению с безударным гласным.

3. И третьим признаком азербайджанского ударения является признак интенсивности. Интенсивность гласного ударного слога, как правило, преобладает над интенсивностью гласных безударных слогов [Ахундов, 1984, с.278].

Таким образом, два признака ударения, а именно, длительность и интенсивность звучания гласного ударного слога, являются общими для русского и азербайджанского языков.

Однако реализация этих признаков в речевом потоке благодаря сочетанию этих признаков с признаком изменения тона в азербайджанском языке происходит в рассматриваемых языках по-разному.

Ударение азербайджанского языка, в отличие от русского ударения, является стабильным (неподвижным): ударение всегда падает на последний слог слова или словоформы. Однако, так как азербайджанский язык является агглютинативным, то стабильное ударение здесь имеет некоторые специфические черты.

Так, при словоизменении в азербайджанском языке ударение, стремясь к стабильности, перемещается на последний слог, что говорит о том, что азербайджанское ударение является стабильным.

Отсюда можно сделать вывод, что перемещение ударения в речевом потоке можно отнести за счет небольшого исключения (когда в литературном языке ударение падает на неначальный слог) к нарушению нормативного произношения.

Список литературы

- Ağatusa Axundov*: Фонетика азербайджанского языка. Баку, 1983,1984.
Головин Б.Н. Основы культуры речи. М., 1980
К.С.Горбачевич Изменение норм русского литературного языка. Л-д,1971
К.С.Горбачевич Нормы современного русского литературного языка. М.,1981
Основы культуры речи. Хрестоматия. Составитель: Л.И.Скворцов, М,1984.
Реформатский А.А. Введение в языкознание. М., Просвещение, 1967
Скворцов Л.И. Основы культуры речи. Хрестоматия. М., 1984
Федянина Н.А. Ударение в современном русском языке. М.,1982

Симонян А.С.
Южно-Уральский государственный Университет
г. Челябинск (Россия)

Simonyan Asmik
Southern Ural state University
Chelyabinsk (Russia)

*МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБРАЗА РОССИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ РОССИИ*

*METAPHORICAL REPRESENTATION OF THE IMAGE OF RUSSIA IN THE POLITICAL
DISCOURSE OF RUSSIA*

Статья посвящена анализу физиологической метафоры в политическом дискурсе России как средству отображения действительности, рассматривается метафорическая модель с физиологическими метафорическими единицами в период 2004-2008 гг. с целью метафорического моделирования образа России. Рассматривается метафорическая основа формирования национального менталитета народа в зеркале различных семантических систем русского языка. Проводится статистический анализ частотности фреймов некоторых метафорических моделей в политическом дискурсе России, на основе которого предлагаются выводы о связи метафор и действительности.

Article is devoted to the analysis of physiological metaphor in the political discourse of Russia as a means of reality reflex, the metaphorical model with physiological metaphorical units in the period 2004-2008 years for the purpose of metaphorical modeling of an image of Russia is considered. The metaphorical basics of formation of national mentality in the mirror of various semantic systems of Russian are covered. The statistical analysis of rate of frames of some metaphorical models in the political discourse of Russia on the basis of which are offered some conclusions about the connection of metaphors with reality.

Ключевые слова: политический дискурс, когнитивная лингвистика, физиологическая метафора, метафорическая модель, коммуникативная деятельность, политическая коммуникация.

Key words: political discourse, cognitive linguistics, physiological metaphor, metaphorical model, communicative activity, political communication.

Современная когнитивистика рассматривает метафору как основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования, оценки и объяснения мира. Человек не столько выражает свои мысли при помощи метафор, сколько мыслит метафорами, создает при помощи метафор тот мир, в котором он живет. Используя метафоры, человек стремится в

процессе коммуникативной деятельности преобразовать существующую в сознании адресата языковую картину мира. Дискурсивный подход к изучению политической коммуникации означает исследование каждого конкретного текста с учетом политической ситуации, в которой он создан, и его соотношения с другими текстами.

Метафора изучается с учетом целевых установок, политических взглядов и личностных качеств автора, специфики восприятия этого текста различными людьми, а также той роли, который этот текст может играть в системе политических текстов и – шире в политической жизни страны [Чудинов, 2001, с. 41].

Обращение к метафоре с целью постижения и представления «духа времени», ментальности соответствующего социума вполне закономерно. Метафора – это своего рода зеркало, в котором вне зависимости от чьих либо симпатий и антипатий отражается национальное сознание на определенном этапе развития общества [Чудинов, 2001, с. 56].

Д.Н. Ушаков так определил понятие «метафора»:

МЕТАМФОРА, метафоры, жен. (греч. *metaphora*)(лит.). Троп, оборот речи, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основе какой-нибудь аналогии, сходства, например (из Пушкина): говор волн; змеи сердечной угрызенья [Ушаков, 1940, с. 58].

Политическая метафора может быть представлена как целый комплекс «зеркал», в котором, во-первых, отражается ментальный мир человека и общества в целом, во-вторых, в этом зеркале мы видим отражение обыденных представлений людей о понятийных сферах-источниках пополнения системы политических образов, а в-третьих, метафора отражает человеческие представления о сфере-магните метафорической экспансии.

В соответствии с представлениями современной когнитивной лингвистики, метафорическое моделирование – это отражающее национальное самосознание средство постижения, рубрикации, представления и оценки действительности в народной ментальности. Поэтому исследование базисных метафор – это своего рода ключ к выявлению особенностей национального сознания на определенном этапе развития общества [Lakoff [http](http://)]. Соответственно наблюдения над современным развитием базисных метафор, сопоставление закономерностей образного представления действительности позволяет выделить наиболее существенные общие и особенные признаки в национальном сознании различных народов с учетом специфики исторического развития соответствующего общества.

Каждая историческая эпоха приносит новую систему концептуальных политических метафор. Периоды метафорических «бурь» сменяются метафорическими «затишьями», после которых начинается «извержение» новых метафорических «вулканов». В рамках каждой эпохи выделяются свои доминантные метафорические модели [Lakoff <http>].

Анализ функционирующих в политической коммуникации метафорических высказываний, участвующих в создании образа России, помогает определить степень влияния изменений в общественно-политической жизни страны на представление и восприятие России, выявить востребованность тех или иных высказываний применительно к образу России, выявить в политическом дискурсе разных стран интернациональные и национально специфичные метафоры, наличие которых обусловлено своеобразием культуры, традиций, национальным менталитетом, особенностями политической культуры представителей разных стран. Исследуя употребление метафор для формирования образа России в политическом дискурсе, мы можем сказать, что именно человек является источником политической метафоры [Солопова, 2006, с.37].

В настоящее время известно, что несколько диссертационных исследований были посвящены сопоставительному исследованию российской и зарубежной политической коммуникации. Так, А. А. Каслова изучала метафорическое моделирование президентских выборов в России и США [Каслова, 2003]. Н. А. Красильникова охарактеризовала метафорическую репрезентацию лингвокультурологической категории СВОИ - ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, России и Англии [Красильникова, 2005]. О. А. Шаова рассмотрела закономерности российских и французских национальных стереотипов [Шаова 2005]. А. М. Стрельников написал диссертацию "Метафорическая оценка политического лидера в дискурсе кампании по выборам президента в США и России" [Стрельников, 2005]. Н. Г. Шехтман провела сопоставительное исследование театральной и спортивной метафоры в российском и американском политическом дискурсе [Шехтман, 2005]. Диссертация А. Ю. Перескоковой посвящена метафорическому моделированию образа российских и американских СМИ [Перескокова, 2006]. О. А. Солопова проанализировала метафорическое моделирование образов прошлого, настоящего и будущего в дискурсе парламентских выборов в России и Великобритании [Солопова, 2006]. Э. В. Будаев рассмотрел метафорическое моделирование постсоветской действительности в российском и британском политическом дискурсе [Будаев, 2006]. В работе И. В. Телешевой проведено когнитивное исследование морбиальной метафоры в современном политическом дискурсе России, США и

Великобритании [Телешева, 2006]. Сопоставительный характер носят также исследования М. В. Черняковой [2007] и Т.В. Моисеевой [2007].

Указанные исследования, а также наши наблюдения над закономерностями метафорического моделирования в российском политическом дискурсе начала XXI века (2004-2008 гг.) позволили выделить в динамике политической метафоры некоторые закономерности. Проанализировав труды современных ученых в области политического дискурса, следует отметить, что во многом сохранялись тенденции, характерные для предшествующего десятилетия, когда ведущую роль играли метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом (ведущие сферы-источники - война, криминал, мир животных) и векторами неискренности и нереальности (театр, отчасти - спорт). Особенно это было характерно для дискурса оппозиции. Однако эти метафоры все чаще воспринимались как стандартные, стершиеся, устаревшие, а поэтому не производили на избирателей прежнего впечатления.

Предполагая провести сравнительный анализ метафорических моделей образа России в политических дискурсах Испании, Франции и России, мы считаем аргументированным изначально обратиться к политическому дискурсу России, выявить закономерности употребления метафор, проанализировать какие метафорические модели характерны именно для формирования образа России в российском политическом дискурсе, и, в конце концов, какой образ нашей страны закрепился в сознании наших соотечественников.

В качестве материала для исследования выбраны статьи из таких газет, как «Завтра», «Комсомольская правда», «Известия», «Российская газета» за период 2004-2008 гг. Нами было рассмотрено две метафорические модели с актуализированными на современном этапе источниковыми сферами.

Анализируя метафорические словоупотребления, используемые для формирования определенного образа России, хотелось бы выделить наиболее частотные виды метафор, актуализированные в политическом дискурсе России. Результаты нашего исследования для выявления метафорических моделей, характерных при моделировании образа России в политическом дискурсе нашей страны, мы решили отобразить в таблице 1. Мы выделяем следующие метафорические модели для моделирования образа России:

Частотность метафорических единиц
в политическом дискурсе России за период 2004-2008

<i>Название ММ</i>	<i>Метафорические единицы (%)</i>
Физиологическая ММ	18,7
Морбиальная ММ	10,3
Монархическая ММ	8,4
Милитарная ММ	8,3
Игровая ММ	7,9
ММ Путешествия	7,3
Зооморфная ММ	6,1
Театральная ММ	8
Спортивная ММ	5
Криминальная ММ	4,8
ММ Строительства	4
Механическая ММ	3,1
ММ Торговли	3
Религиозная ММ	1,9
ММ Неживой природы	1,1
ММ Дома	0,9
Фитоморфная ММ	0,7
ММ Родства	0,5
итого	100,0

В соответствии с приведенными результатами, полученными вследствие анализа метафорических единиц в российском политическом дискурсе, мы можем сделать вывод, что наиболее частотными в российском политическом дискурсе для представления образа России оказались физиологические и морбиальные метафоры. Остановимся на них поподробнее.

Физиологическая метафора – одна из наиболее традиционных и детально структурированных в отечественном политическом дискурсе. Исходная сфера русской

политической метафоры рассматриваемого типа – это "наивные" представления человека о своем теле, его частях (органах), их функциях и физиологических действиях [Чудинов, 2001].

Метафорическая физиологическая модель РОССИЯ – это ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ОРГАНИЗМ в российском политическом дискурсе встречается достаточно часто. Следует отметить, что Россия, а так же ее отдельные государственные структуры, очень часто обозначаются как единый биологический организм. Россия - это огромное пространство, огромный *организм*, с которым никто ничего не сможет поделаться (А. Лаэртский) [Чудинов, 2001]. А. П. Чудинов выделяет следующие фреймы физиологической метафоры: «Тело человека», «Физиологические органы», «Части тела», «Физиологические действия», «Органы психики». В процессе нашего исследования было отмечено, что метафоры одних и тех же фреймов и слотов в зависимости от задачи политика могут приобретать как негативную эмоциональную окраску в создании образа России, так и позитивную, или положительную, работая на создание образа «величественной России».

Рассмотрим фреймы модели РОССИЯ – ЭТО ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА на примерах, наиболее ярко представляющие образ России:

Фрейм «Тело человека»

«Поскольку российская экономика уже достаточно давно вписалась в мировое разделение труда и полностью подчиняется его законам, с которыми сама ничего сделать не может из-за своего относительно небольшого размера, любое изменение в этом самом разделении болезненно отражается на ее хрупком организме» (Известия, 05.07.2004).

«Бабаи из национальных субъектов федерации, вероятно, думают иначе, по данному вопросу продолжая быть верными заветам Ильича, ибо своя рубашка ближе к телу, но если говорить о федеральном руководстве, то разногласий с М.Д. Прохоровым в констатирующей части у Кремля нет. Высшее начальство само знает — и даже лучшие капиталиста — все изъяны асимметричной модели» (Завтра, 29.12.2008).

В политической речи подобные метафоры обычно служат аргументом в пользу единства, нерасторжимости соответствующего объекта [Чудинов, 2001, с.154].

Фрейм «Физиологические органы»

«Головокружение от благочестия....» (Известия, 24.11.2008).

«Так вот в чём особенность нынешней морально-политической ситуации: по мере того как власть (а точнее, Путин) довольно успешно залечивала раны российского сознания, ...»(Известия, 01.05.2006).

«Я скучаю по русской культуре — время от времени ловлю себя на том, что включаю Высоцкого в машине. Думаю, что большинство людей, проживших в России какое-то время, испытывают сходные чувства. Россия проникает в кровь и навсегда становится частью твоей жизни...»(Известия, 24.11.2005).

«А ещё на русских направлены большие лупы с разрешением, позволяющим разглядеть соринку в глазу. И к русским приставлены специально обученные и оплаченные «правозащитники». И русские заботливо помещены в специальную точку всемирного информационного пространства, на которую при случае, по поводу или просто при наличии желания, можно всем миром ой как надавить» (Завтра, 20.04.2004).

«Подкачал в России народ. Любит власть. И не любит нести ответственность за себя. Первое для власти приятно. А второе — нет. Приходится напрягаться, решать многие проблемы, которые валятся на голову как из рога изобилия. А вот бы по-другому: и власть любит, и все проблемы сам решает. Это был бы хороший народ. Но где ж такой взять?» (Завтра, 2006 г.).

«А в 1993 году оказалось, что конкурентные правила политической игры, они же демократические институты, — важны, пока выигрывает тот, кто задает правила. А когда он проигрывает (ну, как шахматист партию в шахматы) — он бьет выигрывающего по лицу шахматной доской и затем предлагает сыграть новую партию» (07.10.2007).

«Разумеется, все те, кто не видит своего будущего нигде, кроме как в непосредственной близости от финансовых центров, а это две третьих нашей так называемой элиты, — они теперь со слезами на глазах провожают в последний путь покойного премьера. Это и понятно, ведь страдания каких-то там рабочих, теряющих работу, не идут ни в какое сравнение с благами финансовых воротил и их интеллектуальной клиентелы» (Известия, 09.04.2008).

В данном примере находят свое отражение слот «Органы перцепции». Нужно сказать, что фрейм «Части тела» достаточно широко представлен российскими СМИ в период 2004-2008 гг. Примеры, представленные ниже, так же подтверждают высокую частотность употребления фрейма «Физиологические органы», в частности слота «органы перцепции».

«...И это нормальные люди. И у них есть позиция. Но если телевизионщики — функционеры Системы, то эти люди — высокие функционеры Системы. Надо смотреть правде в глаза — старая Система не выдерживает новых нагрузок. Она взяла на себя

совершенно не свою роль. У нее парадигмальный кризис, понимаете? Не кризис функционирования, не кризис системной архитектуры, а кризис оснований. Это страшная штука» (Завтра, 5.02.2008).

«Потому что выбор между идеалом и возможностями, первородством и чечевичной похлебкой — совершался не под дулами автоматов. В бордели и казино не свозили в "черных воронках"... Люди отрекались от своего прошлого не потому, что их вздымали на дыбу. И давно пора посмотреть этой горькой правде в глаза» (Известия, 05.03.2006).

На данном этапе рассмотрено 300 метафорических контекстов в российском политическом дискурсе, выявлено 300 метафорических контекстов в испанском и 300 метафорических контекстов во французском политическом дискурсе. Всего зафиксировано 56 метафорических единиц указанной источниковой сферы. В рассмотренных материалах были представлены все фреймы модели, за исключением «Органы психики»: *глаза народа, сметет с лица земли, тело России, соринка в глазу, промывка мозгов, истинное лицо партии, спиной к стране, протянуть руку помощи, лизать пятки власти.*

В политической речи подобные метафоры обычно формируют отрицательный образ России, не призывают к единству, нерасторжимости соответствующего объекта [Ряпосова, 2002, с.140].

Таким образом, данное исследование [Симонян, 2013, с. 43] является предпосылкой для дальнейших наблюдений для анализа метафорических единиц и моделей, которые присутствуют в политическом дискурсе Испании и Франции при моделировании образа России и провести сопоставление. На данном этапе исследования можно заключить, исходя из данных таблицы 1, что российскому дискурсу присущи физиологические, морбиальные метафоры, а так же закреплен образ величественной страны, Россия воспринимается как «царство справедливости». Преобладание физиологических метафор в политическом дискурсе России периода 2004-2008, на наш взгляд, свидетельствует о попытке нашей страны двигаться вперед, о постоянном соперничестве со странами Запада.

Список литературы

Ряпосова, А.Б. Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе «Российские федеральные выборы (1999-2000 гг.)». Дисс. ...канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2002.

Симонян, А.С. Метафорическое моделирование образа России в политическом дискурсе Испании, Франции и России: магистерская работа: 032700 Филология / А.С. Симонян. – Челябинск, ЮУрГУ, 2013. – 104 с.

Солопова, О.А. Метафорическое моделирование образов прошлого, настоящего и будущего в дискурсе парламентских выборов в России (2003 год) и в Великобритании (2001 год) / О.А. Солопова. – Екатеринбург, 2006. – 244 с.

Ушаков, Д.Н. Толковый словарь. В 4-х томах. – Т.3 – М.: Энциклопедия, 1935-1940

Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры / А.П. Чудинов. – Екатеринбург: 2001. – 238 с. - ISBN 5-7186-0277-8.

Спицына К.А.
Независимый исследователь
г. Москва (Россия)

Spitsyna Ksenia
Independent researcher
Moscow (Russia)

*ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛЕКСИКИ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА В СФЕРЕ
УПРАВЛЕНИЯМИ КОМПАНИЯМИ*

*LINGUO-CULTURAL ASPECTS OF JAPANESE LANGUAGE LEXIS IN CORPORATE
GOVERNANCE*

В статье рассматриваются вопросы лингвокультурологических особенностей лексики японского языка по управлению компаниями. Приводятся примеры, лексики, которая включает в себя наиболее яркий национально-культурный компонент, отражающий японскую предпринимательскую культуру и своеобразие компании «кайся» как организации «общинного типа». Большое внимание уделяется лексике, обслуживающей тематику, связанную с высшим корпусом управления компаниями. Эта сторона лингвокультурологического анализа лексики не только дополняет знания о национальных предпринимательских традициях новым аспектом, но и позволяет дать оценку национального вклада в общечеловеческий опыт предпринимательства. Делаются выводы о том, что в сфере управления компаниями в Японии существует традиционное, в значительной мере обособленное культурное пространство. Япония сумела сохранить свою национальную самобытность благодаря приверженности к традиционным ценностям, которые сформировались на основе понимания японцами мира и своего места в нем, взаимоотношений человека и природы, чувства долга и ответственности. Дальнейший анализ лингвокультурологических аспектов лексики, в том числе сравнительный, в области управления компаниями и практики деятельности может создать возможность для более широкого представления о масштабах взаимодействия различных предпринимательских культур и глубине сохранения национальных особенностей.

The article examines some linguo-cultural aspects of Japanese language lexis in corporate governance. We give examples of lexis that includes some national-cultural components illustrating the Japanese entrepreneurial culture and peculiarities of "kaishya" as a "community-based" economic organization. We paid much attention to lexis related to corporate governance. Linguo-cultural analysis of lexis on this subject gives to the knowledge of the Japanese national entrepreneurial traditions a new additional foreshortening, enables to estimate the Japanese national contribution to the general human entrepreneurial practice. Concludes, that an isolated space of traditional cultural exists in the corporate governance of Japanese companies. Japan preserves the national identity through a commitment to traditional values, that were formed on the basis of the Japanese understanding of universe and their place inside, the relationship between human and nature, a sense of duty and responsibility. A further analysis of linguo-cultural aspect of Japanese language lexis, include comparative analysis, in corporate governance and practice of company activities give an opportunity for understanding of interaction between different entrepreneurial cultures and preservation of national peculiarities.

Ключевые слова: японский язык, национальный менталитет лингвокультурологические особенности, лексика, предпринимательская культура, корпоративное управление.

Key words: Japanese language, national mentality, linguo-cultural aspects, lexis, entrepreneurial culture, corporate governance.

Значительное число лексических единиц японского языка, обслуживающих тематику управления и организации экономической деятельности, тесно связано с особенностями предпринимательства Японии, имеет глубокое культурологическое содержание, которое обуславливается социально-историческим опытом, специфическими установками японской традиции. В этой лексике находят свое отражение поведенческие реакции, принятые в японском социуме, основы мировоззрения японцев, обусловленные традициями, обычаями, правовыми и морально-этическими нормами.

Управление компаниями – это вид деятельности, которая аккумулирует в себе многие аспекты совместного труда людей, объединенных в одну социально-экономическую организацию - корпорацию. В этой деятельности отражаются многие черты предпринимательской культуры Японии, которые находят свое отражение в лингвокультурологических особенностях лексики сферы управления компаниями ⁴⁷.

Данной статьей, затрагивающей лингвокультурологические особенности лексики японского языка в сфере управления компаниями, мы хотели бы дополнить описание специфики предпринимательской культуры Японии новым ракурсом.

Так как тематика управления компаниями достаточно широка, ограничимся лишь примерами лексики и ее перевода, связанной с высшим корпусом управления компаниями и его деятельностью, затронув историко-культурный контекст формирования японских компании. Эта лексика наполнена лингвокультурологическими особенностями и отражает специфику предпринимательской культуры Японии ⁴⁸.

История становления и развития предпринимательства в Японии, формировании лексики японского языка по управлению – тема, которую мы выводим за рамки настоящей

⁴⁷ В процессе подготовки статьи использовались материалы периодики по экономической тематике на японском языке, например, такие журналы, как «Дайямондо Сюкан», «Кэйдзайкай», «Гоё кэйдзай», газета «Нихон Кэйдзай симбун», а также специализированная литература по управлению компаниями.

⁴⁸ Подробнее см.: Спицына К.А. Главные руководители японских компаний: практика работы / – Москва : Финансы и статистика, 1999 . – 160 с. ; Книга инженера-предпринимателя/ Ред.-сост. К.А.Спицына – М.: Доброе слово, 2009 . 320 с.

статьи. Отметим только основные этапы, которые значимы в развитии японского языка в целом и лексики управления в частности.

Японский язык постоянно находился под влиянием различных исторических событий, экономических, политических и социальных факторов⁴⁹. Длительное время на формирование японского языка оказывала влияние китайская культура и китайский язык. Закрытие страны, продолжавшееся несколько столетий⁵⁰, способствовало формированию основ традиционной культуры Японии во всех ее аспектах. Период Мэйдзи⁵¹ стал этапом перехода к современному японскому языку, который обогатился огромным количеством новых слов. В тот период Япония подверглась сильному воздействию западных культур, экономическое развитие страны, построение промышленной базы экономики, привело ко многим изменениям, в том числе, и в предпринимательской культуре, а также лексике, обслуживающей эту сферу. Большие перемены в японском языке произошли после Второй мировой войны. Тогда в Японию потоком хлынул английский язык, произведя значительные перемены в словарном составе японского языка. С конца XX века глобализация, развитие информационных технологий, экономическое взаимодействие способствовали формированию новой волны распространения английской лексики. С помощью лексики английского языка происходит развитие научно-технической терминологии, терминологии экономического знания, управления корпорациями и т.д.

Стоит заметить, что в японском языке базовые концепты обладают относительной устойчивостью: исконная лексика, называющая ключевые для японской культуры понятия не заменяется заимствованиями из европейских языков. Японский язык имеет свою лексику, отражающую глубокие корни деятельности по организации и управлению. Лексика японского языка по тематике управления компаниями связана с предпринимательской культурой Японии, имеет глубокое культурологическое содержание, которое обуславливается социально-историческим опытом, специфическими установками японской культуры. В этой лексике находят свое отражение основы мировидения японцев, связанные с традициями, обычаями, правовыми и морально-этическими нормами. Современное законодательство, регулирующее деятельность компаний в Японии и их отношения между

⁴⁹ Подробнее см., например: Алпатов В.М. Япония: язык и общество./В.М.Алпатов М.: Наука, 1988. 136 с., Алпатов В.М. Япония: язык и культура./В.М.Алпатов. М.: Языки славянских культур, 2008. 206 с

⁵⁰ Период закрытия Японии для контакта с иностранцами - начало XVII в. - вторая половина XIX в.

⁵¹ Эпоха Мэйдзи – период в истории Японии с 1868 по 1912 гг., который стал временем формирования и развития капитализма, был ознаменован открытием страны для иностранцев, значительными политическими и административными реформами, построением основ промышленности, значительной европеизацией японской культуры и т.д.

собой, хотя и сформировано с учетом международной практики, но оно в значительной мере фактически лишь укрепляет издавна существующие традиционные для страны «негласные правила», формы и стиль работы, которые стали нормами экономической деятельности и условиями стабильности предпринимательской среды.

Истоки особенности языкового поведения японцев уходят в далекое прошлое и определяются многовековыми традициями социального уклада жизни и особенностями быта. Основополагающие концепции, лежащие в фундаменте культурных традиций и взаимоотношений японцев, связаны с групповым сознанием. Очевидна некоторая трансформация традиционного типа взаимоотношений, но базовые характеристики достаточно стабильны. Японская культура высококонтекстуальная, она имеет замкнуто-открытый характер, ей присущи черты коллективизма с высокой дистанцией власти. Социальные факторы определяют языковые нормы. Особенности менталитета и взаимоотношений отражается в языковом аспекте, например, на значении противопоставления принадлежности к группе «свой-чужой» и иерархичности взаимоотношений «высший»-«равный»-«низший».

В японской культуре коллективно-общинная деятельность традиционно являлась стилем существования каждого индивида. Групповая хозяйственная деятельность копировала взаимоотношения кланово-семейного типа, где неизменно присутствовало патерналистское покровительство со стороны лидера.

В современной экономике аналогами общинно-хозяйственного сообщества стали «кайся» - компании с традиционными элементами внутренних взаимоотношений, при которых и старейшины сообщества, балансирующие интересы всех, от кого зависит благополучие компании, остались неотъемлемой частью ее существования, заняв положение в корпусе высшего управления компании. «Кайся» - это не только экономическая организация, юридическое лицо, это еще и сложный социальный организм.

В лексической единице «кайся» отражаются исторические аспекты организации хозяйственно-общественных отношений. Лексема «кайся» состоит из двух частей: «ся» имеет значение «храм, организация, сообщество», «кай» – «собрание, заседание». Иначе говоря, лексема «кайся» изначально содержит смысловой акцент, указывающий на то, что это коллектив общинного типа.

В настоящее время в повседневном употреблении и экономической литературе закрепились лексема «сяин» в значении «сотрудник». В самом составе слова заложен смысл

глубокой причастности к организации, так как «сяин» в буквальном значении - «член сообщества». Лексическая единица «сяин» не входит в юридический нормативный оборот. Нанятое лицо компании в нормативных материалах называется «дзюгё:ин»- в буквальном значении «человек, ведущий дела» или «сиё:нин»- буквально переводится как «используемый человек», т.е. «нанятый, лицо, работающее в компании по найму». Употребление слова «сяин» подчеркивает принадлежность личности к единой общности, сопричастность к делам, идентификацию с компанией. То есть на практике это означает, что компания становится высшей ценностью, с которой ассоциирует себя нанятый на работу индивид.

Поведение компании в любой экономической среде зависит от решений и действий, совершаемых конкретными людьми, прежде всего теми, кто возглавляет ее и несет максимальную ответственность за ее деловую судьбу. Это, своего рода, “рулевые” компаний, стоящие на верхушке управления ею. Именно эти люди находятся на первой линии деловой активности, держа руку на пульсе экономического развития. Высший корпус управления компаний – это часть деловой элиты Японии, контролирующей основные экономические ресурсы общества.

Ранговые и иерархические оттенки социальных традиций прослеживаются в разнообразии лексики, обозначающей различные группы лиц, находящихся в корпусе высшего управления японскими компаниями.

«Нормативные высшие управляющие» – те, кто упоминается в законодательстве и без которых невозможно основание и существование юридического лица. «Нормативные высшие управляющие» обозначается как «дзю: яку» («омояку») - буквально “тяжелая , важная роль», то есть лицо или группа, наделенные максимальными полномочиями, лидеры; руководители высшего звена управления, фигурирующие с момента основания компании в ее учредительных документах и в структурах, определенных законодательством; директорат. Кроме этого используется еще лексемы «якунин» и «якуин» - в буквальном значении «исполнительская роль», высший корпус в управленческой иерархии компании, высшее должностное лицо-исполнитель. и на «косвенных высших управляющих» или «ненормативных высших управляющих», то есть тех, кто является таковыми по характеру выполняемой работы и влияет на принятие важнейших решений на уровне компании.

«Косвенные высшие управляющие» - лица, исполняющие обязанности на уровне высшего управления компании, – так называемые «минасякунин». Эта лексическая единица

образована от формы японского глагола «минасу» - «признавать» и существительного «якунин» - «высшее должностное лицо», то есть это «группа, которая признается частью высшего корпуса управления компании». Это «серые кардиналы высшего руководства» – высшие руководители по характеру выполняемой текущей деятельности, стоящие за кулисами корпоративной власти и предопределяющих многие важнейшие решения. Это те, кто занимает почетные должности «комон»- консультант или «со:даняку»-советник, старший консультант.

Деятельность, которой занимаются высшее звено управления компаниями, называется по-японски «канри» – администрирование, «кэйэй»- руководство, управление, оперирование или «кэйэйканри» - управление.

В Японии избегают сосредоточения власти у одного лица, поэтому и система принятия решения основывается на тщательной групповой проработке информации, ее коллективном обсуждении и согласовании. И на высшем уровне управления компаниями утверждаются решения, которое разрабатывается коллективно, согласуются между различными подразделениями и принимаются единогласно. В результате широкого обсуждения решения органично интегрируются в рабочий процесс. Особенности принятия решения можно проиллюстрировать такими безэквивалентными лексическими единицами как «нэмаваси» и «хинги» («ринги»). «Нэмаваси» – буквально переводится как «вращение вокруг корней», «обработка корневой системы», хотя в деловой практике «нэмаваси» обозначает систему согласований, предварительных переговоров для выяснения позиций и мнений коллег перед принятием какого-либо решения или совершением какого-либо действия. «Хинги» («ринги») – буквально переводится как «собрание для уведомления», на практике – это процедура единогласного принятия решения на специальном заседании, во время которого утверждение предложения в виде документа осуществляется путем постановки личной круглой печати всех участников принятия решения. При этом печати ставятся вразнобой для того, чтобы впоследствии трудно было понять, кто первый поставил печать согласия под решением.

Неотъемлемой частью предпринимательской культуры является коммуникативное поведение, т. е. совокупность норм и традиций в общении людей, принадлежащих данной культуре. Многие детали проявляются в практике неформальных встреч, организация досуга. «Бо:нэнкай» – буквально «встреча для забвения года», в практике деловых контактов японских компаний - неформальная вечеринка, которая проводится коллегами регулярно в конце года. Это своего рода возможность установить или углубить неформальные контакты.

В таких вечеринках принимают участие руководители разного уровня, что позволяет расширить круг знакомств и немного сократить статусную дистанцию.

Японцы при разговоре часто употребляют обращения, указывающие на место человека в иерархии (социальной, рабочей), его роль в иерархии, например, сятё: (господин президент), кайтё: (господин председатель) и т.д. Подобного рода обращение несет в себе несколько смысловых характеристик и указывает, в том числе, на принадлежность к единому целому, готовность прислушиваться к мнению и подчиняться⁵².

Между компаниями различного типа, главным образом, между крупными – с одной стороны и средними и мелкими – с другой, возникают особые связи, основанные на сбытовых, производственных и т.д. отношениях. Эти связи формируют из тесно взаимодействующих компании в группы, носящие название «кэйрэцу» - буквально « выстраивание ряда», что представляет собой специфически японскую систему организационно-хозяйственных зависимостей. «Кэйрэцу» позволяет формировать не только производственные связи, но и личные связи – «дзинмяку». «Дзинмяку» буквально переводится как «цепочка людей». Это - долгосрочные отношения между людьми, устанавливающиеся в процессе длительных формальных и неформальных контактов. Это очень важный аспект японской предпринимательской деятельности, который особенно четко отражается в элементах организации кадровой работы, охватывающей и высшее звено управления.

В связи с демографическими особенностями характеристик рабочей силы в Японии происходят изменения и в приемах кадровой работы с высшими руководителями. Кадровая политика крупных компаний направляется на более активное использование межфирменных каналов как одного из перспективных вариантов поиска современной экономически целесообразной системы внутреннего регулирования трудовых ресурсов и продвижения руководителей высшего уровня в рамках традиционной сбалансированной корпоративной и межкорпоративной структуры. Вследствие этого наблюдается более интенсивное движение по внутрифирменным и межфирменным каналам «кэйрэцу». Один из примеров – практика работы с персоналом, называемая «хакэн». В буквальном значении «хакэн» - это «отсылка», хотя в кадровой работе «хакэн» обозначает процедуру временного перевода руководителя, как правило из вышестоящей компании в подчиненную, на другое место работы аналогичного ранга, с похожим объемом полномочий и содержанием работ для выполнения

⁵² Корчагина Т.И. Японский язык: величины переменные и постоянные. Японское общество: изменяющееся и неизменное. / Т.И.Корчагина и др. Рук. проекта Э.В.Молодякова.- М.: АИРО – XXI, 2014., с. 154

какого-либо делового задания без потери категории занятости. Еще один пример - «сюкко:», что в буквальном значении обозначает «выдвижение», на практике – это кадровая ротация, перевод с одного места работы на другое для временного выполнения какого-либо задания, обучения различным организационным и управленческим функциям и более широкого ознакомления с работой компании; оплата содержания осуществляется, как правило, с того места, откуда проводится ротация. Еще одна лексическая единица, связанная с практикой формирования корпуса высшего управления компаниями - «амакудари». «Амакудари» буквально переводится, как «спустившийся с небес». Так называют бывших служащих государственных учреждений, которые принимаются в корпус высшего управления компаний после увольнения, как правило, по достижению пенсионного возраста.

Таким образом, наблюдавшееся с начала XXI века стремительное развитие процесса глобализации, создало впечатление о полном взаимопонимании Западной и Восточной культур. В действительности продолжают сосуществовать совершенно различные, в значительной мере обособленные культурные пространства со своими, не похожими на друг на друга основополагающими архетипами сознания, которые определяют отношение к миру и мышление.

Япония известна в мире не только как страна, достигшая больших успехов в области промышленного строительства, экономики и высоких технологий, но и как страна, сумевшая в большей степени, чем другие развитые страны, сохранить свою национальную самобытность. Этому способствует приверженность к традиционным ценностям, которые сформировались на основе понимания японцами мира и своего места в нем, взаимоотношений человека и природы, чувства долга и ответственности. Они влияли на формирование национального характера, особенностей японской культуры и социальных взаимоотношений. Эти аспекты культуры нашли свое отражение в лексике японского языка.

В настоящей работе мы привели примеры лексики японского языка по тематике управления компаниями, которая включает в себя наиболее яркий национально-культурный компонент, отражающий японскую предпринимательскую культуру и своеобразие организации «общинного типа». Этот аспект лингвокультурологического анализа лексики важен, так как он не только дополняет знания о национальных предпринимательских традициях новым аспектом, но и позволяет дать оценку национального вклада в общечеловеческий опыт предпринимательства.

В этой связи исследовательский интерес, который только малой толикой обозначен в настоящей статье, ориентируется на необходимость проведения подробной систематизации лексики японского языка по тематике управления компаниями. Анализ лингвокультурологических особенностей лексики создаст возможность для более широкого представления о масштабах взаимодействия различных предпринимательских культур и глубине сохранения национальных особенностей.

Подобные исследования позволят определить степень адаптивности японской предпринимательской культуры к предпринимательским культурам других стран и, наоборот, отметить границы приспособляемости и взаимодействия предпринимательских культур других стран к японской деловой практике.

Список литературы

- Алпатов В.М.* Япония: язык и общество./В.М.Алпатов М.: Наука, 1988. 136 с.,
- Алпатов В.М.* Япония : язык и культура./В.М.Алпатов. М.: Языки славянских культур, 2008. 206 с
- Большой Японско-русский словарь в 2-х томах. /С.В.Неверов, К.А.Попов, Н.А.Сыромятников и др.; под ред. Н.И. Конрада. М.: «Сов. Энциклопедия», 1970. 1400 с. (Части 1-2)
- Герасимова М.П.* Механизм заимствований в японской культуре. Япония. Ежегодник 2010. /М.П.Герасимова и др. М.: «АИРО-XXI», с. 192 – 208
- Корчагина Т.И.* Японский язык: величины переменные и постоянные. Японское общество: изменяющееся и неизменное. / Т.И.Корчагина и др. Рук. проекта Э.В.Молодякова. М.: «АИРО – XXI», 2014., с. 134- 155
- Спицына К.А.* Главные руководители японских компаний: практика работы / К.А.Спицына. М. : Финансы и статистика, 1999 . 160 с.
- Японско-русский учебный словарь иероглифов / Н.И Фельдман-Конрад. - 2-е изд. перераб. и доп. М.: Русский язык, 1977. 682 с.
- Kenkyusha's New Japanese-English Dictionary / General Editor: Katsumata Senkichiro. Tokyo: Kenkyusha, 1954. 2136 p.
- Кобаяси Х.* Торисимарияку-но хорицу (Законодательство для директоров)/Х.Кобаяси. Токио: Дайямондо сэ:русу. 1996, 281 p.

Сунь Е

Высшая школа академии общественных наук КНР
г. Пекин (Китай)

Sun Ye

Graduate school of the Chinese Academy
of Social Sciences
Beijing (China)

ДИНАМИКА ВОСПРИЯТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ ГОГОЛЯ В КИТАЙСКОЙ АУДИТОРИИ

DYNAMICS OF THE ACCEPTANCE OF LITERARY TEXTS BY GOGOL IN THE CHINESE READERSHIP

Словесно-художественный текст рассматривается в его отношении не только к автору, но и к воспринимающему сознанию, т.е. к читательской аудитории. Среди разных читательских аудиторий, иноязычная аудитория представляет особый интерес для специалистов по зарубежной литературе. В связи с этим, внимательный и разносторонний анализ динамики восприятия художественных текстов русской литературы оказывается особенно необходимым и актуальным. Материалом для анализа данной работы послужили информации из китайской социальной сети «Доу Бань» - известный сайт сообщества, направленный на представление информации о книгах и их обсуждение. Замечается, что для читателей разной эпохи— художественный текст Гоголя предстает в различных обликах. Восприятие художественных текстов Гоголя в Китае перешло из чисто-идеологической ориентации в свободного разнообразного мышления. Мы считаем, что отклики в сети «Доу Бань» представляют новейшие взгляды современных китайских любителей художественных текстов Гоголя. В настоящей работе разделяется три основных группы этих откликов: речевая характеристика (или впечатление на самого автора), мирозерцательное размышление и профессиональный композиционный анализ художественного текста. Наше исследование показывает, что тенденция интереса китайской аудитории к художественным текстам Гоголя идёт к многообразному развитию и переосмыслению.

The artistic language text is considered in its relation only to the author, but also to the perceiving consciousness, namely the readers. Among the various readership the acceptance of foreign readers is of particular interest to foreign literature experts. Therefore, it is particularly necessary and urgent to give a detailed and comprehensive analysis about the dynamic acceptance of Russian literary texts. The source of the material for the analysis of this study is the information from the Chinese social network "DouBan" - a well-known community website aimed at providing information about the books and their discussion. We found that, for readers of different times artistic text Gogol appears in various guises. The acceptance of literary texts by Gogol in China has shifted from a purely ideological orientation to a variety of free thinking. We believe that the online comments of the network "DouBan" represent the latest views of contemporary Chinese literary enthusiasts of texts by Gogol. Present work is divided to three major groups of these comments: language characteristics (or impression on the author), world view meditation and professional composition analysis of literary text. Our research shows that, the trend of Chinese readers' interest to artistic texts Gogol goes to diverse development and reflection.

Ключевые слова: динамика, восприятия художественных текстов Гоголя, китайская аудитория, речевая характеристика, миросозерцательное размышление, профессиональный композиционный анализ.

Key words: the acceptance of literary texts by Gogol, the Chinese readership, the language characteristics, the world view meditation, professional compositional analysis.

Художественная литература как вид искусства прежде всего представляет собой мастерство писателей. Они так уместно применяют народный язык, что художественная речь казалась нам не столько неведомой тяжеловесностью, сколько родными и приятными рассказами. Вместе с этим, она богата ещё тем, что в ней не только воспроизводится жизненное явление, но и воплощается философский взгляд автора на мир. В этом заключается духовная ценность классики. Известно, что в составе художественного творчества неотъемлемо важна его коммуникативная сторона. Под «коммуникативной» понимается диалог между писателем и читателем, читателем и текстом. Здесь выделяется роль читателя и его умение интерпретации текста. Для разных читателей - разное отношение к тексту. Когда речь идет об аудитории иноязычной, интерпретация становится исключительно интереснее.

Когда мы говорим о восприятии читателями художественного текста, мы имеем в виду их понимание и ощущение. Понимание зарубежных читателей в первую очередь зависит от качества переводов текста. При высококачественном переводе текст приобретает экзотический колорит, и перед читателями открывается иноземная необыкновенная картина. А нескладный перевод ее только уничтожает. Благодаря китайской славной традиции в литературной деятельности, переводом русских художественных текстов не переставая занимаются русисты из поколения в поколение.

Первым, кто перевёл произведения Гоголя для китайской аудитории, является великий китайский интеллигент Лу Синь. Именно под пафосом «Дневник сумасшедшего» Гоголя он написал свой знаменитый одноимённый рассказ, который побудил китайский народ на противостояние с феодализмом и глубокое самосознание. Стоит отметить, что Лу Синь перевёл его не с русского оригинала, а с японского перевода, но при этом его цель - внедрение гоголевского творчества в Китай – была осуществлена. Так сложилось первое впечатление старой китайской массовой аудитории на гоголевский «Дневник сумасшедшего». Его творчество на китайской земле начинается восприниматься как оружие борьбы с феодальным самодержавием за свободу народа. Потом наступил период полного

обращения к советскому социалистическому реализму новой китайской литературы. С 50-х по 70-е годов 20 века, за 30 лет в Китае переиздали и заново перевели почти все произведения Гоголя и эти новые переводы заметно превосходили предыдущие как по количеству, так и по качеству. Это в большей мере объясняется политической сферой того времени Китая: в ответ на призыв председателя Мао Цзэдуна, весь народ вступил в борьбу с коррупцией и вульгарной пошлой идеологией капитализма. В этом смысле «Ревизор» и «Мёртвые души» удовлетворяли требование политической жизни страны. А своеобразный приём сарказма Гоголя в представлении китайского народа был направлен на сопротивление всему, что препятствует строению социалистического общества в Китае.

Это лишь коснулось одного аспекта художественного текста — нравственной стороны, тем более его функция воздействия на общества осуществляется в искажённом виде с партийно-идеологической окраской, ведь литературное произведение далеко не тождественно средству классовой борьбы. Художественный текст - это многоплановая целостность, имеющая различные грани. Как говорит Хализев В. Е. в «Теории литературы»: «Опираясь на классическую эстетику и работы современных теоретиков искусства, мы выделим три важнейших и органически взаимосвязанных аспекта художественного творчества: эстетический, познавательный и миросозерцательный (точнее - аспект авторской субъективности)».⁵³

Начиная с 80-х годов 20 века, гоголевское творчество стали серьёзно изучать китайские русисты и литературоведы. В связи с этим, его художественные тексты получили широкое распространение среди китайских литературных любителей. Вместе с выходом нового издания «Полное собрание Н. В. Гоголя», появились и многочисленные исследовательские статьи. «С 1980-го до 1984-го года за годом в свет выходят статьи в количестве 30-60.»⁵⁴ За этот период связи литературы с общественным веянием ослабили. Немало из этих статей обсуждало художественную специфику гоголевского творчества и анализировало художественную идею в его творчестве.

С 80-х годов горизонты читательских ожиданий стали необычайно многообразны благодаря активной научной деятельности современных переводчиков, литературоведов и русистов. Современные китайские читатели, вдохновлены его гоголевским творчеством, уже свободно мыслят, не ограничиваясь общественным веянием. Они обдумывают прочитанное и разбираются самостоятельно в глубине испытанных эмоций.

⁵³Хализев В. Е.: «Теория литературы», изд. Москва «Высшая школа» 2007, С. 15

⁵⁴Ван Чжиген: 80 летний путь Гоголя в Китае,

Ниже даётся моё исследование на материале откликов любителей гоголевского творчества. Материалы были собраны из китайской социальной сети «Доу Бань» — известный сайт сообщества, направленный на представление информации о книгах, фильмах, музыке и других работах. Здесь собираются новейшие описания книг и ценные отклики на них и все эти «следы» оставляют реальные пользователи, основной частью которых является активная городская образованная молодёжь, в том числе и офисные рабочие и студенты. Это платформа для экспрессии и обмена читательского опыта. Я думаю, что здесь лучше всего отражает тенденцию вкуса нынешней китайской читательской аудитории и её ассоциацию с художественными текстами Гоголя.

Для читателей разных ракурсов — художественные тексты Гоголя предстают в различных обликах. Мы разделим их на три основных группы: речевая характеристика (или впечатление на самого автора), миросозерцательное размышление и профессиональный композиционный анализ художественных текстов.

Среди всех комментариев и откликов на Гоголевские произведения, больше всего внимание обращено на его речевую специфику. Некоторые жалуются на его болтовню и растянутое описание:

«Он болтает о чём попало, мне надоедает сильно. Личный тон автора чувствуется беспокойным, будто всегда торопится высказать что-то...»;

«Не знаю, перевод трудно понять, очень много пустой болтовни, ещё и диалект, местный говор...»;

А некоторые, наоборот, в процессе преодоления затруднения проникли в художественный мир, создаваемый автором своей болтовней:

«Честно говоря, мне было трудно читать его произведение. Голова кружилась. У меня было такое ощущение, будто кто-то всеми силами засунул мою голову в кошмар, из которого мне хочется бежать, выбросить книжку в сторону и перестать её читать, а она как заклинание заставляет меня брать её заново испытывать такое мучение. Выбросить и взять, выбросить и взять, так повторял много раз, и наконец решил оставить её рядом с подушкой и читать понемногу каждый день. И вот в один из дней мне приснились герои из иллюстрации книги. Они стали живыми и начали мне подмигивать, потом я услышал страшный смех. Я встал с постели от крика и увидел книгу, лежащую рядом с подушкой».

Действительно, болтовня Гоголя встречается в каждом его произведении, поэтому они были определены Эйхенбаумом Б. М. как «повествующим комическим сказом», за которым

«как был скрывается актёр», выполняющий «мимико-артикуляционные жесты». Правда, до того как я прочла «Шинель» на русском языке, я три раза читала китайский перевод когда была школьницей и была утомлена его бесконечным живописным описанием и часто раздражалась его вечным отклонением от линии развития сюжета. Но бывали случаи, когда глаза бегали за многословными строками, и вдруг останавливались на каком-нибудь смешном изложении, и я смеялась вслух и говорила про себя: «Вот какой докучливый писатель, еще и смешной!» Об этом свидетельствует момент, когда я столкнулась со следующими фразами: «...и цветом лица что называется геморроидальным... Что ж делать! Виноват петербургский климат». «Образное слово «геморроидальным» вызывает у меня ассоциацию лица невинного человека, замученного геморроем. Несколько лет спустя, прочитав статью Эйхенбаума Б. М. «Как сделана «Шинель» Гоголя», я решила перечитать этот текст на русском языке. В этот раз я больше не чувствую расстояние между мной и автором и его нудная речь стала мне казаться интимной и интересной. Здесь мы видим разницу перевода и оригинала в воздействии на читателя. В определённой степени место оригинала не заменимо. Приведём тот же самый пример: «И так, в одном департаменте служил один чиновник, чиновник нельзя сказать, чтобы очень замечательный, низенького роста, несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько даже не вид послеповат, с небольшой лысиной на лбу, с морщинами по обеим сторонам щек и цветом лица, что называется геморроидальным». По анализу Эйхенбаума Б. М. специфика данной фразы состоит в её вуковой форме, что «приобретает особую эмоционально-выразительную силу и воспринимается как комический звуковой жест независимо от смысла».⁵⁵ В отличие от китайского читателя, в глазах русских читателей, звуковая форма победит смысл, создавая ритмическое нарастание и звучит грандиозно, фантастично, вне всякого отношения к смыслу. А в китайском переводе эффект созвучных окончаний частично было осуществлен и звуковая выразительность оригинала ослабилась. Подобную разницу мы наблюдаем в имени персонажа Акакий Акакиевич. Русское имя, фамилия, отчество — вечная головоломка для китайской аудитории. Сравнивать с китайскими именами, русское имя намного длиннее и оно трудно для произношения и запоминания. Эйхенбаум Б. М. придал приёму создания артикуляционному имени значение «звуковой семантике». Для большинства китайцев перевод русского имени выглядит чуждым и длинным, они так и вынуждены тратить много

⁵⁵Манифесты «ОПОЯЗА»: Б. М. Эйхенбаум. «Как сделана “Шинель” Гоголя»

умственных сил, чтобзапоминать эти имена, не говоря уже о осознании ихзвуковой выразительности.

Гоголевский юмор давно был известен среди китайских читателей. Раньше в китайской читательской среде юмор такого рода считался средством разоблачения социального изъяна, а сейчас люди гораздо чаще сосредотачиваются на приёмах создания юмора и его своеобразной тональности.

«Гоголевска яособенность скорее всего заключается в его беспощадной речи, в ней есть что-то жестокое, искажённо эстетическое, вызывающее изумление у читателей», отмечал один пользователь»;

«Меня больше всего привлекает его гротеск. Фантастический элемент был переплетен с реалистическим мотивом»;

«У него острый язык с жалкими потугами»

Говоря об отношении к художественной идеи Гоголя, китайское массовое сознание перешло из «политической ориентации» в «свободное мирозерцательное раздумье». Хализев В. Е. отмечает в учебнике «Теория литературы», “Специфика же собственно художественных идей заключается не в самой по себе их эмоциональности, а в направленности на мир в его эстетической явленности, начувственно воспринимаемые формы жизни”.⁵⁶ «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» – в китайской читательской среде эти слова вызвали общее сочувствие, - и в этих проникающих словах звенели другие слова: «Я брат твой». Читая этот отрывок в «Шинели», некоторые любители были тронуты до слёз.

«Оказывается, что люди в прошлом ничем не отличаются от наших современников. Даже великие души могут заплакать как маленький человек»;

«Я тоже заплакал, мне очень жалко героя истории. Как люди могут быть такими жестокими! Понять не могу!»

«Гоголь обнажает абсурдность всего мира и предсказывает конечное состояние человечества! »

«Говорят, что все мы вышли из гоголевской шинели, а насамом деле, никто из нас так и не вышел из неё».

Как видим, с течением времени, в меняющих социально-культурных контекстах восприятие литературы обновлялось и нашло своё новое отражение. Что касается

⁵⁶Хализев В. Е. : «Теория литературы», изд. Москва «Высшая школа» 2007, С. 65

гоголевской «Шинели», то в центре внимания новой читающей аудитории стоит осмысление бытия человечества, его природы и уязвимости. Подобное понимание встречается в повести «Невский проспект».

«В повести «Невский проспект» показывается деформация общества»;

«Действительно, как странно играет нам и судьба наша! Дивно устроен свет наш!»

В поэме «Мёртвые души» китайские читатели начали рассматривать образ Чичикова иначе, чем 50 лет назад. Вместо пренебрежения и ненависти пришло сострадание и понимание.

«Меня поразило горькое покаяние Чичикова. Оно заставляет меня перечитывать эти страницы. У меня не было никакого ожидания об этом человеке в начале, но мне его стало жалко когда я услышал как он плакал над крушением надежд. Чичиков не виноват, виновата существующая социальная система. Поведение Чичикова можно рассматривать как деконструкцию упадочной империи».

«Мы узнали происхождение и воспитание героя. Жить состоятельной жизнью – это его единственная мечта. На самом деле, в наши дни тоже есть Чичиковы. Умение обращаться с людьми и искусное ведение разговора поможет им быстро добиться определённых успехов, однако значительных высот ни за что не достигнуто».

В поле зрения китайских читателей, места, где происходят события, обобщены и типизированы: они не ограничиваются географически. Знакомая картина описания города Петербурга и работы в канцелярии напоминает китайской читательской аудитории отечественные города и аналогичную ситуацию чиновничества в Китае. Петербург, описываемый Гоголем – город изобилующий равнодушием, ложью и извращением.

«Вам нужно посмотреть гоголевский Петербург, а может быть и не нужно, потому что мы все живём в нём. Посмотрите на мир вокруг вас, Петербург Гоголя – это ваш Пекин, Шанхай. Они находятся на одной широте земли на краю гибели»;

«Я очень рад, что прочитал эту книгу - «Шинель». Изложение тяжёлой темы скрывается под остроумием Гоголя. В нём что-то напоминает мне картину некоторых наших служащих в государственных учреждениях»;

«Я думаю, что каждый, кто имел дело в жизни с работниками аппарата испытывал униженное и оскорблённое чувство героя. Социальное явление в бюрократической машине только разбивает народную надежду на государство»;

Надо отметить, что наряду с выражением эмоций и индивидуального мирозерцания были и профессиональный композиционный анализ художественной характеристики среди всех откликов. Это не удивительно, потому что состав читательской аудитории Китая расширяется с каждым днём и её уровень очень быстро повышается благодаря активности участия образованных читателей. С другой стороны, воздействие литературных теоретиков и критиков тоже играет важную роль в процессе повышения уровня читательского опыта. Возьмём пример из одного комментария, сопоставляющего структуру в повестях «Невский проспект» и «Портрет».

«В обеих повестях рассказывается история о художнике. В «Невском проспекте» автор представляет читателю мрачность двумя противоположными историями (благородностью художника и гнилой душой чиновника). Средство сопоставления мне казалось свежим. А «Портрет» тоже состоит из двух частей, но её концовка непросто заканчивается, а открывает безграничный цикл. В этом смысле художественный эффект в повести «Портрет» достигается лучше чем в повести «Невский проспект»».

В китайском переводе «Шинель» первый абзац занимает 3 страницы, а абзац о том, как Акакий Акакиевич сэкономил и накопил деньги для новой шинели, занимает целых семь страниц! Такой объём мало встречается в китайской литературе. По этой причине Гоголя называет один читатель «Дядькой, который не делит абзац». В ответ на этот комментарий дописались следующие чёткие и образные слова:

«С тех пор, когда Акакий Акакиевич решил сэкономить деньги, чтобы сделать новую шинель, сюжет повести сжимается до максимума — он придумал разные способы: изгнать употребление чаю по вечерам, не зажигать по вечерам свечи; ходя по улицам, ступать как можно легче и осторожнее по камням и плитам...; как можно реже отдавать прачке мыть бельё, а чтобы не занашивалось, то всякий раз, приходя домой, скидать его и оставаться в одном только демикотоновом халате, очень давнем и щадимом даже самим временем. Несколько тысяч слов без паузы и деления на абзацы. Повествовательная структура автора проявляется как бы в форме песочного фильтра, и движение сюжета доходит до самого узкого места. Гоголь своим непрерывным повествованием завернул нас крепко в его «Шинель»».

Кроме вышеуказанных, китайские читатели также проявляют интерес к русскому народному обычаю и его менталитету. Немало читателей сравнивало Гоголя с другими китайскими и мировыми писателями. Например, они сравнивали «Дневник сумасшедшего»

Лу Сини с произведением Гоголя, обсуждали влияние Гоголяна Лу Сини и разницу между ними. Они сравнивали Гоголя с Кафкой и выражали своё предпочтение.

Более того, ныне в китайской читательской аудитории наблюдается тенденция проявления больше внимания на «Рим» и «Портрет», нежели «Нос» и «Невский проспект». В отличие от критики 50-х годов, когда они были подвергнуты критике из-за «реакционного религиозного искупления» и «мистицизма», они начали получить признание и рассматриваться как лучшим воплощением авторской идей и ценностей шедевров.

Список литературы

Хализев В. Е. Теория литературы: Учебник/ Хализев В. Е. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Высш.шк., 2007. – 405 с.

Эйхенбаум Б.М. Манифесты “ОПОЯЗА”: Как сделана “Шинель” Гоголя [Электрон. ресурс] / - Режим доступа: <http://www.opojaz.ru>

Ван Чжиген. 80-летний путь Гоголя в Китае// Исследование зарубежной литературы. – 1999. –№ 2
Избранные произведения Н.В. Гоголя (в 2 т.)/ Перевод Мань Тао. Изд. “Народная литература”, г. Пекин, 1984

Ху Чжаньчжень. Гоголь и его творчество. изд. Пекин, г. Пекин, 1982.- 122 с.

Сьянова Е.И.
Институт лингвистических исследований
Российской академии наук
Санкт-Петербург (Россия)

Syanova Elena
Institute for Linguistic Studies, (ILI)
Russian Academy of Sciences
Saint-Petersburg (Russia)

НАРОДНАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ, ВЕРОВАНИЯ, ПОВЕРЬЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКО-УКРАИНСКИХ ГОВОРОВ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ) (1)⁵⁷

FOLK DEMONOLOGY, BELIEFS, SUPERSTITIONS (BASED ON MATERIALS OF RUSSIAN-UKRAINIAN DIALECTS OF VORONEZH REGION)

Предметом настоящего исследования является лексика народной демонологии, магии, поверий и различных верований, бытующая в русско-украинских говорах современной Воронежской области. Описание названной тематической группы дается в этнолингвистическом аспекте. В основе статьи – оригинальный материал, полученный в ходе диалектологических экспедиций (1997 – 2014 гг.). В статье рассмотрены языковые воплощения мифологических, а также магических представлений носителей диалектов. Приводятся контексты употребления каждой лексемы (домовый, хазяин, нэчистый, русалка и др.). Лексический состав данной тематической группы представляет собой своеобразную систему, имеющую много общего с системой смежных южнорусских говоров. Полевые данные дают возможность выявить диалектные единицы, не отмеченные в словарях (хока, поляньска прожора, юда, пыдьюда). Лексика, темная с точки зрения этимологии (хока), ставит перед учеными новые вопросы относительно их происхождения.

The object of the research is the lexis of folk demonology, magic, beliefs and various superstitions, fixed in Russian-Ukrainian dialects of contemporary Voronezh region. Description of this thematic group is given in ethnolinguistic aspect. The article is based on the original material collected during dialectology fieldwork (1997 - 2014). It concerns language embodiments of mythological and magic ideas of dialects speakers. Usage contexts of each lexeme (домовый, хазяин, нэчистый, русалка, and others) are given. Lexis of this thematic group is an original system having a lot in common with that of neighboring Southern Russian dialects. The field data give an opportunity to discover the dialectal lexemes which are absent in dictionaries (хока, поляньска прожора, юда, пыдьюда). Lexis with unclear etymology (хока) raises before scholars new questions concerning its origin.

Ключевые слова: народная демонология, поверья, русско-украинские говоры, этнолингвистический аспект.

Key words: folk demonology, beliefs, Russian-Ukrainian dialects, ethnolinguistic aspect.

⁵⁷ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта ("Сводная диалектная лексикография: теория и практика"), проект № 13-04-00148

В настоящей работе предпринята попытка представить лексику народной демонологии, поверий, функционирующую на территории Воронежской области, в зоне русско-украинского пограничья. Материал, изложенный в статье, позволяет расширить границы распространения диалектных единиц обозначенной лексико-семантической группы, определить общие культурные мотивы в традициях, верованиях славян, способствует выявлению этимологических связей. Несмотря на обширный материал по изучению данной тематики [Виноградова, 2000; Власова, 1998; Дынин, 1993; Новичкова, 1995; Померанцева, 1975; Толстой, 1995; Толстой, 2003; Черепанова, 1983; Беларуска міфалогія, 2004 и др.], «обнаруживаются многочисленные лакуны» [Проценко, 1996, с. 70].

На территории Воронежской области сосуществуют две системы: южнорусские говоры и говоры с украинской исторической основой. Взаимоотношения двух систем можно определить термином интерференция. Языковые системы находятся в состоянии интенсивного взаимодействия, при этом они сохраняют специфические черты, представляя собой принципиально разнородные явления. Изучение украинских говоров Воронежской области представлено в работах как украинских, так и российских диалектологов [Авдеева 2001; Авдеева, Давыдова, 2006; Сікорська, 2001 и др.]. Частично обозначенная нами тема представлена в работах В.Ф. Филатовой, основанных на материале прежде всего смежных южнорусских говоров [Филатова, 2010]. Обращение к теме народной демонологии, поверий, верований в рамках русско-украинских говоров обусловлено, в первую очередь, тем, что говоры Воронежской области, в частности украинские говоры, бытующие на данной территории, до настоящего времени недостаточно полно представлены лексикографически (в небольшом количестве они отмечены в [СРНГ]). Кафедра славянской филологии Воронежского госуниверситета работает над созданием «Словаря воронежских говоров» (изданы том 1 – 2). Отметим, что данное издание содержит большое количество отсылок к тому же [СРНГ]. Украинские говоры Воронежской области представлены в «Атласе украинского языка», при этом они остаются за рамками «Лексического атласа русских народных говоров». Богатый по номенклатуре лексического состава «Словарь украинских говоров Воронежской области» выпущен М.Т. Авдеевой [Авдеева, 2008, 2012]. Следует признать относительно слабую представленность лексем обозначенной нами темы во всех названных изданиях.

Говоры с украинской основой определяем в работе как русско-украинские. Диалектоносители в ситуации официального общения используют чаще всего русский язык, в неофициальной ситуации – родной говор. Данная группа проживает на территории современной Воронежской области более четырех столетий. Как известно, в XVI-XVII вв. происходило массовое переселение выходцев из Украины прежде всего в южные районы Воронежской губернии [Чижикова, 1988]. В настоящее время носители говоров с украинской основой самоопределяются как русские, до настоящего времени сохраняя украинские черты на разных языковых уровнях и одновременно приспосабливаясь к другой языковой системе [Сьянова, 2011 и др.]. Графика, алфавит украинского языка не известны диалектоносителям, ими не используется письменная форма «материнского» языка. *До'ця, да мы пы'шымося ру'ски, по-ру'с'ки пы'шым мы* (Медвежье).

Источником данного исследования послужили расшифровки магнитофонных записей устной речи, сделанные нами с 1997 по 2014 гг. в различных районах Воронежской области. Привлекались материалы картотеки лаборатории региональной лингвистики Борисоглебского государственного педагогического института, а также «Словаря украинских говоров Воронежской области» [Авдеева, 2008, 2012].

В статье нами представлены некоторые частные наблюдения в отношении лексики народной демонологии и поверий с последующим расширением номенклатуры данного пласта и более глубоким анализом. Отметим, что взаимовлияния двух систем – русской и украинской – на исследуемой территории определяют произошедшие лексические и семантические изменения, которые несомненно нашли место и в сфере мифологической, демонологической лексики.

В качестве общего названия нечистой силы используются номинации **нэчи'стый**, **нэчи'ста сы'ла**: *Ныко'лы нэ ну'жно называ'т' рэбёнка «пус'т' тибя' воз'мёт' нэчи'стый». Кыну'лас' ма'тэ иска'т', а рэбёнок в си'н'цях; Почёму' так чёлови'ку взбрэло', тры хо'да ў тюр'ми', а до'ма прышо'ў и задушы'ўся. Их и на кла'дбищи нэ хоро'няют'. Цэ ж нэчи'ста сы'ла ўлада'ит ым; В викно' сту'кае, и мы с нэй повыда'лыся ў чи'стый чэтви'рh, а у'тром ўста'лы, а она' ў коло'дизи. Пропа'ў у нэ'й сын, лиh пид по'јизд, а сыны' ста'ршые нэ сказа'лы ма'тэри, а она' ў тоску' ўпа'ла. Так нэчи'ста сы'ла овлади'ла е'ю.* (Власовка). Нечистая сила способна «заманивать» человека, особенно поддающегося горю, тоске, грусти: *Ни'ну, Ни'ну, тэбэ' зовэ' Ко'ля* (умерший сын) *в со'сну. Забиha'е она' в бэрэ'зкы, вин сыды'т': соро'ч'ка*

наза'д, мотня' впе́рэ'д. Ко'ля, че́ цэ с тобо'й? Г(н)ляд', а ё'но нэма'. Вот як затя'нуе нэчи'ста сы'ла. Умэ'р сын у мэ'н, ду'жэ крычя'ла за сы'ном: я за тэ'бэ трэ'х отда'м крычя'ла. Як танцю'ет о'коло викна', я пидхо'дю: кто цэ? – а цэ Ко'ля. Цэ ж нэчи'ста сы'ла. (Власовка). В последнем примере интересен мотив «наоборот»: «соро'ч'ка наза'д, мотня' впе́рэ'д». Ср.: от таких демонических существ, как *вилы*, способных «затанцевать», можно было защититься только тем, что вывернешь одежду наизнанку [Валенцова, 2003, с. 24].

Для обозначения мифологического персонажа – обитатель дома и в частности двора наряду с лексемой **домовы'й** служит повсеместно русский вариант **домовой**, в форме множественного числа – **домови'** и **домовья'**: Ну, ка'жут', шо домов'я', ныхто' их нэ ба'чи'ю. А ес'т' посло'вица, шо домови', домов'я'. А хто ё'но зна'е? (Подгорное Россосш.). В ходе диалектологических экспедиций зафиксирована форма **доломы'й**: Мэни' оды'н раз було'. Бо'ком лэжа'ла, ба'ба, на якы'с' пра'знык, вста'ла, двэ'ри отчиня'е, и до мэ'нэ прыхо'дэ, навалы'ўся на мэ'нэ. Че́ цэ такэ', Г(н)о'споди? Вин як на у'хо ду'ну'ю – к ху'ду ста'ло быт'. Я нычэ'но нэ спросы'ла. Цэ ж бу'ю доломы'й. Пожыла' я в сэ'мэ'йстви сы'рото'й, по'хори'лы, война', так вот жыла'. (Власовка). Повсеместно функционирует лексема **хазя'ин**: Ныко'лы ложки' нэ убира'й со стола' и нэ мы'й, собэры', сложы' ў салхве'тку и положы' ў стака'н, хазя'ин пры'йдэ вэчэ'рят'. Ес'т' хазя'ин своё'м до'му. Е'сли јиму' вэ' нра'выт'ця, так вин ло'шади заплэ'та'е hry'ву. Ло'шад' тоди' лу'ч'че всых. У поко'йной золо'ўкы хоро'ша ло'шад' була'. А то посэ'че' – ныма' нэ hry'вы, нычэ'но. (Власовка).

По суеверным представлениям, домового нельзя увидеть: У ка'ждой ха'ти жывэ' домовы'й. Ныхто' ё'но нэ ба'чи'ю. Домовы'й мо'жэ буд' дэ в'но'дна, но жывэ' ти'кы на потолку'. Домовы'й – цэ хазя'ин. Ё'но ныл'зя ла'ят', а то вин разозлы'тца и наро'бэ у ха'ти биды'. (Кувшин). Однако он может являться в образе кошки или собаки: У мэ'нэ вторы'й ма'л'чик нашо'ўся, цэ ж роды'ўся. Я ё'но покормы'ла, а доч' на полу' лэжа'ла. А я уста'ла к нэй и лэжу' с нэй, зна'чит': двиря'м хлоп, и вошло' и як навалы'лос' на мэ'нэ. Я крычю', а слуху' мо'но не'ту. Крычю': «Г(н)ры'шка, Г(н)ры'шка, Г(н)ры'шка». Я и ховорю', чи к добру', чи к ху'ду. Услыха'ла «к ху'ду». Или свой я хо'лос услыха'ла? Ма'л'чик умэ'р у мэ'нэ цэй, зна'чит', к ху'ду прицка'зано так. Ти'лкы як лэжы'ш на спыни', и оно' бува'е. Э'то лэжу' та'к-от, цю'пнула, для мэ'нэ як ки'шка пухо'ва. Оно' мэ'нэ жмэ. Ба'чю, щэ косма'тэ, лохма'тэ, ла'пнула – в шэрс'ти'. Но'ч'чю цэ ди'ло. Г(н)ово'рют', щэ кровопрылы'тие бува'е. А почэ'му? Ба'чиш'? У мэ'нэ крэсна була'. Она' йище' була' ди'ўчиной, лэжа'ла на пичи', и нэ було'

ныко'но. Одна' лэжа'ла и накры'лася, хля'нула, а оно' лэжы'т', и она' обмиртви'ла. А о'но'н' хори'ў, и она' увида'ла лохма'тое, як соба'ка. Прышлы' дя'дя и тэ'тя, и нит ныко'но, як и нэ' було'. (Власовка). Также данный персонаж имеет антропоморфный вид, предстает в виде старика: Душы'ў мэнэ', нэвэлы'ч'кэ ро'стом, я крычу', ма'мо, ма'мо. Колы' вско'кла, ма, якы'с' дид прыхо'дыў. Я ё'ро и поцю'пала, и пола'пала. (Власовка).

Домовой «прежде всего опекун всего хозяйства, хозяин и глава всей семьи» [Виноградова, 2000, с. 271]. В образе восточнославянского домового сочетаются элементы культа предков и культа домашнего очага, т.е. огня [Зеленин, 1991, с. 412]. Информанты повсеместно указывают, что данный персонаж живет на чердаке возле печной трубы: Лю'ды ховоря'т', домовы'й жывёт' на потолку', и он как руководи'т' до'мом. Е'сли домовы'й хоро'ший, и хозя'ин будет хоро'шым. (Власовка). По рассказам, он оберегает дом и членов семьи. Записаны былички, как домовый спас от *гнётки* ('дух, давящий по ночам спящих'): Домовы'й дю'жэ помо'ха'е тому', хто хвора'е. Рас вин мэнэ' спас от гнёт'кы. Постона'ў домовы'й и сонна'ў з мэ'нэ гнёт'ку, а то думала вжэ помыра'т' мэни' пора', так нэ да'ў домовы'й. (Кувшин). Заметим, что данная лексема характерна для северных русских говоров. В [СРНГ, 6, с. 241]: *гнётка* 'дух, давящий по ночам спящих, вызывающий кошмары' (Олон.), *гнетке* 'домовой, который по ночам гнетет, давит человека, вызывает кошмары' (Олон.), в том же значении *гнетко*' (Ленингр., Калинин.).

Сохраняются верования в то, что при переезде в новый дом домового нужно перевезти с собой – «клы'кать домово'го», «клы'кать (свово') хазя'ина»: Из ха'ты в ха'ту ктос' пэрэезжа'е, на'до домово'ро клы'кат'. А дэ вин прожыва', ка'жут', на потолку'. Хазя'ин мой, пайдём са мно'й, и ухо'дыш с ха'ты, и вот ухо'дыш и на'да забира'т', я да'жэ из ха'ты в ха'ту, колы' рас провэлы', и то я клы'кала свово' хазя'ина: «Хазя'ин мой, пайдём са мно'й». Ма'тэ мэнэ' я'кос' ота'кыч'ка учи'ла и фсё. Абы'ч'на ну'жно нэсты' соля'ноч'ку, са'харныцю. Вин бо'л'но сла'дости лю'бэ. На столи' щёб оно' стоя'ло, и вопце' должно' на'нич' остава'т'ця, осо'бэно са'хар, домовы'й лю'бэ сла'дос'ти. (Макашевка). Продалы' ха'ту – ну'жно сказа'т': «Ходы'м, хазя'ин, з нам». А оны' нэ сказа'лы. Вин в двана'цат' чясо'ў но'чи нэ дава'ў спат'. Поји'халы за прэ'жним хазя'ином. Прыји'хаў той хазя'ин и ка'жэ: «Извыни', хазя'ин, нас, мы прышлы' забра'т' тэбэ'». (Власовка).

Домовой, по суеверным представлениям носителей говоров, любит сладости. Чтобы его умиловить, оставляют на столе «угощение». Система запретов предписывает не

оставлять на ночь нож. Домовой может душиТЬ во сне: наваливается на спящего, тем самым предсказывая будущее, отвечая на вопрос, что ждет человека – хорошее или плохое. *Домовы'й так ёуо' и зову'т' у на'с, домовы'й. Прыхо'дыў вин до одно'й жэ'н'щины, души'ў. Нало'жэ ла'ны на ўо'лову, крычи'т': «К ху'ду ил' к добру'?» На'до сказа'т' – к добру', тоди' бу'дэ к добру'. Нэ дава'ло еи' спат', и пото'м еи' сказа'лы, ты, гврит, посы'н' золо'й пол, шоп вы'дно було', шо кто сэ ходы'ло. Посы'нала золо'й пол, оно', значит, прышло', домовы'й прышо'ў. Вот, чита'лы молы'твы, освяця'лы водо'й свяце'ной, били нэ прыхо'дыў. Хотя там жыву'т' там за бо'ровом на потолку' у на'с. На'до но'ч'ю поли'зты туду', просу'нут' за бо'роў, поула'дыт' и сказа'т': «Жывы', хазя'ин, всэ бу'дэ харашо'. Я бу'ду цяс не'ч'ку тапи'т'». И нил'зя', у на'с така' в сэли' запра'ва, заста'ва, зако'н: ныл'зя' на' нич' ножы' на столи' оставя'т', потому' шо обижа'ит'ця вин. Мо'жно там хлеб, сол', а но'жык ныл'зя'.* (Макашевка). Если он сердит на хозяев, то ночью стучит, бьет посуду и т.д. Но холит любимых лошадей, по ночам заплетает им гривы в косы: *Колы' була' коню'шня тут калхо'зна, тоди' да було' разуово'р такы'й: прыхо'дэ домовы'й, ўры'ву росчэсуе.* (Макашевка).

Часто вместо именованя *домовый* выступает указательное местоимение *цэй*: *Засну'ла я и нэ чю'ствую нычэ'но, ро'том зива'ю и нэ мо'жу нычэ'но сказа'т', ду'шэ цэй. Ну'жно спросы'т': – К ху'ду чи к добру'?* (Власовка).

Информантки старшего поколения сохраняют легенды о летающем *змее*. Подобные истории подверглись серьезной трансформации. Данный персонаж манифестируется как одно из воплощений нечистой силы. По суеверным представлениям, он прилетает по ночам в виде огненной ракеты и рассыпается в искры, предстает в человеческом облике: *Лэты'т' ракэ'та, и рассыпа'ет'ця жар, захо'дэ чэлови'к и разнова'ривае, як чэлови'к, цэ ж нэчи'ста сы'ла тож.* (Власовка). Специального названия данного персонажа не сохранилось. Следует указать на общерусский характер явления нечистого духа к вдовам в облике змея [Черепанова, 2007, с. 269].

Происхождение таких мифологических персонажей, как *русалки*, связывается информантами исследуемых нами говоров с некрещенными детьми: *Руса'лка жыла', як ыдэ'м, Пискуно'вой за'пон схваты'ла, хоти'ла еју' утаци'т', а зав'язка развяза'лася. Цэ она' и убизжа'ла. Ка'жут', учи'тэл' ўпойма'л еју'. Бу'дто бы руса'лка – нэхрищэ'на дэты'на.* (Власовка). Также это те, кого прокляла мать: *Руса'лky – цэ ти жыву'т', якы'х ма'тэ прокляла'. Тэтя Харито'нова шла ў лужку' и ба'чила, цэ було'.* (Власовка). Д.К. Зеленин

связывает русалок с образами заложных покойников [Зеленин, 1991, с. 418 – 420]. Ср.: «У гуцульських легендах нявками також стають погублені нехрещені діти» [Хобзей, 2002, с. 138].

В ходе экспедиций были зафиксированы следующие именованя персонажей, служащих для устрашения детей: *баба'й*, *поля'ньска прожо'ра*, *хо'ка* и др. *Я за тисо'к зашла' и кажу' ба'бе: «Пиду' с тобо'й». Она' ка'жэ мэни': «Ты нэ слу'хаеш, ба'чиш, поля'н'с'ка прожо'ра». Я як вэрнул'ася, бою'ся до коло'дизя иты'т'.* (Власовка). Единица *хо'ка* 'нечистый дух' приводится среди автохтонной лексики финно-угорского происхождения, функционирующей на территории Новгородской области [Мызников, 2007, с. 183 – 185]. Исследователь указывает на возможное «в редких случаях дополнение территории смежных говоров Псковской и Тверской областей» [Мызников, 2003, с. 29]. С.А. Мызниковым проводится этимологическая параллель с карельским *hökki* «дурак, болван, простофиля» при следующих лексических соответствиях *ке'гря*, *те'гря* «черт, нечистая сила» (Валд., Окул.), *ке'гря* «старый мужчина, старик» (Борович.), *те'гря* «страшилище, которым пугают детей» (Валд.), при кар. твер. *kegri* «ряженный в древний осенний праздник, связанный с завершением аграрного цикла, страшилище, которым пугают детей», кар. *kekri* «старый осенний праздник, «кекри», окончание полугодия в прошлом», «человек, наряженный пугалом», «изображение старика, помещенное в углу избы на празднование «кекри» [Там же]. В ходе нескольких экспедиций в селе Власовка Грибановского района нами была зафиксирована та же единица в значении «мифологическое существо, которым пугают детей»: *Як ди'ты пла'чют' мы ховоры'лы: «Пэрэста'н' пла'кат'. Кто идэ', хо'ка идэ', во'з'мэ тэбэ'».* Или: *Хо'ка – цэ мы ляка'лы дитэ'й. Либо' звирёк якы'й, шоб боя'ўся. И я ляка'ла свои'х. Ни бири' – хо'ка забэрэ'.* Ср. также ряд именованя демонологических персонажей *кика*, *кока*, *коканко*, *хоха* и др., производимых от карельского *huhlakka* 'чудить' [Журавлев, 2013, с. 357], однако «при всей убедительности этой этимологии слова' хорошо себя чувствуют в собственно русском фонетическом пространстве» [Там же]. Ср. омонимичную лексическую единицу – имя собственное *Хо'ка* (разговорный вариант имени Фока): *Хо'ка, где Мичю'рины ба'ба Ка'тя жыла'. Эт муж иё Стёна Хо'ка.* (Власовка). Остается открытым вопрос этимологического происхождения единицы *хока* и ее бытования в данном языковом континууме.

Б.Н. Проценко в работе о донском казачестве отмечает: «среди различных персонажей могут оказаться и мифологизированные типа 'хока', 'бабай'» [Проценко, 1996, с. 71]. В

говорах Воронежского края (как в южнорусских, так и украинских) используется повсеместно слово *бабай* 'фантастическое существо, которым пугают детей'. Данная лексема (от тюркского 'старик, дедушка') широко представлена на всей территории функционирования русских говоров. *Цыт', ны плач', а то баба'й забырэ'*. (Старотолучеево).

Тексты заговоров также содержат интересный материал о мифологизированных персонажах. Например, такие персонажи, как *ю'да, пыдью'да*: *Она' личи'ла и скоты'ну, и тэля'т, и от һадю'кы. От һадю'кы и я щяс ма'буд' собразю'. Она' и тэля'т личи'ла, и людэ'й, и дитэ'й. Стои'т һора', на һори' змия'-торопия', воз'мы' свое' жыло'-жыли'ще и однэсы' на очэрэта', на болота', дэ соба'кы нэ брэ'шут', со'нцэ нэ һри'е. Она', зна'чит', е'сли змия' уку'сэ, то од нэ'й оцэ' тилкы наһово'ры и выда'влюют' из нэ'й, оцэ' она' пуска'ят. Нэ так мабу'д'. Па'мят' одбыва'. Цэ молы'тва: Прошу' Г(һ)о'спода Бо'һа, Присвяту'ю Боһоро'дицу, сы'лы ныбэ'сны, шлы два това'рыша. Оды'н – ю'да, друһы'й – пыдью'да, на ю'ди – һолы'ци, на пыдью'ди – рукавы'ци, от Г(һ)а'л'кыных там һлазэ'й, от Г(һ)а'л'кыных бровэ'й, от еи' ру'сых волосэ'й, от еи' оче'й, от еи' плэче'й, от еи' суста'виў... жы'лы впа'жыл'е, упа'жылы. От чирво'нной крови', от жо'ўтой кос'ти', тут тэби' нэ стоя'ты, там як зват'. .. Г(һ)а'л'кыной крови' нэ пы'ты, кости' ..., от колдуна', колдуны'ци, от ярэтыка', ярыты'ци, от прысу'хы. Прошу' Г(һ)о'спода Бо'һа, Присвяту'ю Боһоро'дицу. И оцэ' ба'ба на'ша чита'ла: на скоты'ни – ро'һы, отступи'т', пэрэло'һы. И всэ тут помына'ет'ця, всэ прыту'лювала. (Власовка). «Юда – это одно из мифологических существ, которым в Болгарии (Пиринский край, Странджа) и Македонии приписывают признаки самодив» [Раденкович, 2013, с. 61]. Юда зафиксировано также в качестве одного из личных имен вил (в Македонии – самовил) [Там же, с. 60]. Данная лексема бытует в анализируемых нами говорах в значении 'жадный человек; скряга': *От ю'да. Зро'ду у й'го ничёго ны рожжывэ'ся*. (Старомеловая). В гуцульских говорах данная лексема служит обозначением 'старшего черта; дьявола' [Хобзей, 2002, с. 194]. В современных диалектных материалах слово зафиксировано в значении 'черт', а также в переносном значении 'плохой человек', в лесковских говорах *юдашу'в* 'подлый человек' (см. подробнее в работе [Хобзей, 2002, с. 194 – 197]). На иерархическую основу указывают и представленные нами единицы *юда – пыдьюда*. В гуцульских говорах бытуют номинации, в которых *юда* выступает в качестве составляющего элемента: *триюда, архиюда* [Хобзей, 2002, с. 194 - 195]. В словаре Б. Гринченко лексема *юда* манифестируется в значении 'род злого духа, нечистой силы' [Гринченко, IV, с. 531]. Данная номинация известна и другим славянским языкам: болг. *юда* ж.р. 'злое мифическое существо женского*

пола, которое живет в горах, у озер и носится вихрем по воздуху » [ЭССЯ, 8, с. 191] и др. Очевидно, что слово *юда* связано с библейским именем Иуда Искарот (подробнее см. в работе [Хобзей, 2002, с. 196 – 197]).

В значении ‘нечистая сила, черт’ выступает лексема **бис**: *Бох смэ’рти нэ сотворы’ў, смэрт’ вийшла’ у мы’р за’вист’ю би’са*. (Ильинка). Номинация является составной частью идиоматических сочетаний бранного характера *иды’ к би’су* ‘иди к черту’, *к би’су* ‘к черту’, *хай кому-л. бис* ‘пусть кому-л. черт’. *Иды’ к чэ’рту – цэ ж ла’йка, а иды’ к би’су, һрэ’цю – цэ нэ ла’йка*. (Журавка). *Ой, ну тыбэ’ к би’су! Чэго’ ты пид нога’мы тут?; Хай ёму’ бис! Вы’лыла чют’ ны пиввидра’ воды’*. (Старотолучеево). Встречается фразеологизм *до би’са* ‘много’: *Та тут йих, цых карто’х, ще до би’са*. (Старотолучеево). Повсеместно бытуют определения **би’сив, би’сов, забисо’ванный** ‘бесов, дьяволов’: *Би’сови ди’ты. Позакы’далы дэс’ уси’ молоткы’* (Старотолучеево). *Паһа’ный дид буў у ба’бы Лёнкы. Прыхо’дю до ба’бы и кажю’*: «Чёһо’ цэ ты за тако’һо нэкрасы’воһо ди’да за’миж вы’шла?» *А вин якы’с’ нэкрасы’вый буў. Вин за сти’нкой сыды’т’ и плытэ’ оци’ ви’ришы, чи ситя’, и ка’жэ*: «Ах ты забисо’вана!» *А я опя’т’ на ба’бу кажю’, чэ цэ ты за ёһо за’миж пишла’ за тако’һо за паһа’ноһо. Она’, ой, сыды’ ты һы’мынска*. (Власовка). *Опя’т’ жэ чюһуны’ булы’, бува’ло так, шо и уһлы’на ўпадэ’ в той чяу’н. У’һол’ з дроў, уһлы’на. Бува’ло той, ма’ма вы’тянэ*: – *Ой, би’сова. Би’сова, тоди’ матюка’м нэ руһа’лыся. Ужэ’ упа’ла, ну, з дровыня’кы*. (Воронцовка). В исследуемых говорах представлена глагольная лексика с корнем -бис-: **бисы’т’ься** ‘быть в ярости; неистовствовать’ (Власовка), ‘становиться беспокойным, яростным под воздействием магии, колдовства (о человеке, животных)’: *У на’с оту’тыч’ка нэдалэ’ко чэрэз тры до’ма жывэ’ жэ’н’щина, вот ка’жут’, она’ колдофство’м занима’лас’*. *Чи занима’лас’, чи нэ занима’лас’*. *Вси лю’ды страда’лы, вся улыця, молока’ ныя’коһо нэма’ у коро’ў, коро’вы би’сют’ця*. (Макашевка); **бисува’т’ься** ‘играть в шумные игры, дурачиться’: *Зымо’ю собыра’лыс’ в ха’ти у кого-нэ’буд’, а в ли’то за двором бисува’лыся*. (Переволочное). М.Т. Авдеева приводит эвфемизм **бісма’**: *Шука’ла, шука’ла... Бісма’* [Авдеева, 2008, с. 33]. В словаре [Гринченко, I, с. 69 – 70] представлен целый ряд единиц с корнем -біс-: *бісеня, бісота, бісурка, бісяка* и др. В. Даль приводит названия *бесовка, бесиха* ‘ведьма, чаровница; злая женщина’ [Даль, I, с. 160]; в работе [Черепанова, 1983, с. 41, 81] представлены *бес во дворе, бес полуденный, бес хроможитель, бесенята*. Н. Хобзей отмечает номинацию *польовий біс*, зафиксированную в этнографических материалах В. Гнатюка [Хобзей, 2002, с.

41]. Автор достаточно подробно рассматривает этимологические изыскания по лексической единице *бес* (*bis*) [Там же, с. 41-43].

В значении 'чертов; дьявольский' бытуют определения *гы'мынский, и'дольский, и'долив, ы'долив, ы'долын, и'монив, ды'монив*. *И'доловы ди'ты - дзэ'ри поброса'ют'... Мух по'вна ха'та*. (Старотолучеево). *Ы'долова яка'!* (Власовка). *Они' молоди' и'доловы*. (Алфёровка). *И'монови ди'ты - пообно'сылы вси вы'ини, шо ото' за дворо'м*. (Старотолучеево). *Ды'моновы ди'ты... Чи вам ба'бушку нэ жа'лко?* (Лосево). Очевидно, манифестация *гымынский* соотносима с украинским диалектным *ге'мон* 'демон' [Гринченко, 1, с. 279]; ср. также бранное *ге'монів* 'принадлежащий демону', *ге'монський* 'демонский' [Там же]. А.Ф. Журавлев в слове *ге'мон* видит искажение слова *демон* «не без одновременного соотнесения с *игемон, гегемон*». Исследователь замечает, что «случай тем более симптоматичен, что закономерности украинской фонетики представляют собою гораздо менее благоприятную почву для смешения *г* и *д*, не смягчаемых в препозиции к переднерядным гласным» [Журавлев, 2013, с. 357]. Очевидно, лексема *имонив* также сопоставима с данными этимологическими изысканиями.

Определенные контексты выявляют специфические характеристики демонологических персонажей. Например, рассказ, из которого явствует, что образ *черта* в суеверных представлениях неразрывно связан с такой характеристикой, как наличие рог: *Случи'лос' так, шо умэ'р дид Мыко'ла. Пролэ'жаў вин поло'жэный срок у хро'би до'ма, и прышла' пара' ё'но' зака'пуват'.* *Вы'рылы на кла'дбици мо'ны'лку и опусты'лы хрон з ди'дом, но нэ закопа'лы. Рэшы'лы пыдожда'т' сы'на з Ба'лтики. Днём ди'да опусты'лы у я'му, а в вэ'чири прыключи'ўся цэй случай. Пропа'ў у ди'да Ви'т'ки на вэч'рней зо'ри козлёнок, пишо'ў вин по вси'м сатка'м шука'т', зайшо'ў и на кла'дбице. Чю'е дид, хтос' мэ'кэ'ке з я'мы, наклони'ўся и поба'чиў там козлёнка. Пры'гнуў вин у я'му, шоп доста'т', но я'ма оказа'лас' г'лубо'ка, и дит Ви'т'ка нэ смох вы'лизты. Стаў вин тоди' зват' людэ'й. Як рас ф цэ врэ'мя прох'одыў мы'мо ё'но' кум. Протяну'ў дит Ива'н ру'ку ди'ду Ви'т'ци, да ухваты'ўся за ро'ны. С пэрэля'ку як закрычи'т' и хэт' бижат' атту'да. Дит Ви'т'ка нэ сказа'ў жэ, шо подае' ко'злыка, ди'ду Ива'ну и почю'дыўся чэ'рт. Дит Ива'н расказа'ў мужыка'м, но ти нэ пови'рылы и пишы' са'ми подывы'тца. Вы'тинули ваны' ди'да Ви'т'ку с ко'злыком, а дит Ива'н доў'на ще ап'х'одыў кла'дбице старано'й, да и ко'зэй всіх до'ма распро'даў.* (Кувшин).

В бранных выражениях присутствует лексема *грэць* 'дьявол, злой дух; черт'. Использование подобной лексики в сфере бранной говорит о «затухании мифологической

семантики» [Черепанова, 2007, с. 270]. В русско-украинских говорах данная номинация встречается на юге Воронежской области – *иды' к грэ'цю* ‘иди к черту’: *Мы кажы'мо: – Иды' к би'су, иды' к hrэ'цю*. (Журавка).

Описанные материалы представляют собой важную языковую составляющую восточнославянской мифологии в целом и современных воронежских говоров в частности.

Список литературы

- Авдеева М.Т.* Из истории изучения украинских говоров Воронежской области // Вісник Луганського державного педагогічного університету імені Тараса Шевченка. № 12 (44), грудень. 2001. С. 44-46.
- Авдеева М.Т.* Словарь украинских говоров Воронежской области: в 2 т. / М.Т. Авдеева; Воронежский государственный университет. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2008. Т. 1: А – М. – 2008. – 228 с.; Т. 2: Н – Я. 2012. 307 с.
- Авдеева М.Т., Давыдова Е.* Украинские говоры Воронежской области в АУМ и вне его // М.Т. Авдеева, Е. Давыдова / Діалектологічні студії. 6: Лінгвістичний атлас – від створення до інтерпретації / Відп. ред. П. Гриценко, Н. Хобзей. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАНУ, 2006. С. 97 – 103.
- Букринская И.А.* Лексика диалектов как отражение народной картины мира / И.А. Букринская, О.Е. Кармакова // Язык: изменчивость и постоянство. Сборник статей. К 70-летию Л.Л. Касаткина / Отв. ред. М.Л. Каленчук. М.: ИРЯ РАН, 1998. С. 5 – 14.
- Валенцова М.М.* Словацко-южнославянские связи: этнолингвистические параллели / М.М. Валенцова // Славянское языкознание. Материалы конференции (Москва, июнь 2002 г.) (Отд. ист.-филол. наук РАН; Национальный комитети славистов Российской Федерации) / Отв. ред. А.М. Молдован. М.: Институт русского языка РАН, 2003. С. 17 – 28.
- Виноградова Л.Н.* Народная демонология и мифоритуальная традиция славян / Л.Н. Виноградова. М.: Индрик, 2000. 432 с.
- Власова М.* Русские суеверия. Энциклопедический словарь / М. Власова. СПб.: Азбука, 1998. 672 с.
- Гринченко Б.Д.* Словарь украинского языка: В 4-х тт. / Б.Д. Гринченко. Киев: Киевская старина, 1907 – 1909.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. / В.И. Даль. С.-Петербург, Москва: Издательство книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880. 723 с.
- Дынин В.И.* Русская демонология: опыт выделения локальных вариантов / В.И. Дынин // Этнографическое обозрение. 1993. №4. С. 78 – 91.
- Журавлев А.Ф.* Фонетика бесовской речи / А.Ф. Журавлев // Ethnolinguistica Slavica. К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого. М.: «Индрик», 2013. С.344 – 362.
- Мызников С.А.* Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. 2-е изд., испр. и доп. / С.А. Мызников. СПб.: Наука, 2007. 395 с.
- Мызников С.А.* Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада (этимологический и лингвогеографический анализ): автореф. дис... доктор филол. наук: 10.02.20; 10.02.01 / С.А. Мызников; Рос. акад. наук, Ин-т лингвистических исследований. СПб.: Б.и., 2003. 48 с.

- Новичкова Т.А. Русский демонологический словарь / Т.А. Новичкова. СПб.: Петербургский писатель, 1995. 640 с.
- Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре / Э.В. Померанцева. М.: Наука, 1975. 194 с.
- Проценко Б.Н. Этнографические реалии и программа «Традиционная духовная культура» / Б.Н. Проценко // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1994. СПб.: ИЛИ РАН, 1996. С. 66 – 76.
- Раденкович Л. Личные имена мифологических существ / Л. Раденкович // Ethnolinguistica Slavica. К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого. М.: «Индрик», 2013. С. 59 – 72.
- Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. М.-Л.-СПб.: Наука, 1965 – 2014. Вып. 1 – 47. (Издание продолжается). (СРНГ)
- Сьянова Е.И. О проблеме взаимодействия украинской и русской языковых систем на территории позднего заселения (на материале украинских говоров северо-востока Воронежской области) / Е.И. Сьянова // Лінгвістика. Збірник наукових праць. Частина I. 2011. №3(24). Луганськ. ДЗ: ЛНУ імені Тараса Шевченка. С. 25 – 33.
- Толстой Н.И. Очерки славянского язычества / Н.И. Толстой. М.: Индрик, 2003. 624 с.
- Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н.И. Толстой. М.: Издательство "Индрик", 1995. 512 с.
- Филатова В.Ф. Магический дискурс / В.Ф. Филатова. Воронеж: Борисоглебский государственный педагогический институт, 2010. 337 с.
- Черепанова О.А. Мифологическая лексика Русского севера / О.А. Черепанова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. 169 с.
- Черепанова О.А. Псковская лексика в контексте народной культуры / О.А. Черепанова // Псковские говоры в свете актуальных проблем диалектологии / Под ред. Л.Я. Костючук. Псков: ПГПУ, 2007. С. 266 – 272.
- Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье. История и судьбы традиционно-бытовой культуры (XIX – XX века) / Л.Н. Чижикова. Москва: Наука, 1988. 253 с., ил.
- Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 8 (*ха – *jъvьlga) / Под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1981. 252 с. (ЭССЯ)
- Беларуская міфалогія: Энцыклапедычны слоўнік / С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч і інш. Мінськ: Беларусь, 2004. 592 с.
- Сікорська З. З історії вивчення українських говірок на території Росії / З. Сікорська // Вісник Луганського державного педагогічного університету імені Тараса Шевченка. № 12 (44), грудень. 2001. С. 38-44.
- Хобзей Н. Гуцульська міфологія: етнолінгвістичний словник / Н. Хобзей. Львів: Національна академія наук України Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича, 2002. 216 с.

Список населенных пунктов

Алфёровка – село Алфёровка Новохопёрского района
 Власовка – село Власовка Грибановского района
 Воронцовка – село Воронцовка Павловского района
 Данило – село Данило Павловского района
 Екатериновка – село Екатериновка Лискинского района
 Журавка – село Журавка Кантемировского района

Кувшин – хутор Кувшин Подгоренского района
Ильинка – село Ильинка Калачеевского района
Лосево – село Лосево Павловского района
Макашевка – село Макашевка Борисоглебского района
Марченковка – село Марченковка Ольховатского района
Медвежье – село Медвежье Калачеевский район
Переволочное – село Переволочное Калачеевского района
Подгорное Калач. – село Подгорное Калачеевского района
Подгорное Россош. – село Подгорное Россошанского района
Старомеловая – село Старомеловая Петропавловского района
Старотолучеево – село Старотолучеево Богучарского района

Ткач С. Ю.
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Tkach Svetlana
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

МОДЕЛИ ПЕРЕВОДА

TRANSLATION MODELS

Работа посвящена рассмотрению основных моделей перевода. С позиции теории коммуникации, дополненной положениями структурно-функциональной лингвистики, перевод исследуется как акт двуязычной коммуникации; на основе ряда лингвистических теорий – генеративной грамматики, положений компонентного анализа, идей о взаимосвязи языка и окружающего мира – строятся трансформационная, семантическая и ситуативная модели соответственно. С учетом релевантных составляющих данных моделей с позиции когнитивной лингвистики предлагается новый вид модели перевода, представляющий перевод как процесс передачи информации в ходе межкультурной коммуникации через взаимодействие когнитивных структур коммуникантов (адресата и адресанта) и переводчика.

The paper deals with basic translation models which describe the translation from different perspectives. Being a relatively new science, translation studies has adapted the paradigms and theories that have proved fruitful in the fields of linguistics and communication altogether. With this article, we consider such translation models as communicative, transformational, semantic and situational ones which are based on the theory of communication, generative grammar, componential analysis (a method of structural semantics) and interconnection between language and the objective world respectively. Some aspects of the models relevant to further research are integrated with the key principles of cognitive linguistics into a cognitive model of translation. Within its framework the process of translating is seen as a complex mental process of cross-cultural communicative act.

Ключевые слова: теория перевода, лингвистика, модели перевода, когнитивная модель перевода.

Key words: translation studies, linguistics, translation models, cognitive translation model.

Введение

Перевод, как сложная системная деятельность по передаче информации в процессе межкультурной коммуникации, является предметом многочисленных исследований в области лингвистики и смежных с ней наук. Изучение механизма переводческого процесса прошло долгий путь от рассмотрения перевода как текста - продукта человеческой деятельности,

сравнения текстов оригинала и перевода, сопоставления пар языков и их стилистических средств, через описание переводческих преобразований и формулировку принципов, методов и приемов перевода, до попыток объяснить и смоделировать сам процесс перевода как акта межкультурной коммуникации. Зародившись и активно развиваясь в рамках языкознания, теория перевода на разных этапах своего существования отражала наиболее прогрессивные достижения лингвистической науки и смежных с ней дисциплин.

К истокам науки о переводе

Возникновение научного интереса к изучению переводческой деятельности было связано с историко-политическими событиями второй половины XX века. Потребность в военных переводчиках во время Второй мировой войны, активное использование синхронного перевода в ходе Нюрнбергского процесса 1945-46 гг., востребованность профессиональных переводчиков для работы в международных организациях ООН (1945 г.), ЮНЕСКО (1946 г.), военно-политических блоках НАТО (1949 г.), Организации Варшавского Договора (1955 г.) и т.д. привели к бурному развитию переводческой деятельности и, как следствие, к появлению большого количества исследований в данной области. Необходимость подготовки профессиональных кадров требовала создания теоретической базы лингводидактики и переводоведения, а приобретенный и обобщенный опыт переводческой деятельности находил выражение в многочисленных работах по сравнительному анализу языков.

Возросший научный интерес к изучению перевода, как в нашей стране, так и за рубежом способствовал оформлению науки о переводе в отдельную дисциплину в рамках лингвистики. В 1953 г. выходит книга А.В. Федорова «Введение в теорию перевода», в которой он выделяет теорию перевода как одно из направлений науки о языке, «поскольку перевод всегда означает работу над языком» и «требует изучения в лингвистическом разрезе – в связи с вопросом о характере соотношения двух языков и их стилистических средств» [Федоров, 1953, с.13].

В 1972 г. Дж. Холмс в своем докладе «К вопросу о названии и сущности Науки о переводе» (“The Name and Nature of Translation Studies”) [Holmes, 1972, p. 67–80] на III Международном конгрессе прикладной лингвистики в Копенгагене предлагает название науки о переводе - ‘Translation Studies’ и очерчивает основные направления исследований. Он выделяет в дисциплине теоретическую часть ‘pure translation studies’, состоящую из дескриптивных исследований ‘descriptive translation studies (DTS) or translation description

(TD)' и собственно теории перевода 'theoretical translation studies (ThTS) or translation theory (TTh)', и прикладную часть 'applied translation studies'. Основными задачами теоретических исследований, по мнению автора, являются 1) описание перевода (как деятельности и продукта) в рамках дескриптивного направления и 2) выработка на основании дескриптивных исследований в сочетании с достижениями смежных областей знания общих теоретических принципов, теорий и моделей, которые позволили бы объяснять и прогнозировать перевод как явление. Прикладная часть включает в себя дидактику перевода и переводческую политику, определяющую место и роль перевода и переводчика в обществе. Четко организованная и аргументированная структура новой научной дисциплины, предложенная Дж. Холмсом, очертила основные перспективные направления деятельности в области науки о переводе.

Моделирование как имитация мыслительной деятельности человека

Значительное влияние на теорию перевода и методы исследования оказало внедрение в 40-х гг. и активное использование в 50-60-х гг. электронно-вычислительных машин для имитации мыслительной деятельности человека. После удачно проведенного в 1954 г. Джорджтаунского эксперимента, в ходе которого был впервые осуществлен полностью автоматический перевод - переведено более 60 предложений в области органической химии с русского языка на английский, появляется огромное количество работ посвященных машинному переводу. Использование компьютеров было огромным шагом вперед: оно позволило, с одной стороны, проверить многие теоретические разработки, с другой - требовало дальнейших исследований, новых гипотез и идей. Решение высокоинтеллектуальных задач в области искусственного интеллекта было невозможно без интеграции технических и гуманитарных (в первую очередь - лингвистических, как связанных с языком) знаний, что способствовало заимствованию ряда методов точных наук в область языкознания. Важную роль в исследованиях занимают теории понимания текста, организации памяти, а также моделирование знаний о мире. Под влиянием идей кибернетики в теории перевода появляется термин «модель перевода» для теоретического построения процесса переводческой деятельности.

Перевод в свете теории коммуникации

Представляя собой сложную системную деятельность, перевод нашел отражение в различных моделях, описывающих наиболее существенные его аспекты. В первую очередь, как акт опосредованной межязыковой коммуникации, перевод подлежит рассмотрению с

позиции теории коммуникации, дополненной положениями структурно-функциональной лингвистики.

В свете теории коммуникации перевод понимается как вид речевого (или языкового) общения между людьми, особенностью которого является использование двух языков. Перевод начинается с восприятия текста оригинала на ИЯ и заканчивается реализацией текста перевода на ПЯ. Важнейшей фазой этого процесса является мена кода ИЯ → ПЯ (перевод в узком смысле слова), подчиняющаяся определенным условиям в связи со своими специфическими функциями в рамках акта коммуникации [Каде, 1978, с.70].

Согласно Р.О. Якобсону [Якобсон, 1975, электронный ресурс] любая речевая коммуникация включает в себя шесть основных компонентов:

- 1) адресанта (отправителя сообщения),
- 2) адресата (получателя сообщения),
- 3) сообщение (текст),
- 4) контекст или референт (предметную ситуацию, то есть то о чем идет речь),
- 5) контакт (физический канал и психологическую связь между коммуникантами для установления и поддержания коммуникации),
- 6) код (языковую систему полностью или хотя бы частично общую для кодирующего и декодирующего).

Все эти компоненты могут быть объединены в одну схему, представляющую акт речевого общения (см. схему 1).

Адресант	→	Контекст	→	Адресат
		Сообщение		
		Контакт		
		Код		

Схема 1. Схема речевой коммуникации по Р.О. Якобсону

Поскольку «язык следует изучать во всем разнообразии его функций» [Якобсон, 1975, электронный ресурс], Р.О. Якобсон выделяет отдельные функции языка, соответствующие каждому из шести компонентов речевой коммуникации (см. таблицу 1); при этом преобладающей функцией является коммуникативная, а остальные представлены в разном соотношении в различных речевых произведениях.

Речевые функции по Р.О. Якобсону

компоненты речевой коммуникации	функции языка
адресант	эмотивная, или экспрессивная (самовыражение адресанта)
адресат	конативная, или апеллятивная (директивная)
сообщение	поэтическая, или эстетическая (внимание на сообщении ради самого сообщения)
контекст или референт	! референтивная, или коммуникативная, также денотативная и когнитивная (преобладающая функция, основная задача сообщений)
контакт	фатическая (установление контакта и поддержание коммуникации)
код	метаязыковая (установление тождества высказываний, понимание языкового кода)

Коммуникативная (осуществление процесса общения между людьми) и когнитивная (познание мира, передача и получение знаний) функции относятся к базовым или фундаментальным речевым функциям и в большинстве предлагаемых в настоящее время классификаций [Данилевская, 2003, электронный ресурс].

Рассмотрим приведенные выше положения применительно к переводу как акту двуязычной коммуникации. В отличие от обычного речевого акта, адресант (отправитель) и адресат (получатель) в двуязычной коммуникации владеют разными языковыми системами, то есть используют разные коды. Успешная передача информации (доминирующая когнитивная речевая функция), закодированной в сообщении на языке отправителя осуществляется в такой ситуации лишь в результате «мены кода» - создания эквивалентного сообщения на языке получателя.

Одна из первых коммуникативных моделей перевода была предложена немецким ученым О. Каде [Каде, 1978, с. 69-90]. В ней определяется перевод в широком значении, как процесс двуязычной коммуникации, который начинается с восприятия переводчиком текста оригинала и заканчивается созданием текста перевода; а также перевод в узком значении, представляющий собой «мену кода» ИЯ→ПЯ, подчиняющуюся определенным условиям в связи со своими специфическими функциями в рамках акта коммуникации. Модель состоит из трех этапов: 1) коммуникации между отправителем (О) и переводчиком, являющимся получателем исходного текста (П); 2) мены кода, осуществляемой переводчиком,

выступающим в качестве перекодирующего звена (ПЗ); 3) коммуникации между переводчиком, выступающим в качестве отправителя конечного текста (О1) и получателем этого текста (П1) (см. схему 2).

1 фаза			2 фаза	3 фаза		
О	текст оригинала	П	ПЗ	О1	текст перевода	П1
			перевод в узком смысле			
			перевод в широком смысле			

Схема 2. Модель перевода по О. Каде

О. Каде также формулирует основную проблему перевода, которая в коммуникативном аспекте заключается в соответствии между воздействием, оказанным на переводчика как на получателя текста ИЯ, и намерением переводчика как отправителя текста ПЯ. Это соответствие, по мнению автора, является предпосылкой эквивалентности текстов оригинала и перевода в плане информационного содержания и коммуникативной значимости (см. схему 3).

О	текст оригинала	П	ПЗ	О1	текст перевода	П1
коммуник. намерение	информац. содержание текста + коммуник. значимость сообщения	воздействие (эффект)	~	коммуник. намерение	информац. содержание текста + коммуник. значимость сообщения	воздействие (эффект)
			↓			
			~			

Схема 3. Основная проблема перевода по О. Каде

Наиболее полную коммуникативную модель перевода разработал А.Д. Швейцер, взяв за основу модель «динамической эквивалентности» Ю.Найды [Швейцер, 1988, с.50]. В схеме Ю. Найды (см. схему 4) отправитель (О1) создает исходный текст (Т1), воспринимаемый исходным получателем (П1). Переводчик в первичном коммуникативном акте воспринимает исходный текст (Т1), являясь получателем (П2), а затем во втором, являясь отправителем (О2) создает вторичный текст (Т2), воспринимаемый получателем (П3). При этом под «динамической эквивалентностью», понимается не «столько совпадение сообщения на языке

перевода с сообщением на языке оригинала, сколько ... динамическая связь между сообщением и получателем на языке перевода, которая была бы приблизительно такой же, как связь, существующая между сообщением и получателем на языке оригинала» [Найда, 1978, с.15], то есть $T1 \rightarrow П1 \sim T2 \rightarrow П2$. Обеспечение одинакового воздействия, согласно автору, должно осуществляться за счет высокой степени адаптации текста перевода к культуре народа-получателя, и соответственно удаления его от текста оригинала.

O1	→	T1	→	П1						
			→	П2	()	O2	→	T2	→	П3

Схема 4. Модель «динамической эквивалентности» Ю.Найды

Усложнив модель Ю.Найды, А.Д.Швейцер дополнил ее исходным языком (Я1) и языком перевода (Я2), а также такими внеязыковыми компонентами, как исходная культура (К1) и культура получателя перевода (К2), предметные ситуации (ПС1) и (ПС2), получающие отражение в соответствующих текстах; первичная коммуникативная ситуация (КС1), участниками которой являются отправитель исходного текста (O1), получатель этого текста (П1) и получатель-переводчик (П2); вторичная коммуникативная ситуация (КС2) (см. схему 5).

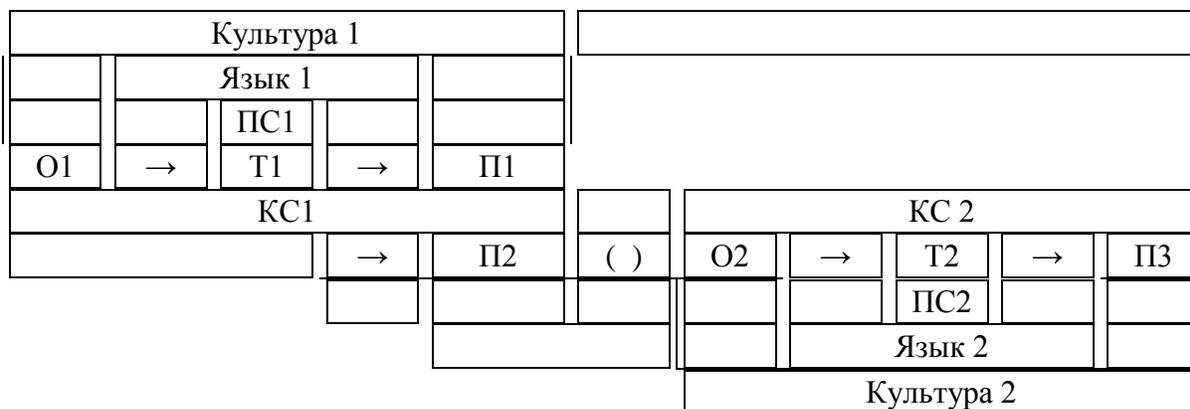

Схема 5. Модель перевода по А.Д. Швейцеру

Представление А.Д. Швейцера о переводе как о двуязычном коммуникативном акте, характеризующемся системой синтаксических, семантических и прагматических связей, легло в основу функционально-прагматической или, по словам ученого, «динамической» модели перевода, раскрывающей наиболее существенные стороны перевода как процесса.

Автор определяет перевод «во-первых, как однонаправленный двухфазный процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, при котором создается вторичный текст, репрезентирующий первичный в другой языковой и культурной среде, и, во-вторых, как процесс, ориентированный на воссоздание коммуникативного эффекта оригинала с поправкой на различия между двумя культурами и двумя коммуникативными ситуациями» [Швейцер, 1988, с. 204]. Автор подчеркивает, что, являясь одним из сложнейших видов речевой коммуникации, процесс перевода складывается из двух основных этапов: 1) выработки стратегии перевода на основании множества языковых и внеязыковых факторов (например, таких как система и норма двух языков, две культуры, две коммуникативные ситуации -- первичная и вторичная, предметная ситуация, функциональная характеристика исходного текста, норма перевода), образующих ряд взаимосвязанных фильтров и 2) конкретного языкового воплощения этой стратегии – переводческих трансформаций.

Попытки представить механизм процесса переводческого преобразования – операции по «перевыражению» смысла [Швейцер, 1988, с.117] нашли свое отражение в лингвистических моделях перевода, наиболее известными из которых являются трансформационная, семантическая и ситуативно-денотативная. Они моделируют процесс перевода в узком смысле, то есть процесс мены кода ИЯ→ПЯ.

Трансформационная модель перевода

В основе трансформационной модели перевода лежат идеи трансформационно-порождающей (порождающей, генеративной) грамматики Н. Хомского [Chomsky, 2006]. Согласно автору, в языке существуют ядерные (формирующие смысл) и поверхностные (реализующие этот смысл в звуковой или графической форме) структуры предложений, а также правила преобразования, в рамках которых каждый смысл может получить «акустическую» интерпретацию, а каждый сигнал — смысловую. Ядерные, или глубинные структуры представлены четкими и однозначными логико-синтаксическими отношениями (например, предмет всегда обозначается существительным, а действие – глаголом и т.д.). Они по определенным трансформационным правилам преобразуются в бесконечное множество поверхностных структур, порождаемых и понимаемых человеком. Трансформационный анализ в свою очередь осуществляется путем обратного преобразования поверхностных структур в глубинные с целью однозначной смысловой интерпретации грамматических конструкций текста. Так, фраза из предложения *for recovering deleted files* может быть представлена и другой поверхностной синтаксической структурой, например, *to recover files*

that have been deleted и разложена на ядерные структуры: *in order to recover files, somebody has deleted the files.*

Основываясь на принципах генеративной грамматики, в трансформационной модели перевода выделяются три этапа процесса перевода (см. схему 6): 1) этап анализа – поверхностная структура текста оригинала преобразуется в ядерную в рамках того же языка (трансформация в пределах языка оригинала); 2) этап переноса – замена ядерной структуры ИЯ эквивалентной ей ядерной структурой ПЯ (межъязыковая трансформация); 3) этап синтеза – ядерная структура ПЯ разворачивается в поверхностную структуру текста перевода (трансформация в пределах языка перевода).

1 этап	поверхностная структура ИЯ	→	поверхностная структура ПЯ	3 этап
	↓		↑	
	ядерная структура ИЯ		ядерная структура ПЯ	
2 этап (межъязыковая трансформация)				

Схема 6. Трансформационная модель перевода

Среди достоинств трансформационной модели перевода указывается возможность объяснить способы перевода структур ИЯ, не имеющих соответствий в ПЯ (например, перевод сложного дополнения с инфинитивом придаточным предложением: *Analysts were expecting the index to be unchanged or even to rise slightly.* → *Аналитики ожидали, что показатель не измениться или даже немного вырастет.*); среди недостатков – отсутствие универсальности: модель не затрагивает семантику лексических единиц, делая упор на грамматике, и не объясняет эквивалентности поверхностных структур, не имеющих эквивалентных ядерных (например, *You're welcome.* – *Не за что.*). Трансформационная модель перевода представляет интерес, прежде всего, для анализа сложных синтаксических структур ИЯ с целью адекватного понимания сообщения (первый этап); однако, на этапе межъязыковой трансформации модель не обладает достаточной объяснительной силой: эквивалентные ядерные структуры создают лишь логико-синтаксический каркас, который должен быть дополнен семантикой единиц текста оригинала, на основе его смыслового содержания с учетом коммуникативной ситуации.

Семантическая модель перевода

В основе семантической модели перевода (см. схему 7) лежат идеи компонентного анализа, то есть возможности расчленения семантики (смыслового значения) языковой

единицы на элементарные смыслы – семы. Единицы текста (ЕИ) оригинала разделяются в сознании переводчика на смысловые элементы (a, b, c, d, e, f), из которых выделяются наиболее значимые (a, e, f), подлежащие обязательной передаче в переводе, после чего происходит подбор единиц (ЕП), содержащих такие же смыслы, в ПЯ. Менее важные смыслы (b, c, d) могут быть не переданы в переводе в силу различия языковых систем, при этом результаты семного анализа показывают [Гарбовский, 2004, с.141-142], что сохранение даже половины общего набора элементарных смыслов, является достаточным для достижения эквивалентности переводного текста исходному. Эквивалентность содержания двух текстов подразумевает идентичность или достаточно близкое подобие всех или некоторых смысловых элементов, составляющих содержание этих текстов [Комиссаров, 1973, с.43].

ЕИ	→	ЕИ (a, b, c, d, e, f)	→	a e f	→	ЕП (a, e, f, ...)
----	---	-----------------------	---	-------	---	-------------------

Схема 7. Семантическая модель перевода

Рассмотрим семантическую модель на примере перевода высказывания молодого человека в социальной сети *I've uploaded a new userpic* (см. схему 8). Из 9 сем (a-i) приведенного высказывания выделим подлежащие обязательной передаче и подберем включающие их единицы в ПЯ. Получим возможные варианты перевода: *Я загрузил новую аватарку., Я обновил аватарку.*

<i>I</i>	a) говорящий	<i>Я</i>	<i>Я</i>
<i>have uploaded</i>	b) передача данных в компьютерной сети c) передача данных с клиентского компьютера вверх по сети d) совершенность действия e) связь с настоящим	<i>загрузил</i> (b, d)	<i>обновил</i> (d, g)
<i>a</i>	f) любой (не определенный)		
<i>new</i>	g) новизна	<i>новую</i>	
<i>userpic</i>	h) изображение, представляющее пользователя i) разговорный стиль социальной сети	<i>аватарку</i>	<i>аватарку</i>

Схема 8. Пример семантической модели перевода

Данная модель наглядно иллюстрирует первый вариант перевода, когда каждой единице оригинала находится соответствие в переводе и таким образом передаются основные смыслы. Она также объясняет вариант подбора новой единицы перевода на основе перегруппировки исходных смыслов, например, сем (d) и (g) в слове *обновил*. Однако, «в языке действуют правила сложения смыслов, дающие не сумму смыслов, а новые смыслы» [Щерба, 2004, с. 24], например, в той же самой единице перевода *обновил*, кажущаяся утраченной сема (b) – передача данных в компьютерной сети, присутствует имплицитно посредством слова *аватарка* благодаря информации из глубинных структур знания: *аватарка, как графический или видео- файл, может быть обновлена только путем загрузки*. «Предложение - это целое, не сводящееся к сумме его частей; присущий этому целому смысл распределяется на всю совокупность компонентов. Слово - это компонент предложения, в нем проявляется часть смысла всего предложения» [Бенвенист, 1965, стр. 439-440]. Семантическая модель, будучи ограниченной уровнем линейной последовательности языковых знаков, наделенных определенным значением, не может объяснить образование нового смысла без обращения к структурам хранения информации - долговременной памяти. Только благодаря соотносению текста сообщения с внутренней моделью мира происходит раскрытие его смысла; «смысловое содержание рождается в предложении, но на уровне мысли» [Звегинцев, 2001, электронный ресурс]. Таким образом, интересным в данной модели представляется идея выделения и передачи в переводе значимых смыслов текста оригинала, однако, этот процесс должен включать в себя обращение к глубинным структурам знаний.

Ситуативная (денотативная) модель перевода

В основе ситуативной модели перевода лежат лингвистические положения о связи языка и мира. «В каждом языке оказывается заложенным свое мировоззрение. Если звук стоит между предметом и человеком, то весь язык в целом находится между человеком и воздействующей на него внутренним и внешним образом природой. Человек окружает себя миром звуков, чтобы воспринять и усвоить мир предметов» [Гумбольдт, цит. по: Звегинцев, 1964, с. 99]. Словесные знаки называют классы объектов (денотаты), а речевые высказывания описывают ситуации - совокупности денотатов и связей между ними. Поскольку окружающий человека мир в целом един, то любой отрывок реальности может быть эквивалентно описан в разных языках с использованием присущих каждому языку норм и правил. «Отдельно от текста существует какое-то «сообщение» со своим собственным независимым значением, которое можно представить или выразить с помощью то одного

кода, то другого» [Кэтфорд Дж., 1978, цит по: Стратегии перевода, с.99]. Таким образом, процесс перевода представляет собой не межязыковые преобразования, а передачу сообщения через обращение к действительности. Воспринимая текст оригинала, переводчик определяет его содержание, формируя в сознании модель передаваемой ситуации, соответствующую фрагменту действительности, а затем в тексте перевода репрезентирует ее средствами ПЯ (см. схему 9).

Схема 9. Ситуативная (денотативная) модель перевода

Ценность данной модели заключается в выходе за пределы внешней формы языка при передаче сообщения с ИЯ на ПЯ, поскольку «мы обмениваемся не словами и их значениями, а мыслями, используя слова (как и язык в целом) всего лишь как средство общения, или, правильнее сказать, как средство осуществления деятельности общения. Первичным и исходным является в деятельности общения мысль. Она идет всегда впереди языка, а в своем языковом воплощении подчиняет себе язык, сообразуясь, разумеется, с его особенностями» [Звегинцев, 2001, электронный ресурс].

Когнитивная модель перевода

Когнитивная модель перевода исходит из основных положений когнитивной лингвистики, согласно которым в качестве модельных конструктов выступают когнитивные структуры и механизмы ментальной деятельности человека. В данном ключе перевод как процесс передачи информации в процессе межкультурной коммуникации представляет собой взаимодействие когнитивных структур коммуникантов (адресата и адресанта) через когнитивные структуры переводчика.

Построим когнитивную модель перевода (см. схему 10) с учетом релевантных элементов рассмотренных ранее моделей. Процесс общения начинается с коммуникативного намерения адресанта, которое порождает в его мыслях смысловое содержание, представленное в сознании виде ментальной структуры на основании его внутренней картины мира. Данная ментальная структура передается переводчику посредством языка, причем дискурс сообщения соотносится с ментальной структурой как языковая картина мира с внутренней концептуальной картиной мира. По мере разворачивания дискурса, в сознании

переводчика происходит взаимодействие и интеграция концептов лексических единиц дискурса и его собственной картины мира с учетом логико-синтаксических отношений. Таким образом, постепенно формируется ментальная структура, передаваемая адресантом, то есть осуществляется понимание смысла сообщения. Часть дискурса «необходимая для освоения смысла и достаточная для принятия переводчиком решения составляет единицу ориентирования» [Гарбовский, 2004, с.262], после которой «следует фаза многократного перебора вариантов в поисках форм, способных оптимально выразить осознанные смыслы на языке перевода», завершающаяся принятием решения и переходом от одной единицы перевода к другой [Гарбовский, 2004, с.263]. Так, параллельно с восприятием дискурса на основании создающейся ментальной структуры (которая может постоянно корректироваться по ходу дискурса) начинается продуцирование дискурса на ПЯ. Это становится возможным благодаря ментальной модели мира переводчика, взаимодействующей с двумя ассиметричными языковыми картинами мира. Интересной иллюстрацией в этом плане представляются действия переводчика, осуществляющего последовательный перевод. Фиксируя сообщение оратора, он использует символы, не принадлежащие ни одному из пары языков, а также слова и на ИЯ и на ПЯ и организует сообщение не в реальной синтаксической форме, а в условной логической последовательности [Миньяр-Белоручев, 1969, цит. по: Гарбовский, 2004, с.240]. Важным в продуцировании дискурса на ПЯ является сохранение смыслового содержания с целью передачи коммуникативного намерения адресанта и осуществления соответствующего коммуникативного воздействия на адресата.

адресант		переводчик		адресат			
ком. намер.	смысл. содерж. ↓	продуц. дискурса ИЯ	единица перевода (на основе единицы ориентирования) ↓ весь дискурс		восприят. дискурса ПЯ + модель мира ↓ мент. структ. ↓	ком. эффект	
	ментал. структ.		восприят. дискурса ИЯ+ модель мира ↓ мент. структ. ↓	продуц. дискурса ПЯ			смысл. содерж.
			смысл. содерж.				

Схема 10. Когнитивная модель перевода

Заключение

В работе рассмотрены основные существующие на настоящий момент модели перевода, выделены их сильные и слабые стороны. С учетом релевантных составляющих данных моделей с позиций когнитивной лингвистики предложена новая модель процесса перевода.

Список литературы

- Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа. / Новое в лингвистике. Сборник, вып. IV. М., 1965, с. 439-440.
- Гарбовский Н.К. Теория перевода / Н.К. Гарбовский. М., Издательство Московского университета, 2004.
- Данилевская Н.В. *Стилевые функции речевых разновидностей [Электрон. ресурс]* / Стилистический энциклопедический словарь русского языка. Под редакцией М.Н. Кожинной. М.: Флинта, Наука, 2003. – Режим доступа: <http://enc-dic.com/stylistic/Stileve-funkcii-rechevh-raznovidnoste-67/>
- Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория [Электрон. ресурс] / В.А. Звегинцев. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 248с. – Режим доступа: http://www.ae-lib.org.ua/texts/zvegintsev_language_and_linguistic_theory_ru.htm#5
- Звегинцев В.А.. История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях, ч. 1 / В. А. Звегинцев. М, 1964.
- Каде О. Проблемы перевода в свете теории коммуникации / Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. с. 69-90.
- Кэтфорд Дж. К. Лингвистическая теория перевода / Дж. Кэтфорд. Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978.
- Комиссаров В.Н. Слово о переводе (Очерк лингвистического учения о переводе) / В.Н. Комиссаров. М.: Междунар. отношения, 1973.
- Миньяр-Белоручев Р.К. Последовательный перевод /Р.К. Миньяр-Белоручев. М., 1969.
- Найда Ю. К науке переводить / Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978.
- Федоров А.В. Введение в теорию перевода / А.В. Федоров. М., 1953.
- Стратегии перевода (теоретические основы модуля): учебный модуль для слушателей специальности «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» / сост. Е.Г.Поломских, В.В.Барсукова; Пермь, Перм. ун-т., 2009. – 255 с.
- Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты [Электрон. ресурс] / А.Д.Швейцер. М.: Наука, 1988. 215с. – Режим доступа: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/shveiz-tr.shtml
- Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. М.: Едиториал УРСС, 2004. — 432 с.
- Якобсон Р. Лингвистика и поэтика [Электрон. ресурс] / Структурализм: «за» и «против». М., 1975 – Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/classics/jakobson-lp.htm>
- Chomsky N. Language and Mind / N. Chomsky. Cambridge Univ. Press, 2006.
- Holmes, J. S. The Name and Nature of Translation Studies / Holmes. Papers on Literary Translation and Translation Studies, Amsterdam: Rodopi, 1972. pp. 67–80.

Уматова Ж.М.

Алимбаева А.Т.

Казахский национальный университет имени аль-Фараби

г. Алматы (Казахстан)

Artemyeva Yulia V.

Mironov Nikolay S.

Al-Farabi Kazakh National University

Almaty (Kazakhstan)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАЗОВЫХ ГЛАГОЛОВ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

TRANSLATION PECULIARITIES OF PHRASAL VERBS IN LITERATURE OF LAW

Современное казахстанское общество активно интегрирует в мировое пространство, расширяя социально-экономические, политические и культурные связи. В связи с чем особую значимость приобретает вопрос специального, в частности юридического перевода, являясь основным инструментом установления международных отношений, которые требуют правовой оформленности, а также профессиональной подготовки специалистов, способных в зависимости от ситуации переходить с одного языка на другой. В статье рассматриваются фразовые глаголы, которые активно функционируют в юридической литературе. Данные конструкции, состоящие из глагола и послелога, представляют собой идиоматические лексические единицы, характерные только для английского языка. В результате исследования были определены наиболее частотные фразовые глаголы, используемые в юридической литературе на английском языке. При работе с Британским национальным корпусом (BNC), а также с Корпусом современного американского английского языка (COCA) было выявлено, что количество фразовых глаголов, используемых в юридической литературе на английском языке неуклонно растет. На основе анализа словарных дефиниций и переводных эквивалентов были выдвинуты особенности, которые могут усложнить процесс перевода фразовых глаголов с английского языка на русский.

Modern Kazakh society is actively integrating into the global conscience, expanding worldwide socio-economic, political and cultural connections. In connection with this, the question of specialized, particularly legal, translation is of particular importance due to its instrumental role in the establishment of international relations, which hinge on legal organization and professionally trained specialists who are able to, depending on the situation, actively switch from one language to another. The article deals with phrasal verbs, which are actively used within legal literature. These verbal constructions, consisting of a verb and a postposition, are idiomatical lexical units characteristic only of the English language. As a result of the research, the most frequently used phrasal verbs used in legal literature in English were identified. While working with the British National Corpus (BNC) as well as with the Corpus of Contemporary American-English (COCA) it was revealed that the quantity of phrasal verbs used in legal literature in English has been growing steadily. Linguistic particularities, which may complicate the phrasal verb translations from English to Russian, were brought to light based on analysis regarding dictionary definitions and translational equivalents.

Ключевые слова: юридическая литература, фразовый глагол, перевод, корпус, варианты английского языка.

Key words: legal literature, phrasal verbs, translation, corpus, variants of English language.

В настоящее время одним из важных и определяющих факторов развития казахстанского общества является подготовка высококвалифицированных, компетентных, а также конкурентоспособных специалистов в различных областях. В этом плане особую актуальность приобретает вопрос о многоязычии, который подразумевает использование нескольких языков в процессе общения, а также свободное переключение языкового кода в зависимости от ситуации. Более того, глобализация мировых экономических и политических процессов, расширение сферы международных отношений, установление деловых контактов, которые несут юридически оформленный характер, обуславливает значимость профессионального уровня владения английским языком. В Государственной программе развития и функционирования языков в Республике Казахстан на 2011-2020 гг. [Указ Президента РК, 2011] отмечена необходимость сохранения и укрепления лингвистического капитала казахстанцев, где английский и другие иностранные языки должны изучаться как средство делового, законодательного и международного общения. В связи с этим в процессе обучения иностранному языку, а именно английскому, все большую необходимость приобретает активное использование фразовых глаголов.

Актуальность изучения фразовых глаголов обусловлена, во-первых, необходимостью использования этих единиц в силу их точности и выразительности, во-вторых, неоспорим тот факт, что они представляют большую сложность для изучения, в частности, так как буквальное и идиоматическое значения различны. Кроме того, вопрос функционирования фразовых глаголов в юридической литературе остается достаточно открытым. Здесь можно говорить о проблемах подготовки широкого круга специалистов, владеющих не только понятийным аппаратом и терминами, используемыми в законодательстве, но и особыми способами выражения законодательной мысли, оперируя при этом всеми языковыми категориями данного языка.

Фразовые глаголы являются уникальным явлением, занимая особое место в лексической системе английского языка. Уникальны они в силу того, что, несмотря на изменения, которым фразовые глаголы подверглись в процессе развития языка, они сохранили свою идиоматичность. Вслед за И.Д. Крыловой, в работе под *фразовым глаголом* понимается сочетание глагола с наречием и/или предлогом, представляющее смысловое единство. Фразовый глагол – сложная единица, состоящая, как правило, из двух слов (глагола

и наречия или глагола и предлога), но иногда из трех слов и более [Крылова, 2012, с. 15]. Например, *The government acceded to public pressure to review the tax.*

Известный лексикограф Л.П. Смит рассматривает эти сочетания как одну из самых ярких характерных особенностей английского языка. «В английском языке имеется занимательный тип составного глагола, в котором наречие используется с глаголом без явного единства, например, *to boil down, to go under, to hang on, to back down, to own up, to take over, to run a cross.* Глаголы, относящиеся к этому типу, несмотря на то, что они часто используются в разговорной речи, добавляют идиоматическую силу в язык и помогают выразить мысли и значения более четко»⁵⁸.

Сегодня с большой уверенностью можно говорить о значительном росте количества фразовых глаголов в английском языке в целом. Об этом свидетельствуют словари, исследования, посвященные фразовым глаголам и их употреблению. Если сравнить словарь «*The Dictionary of the English Language*» Самюэля Джонсона [Johnson, 1828] – самого известного и полного словаря XVII века и современный Оксфордский словарь [Oxford Dictionary, 2011], то оказывается, что к настоящему времени количество фразовых глаголов возросло в четыре раза. Постоянное увеличение числа таких конструкций в языке, а также расширение сферы их употребления обуславливает большой интерес со стороны лингвистов.

В процессе изучения особенностей функционирования фразовых глаголов в юридической литературе была выдвинута гипотеза об увеличении числа фразовых глаголов в английской юридической литературе, для подтверждения которой был проведен диахронический анализ их количества, представленных в Британском национальном корпусе [BNC], а также законе «Об уголовном праве» (Criminal Law Act) [The National Archives] Великобритании, который берет свое начало с 1967 года и обновляется каждые десять лет. Каждый документ состоит из ста страниц объемом примерно четыре тысячи пятисот печатных знаков.

В результате анализа в Законе «Об уголовном праве» 1967 года было выявлено 8 фразовых глаголов, Законе «Об уголовном праве» 1977 года – 11, Законе «Об уголовном праве» 1987 года – 15, в Законе «Об уголовном праве» 1997 года – 14, а в Законе «Об уголовном праве» 2007 года 19 фразовых глаголов. Эти данные являются своеобразным показателем увеличения числа фразовых глаголов в британской юридической литературе.

⁵⁸ Цитата дана по: Тарабрина С.Ю. Семантика фразовых глаголов и глагольных фразеологических единиц: дис. ... кан. филол. наук: 10.02.19; М, 2003. 180 с.

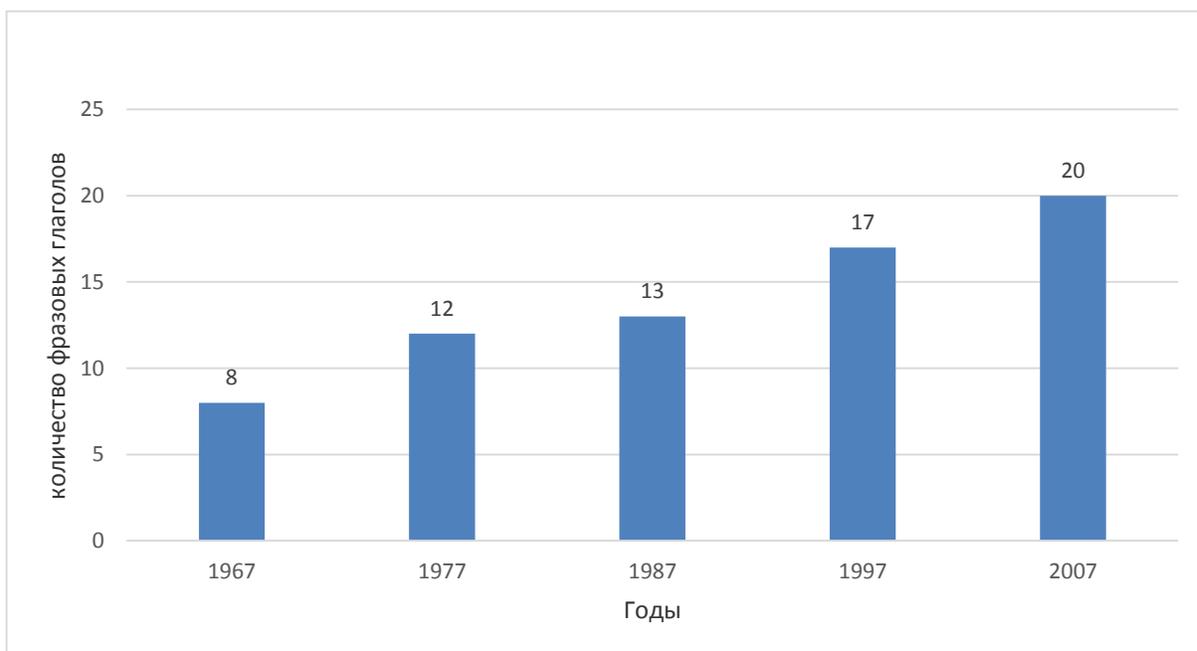

Рисунок 1 –Изменение количества фразовых глаголов используемых в законе об «Уголовном праве» Великобритании.

В данных документах можно встретить следующие предложения с фразовыми глаголами:

1) Section 9(2) of the Magistrates' Courts Act 1952 shall not *apply to* offences committed outside England and Wales (1967);

2) Otherwise to amend the criminal law, including the law with respect to the administration of criminal justice; to *provide for* the alteration of certain pecuniary and other limits whether within or without territorial waters (1977);

3) Any person who without reasonable excuse fails *to comply with* a requirement imposed on him under this section shall be guilty of an offence and liable on summary conviction to imprisonment for a term not exceeding six months(1987);

4) This Act shall *come into* operation three months after the date of its passing (1997);

5) A person who is charged with a serious offence and *applies for* bail (in this section *referred to* as ‘the applicant’) shall *subject to* subsections (4) and (5) (c), furnish to the prosecutora written statement duly signed by the applicant and containing the following information relating to the applicant (2007).

Для подтверждения выдвинутой гипотезы относительно юридической литературы американского варианта английского языка, мы обратились к Корпусу современного американского английского языка [COCA]. В данном корпусе за основу был выбран

юридический подкорпус «ACAD: law/PolSci», в котором за период с 1990 по 2012 годы была выявлена частотность употребления фразовых глаголов. Самым частотным фразовым глаголом американской юридической литературы является фразовый глагол *to deal with* с относительной частотностью 0,01 %.

Например, *But the 1982 convention deals with the law of peace, not war or self-defense*. Динамику употребления данного глагола можно представить в виде диаграммы, из которой видно, что количество употребления с 1990 по 2012 годы заметно увеличилось.

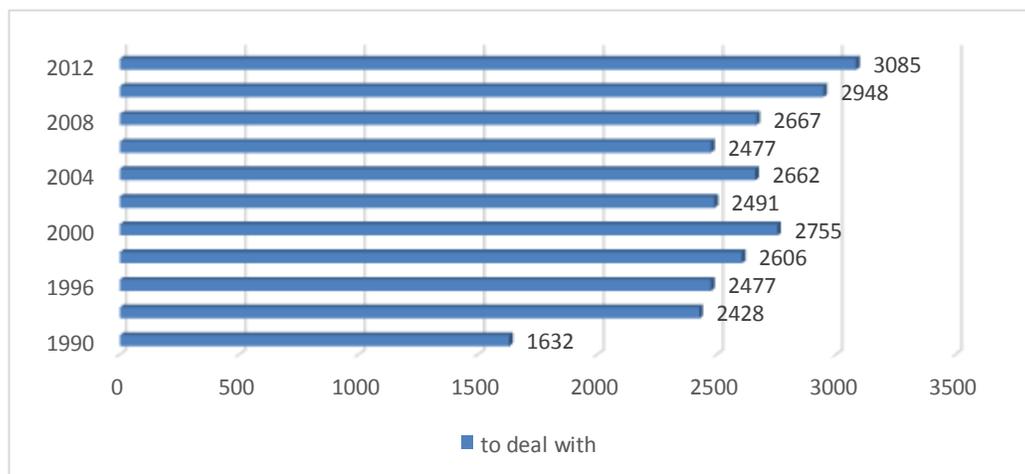

Рисунок 2 –Изменение количества фразового глагола *deal with* в Корпусе современного американского английского языка

Фразовые глаголы – это те идиоматические единицы, которые характерны только для английского языка, поэтому перевод их на русский язык значительно усложняется. Тем более сложно подобрать соответствующий русский эквивалент фразовому глаголу в юридическом дискурсе, который требует от переводчика максимальной точности, лаконичности и содержательности. Важным и актуальным представляется понять природу фразовых глаголов как уникального явления лексики английского языка и выяснить, почему же они представляют особую трудность в восприятии, понимании, употреблении и переводе [Переверткина, 2010, с. 4].

При переводе фразовых глаголов нужно учитывать тот факт, что большинство фразовых глаголов многозначны, следовательно, контекст играет решающую роль при выборе подходящего перевода. Например, фразовый глагол *refer to* в зависимости от контекста в юридической литературе может приобретать 3 значения:

1) упоминать или ссылаться: *He referred to her letters for proof*. – В доказательство он сослался на ее письма.

2) передавать на чье-либо рассмотрение: *The prisoner may require the Secretary of State to refer his case to the Parole Board.* – Заключенный может потребовать, чтобы министр передал его дело в комиссию по условно-досрочному освобождению.

3) иметь отношение: *These regulations refers only to juvenile offenders.* – Эти правила относятся только к несовершеннолетним правонарушителям.

Также один из наиболее частотных глаголов юридической литературы *to deal with*, в зависимости от контекста принимает несколько значений.

1) иметь дело с; *They also deal with female prisoners in the station cells and with young offenders.* – Они также *имеют дело* с женщинами, заключенными в станционной камере, а также с молодыми правонарушителями;

2) затрагивать, касаться; *But a more complete understanding of the operation of and limits to parental rights in education requires a wider examination, of how the law deals with other areas where the interests of children, parents and the state are all in particularly sharp focus.* – Наиболее полное понимание функционирования и ограничение родительских прав в сфере образования требует более широкого изучения того, как закон затрагивает иные области, где интересы детей, родителей и государства находятся под особо пристальное внимание;

3) сталкиваться с чем-либо; *It is preferable for government, by training civil servants properly, by using sound management techniques, by carefully specifying the tasks to be performed by its employees and by monitoring their performance, to prevent the sorts of errors and mistakes which judicial control deals with after the event.* – Желательно, чтобы правительства, путем обучения государственных служащих должным образом, используя способы рационального регулирования звука, тщательно определяя задачи, которые должны быть выполнены его сотрудниками и контролируя за их исполнение, чтобы предотвратить возникновение различных ошибок и недоразумений, с которыми судебный контроль сталкивается впоследствии;

4) решать, рассматривать; *None of these texts actually deals with the question what action becomes available as a result.* – Ни один из этих текстов на самом деле не рассматривает вопрос, какая деятельность становится доступной в результате.

Также имеются случаи, когда из нескольких семантических значений для юридического перевода подходит лишь одно, которое не всегда можно вывести из перевода структурных составляющих. Например, один из распространенных в юридическом английском фразовый глагол *get out* имеет восемь значений, но для юридического контекста подходит лишь один

вариант «сбежать из тюрьмы». *Several offenders managed to get out.* – Нескольким преступникам удалось сбежать из тюрьмы.

Наиболее частотный фразовый глагол в британской юридической литературе *get off* имеет двадцать два семантических значения, но в юридической литературе его следует переводить как избегать наказания. *Supposed criminals got off owing to the deficiency of the motive of crime.* – Подозреваемые избежали наказания в силу отсутствия мотива преступления.

В юридической литературе имеются фразовые глаголы, которые входят в состав сочетаний, имеющих стандартные переводы. Это такие конструкции, как *to serve on a jury* – исполнять обязанности присяжного заседателя, *to bring in a verdict* – вынести вердикт, *to bring in a verdict of guilty* – признать виновным, *to bring in a verdict of not guilty* – признать невиновным, *to find for the plaintiff* – выносить приговор в пользу истца (решить в пользу истца), *find against the plaintiff* – выносить приговор против истца (решить против истца), *to break out of prison* – совершить побег из тюрьмы, *to go to law* – обращаться в суд (подать в суд), *to go beyond the law* – совершить противозаконный поступок, *to lay down the law* – формулировать закон, *to deal with a case* – вести процесс, *to lead for the prosecution* – возлагать обвинение, *to put under arrest / guard* – взять кого-либо под стражу / арестовать.

В двуязычных словарях только небольшая группа фразовых глаголов отмечена пометой *law* т.е. юридический, указывая на функционирование в юридическом дискурсе. В основном указывается региональная принадлежность к британскому или американскому вариантам английского языка, а также даются стилистические пометы как «formal» (язык официальных документов), «informal» (разговорный).

В целом фразовые глаголы, представляют собой значимые конструкции английского языка, которые характеризуются идиоматичностью, многозначностью и синонимией, что представляет определенную трудность в процессе перевода и интерпретации юридических текстов с английского языка на русский. Даже в юридической литературе в зависимости от контекста приходится подбирать подходящий эквивалент из нескольких предложенных.

Основываясь на исследовании фразовых глаголов, функционирующих в юридической литературе, с большой уверенностью можно утверждать, что они получили достаточно широкое распространение в сфере юриспруденции, имеются даже стандартные конструкции с фразовыми глаголами и существительными с фиксированными значениями. Подтверждается гипотеза об увеличении числа фразовых глаголов, как в британской, так и в

американской юридической литературе. Таким образом, изучение особенностей перевода фразовых глаголов в юридической литературе с английского языка на русский, важность их использования как особого лингвистического феномена в процессе коммуникации неоспорима.

Список литературы

- Крылова И.Д.* Английский язык. Фразовые глаголы / Крылова И.Д.; М.: Живой язык, 2012. 256 с.
- О Государственной программе развития и функционирования языков в Республике Казахстан на 2011-2020 годы / Указ Президента Республики Казахстан от 1 февраля 2010 года № 922 «О Стратегическом плане развития Республики Казахстан до 2020 года» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://prokuror.gov.kz/rus/dokumenty/gosudarstvennyy-yazyk/o-gosudarstvennoy-programme-razvitiya-i-funkcionirovaniya-yazykov-v>.
- Перевёрткина М.С.* Методика обучения переводу английских фразовых глаголов для студентов переводческого отделения: дис. ... кан. пед. наук: 13.00.02 / Перевёрткина М.С.; СПб.:, 2010. 256 с.
- Тарабрина С.Ю.* Семантика фразовых глаголов и глагольных фразеологических единиц: дис. ... кан. филол. наук: 10.02.19 / Тарабрина С.Ю.; М, 2003. 180 с.
- British National Corpus (BNC) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>.
- Corpus of Contemporary American English (COCA) [Электронный ресурс] // Режим доступа: www.americancorpus.org.
- Johnson S.* A Dictionary of the English Language / Johnson S., Walker J., Jameson R.S.; W.: Pickering, 1828. 831 p.
- Oxford Advanced Learners Dictionary. – Oxford University Press, 2011. – 1296 p.
- The National Archives [Электронный ресурс] // Режим доступа: www.legislation.gov.uk.

Фоменко О.В.
Московский государственный областной
социально-гуманитарный институт
г. Москва (Россия)

Fomenko Olga
Moscow Region State Institute
of Humanities and Social Studies
Moscow (Russia)

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА НА СОЦИУМ

THE INFLUENCE OF THE INFORMATION ON THE SOCIETY

Демократизация общества наряду с расширением гражданских свобод вызвала взрыв языковых свобод, социальные перемены повлекли за собой значительные изменения в стилистике устной и письменной речи. Проблема воздействия информационного пространства на состояние человека рассматривается в настоящее время как экологическая проблема, потому что нельзя отрицать того факта, что информационное взаимодействие с социумом часто приводит к негативным последствиям, ошибочно предполагать, что от информационного воздействия легко защититься. Процесс воздействия информации на психику индивида и масс описан психологами и физиологами. В подсознание откладывается любая информация, которая когда-либо проходила мимо индивида, вскоре она начнет свое воздействие на сознание. Политическая лингвистика изучает не только передачу политической информации, но и все, что связано с восприятием и оценкой политической реальности в процессе коммуникативной деятельности.

The paper covers the problem of verbal aggression in the present-day political society, in speeches of politicians, the articles on political themes. Speech is so transitory and hard to pin down that no clear evidence of wrongdoing is left behind. Verbal aggression can be both direct and indirect, the analysis shows that verbal aggression in nowadays' political discourse is both implicit and explicit, but it affects the behaviour of a person anyway. The problem is that the lack of information is as dangerous as abound with it, that is why new terms appeared info ecology and others. The paper covers the problem of mind manipulation in political discourse and its influence on the linguistic world image of the society. We analyze linguistic means of information management, that is the use of lexical, grammatical tools, which political texts resort to in order to shape public opinion. Political forces see a person as an object of external information influence. This lets them use political communication when competing for the power. General audience-oriented political discourse implements its function of political information influence, is characterized by its persuasive orientation towards the audience, and reveals itself in such methods as convincing, argumentation, manipulation and evaluation.

Ключевые слова: политическая лингвистика, политический дискурс, вербальная агрессия, информационная экология.

Key words: verbal aggression, direct and indirect types of verbal aggression, language behaviour, political discourse, manipulation in political discourse, to shape public opinion, external information influence, persuasive orientation, convincing, argumentation, manipulation and evaluation.

Глобализация мирового информационного пространства, либерализация общественных отношений и демократизация норм языка оказывают огромное влияние на человека, на его сознание и речевую культуру. Демократизация общества наряду с расширением гражданских свобод вызвала взрыв языковых свобод, социальные перемены повлекли за собой значительные изменения в стилистике устной и письменной речи. Бенджамин Дизраэли, видный английский политический деятель и писатель 19 века сказал: «With words we govern men». В рамках данной статьи мы хотели бы рассмотреть такие процессы в языке, как проявление речевой агрессии в средствах СМИ, что оказывает влияние на человека и управляет его поведением. Нельзя не согласиться с Аристотелем, который отмечал: «Из привычки так или иначе сквернословить развивается и склонность к совершению дурных поступков». Проблема воздействия информационного пространства на состояние человека рассматривается в настоящее время как экологическая проблема, потому что нельзя отрицать того факта, что информационное взаимодействие с социумом часто приводит к негативным последствиям, ошибочно предполагать, что от информационного воздействия легко защититься. Появился целый ряд новых терминов, связанных с современным состоянием системы «информация – коммуникационная среда – человек», – информационная перегрузка, инфобиологическая неадекватность, перепроизводство информации, синдром информационной усталости, информационное ожирение.

Процесс воздействия информации на психику индивида и масс описан психологами и физиологами. Психика человека представлена тремя составляющими: сознанием, бессознательным и барьером между ними —цензурой психики. Любое сообщение, которое поступает из внешнего мира в психику человека, проходит через цензуру психики, перераспределяя информацию между сознанием и бессознательным. При этом известно, что информация, которая перешла в подсознание, через какое-то время начинает воздействовать на сознание, а значит через сознание, на мысли и на поведение человека. При этом, в подсознание откладывается любая информация, которая когда-либо проходила мимо индивида, вскоре она начнет свое воздействие на сознание [Зелинский, 2008].

В нашем политизированном мире средства массовой информации не только информируют нас о тех событиях, которые происходят в разных частях света, но и манипулируют нашим сознанием. Для подтверждения этой мысли мы решили рассмотреть не все типы текстов, а политические тексты, поскольку трудно себе представить нашу жизнь без идеологии и политики, которые пронизывают практически все сферы деятельности

современного социума. Если мы, даже изредка, читаем газеты, слушаем радио, смотрим полемические телепередачи, то мы становимся адресатами политической коммуникации. Главная функция политической коммуникации – борьба за политическую власть на основе использования коммуникативной деятельности, при этом политическая коммуникация призвана оказать не только прямое, но и косвенное влияние на реципиента. Политическая лингвистика изучает не только передачу политической информации, но и все, что связано с восприятием и оценкой политической реальности в процессе коммуникативной деятельности. Применяя дискурсивный подход к изучению политических текстов, при котором каждый конкретный текст рассматривается в контексте политической ситуации, в которой он создан, в его соотношении с другими текстами, с учетом целевых установок, политических взглядов и личностных качеств автора, специфики восприятия этого текста различными людьми, мы можем проследить как одни и те же высказывания могут вызывать разные эмоции и оказывать разное воздействие на аудиторию. Мы рассмотрели несколько сообщений англоязычных средств информации о России и событиях в нашей стране. Даже для далеких от политики людей постоянные сообщения с ярко выраженной вербальной агрессией создают устойчивый образ врага, страны, где попораны права человека, страны-агрессора. The Atlantic опубликовала статью Питера Ельцова под заголовком *How Putin Killed Nemtsov Even if he didn't pull the trigger, the Russian leader invited the assassination*. Графически оформлен заголовок очень продуманно: заглавными буквами, так, что не обратить внимание на эту статью физически просто не возможно, значилось: Как Путин убил Немцова. Подзаголовок набран мелким шрифтом: Даже если он сам не нажал на курок, российский президент стоит за этим политическим убийством. Те, кто не относятся к категории вдумчивого читателя, далеки от политики, получили информацию и теперь понимают, почему этих русских надо «наказать», что звучит в каждом из выступлений сенаторов и президента Б. Обамы. Далее в статье идет анализ политики В.В.Путина, обвинения в аннексии Крыма, вторжении на территорию Украины, отношение к тем, кто не согласен с официальной политикой. Автор уверен, что расследования этого убийства не будет: *It is unlikely that we will ever know whether Putin had a direct hand in the assassination of Nemtsov, the charismatic Russian opposition leader and a staunch critic of Putin's policies. But make no mistake: It was Putin who released this evil genie from the bottle. He did so by reintroducing notions of "a fifth column" and "national traitor" into the political jargon of modern Russia—concepts that recall the Stalinist "enemy of the people"*. Не уверена, что средний американец хорошо знает историю и имя Сталина вызовет у них

какие-то устойчивые ассоциации, но два полярных образа из этой статьи явно возникнут в их сознании: убийца и жертва свободы слова, оппозиционер, отдавший жизнь за свои взгляды, харизматический лидер российской оппозиции, непреклонный критик политики Путина. Вербальная характеристика Б. Немцова для англо говорящей читательской аудитории положительная: *charismatic - exercising a compelling charm which inspires devotion in others* (Oxford Dictionary); *person attracts, influences, and inspires people by their personal qualities* (Collins Cobuild); *staunch - very loyal and committed in attitude* (Oxford Dictionary). Автор цитирует высказывания Б. Немцова одному из новостных каналов Украины с критикой политики президента: «You think he [Putin] is concerned about the fate of Russians in Donetsk? He could care less!» «Who oppressed the Russians in Crimea? The Russians were always in the position of power there. Who bothered the Russians in Donetsk? He could care less about them. The main thing for him is to preserve his power at any cost». Образ политика-диктатора, который навязывает всему миру позицию силы, внедряется в общественное сознание, страна представлена монстром с маниакальными наклонностями завоевать всех миролюбивых, демократически настроенных жителей планеты. Автор статьи подверг лингвистическому анализу политическую лексику наших обозревателей, обвинив, в частности, Дмитрия Киселева в использовании тюремного сленга времен Сталина. *The vocabulary of the notorious anchor of a «Russia Today» TV program, Dmitry Kissilev, is filled with jail slang unheard in the media since the years of Stalin. In his commentaries, Kissilev regularly refers to Putin's opponents as «scumbags», «thugs», «scoundrels» and «badasses».* В самых мрачных тонах может теперь читатель представить страну, где с экрана телевизора льется стилистически сниженная и инвективная лексика: подонок, убийца, бандит, негодяй, мерзавец, подлец, отморозок. Подобное цитирование делает весь текст агрессивным, он «давит» на сознание читателя, поскольку стилистически сниженная лексика – весьма действенное средство усиления эмоциональности и возможности манипулирования общественным сознанием. Мы разделяем мнение Е.Л.Доценко, что «манипуляция – это действия, направленные на «прибирание к рукам» другого человека, помыкание им, производимые настолько искусно, что у того создается впечатление, будто он самостоятельно управляет своим поведением» [Доценко,1997].

Известно, что в подсознание откладывается любая информация, которую человек мог увидеть или услышать, информация, улавливаемая психикой с задействованием органов зрения, слуха, обоняния, осязания и т.д., такая информация неизменно откладывается в

подсознание, в бессознательное психики, откуда и начинает вскоре свое воздействие на сознание. Если подобные сообщения появляются регулярно, то мы можем говорить о формировании устойчивого мнения, зомбировании не просто одного человека, а целого социума. Интересно, что в конце статьи, курсивом набрано: *The views expressed in this article are those of the author and do not reflect the official policy or position of the National Defense University, the Department of Defense or the U. S. government.* Боюсь, что по этим строчкам взгляд читателя уже не пробежит, а если такое и случится, то ведь в демократическом обществе автор может излагать свою точку зрения, не согласуя ее с руководством университета, департаментом обороны страны или правительством.

Нельзя не согласиться с тем, что средства массовой коммуникации «являются одним из важнейших общественных институтов, оказывающих решающее влияние на формирование не только взглядов, представлений общества, но и норм поведения его членов, в том числе и речевого поведения» [Кормилицына, 2008]. Если в текстах проявляется речевая агрессия, то она провоцирует изменения в поведении человека, нарушения представлений об этических и моральных нормах, что отрицательно сказывается на формировании языкового сознания людей.

Список литературы

- Воронцова Т.А.* Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход: Автореф. дис. д-ра филол. наук. Челябинск, 2006
- Власова Е.В.* Речевая агрессия как одно из выражений власти в СМИ. Саратов, 2005. С.162.
- Доценко Е.Л.* Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: Че-Ро, 1997.
- Енина Л.В.* Современные российские лозунги как сверхтекст. Екатеринбург, 1999. С. 97.
- Мельников А.П.* Средства массовой коммуникации: воздействие на сознание Рудомино, Москва, 2006. 130 с.
- Новиков Вл.* О нашем речевом поведении// Новый Мир №1, 1998
- Седов К.Ф.* Речевая агрессия в межличностном взаимодействии. // Проблема речевой коммуникации. Саратов, 2005.
- Серль Дж. Р.* Классификация речевых актов//Новое в зарубежной лингвистике. Вып.ХII. М. Прогресс, 1986, С.424
- Щербинина Ю.В.* Русский язык: Речевая агрессия и пути ее преодоления. - М.: Флинта: Наука, 2004.
- www.journalist-virt.ru
- whitehouse.gov.

Фоменко Т.А.
Московский государственный областной социально-гуманитарный институт
г. Москва (Россия)

Fomenko Tatiana
Moscow Region State Institute of Humanities and Social Studies
Moscow (Russia)

*ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА СНИЖЕННОЙ ЛЕКСИКИ НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Д.
МИТЧЕЛЛА «BLACK SWAN GREEN»*

*OBSCENE WORDS AS A PROBLEM OF TRANSLATION (ON THE BASIS OF THE NOVEL
“BLACK SWAN GREEN” BY D. MITCHELL)*

Использование ненормативной лексики человеком обусловлено теми или иными причинами. К ним могут относиться эмоциональное состояние (злость, зависть, неприятие), социальный статус, желание выделиться (например, общение подростков). Язык художественной литературы экспрессивен и эмоционален, индивидуализирован. Произведение английского писателя Дэвида Митчелла «Лужок черного лебедя» изобилует сниженной, часто табуированной лексикой, отражает современный языковой портрет подростков, в котором быстро находят отражения и фиксируются многочисленные изменения языковой действительности, все те процессы, которые оказываются характерными для современного речеупотребления. Одной из центральных проблем современной лингвистической теории перевода является проблема воссоздания в переводе коммуникативного эффекта оригинала. В рамках этой проблемы значительный интерес представляет вопрос о переводе стилистически маркированных единиц.

There are several grounds for the usage of obscene language, firstly, the emotional state of a person, malice, envy, aversion, secondly, the social status of a person, the wish to show off among the peers. The language of belles-lettres is expressional, emotional and individualized. The novel of a prolific contemporary English writer David Mitchell is abound in obscene words, often tabooed. The author depicts the verbal character of a teenager, who is doomed to use such lexicon. The paper covers the problems of translation, which we face as soon as we meet vulgar, rude, obscene words in the text. The question arises either to neutralize this lexical unit or try to find a word equal in its pragmatic and connotative meaning. But if we analyze a piece of literature; the above mentioned layer of words is used as a verbal feature of a character, thus the translator has to use such techniques of translation as searching for an equivalent, an analog word, using explicit means and so on.

Ключевые слова: сниженная лексика, ненормативная лексика, подростковый сленг, современная английская проза, проблемы перевода сниженной лексики.

Key words: obscene language, teenage slang, contemporary British prose, the usage of the obscene language in translation.

Демократизация современного общества приводит к изменениям в речевом поведении людей, что проявляется в явном отклонении от речевой нормы и речевого этикета. Каждый этап демократизации языка характеризует специфическое количественно-качественное соотношение языковых источников. Многие лингвисты отмечают, что на рубеже XX-XXI

веков происходит иерархическое перераспределение языковых источников демократизации, ими становятся жаргонизмы, сленгизмы, арготизмы, одним словом, сниженная лексика. Интерес исследователей к разным видам сниженной лексики существовал всегда, что вполне объяснимо, так как сниженная лексика привлекает метафоричностью, выразительностью и «нетрадиционностью» номинации. «Сниженной лексикой» большинство исследователей (Сдобников В.В, Лаптева О.А., В.Д. Дёвкин) называют лексику, не входящую в состав литературной, кодифицированной, обладающую особой стилистической окраской и экспрессивностью, употребляющуюся преимущественно в разговорной речи. Использование ненормативной лексики человеком обусловлено теми или иными причинами. К ним могут относиться эмоциональное состояние (злость, зависть, неприятие), социальный статус, желание выделиться (например, общение подростков), а для некоторых людей бранные слова являются неотъемлемой частью лексикона. Так, говоря о функциях ненормативной лексики в речи, можно сослаться на работу В. И. Жельвиса «Поле брани. Сквернословие как социальная проблема», в ней он рассматривает инвективную лексику (лексика, унижающая честь и достоинство другого лица, выраженная в неприличной форме, которая контрастирует с принятыми в обществе нормами) и выделяет 27 функций ее использования. Среди них такие как: средство понижения социального статуса адресата; средство установления контакта между равными людьми; средство дружеского подтрунивания или подбадривания; «дуэльное» средство; выражение отношения двух к третьему как «козлу отпущения»; нарративная группа – привлечение внимания; патологическое сквернословие; как средство вербальной агрессии и т.д. [Жельвис В.И. , 2001,с. 110].

Язык художественной литературы экспрессивен и эмоционален, индивидуализирован. Произведение английского писателя Дэвида Митчелла «Лужок черного лебедя» изобилует сниженной, часто табуированной лексикой, отражает современный языковой портрет подростков, в котором быстро находят отражения и фиксируются многочисленные изменения языковой действительности, все те процессы, которые оказываются характерными для современного речеупотребления.

Для перевода сниженной лексики особую проблему представляет перевод, при котором учитываются все особенности единиц сниженной лексики оригинала (их денотативной и коннотативной семантики, функции в тексте, структурных особенностей...) и подбираются эквивалентные и адекватные единицы языка перевода [Хомяков,1977]. В отношении перевода единиц сниженной лексики и сленга выполнение этих задач

представляется особенно сложным, так как вопрос о том, что составляет специфику сленга является до сих пор дискуссионным. Как показывает анализ текста Дэвида Митчелла «Лужок черного лебедя» при переводе единиц сленга на русский язык обязательно выполняется только одна задача - нахождение эквивалента денотативного значения единицы сленга. Эквивалентная по своему значению единице английской сниженной лексики единица русского языка может характеризоваться и тождественной социальной оценкой, но при этом отличаться по способу образования. Одной из центральных проблем современной лингвистической теории перевода является проблема воссоздания в переводе коммуникативного эффекта оригинала. В рамках этой проблемы значительный интерес представляет вопрос о переводе стилистически маркированных единиц.

Признавая за сниженной лексикой право на существование в качестве социального маркера, следует определить, как влияет её сохранение на достижение адекватности перевода в целом. Стремлением всякого переводчика является максимальное сохранение стилистических особенностей оригинала в переводе. Рассмотрим ряд трансформаций, которые применялись нами при переводе романа Дэвида Митчелла «Лужок черного лебедя» («Black Swan Green»).

Нами были найдены примеры контекстуальной замены, которая определяется переводоведами как «замена словарного соответствия при переводе контекстуальным, логически связанным с ним»:

...they'd gouge me to death behind the tennis courts with blunt woodwork tools and spray the Sex Pistols logo on my gravestone.

...они бы за теннисным кортом забили бы меня до смерти молотками из школьной мастерской, а потом нарисовали бы граффити «Секс-Пистолз» на моем могильном камне.

Слово gouge –имеет множество значений таких как: выдавить, выдавливать, выдалбливание, выдалбливать, выдолбить, выдолбленное отверстие, делать выемку, долото, запрашивать чересчур высокую цену. Из вышеперечисленных словарных вариантов идеально к контексту не подходит ни одно, но проанализировав значения мы можем ввести контекстуальное значение слова в виде «забить»- to gouge smb to death-забить до смерти.

При переводе романа мы использовали и такой прием как подбор эквивалента, сохраняя яркую эмоционально-экспрессивную окраску.

«Fuck off». Wilcox struck a match and his face hovered there for one flickery second. «Иди на ...».
– Уилкоккс зажег спичку, и его лицо осветилось на секунду.

...That said, just before we broke up for Christmas, Dawn Madden and Andrea Bozard started yelling 'Bitch!' and 'Slag!' in the bus queues after school.

...говорят, перед тем как мы разъехались на рождество, Дафна Мадден и Андрэ Бозард стали кричать друг на друга «Сука!» и «Тварь!» прямо в очереди к школьному автобусу...

В некоторых случаях нам приходилось искать функциональный аналог.

Below us are kids with piss-take nicknames like Moran Moron or Nicholas Briar who's Knickerless Bra.

А в самом низу – мальчишки с насмешливыми прозвищами вроде Моран «Болван», или Николас Брит - «Задрот».

Точного перевода данного словосочетания Knickerless Bra не было найдено нами ни в одном словаре современного английского сленга, поэтому мы решили применить здесь такой вид перевода как функциональный аналог.

But if I ever admitted that out loud I'd get BUMHOLE PLUMBER scrawled on my locker

Но если я когда-нибудь скажу это вслух, на моем шкафчике нацарапают надпись «ГОМОСЕК».

«Better order an ambulance, Turd Burglar. »-«Советую тебе сразу вызвать скорую, Пидрила ».

В данных случаях мы можем говорить о модуляции или смысловом развитии – замене слова или словосочетания ИЯ единицей ПЯ, значение которой логически выводится из значения исходной единицы.

Нечасты случаи экспликации при переводе сниженных лексических единиц, т.е. описательный перевод. Это лексико-грамматическая трансформация, при которой лексическая единица ИЯ заменяется словосочетанием, эксплицирующим ее значение, т.е. дающим более или менее полное объяснение или определение этого значения на ПЯ [Комиссаров 2000:185].

В тексте примером такой трансформации может служить следующее предложение:
His real name's Dean Moran but our PE teacher Mr Carver started calling him 'Moron' in our first week and it's stuck.

Его настоящее имя Дин Моран, но учитель мистер Карвер в первую неделю нашей учёбы назвал его «Морон» (*на английском «mopon» - значит «болван»), и кличка прилипла. В своём переводе мы обязаны пояснить казусный момент с оговоркой учителя и объяснить, что изменяя одну букву фамилии мы получаем английское слово, относящееся к разговорной лексике mopon-означающее «болван».

Что касается перевода слов со словарной пометкой груб, то мы старались обходить их и переводить, используя сдержанную лексику (пример эвфемистического перевода):

«Last one to the lake's a spaz!» yelled Moron, haring off before I was ready.

Кто последний, тот дурак! – крикнул Морон и сорвался с места вперёд меня.

Английское существительное spaz- груб. переводится как урод, дибил, придурок. В данном случае, в соответствии с русской действительностью, есть хорошее выражение, часто употребляемое подростками «Кто последний, тот дурак!», которое позволяет сгладить достаточно грубое выражение и перевести аналогичной зазывалкой в русском языке.

Так же мы прибегали к дисфимистическому переводу:

If I called Gilbert Swinyard, just 'Swinyard' he'd kick my face in.

Если я назову Гилберта Суинярда, просто «Суинярд», он даст мне в морду.

Нейтральное выражение «kick my face in» - ударить по лицу, мы делаем более экспрессивным и эмоциональным, соответствующим подростковой лексике и переводим как «дать в морду».

В следующем предложении мы использовали прием замены части речи:

I crossed the village green thinking the worst of this turd of a day was over.

Я шел по зеленому полю, чувствуя облегчение оттого, что самый дерьмовый день в моей жизни наконец-то подошел к концу.

Существительное turd в выражении turd of a day в переводе становится прилагательным «дерьмовый день».

В данном примере применено несколько трансформаций при переводе - это опущение такой конструкции как «You're gonna fuckin' regret that» посчитав, что это будет излишне, если далее мы используем ещё одно выражение, обозначающее в английском контексте более жёсткое значение, чем первое.

Следуя определению данному в электронном онлайн словаре сленга, Piss flaps –это женский половой орган.[<http://www.urbandictionary.com/define.php?term=slag>]

Исходя из этого, мы далее применяем смысловое развитие. В русском языке есть ругательное слово, связанное с женским половым органом, но с учётом культурологических особенностей и возрастной категории говорящих, в переводе мы используем выражение с более смягчённой агрессивностью.

«Хана тебе»

«Хана» - это на сленге подростков означает "я устрою тебе что-либо плохое, нанесу вред". Это однозначно предвещает что-то плохое, какое-то возмездие, месть. Такой же смысл заключен и в опущенной нами части *You're gonna fuckin' regret that*. Тем самым мы сделали сжатие (внутреннюю компрессию) данного предложения, заключив в одном выражении смысл двух словосочетаний.

“What d’you reckon?” I says, *You're gonna fuckin' regret that, Piss Flaps.*”

«Ты че – охренел? Ну всё, хана тебе».

Таким образом, мы можем сделать вывод, что переводческие приёмы должны быть направлены на достижение максимального уровня эквивалентности и адекватности, с учетом стилистики текста, функций сниженной лексики в конкретном произведении. В текстах художественной литературы, где сниженная лексика используется для создания портрета героя, этот пласт лексики необходимо сохранить при переводе.

Список литературы

Бархударов Л.С. «Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода» МГПИИЯ, 1975- с. 237
Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. — Изд-во литературы на иностранных языках, М., 2008

Девкин В.Д. Специфика словаря разговорной лексики//Немецко-русский словарь разговорной лексики, М., Русский язык, 2004

Хомяков. В.А. Структурно-семантические и социально стилистические особенности английского экспрессивного просторечия. Вологда. 1977. 102 стр

Словари:

Dictionary of Contemporary Slang. Tony Thorne Third Edition

Ресурсы удаленного доступа (INTERNET)

Словарь молодёжного жаргона [Электронный ресурс] / : www.teenslang.ru

Шапкина Е.В.
Южно-Уральский государственный университет
г. Челябинск (Россия)

Shapkina Elena
South Ural State University
Chelyabinsk (Russia)

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ВЕЖЛИВОСТИ
В ДЕЛОВОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ**

**TRANSLATION PRINCIPLES OF POLITENESS AS A LINGUISTIC CATEGORY
IN BUSINESS LETTERS**

Наметившееся в последнее время расширение взаимодействия представителей разных культур обусловили необходимость всестороннего изучения способов вежливого общения. В результате, в последнее десятилетие категория вежливости стала рассматриваться как лингвистическая категория. Однако, как показывают проведенные исследования, способы реализации данной категории имеют культурную специфику. В связи с этим выявление наиболее типичных средств данной категории в разных культурах представляет большой интерес.

В настоящей статье лингвистическая категория вежливости рассматривается в двух аспектах: как совокупность общих стратегий поведения (стратегии сближения и стратегии отдаления) и как совокупность способов осуществления речевых действий (деловое предложение, просьба, благодарность, претензия и т.д.) в условиях деловой переписки. На основе обобщения результатов количественного анализа представляются наиболее типичные языковые средства, реализующие категорию вежливости в англоязычных письмах, показывается их закрепленность за определенным отрезком композиционной структуры текстов данного жанра. Приводятся примеры использования наиболее характерных лексических и грамматических средств. В заключении формулируются основные принципы передачи категории вежливости в деловых письмах на английском языке.

The increased interaction among the members of different linguistic cultures determined the necessity for a comprehensive study of politeness. As a result, the category of politeness has been regarded as a linguistic category in the last decade. However, the research shows that the realization principles of this category have a number of specific features in each linguistic culture. Thus, the identification of the most typical linguistic means for this category attracts a lot of practical interest.

The linguistic category of politeness is considered in two aspects in this article: as a set of general behavioral strategies (rapprochement and distance strategies) and a set of speech acts (proposals, offers, thanks, complaints etc.) in business letters. The linguistic means of politeness based on the quantitative method and structural analysis of business letters are presented. Examples of the most typical lexical and grammatical means are given. Translation principles of politeness for business letters are proposed in conclusion.

Ключевые слова: деловые письма, категория вежливости, перевод, речевые действия.

Key words: business letters, politeness, translation, speech acts.

Как известно, в последнее десятилетие наблюдается значительное расширение партнерских отношений ряда российских предприятий с зарубежными компаниями. Неотъемлемой частью таких отношений является общение между партнерами на иностранном (как правило английском) языке в форме деловой переписки. При этом важным аспектом подобного рода взаимодействия является не только грамотное изложение сути деловых вопросов с точки зрения языковых и стилистических норм данного жанра делового стиля в языке перевода, но и соблюдение принципов вежливого общения, т.к. именно вежливость соотносится со стремлением автора «убедить партнера в добром отношении к нему и вызвать ответное доброе отношение» [Карасик, 1992, с.19] и тем самым расположить к дальнейшему сотрудничеству.

Изучению стратегий вежливого поведения посвящено немало работ как российских, так и зарубежных исследователей (В.И. Карасик (1992), Н.И. Формановская (2004), Т.В. Ларина (2005), Р. Brown и S.C. Levinson (2004) и др.). В большинстве научных исследований категория вежливости рассматривается в двух аспектах: как совокупность общих стратегий поведения и как совокупность способов осуществления речевых действий в конкретных ситуациях общения (речевой этикет). Однако набор данных стратегий и способов их реализации при помощи языковых средств в конкретных ситуациях общения отличается в разных языковых культурах. Например, Т.В. Ларина отмечает, что для англоязычных коммуникативных стратегий характерно дистанцирование, которое заключается в соблюдении коммуникативной дистанции и неприкосновенности, недопустимости прямого воздействия на адресата. Для русскоязычной коммуникативной культуры дистанцирование не характерно, чаще всего используются прямые высказывания [Ларина, 2005 б]. Различия также могут проявляться и в наполняемости речевых формул вежливости лексико-грамматическими средствами, передающих доброжелательное отношение к адресату. Например, в русскоязычной культуре при выражении просьбы часто используется речевая формула «*мочь + бы + местоимение + глагол*», например, *Не могли бы вы прислать* В англоязычной речевой традиции кроме глагола «*could*» допустимы глаголы «*might*» и «*would*» и принято использовать формулу «*would (might, would + местоимение + please + глагол*», например, *Would you please send* Таким образом, изучение стратегий вежливого поведения и особенностей использования языковых средств для их реализации имеет актуальность, а также представляет интерес с теоретической и практической точки зрения. В связи с этим целью данной статьи является описание особенностей реализации лингвистической

категории вежливости в деловых письмах с последующей разработкой ряда рекомендаций по их составлению и переводу на английский язык.

В качестве материала изучения были использовано примерно 50 деловых писем (на английском языке), отобранных методом сплошной выборки. Для описания результатов анализа использовались элементы количественного анализа, а также прием наблюдения языковых средств и прием обобщения для формулирования основных особенностей использования стратегий вежливого поведения и рекомендаций по их передаче на английский язык.

Прежде чем перейти к анализу результатов наших наблюдений, рассмотрим основные понятия концепции лингвистической категории вежливости.

Основоположниками лингвистической теории вежливости являются американские лингвисты П. Браун и С. Левинсон. Они выделяют два вида вежливости: позитивную и негативную. Позитивная вежливость направлена на создание и развитие располагающего отношения со стороны собеседника, негативная – на предотвращение конфликтных ситуаций и ограничение действий собеседника. Каждый тип вежливости связывается с определенным типом стратегий поведения. Позитивные стратегии вежливого поведения выражаются в привлечении внимания к говорящему, стремлении к совместной деятельности, учете интересов собеседника, проявлении и поощрении инициативы, оптимизме и т.д. К негативным стратегиям вежливого поведения относятся: учет собственных интересов, занижение собственной оценки, выражении просьбы в виде косвенного вопроса, готовность принести извинения, стремление к дистанцированию в общении с собеседником [Brown, 2004, с. 328-335].

С точки зрения особенностей реализации категории вежливости в межкультурной коммуникации большое значение имеют исследования, проведенные Т.В. Лариной. В своих работах она углубляет теорию П. Браун и С. Левинсона и для обозначения коммуникативных стратегий позитивной и негативной вежливости использует понятия «стратегии сближения» и «стратегии отдаления». Для стратегий сближения характерны положительная оценка, эмоциональность, оптимизм, коммуникативная поддержка собеседника. Для стратегий отдаления, наоборот, характерны социальное дистанцирование и соблюдение интерперсональных границ. Стратегии сближения выражаются при помощи таких речевых действий как: приветствие, прощание, приглашение, извинение, благодарность, комплимент, оценка и т.д. Стратегии отдаления могут быть представлены следующими речевыми

действиями: просьба, приказ, совет, команда, инструкция, указание и т.д. [Ларина, 2005а, с.251].

На основе проведенного анализа можно сделать вывод о том, что в деловых письмах используются как стратегии сближения, так и стратегии отдаления, которые реализуются при помощи следующих речевых действий:

- приветствие, прощание, приглашение, благодарность, предложение (о сотрудничестве) пожелание, комплемент (стратегии сближения);
- просьба, напоминание, отказ, совет, предупреждение, извинение, претензия (стратегии отдаления).

Обязательными речевыми клише категории вежливости в деловых письмах являются речевые действия приветствия и прощания. Для этого используются следующие наиболее типичные формулы: «*Dear Sir /Sirs /Madam /Mr. /Mrs. /Miss*», «*Yours faithfully /sincerely /truly*», «*Faithfully yours /Sincerely yours /Truly yours*», «*With best regards /kind regards /wishes*».

Как показал анализ, очень часто в одном письме используется два вида речевых действий вежливости, которые образуют закономерные пары:

деловое предложение + пожелание с надеждой на дальнейшее сотрудничество; напоминание + пожелание с надеждой на дальнейшее сотрудничество; просьба + благодарность; совет + надежда на незамедлительный ответ или действие; благодарность + пожелание с надеждой на дальнейшее сотрудничество; благодарность + просьба; претензия + надежда на незамедлительный ответ или действие; претензия + просьба и т.д.

Следует также отметить, что первый элемент таких пар находится, как правило, во вступительной части, а второй – в заключительной части письма. Таким образом, с количественной точки зрения в одном деловом письме используется в среднем 3-4 речевых действия категории вежливости.

С точки зрения использования стратегий сближения и отдаления, все деловые письма можно поделить на три группы:

1. Письма, в которых используются только стратегии сближения. Они представлены парами: деловое предложение + пожелание с надеждой на дальнейшее сотрудничество; благодарность + пожелание с надеждой на дальнейшее сотрудничество.

2. Письма, в которых используются как стратегии сближения, так и стратегии отдаления. При этом, как правило, сначала следует речевое действие стратегий отдаления, а затем – речевое действие стратегий сближения: напоминание + пожелание с надеждой на

дальнейшее сотрудничество; просьба + благодарность; совет + надежда на незамедлительный ответ или действие; претензия + надежда на незамедлительный ответ или действие;

3. Письма, в которых используются только стратегии отдаления. Они представлены парой «претензия + просьба».

Рассмотрим особенности использования языковых средств в наиболее типичных речевых действиях, выражающих вежливость.

Пожелание с надеждой на дальнейшее сотрудничество. В большинстве случаев передается при помощи глагола «*hope*», например, «*I hope that you will be able to place repeat orders with us in the near future*», «*Hoping that this initial order will lead to further business ...*», «*I hope that you will have a good turnover*» т.д. Возможно также использование выражений типа «*be certain*», например, «*We are certain the products you sell are suitable for our market*».

Выражение надежды на незамедлительный ответ или встречу. Данное речевое действие оформляется при помощи выражения «*look forward to*», например, «*We look forward to hearing from you soon*», «*We look forward to calling you in a week*», «*We look forward to seeing you*». Также часто используется словосочетание «*prompt reply*», например, «*We are waiting for your prompt reply*», «*Your prompt reply would be very much appreciated*» и т.д.

Благодарность. Типичным выражением благодарности является выражение «*Thank you*», например, «*Thank you for your assistance*», «*Thank you for allowing us a special discount*», но возможно использование выражения «*be pleased*», например, «*We are pleased for the goods you inquired about*».

Приглашение. К средствам выражения данного речевого действия представляется возможным отнести просьбу незамедлительно обращаться по всем возникающим вопросам. В этом случае используется перформативный глагол «*answer*», а также выражение «*be happy*» или наречие «*gladly*», например, «*We will be happy to answer all your questions*», «*I would gladly answer any request for ...*». Возможно также и прямое приглашение типа «*please* + глагол в повелительном наклонении», например, «*Please give us the opportunity of serving you again*».

Деловое предложение (о сотрудничестве). Данное речевое действие используется преимущественно в коммерческих предложениях о сотрудничестве и оформляется при помощи выражений «*have pleasure*», «*be interested in*», «*be pleased to*», «*would like to*», например: «*I am interested in importing ...*», «*We are pleased to submit our lowest prices*», «*We would like to allow you a 2 % discount*», «*We have pleasure in informing you ...*».

Просьба. Как правило, для выражения просьбы используются слова «*please*» + глагол в повелительном наклонении, например, «*Please send us a duplicate*», а также «*would like*» и просьбы в форме вопросов, например, «*I would like to ask you to return the duplicate*», «*Would you kindly send ...*», «*Would you please reserve the following accommodation ...*».

Совет. Для выражения данного речевого действия используется выражение «*advice*» в сочетании с «*be pleased to*», например, «*We are pleased to advise you that ...*».

Напоминание. Для оформления напоминания используется речевая формула в виде вопроса с перформативным глаголом, например, «*May we remind you ...*». Возможны варианты без использования глагола «*remind*». Но возможны также варианты без перформативного глагола, например, «*I would like to draw your attention to ...*», «*We have asked you repeatedly ...*»

Извинение. Данное речевое действие выражается с помощью слов «*apologize*» «*apologies*», не прямые формулировки не используются, например, «*We apologize for failing to inform you in time*», «*Please accept our apologies for the oversight ...*».

Предупреждение (о каких-либо последствиях). Предупреждения используются в сложноподчинённых предложениях с придаточными условия. При этом часто используются выражения «*be forced to*», «*be compelled*», например, «*We shall be forced to cancel our order ...*». Для речевого оформления предупреждения используется сочетание «*please + note that*», например, «*Please note that our price list of ...*».

Претензия. Следует отметить, что суть претензии чаще всего излагается без использования речевых средств вежливости. Данные средства используются в просьбе рассмотреть претензию. Такая просьба излагается либо до, либо после изложения содержания претензии с использованием следующих фраз: «*draw someone's attention*», «*be disappointed*», «*request someone to*», «*regret*», например, «*We request you to take this fact into consideration*», «*We wish to draw your attention to two matters*» и т.д.

На основании проведенных наблюдений можно сформулировать следующие выводы, которые рекомендуется учитывать при составлении деловых писем на английском языке.

1. Языковые средства, реализующие категорию вежливости, используются в каждом деловом письме.
2. Каждое речевое действие вежливости оформляется, как правило, в объеме одного предложения.

3. Категория вежливости в деловых письмах представлена как стратегиями сближения, так и стратегиями отдаления.

4. Обязательными в каждом письме являются речевые действия приветствия и прощания.

5. В одном письме, чаще всего, используется 4 речевых действия категории вежливости (приветствие, прощание + 2 действия (в зависимости от типа письма), образующих закономерные пары (табл.1).

6. Тип речевого действия вежливости (кроме обязательных действий приветствия и прощания) зависит от типа делового письма (табл.1).

7. С композиционной точки зрения речевые действия категории вежливости, как правило, размещаются во вступительной и заключительной части письма (табл.1).

Таблица 1

Тип письма	Вступительная часть		Заключительная часть	
	Приветствие	Закономерная пара речевых действий		Прощание
Запрос	+	просьба	благодарность	+
	+	предложение	надежда на дальнейшее сотрудничество;	+
Деловое предложение	+	предложение	надежда на дальнейшее сотрудничество;	+
	+	благодарность	надежда на дальнейшее сотрудничество	+
Реклама	+		предложение	+
	+		надежда на дальнейшее сотрудничество	+
	+		надежда на незамедлительный ответ или действие	+
Контрпредложение	+	благодарность	просьба	+
	+	предложение	надежда на дальнейшее сотрудничество	+

Заказ	+	благодарность	надежда на дальнейшее сотрудничество	+
	+	просьба	благодарность	+
Подтверждение	+	благодарность	совет	+
О доставке и транспортировке	+	совет	надежда на незамедлительный ответ или действие	+
Напоминание	+	напоминание	надежда на дальнейшее сотрудничество	+
Благодарность	+	благодарность	надежда на дальнейшее сотрудничество	+
	+	благодарность	просьба	+
Претензия	+	претензия	надежда на незамедлительный ответ или действие	+
	+	претензия	просьба	+

Список литературы

- Карасик В. И.* Язык социального статуса [Электрон. ресурс] / В.И. Карасик. – 1992. – Режим доступа: [http:// www.philologos.narod.ru](http://www.philologos.narod.ru)
- Ларина Т. В.* Английский стиль фатической коммуникации // Жанры речи. Саратов: Колледж, 2005. Вып. 4. – С. 251 - 262.
- Ларина Т.В.* Вежливость в сознании и коммуникации: межкультурный аспект [Электрон. ресурс] / Т.В. Ларина. – 2005. – Режим доступа: [http:// www.web-local.rudn.ru](http://www.web-local.rudn.ru)
- Формановская Н. И.* Культура общения и речевой этикет / Н.И. Формановская. – М.: Издательство ИКАР, 2004. 236 с.
- Brown P., Levinson S.C.*, Politeness: some universals in language use / P.Brown S.C.Levinson. The discourse Reader / Ed. by Jaworsci, N. Coupland, London and New York, 2004. – P. 328-335.

Юсупова К.Т.
Афинский Национальный Университет им. Каподистрии
г. Афины (Греция)

Yusupova Kamilla
National and Kapodistrian University of Athens
Athens (Greece)

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В ГРЕЧЕСКОЙ АУДИТОРИИ

SECOND LANGUAGE TEACHING: INTERFERENCE BETWEEN L1 GREEK AND L2 RUSSIAN

Данная статья посвящена интерференции русской языковой системы и системы родного греческого языка учащихся. Приводятся примеры типичных ошибок греков, вызванные интерференцией, на элементарном и базовом уровне изучения русского языка. Также рассматриваются такие понятия, как интерференция, трансференция, интерязык российскими и зарубежными лингвистами.

The present article is dedicated to the language interference between the Russian and the Greek language system. Examples of mistakes are mentioned which derived from the interference. These particular mistakes made by greek students, were recorded at the elementary and basic levels during their acquisition of the Russian language. Moreover, with reference to Russian and international linguists, interlanguage, as well as negative and positive interference are examined.

Ключевые слова: интерференция, перенос, трансференция, интерязык, анализ ошибок, типы ошибок, типичные ошибки, системные и несистемные ошибки.

Key words: interference, transfer, transference, interlanguage, error analysis, typical errors, errors and mistake.

В пятидесятых годах развивается сравнительный анализ (Contrastive Analysis Hypothesis), который в свою очередь находился под влиянием бихевиоризма, представителями которого были Fries (1945) и Lado (1957.) Lado (1957) считал, что, сравнивая языковые системы, может облегчить изучение иностранного языка. Также Lado ввёл термин *transfer*, т.е. перенос форм и значений из родного языка Я1 своей культуры в изучаемый иностранный язык Я2 и в его культуру, различая при этом положительный и отрицательный переносы. Слово интерференция от латинского [inter между + ferens (ferentis) несущий, переносящий], является научным термином, который используется не только в лингвистике, но и в физике и в биологии.

В греческом языке термин *transfer* используется как *παρεμβολή* [paremboli], *αρνητική παρεμβολή* [arnitiki paremboli] - отрицательный перенос, *θετική παρεμβολή* [thetiki paremboli] - положительный перенос. Греческий лингвист Bella в своём труде «Второй язык. Обучение и преподавание» пишет, что перенос языковых особенностей и привычек из Я1 в Я2 являются характерным признаком, который наблюдается в процессе изучения иностранного языка [Bella, 2009, с. 32]. Также, когда мы слышим устную речь иностранца, то мы можем понять, какой язык является его родным.

В русском языке имеются два термина: трансференция при положительном переносе и интерференция при отрицательном переносе. *Отрицательным переносом* или *интерференцией*, считается когда инофон автоматически переносит из Я1 языковые явления и системы в иностранный язык, в котором они не соответствуют нормам изучаемого языка. Под положительным переносом – *трансференцией* понимается, когда инофон автоматически переносит языковые системы и явления из Я1 в Я2, и этот перенос является правильным в Я2, т.е. соответствуют нормам изучаемого языка.

По мнению Л. И. Баранниковой: «Интерференция – это изменение в структуре или элементах структуры одного языка под влиянием другого» [Баранникова, 1972, с 88]. В. А. Виноградов полагал, что интерференция - это: «Взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при языковом контакте, либо при индивидуальном усвоении неродного языка» [Виноградов, 1990, с. 197].

Интерференция может быть не только межъязыковой, но и внутриязыковой [Федотова, Азимов и Щукин]. Федотова отмечает, что межъязыковая интерференция происходит между двумя языками, а внутриязыковая между вариантами одного языка [Федотова, 2013, с. 22]. В словаре методических терминов и понятий отмечается, что: «Межъязыковая интерференция возникает в силу существования различий в системах родного и изучаемого языков и имеет место на уровне значения и употребления. Внутриязыковая интерференция характерна для уже приобретших достаточный опыт в изучении языка» [Азимов, 2009, с. 87]. Однако Федотова пишет о наличии смешанной интерференции, которая возникает из-за одновременного взаимодействия оппозиций на изучаемый и на родной языки, и наличие внутрисистемной оппозиции в изучаемом языке [Федотова, 2013, с. 51].

Перенос систем у объекта происходит над подсознательном уровне и не контролируется им. Не все лингвисты согласны в том, как в действительности происходит

перенос, и всегда ли соответствие или несоответствие языковых норм ведёт к интерференции или к трансференции.

Bella указывает на существование других типов интерференции, такие как *избежание* (avoidance) и *чрезмерное использование* (overuse) форм [Bella, 2009, с. 35]. Избежание использования определённых форм в изучаемом языке может происходить тогда, когда нет аналогичных форм в родном языке. Чрезмерное использование определённых форм может происходить из-за боязни допущения ошибок в устной речи на иностранном языке.

В греческой аудитории, использование избежания наблюдается тогда, когда некоторые учащиеся стараются не использовать глаголы движения, которых нет в греческом языке заменяя их глаголом *быть* (в прошедшей форме), например: *Мы были в автобусе сорок минут*. Чрезмерное использование глагола *есть*, например: **У неё есть голубые глаза*. Также чрезмерное использование частицы *это*, например: *Мой родной город это маленький и старый*.

Интерференция углубила лингвистов в сравнительно-сопоставительные исследования языков. И это привело к тому, что другие типы ошибок были оставлены в стороне и внимание уделялось, в основном, интерференции. Контрастивный анализ и бихевиоризм подверглись критике не только из-за интерференции, но и потому что не принимали во внимание то, что происходит в человеческом мозгу, т.е. психолингвистическую сторону.

В конце шестидесятых годов, заново пересматривается процесс овладения ребёнком родного языка под началом Chomsky, который яростно подверг критике структурную лингвистику и книгу «Verbal Behaviour» Skinner. Chomsky считал, что развитие языковой деятельности ребёнка связано с подражанием, но это играет не единственную роль в языковой среде родного языка.

Генеративная лингвистика Chomsky полностью меняет представление об языковом развитии ребёнка, тем самым оказывает влияние на существующие теории связанные с овладением и развитием речи родного языка. Согласно Chomsky, ребёнок рождается с врождённым механизмом для дальнейшего языкового развития. Здесь берёт начало то, что существует определённая последовательность в изучении иностранного языка и обработка языковой системы осуществляется определёнными методами. Этот новый подход не совпадал со взглядами бихевиоризма в отношении Я2.

Необходимо отметить, что на термин и теорию Interlanguage оказал большое влияние Chomsky, но родоначальником данной теории считается Selinker (1972). Термин интерязык

или промежуточный язык встречается первый раз в научной статье Selinker «Language Transfer» («Языковые переносы») в 1969 году. Впоследствии, в 1972 году в его новой статье «Interlanguage» («Интерязык») описывается более подробнее понятие промежуточного языка.

В греческой библиографии термин interlanguage переведён как διαγλώσσα <δια - через, сквозь + γλώσσα - язык>. Bella указывает на то, что у студентов есть своя языковая система, в которой они создают свои правила (часто не соответствуют норме языка), которые меняются в зависимости от уровня инофона [Bella, 2009, с. 25].

В российскую лингвистику этот термин вошёл как промежуточный язык или интерязык, который встречается при анализе ошибок и в частности, интерференции. Согласно Федотовой: «...промежуточный язык – некоторый континуум, по которому шаг за шагом продвигается обучаемый» [Федотова, 2013, с. 29].

Интерязык следует рассматривать в диахроническом ракурсе, так как изучаемый язык постоянно изменяется в процессе обучения иностранного языка, который длится на протяжении многих лет, а также может быть прерван или возобновлён. Каждый инофон имеет свой интерязык за развитием, которого мы можем наблюдать как в устной, так и в письменной речи. Также промежуточный язык изменяется в ходе обучения и других факторов, таких как, например: знание другого иностранного языка, страна изучения языка и общение с носителями языка.

Selinker описывает нижеследующие процессы, которые ведут к развитию интерязыка [Selinker, 1972, с. 216-217]:

1. языковой перенос (language transfer),
2. ошибки, которые появляются в результате обучения (transfer of training),
3. выбор стратегий учеником в изучении языка, которые приводят к ошибкам к (strategies of second language learning),
4. коммуникативные стратегии выбранные учеником при общении с носителем языка (strategies of second language communication),
5. чрезмерное использование правил и семантических особенностей (overgeneralization of TL linguistic materials).

В конце шестидесятых годов появляется новая теория - Анализ ошибок (Error Analysis), в которой Corder доказал, что кроме интерференции и трансференции существуют другие виды ошибок. В 1967 году Кордер (1967) разграничил ошибки на системные (errors) и не системные ошибки (mistake), а в 1974 году предложил новую классификацию:

просистемные (prosystematic), *системные* (systematic) и *метасистемные* (postsystematic). Просистемные ошибки возникают, когда иностранец не знает правило изучаемого языка, а системные ошибки тогда, когда индивид не может сам исправить свою ошибку и правило является неправильным или вымышленным. Метасистемными ошибками Кордер считает, когда обучаемый знает о существовании правила, но не использует его, а также может аргументировать свою ошибку.

Не системными ошибками считаются оговорки, которые обучающий допускает как в родном, так и в иностранном языке. Обычно это непредсказуемые и спонтанные ошибки, которые зависят от таких факторов как шум, усталость, волнение и др. Системными считаются те повторяющиеся ошибки, которые можно предугадать. Федотова указывает на *межъязыковые* ошибки, которые возникают из-за влияния родного языка и *внутриязыковые* ошибки, которые возникают не из-за родного языка, а под влиянием других факторов [Федотова, 2013, с. 28-29].

Замечу, что несмотря на то, что в русском языке достаточно свободный порядок слов возникают трудности с постановкой вопроса:

*Какого учебника нового студента ещё нет?

*У моей старшей сестры пока нет какой машины?

На первых занятиях у обучаемых возникают вопросы с частицей *это*, например:

Это дом. Это мой дом. *Мой дом это.

Акцентологические ошибки происходят при неправильной постановке ударения, причиной которых является свободное ударение в русском языке, диалекты [Епихина, 2014, с. 22], жаргоны, просторечия [Азимов, 2009, с. 13], социальный статус [Епихина, 2014, с. 28]. Азимов указывает на то, что медодисты РКИ снисходительно относятся к этому типу ошибок, при условии, что они не препятствуют пониманию (с.13).

Например у греков встречаются типичные ошибки в устной речи, которые не мешают коммуникации: *паспòрт и *адрèс. Также существуют ошибки, которые влияют на контекст, например произносятся глагол бил (-а) вместо был(-а): *Вчера Анна была в театре.

Неправильное произношение гласных о, е, я в безударной позиции, которое приводит к нарушению редукции. Это явление связано с интерференцией, потому что в греческом языке нет редукции и гласные как пишутся, так и читаются. Здесь стоит отметить, что некоторые греки-инофоны произносят союз *но* как [на] в устной речи.

Орфографическая интерференция. Не употребление в письме мягкого знака: *Игор, *компьютер, *ранше, большой и т.д. В начале базового уровня, в письме, наблюдается замена буквы э на е, например: этаж, экскурсия, ето.

Написание с заглавной буквы дней недели и месяцев.

Морфологическая интерференция. Морфологические ошибки допускаются при незнании грамматических правил или когда не сформированы грамматические навыки. Федотова считает, что навыки должны обладать следующими качествами: «правильность выполнения, автоматизированность (сосредоточение внимания на содержании), темп выполнения, прочность, способность к переносу и гибкость» [Федотова, 2013, с. 50].

Типичные морфологические ошибки греков-инофонов:

- Падежное управление:
 - ✓ Использование родительного падежа после цифр:
 - *Сейчас 5 часа. *Я дашь словарь через три минута.
 - ✓ Использование грамматической конструкции у меня есть, которая соответствует греческому глаголу έχω:
 - *У моей семье четыре человека.
 - *У моей группы двенадцать студентов.
 - *У Ольгу нет большого зонта.
 - *Мой родной город – старый и большой. У неё есть музей, театры, кино, новые магазины.
 - ✓ Употребление местоимений в именительном падеже вместо дательного.
 - *Он нужно вставать в 6 часов каждый день.
 - *Я нужен русский язык в моей будущей профессии.
 - *Я 20 лет. *Её 19 лет.
- Глаголы нравится и любить вызывают особую сложность в письменной и устной речи, а на базовом уровне больше в письме.
 - *Я люблю сестра. *Я нравится нравится классическая музыка.
- Использование глаголов движения и употребление винительного падежа:
 - *На прошлой неделе я ходил в поликлинике. *Я ходила в театре.
 - *Я люблю иду на море.
- Спряжение глаголов на -ться
 - *Я познакомилось 5 месяцев назад один студент.

- *Ей нравился школу.
- Употребление инфинитива. Предполагаю, что неправильное использование глагольной формы связано с тем, что в греческом языке отсутствует инфинитив и начальная форма глагола имеет окончание 1-ого лица:
 - *Я отдыхать на море. *Я танцевать в клубе.
- Лексическая интерференция:
 - ✓ Употребление лексемы фамилия в значении семья.
 - ✓ Употребление слова дедушка вместо девушка и наоборот.
 - ✓ Однокоренные глаголы близкие по значению – учить и учиться:
 - *Я учу в отделении славистики.
 - *Я учуся в Афинском университете.
 - *Мой брат Гиоргос учителюсь в Воле.
 - *Его сестра учут в Греции.
 - ✓ Употребление звать и называть:
 - *Как её книгу зовут?
 - *Майя Плисецкая очень популярная балерина и в 1994 году малая планета взяла её её имя.
- Синтаксическая интерференция. Порядок слов.
 - *Что посоветовала Маши бабушка?

Изучив библиографию об интерференции можно прийти к выводу, что этот термин используется:

- в билингвизме или у двуязычных носителей (Вайнрайх),
- в переводоведении⁵⁹,
- у инофонов изучающих иностранный язык,
- в методике преподавания по РКИ (Федотова, 2013).

За последние годы в свет появляются всё больше и больше методических пособий по преподаванию русского языка как иностранного, где представлены теоретическо-методические материалы или образцы уроков. Анализ ошибок всё больше и больше интересует всех преподавателей, а в особенности преподавателей русского языка как иностранного.

⁵⁹ Гарбовский отмечает, что случаи интерференции надо рассматривать как на языковом, так и на этноязыковом уровне [Гарбовский, 2007, с. 319].

В изучении иностранного языка ошибки являются нормальным учебным процессом. Это своеобразная ниточка между обучаемым и преподавателем, поэтому важную роль играет, то как исправляются ошибки, чтобы не оборвать эту нить и не потерять связь. Иностранец не должен бояться, что он сделает ошибку в устной или в письменной речи. А наоборот уметь задаваться вопросами, какие конструкции или лексемы можно использовать, для того чтобы передать желаемое. Ведь одну мысль мы можем передавать по разному используя различные синонимичные лексемы или порядок слов. Анализируя ошибки мы параллельно даём оценку нашей проведенной работе в аудитории.

Список литературы

- Епихина Е.М.* Эмблематические коммуникативные ошибки : дис... канд. фил. наук: 10.02.19 / Е.М. Епихина; Волгоград. 2014. 155 с.
- Новый словарь методических терминов и понятий / Э.Г. Азимов, [и др.] М.: ИКАР, 2009. 448 с.
- Баранникова Л.И.* Сущность интерференции и специфика её появления //Проблемы двуязычия и многоязычия / Л.И. Баранникова М.: 1972.
- Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. / Интерференция / В.А. Виноградов М.: Сов. Энциклопедия, М.: 1990.
- Новое в лингвистике / Одноязычие и многоязычие / У. Вайнрайх / Вып. 6. М.: 1972.
- Федотова Н.Л.* Методика преподавания русского языка / Н.Л. Федотова. С.-Петербург.: Златоуст, 2013. 190 с.
- Белла С.* Второй язык. Обучение и преподавание / С. Белла. Афины: ЕЛЛИНИКА ГРАММАТА, 2009. 290 с.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода / Гарбовский Н.К. М.: Московский ун-т, 2007. 543 с.
- Corder S.P. The significance of learner's errors. *International Review of Applied Linguistics* 5.
- Corder S.P. Error analysis. In J. Allen & S.P. Corder. *The Edinburgh Course in Applied Linguistics*, Vol. 3. Oxford: Oxford University Press.
- Selinker L.* Interlanguage. *International Review of Applied Linguistics* 10.

СТАТЬИ АСПИРАНТОВ, СТУДЕНТОВ

Балакина В.В.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Balagina Veronika
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

*СРАВНЕНИЕ СИМВОЛИКИ ЦВЕТА ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ С КОМПОНЕНТОМ
ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ*

*COMPARISON OF THE SYMBOLISM OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COMPONENT
OF COLOR IN CHINESE AND RUSSIAN LANGUAGE*

Статья посвящена сравнению символики цвета во фразеологизмах китайской и русской цветовой лексики, истории ее становления. Рассматривается ряд цветообозначений (красный, белый, черный, синий) с точки зрения их культурноносных смыслов. В Китае цвет является компонентом культуры, это средство осмысления мира, окружающей природы.

The article is devoted to comparison of the symbolism of phraseological units of Chinese and Russian color lexis, history of its development. A range of color terms (red, white, black, blue) is analyzed from the point of view of their cultural sense. In China color is a component of culture, it is a means of understanding the world and nature.

Ключевые слова: цвет; ассоциации, культура.

Key words: color; associations, culture.

Язык играет значительную роль в сохранении духовных достижений народа, обладает способностью воздействовать на формирование и развитие культуры. Эта своеобразная историческая память воспроизводит запечатленные в нём культурные факты, которые используются в качестве средства познания.

Проблематика «язык и культура» становится все более актуальной. Современные лингвисты активно изучают язык в тесной связи с мышлением человека. Одним из первых лингвистов, который обратил внимание на эту связь, и отметил, что «различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия» был В. фон Гумбольдт. По его мнению, язык оказывает влияние на формирование системы ценностей и системы понятий. Эти функции языка, а также средства формирования понятий в языке

считаются общими для всех языков. Отличие состоит в своеобразии духовного облика народов, а также в способах выражения мыслей и чувств [Гумбольдт, 1985, с. 86].

Во фразеологизмах и фразеологических сочетаниях отражается многовековая история народа, своеобразие его культуры, быта и традиций. Фразеология - раздел языкознания, который изучает фразеологическую систему языка в ее современном и историческом развитии. Понятие «фразеологизм» можно определить как воспроизводимую единицу языка, относительно устойчивую в своем составе и употреблении. Без знания фразеологизмов невозможна успешная коммуникация с носителями языка. В настоящее время возрос интерес к изучению обозначения цвета во фразеологии, которая наиболее ярко отражает культуру, традиции, менталитет того или иного народа. Таким образом, знание фразеологических единиц с цветовым компонентом, становится неотъемлемой частью владения языком.

Неоднократно замечено, что цвет способен вызывать у человека различные эмоциональные реакции и мысли. Цвет и его оттенки могут успокаивать и волновать, радовать и печалить, угнетать и веселить. К тому же цвет может вызывать чувство теплоты и холода, бодрости и усталости, легкости и тяжести, что, несомненно, влияет на физиологию и психику. Возможно, из-за эмоционального воздействия на чувства человек наделил цвет определенным символическим значением. В ощущениях, передаваемых цветом, скрыты природные ассоциации, которые в нашем сознании заложены почти на генетическом уровне, влияние культурных национальных традиций человека, а также цветовые ассоциации личных переживаний и впечатлений.

Восприятие мира с помощью цвета отразилось в лексической и фразеологической системах языка. Возникновение фразеологизмов связано с формированием переносных значений, а на формирование переносных значений прилагательных, обозначающих цвет, особое влияние оказала символика цвета. Как утверждает акад. В. В. Виноградов, в символике разных народов мира цвет несет различные значения. «Различие оптических их эффектов, отзывающееся чувствительным образом на настроении и расположении духа, неоспоримое влияние цвета на психическую сферу человека, контраст между светлыми и темными цветами, интенсивность и энергичная живость красного цвета в противоположность к слабости и неопределенности синего и фиолетового - все эти моменты, которыми человек пользовался для символизирования и метафорического оживления своих созерцаний, ощущений и представлений» [Виноградов, 1977, с. 60].

Каждый цвет наделен своим собственным значением и символикой. Любой цвет не несет в себе ни положительного, ни отрицательного оттенка. Тем не менее, с точки зрения социального, политического, культурного, религиозного контекста, цвета группируются в разные категории [Базыма, 2001. с. 69].

По словам Дубковой О. В., цвет - это интересная и сложная проблема в китайском языке и культуре. В словах, которые обозначают цвет, передается многовековой опыт китайского народа, его психосоматические особенности, географические условия, социально-экономические и культурно-исторические особенности страны. Китайская культура - это культура цвета, которая сильно отличается от цветовой традиции европейских культур [Дубкова, 2004, с. 188].

К основным цветам в Древнем Китае относились красный, белый, синий (зеленый), черный и желтый. К тому же каждый цвет имеет несколько оттенков. В китайском языке чаще всего употребляются во фразеологических оборотах следующие цвета: 黑 hei - черный, 红 hong - красный, 蓝 lan - синий, 白 bai - белый, 黄 huang - желтый, 灰 hui - серый, 绿 lu - зеленый, 青 qing - сине-зеленый, 紫 zui - фиолетовый.

В Древнем Китае цветовая символика была связана с древней теорией мироздания, определявшей пять стихий (дерево, огонь, землю, металл и воду). Эти стихии неразрывно связывались с явлениями природы и жизнью китайского народа. В Китае, на цветовую символику также наложило отпечаток конфуцианство. По канону пурпурный цвет обозначал добродетель, зеленый - гуманность, красный - церемониал и порядок, желтый - веру, белый - истину, долг, самопожертвование, черный - мудрость и знание [Символика цвета. Электронный ресурс].

В китайской символике цвет выражал социальный статус: каждой социальной группе соответствовал свой цвет. Например, одеяние желтого цвета носил император, черного - ученые, коричневого или белого - сановники, красного или синего - воины. Цвета делились на «благородные» и для простого народа, как об этом говорится в «Книге песен» («Ши цзин»).

В русском языке чаще всего употребляются во фразеологических оборотах такие цвета, как белый, черный, желтый, красный, синий, зеленый и серый. Фразеологизмы с этими цветовыми компонентами являются более употребляемыми, особенно в разговорной речи.

В русской цветовой символике вплоть до 17 века не было большого обилия цветов. Большое число новых цветоименований появилось в русском языке в XVII в. Это связано,

прежде всего, с известным «окном в Европу» Петра I. Обогащение цветовой лексики происходило благодаря заимствованию иноязычных терминов цвета, прежде всего в области названия красителей, тканей, в описательной ботанике, химии и минералогии. Следующая «волна» новых названий цвета пришла в первой половине XIX в. и была прямо связана с политическим и культурным влиянием Франции. И здесь решающую роль сыграла мода. Русское общество пристально следило за французской модой, а модные журналы пестрели французскими словами. Русского словаря цветообозначений явно не хватало [Василевич, Кузнецова, Мищенко, 2005, с. 14].

В Китае красный цвет символизирует удачу, тепло, известность, силу. Это цвет жизни, радости и любви. С давних времен красный цвет является обязательным в традиционной свадебной церемонии. Он широко используется для праздничных случаев, таких, как фестивали, дни рождения, свадьбы и церемонии. Красный цвет представляется веселым и благоприятным, включает в себя такие понятия как страсть, теплота, романтика, стремление к счастью и избавлению от всякого зла. Это цвет является любимым в Китае. Благодаря китайским традициям сформировался ряд фразеологизмов, описывающих внешний вид или внешность человека. Например: 红男绿女 букв. красный парень и зеленая девушка означает нарядно одетых юношей и девушек; 万紫千红 букв. десять тысяч красных ртов означает красочный, пестрый; 唇红齿白 букв. губы красны и зубы белы означает прекрасную внешность.

В Древнем Китае красный - цвет удачи, который может отгонять злых духов. Он помогает отразить злые мысли, поэтому традиционный наряд невесты в Китае – красный. Например: 红绳系足 букв. красный шнурок опутал ноги означает что помолвка совершилась. Красный цвет в Китае олицетворяет только хорошее, за исключением некоторых фразеологизмов, таких как: 耳红面赤 букв. красные уши, красное лицо означает покраснеть от стыда, возбуждения; 红杏出墙 букв. красный абрикос пророс через стену означает что у жены есть любовник.

В России красный цвет - цвет красивый, праздничный, радостный, ясный. Например: фразеологизм красное словцо означает остроумное выражение, яркие, выразительные слова, проходить красной нитью, т.е. являться основным, главным, ведущим в чем-либо, насквозь пронизывать что-либо. Красный цвет символизировал красоту и радость. Например, фразеологизм красна девица использовался в значение красивая девушка. Но красный цвет также может отражать отрицательные признаки, например, действует, как на быка красная

тряпка в значение раздражать, выводить из себя. Также красный цвет может ассоциироваться с опасностью, например, красный петух - пожар, поджог или пускать красного петуха, т.е. устраивать пожар, поджигать что-либо. Таким образом, красный цвет оценивается носителями русского языка и с положительной, и с отрицательной стороны. В Китае же красный цвет исторически символизирует процветание, финансовое благополучие и удачу [Василевич, Кузнецова, Мищенко, 2005, с.28].

Белый цвет в китайском языке несет как положительное, так и отрицательное значение. В китайском языке слово белый, с одной стороны, ассоциируется с трауром, смертью, пустотой и бестактностью, а с другой – с чистотой, пониманием, правильностью. Например: 白璧无瑕 букв.на белой яшме нет изъянов означает чистый, непорочный; 云中白鹤 букв. белый журавль в облаках говорят о человеке кристальной чистоты.

Белый цвет в Китае ассоциируется с трауром и скорбью. Белые цветы приносят в дом, где кто-то умер, белый цветок в волосах у женщины также означает, что она в трауре. Белый символизирует старость, увядание. Например: 白发苍苍 означает седой, седовласый; 苍白无力 букв. немощный без силы означает бессильный, безжизненный.

Отрицательное значение в китайских фразеологизмах с компонентом белого цвета иногда совпадает со значением русского фразеологизма. Например: 混淆黑白 букв. выдавать черное за белое означает не понимать где правда где ложь. В русском языке есть похожий фразеологизм «принимать белое за чёрное», означающий принимать или выдавать что-либо за противоположное: плохое за хорошее, хорошее за плохое.

В русской культуре белый цвет ассоциируется с чистотой и невинностью, ясностью, красотой, истиной. Например: белые мухи в значение порхающие снежинки ранней зимы; белая кость говорят о человеке аристократического происхождения. Фразеологизм чёрным по белому и китайский фразеологизм 白纸黑字 букв. на белой бумаге черные иероглифы имеют одинаковое значение, и выражают ясность, очевидность. Негативное значение белого цвета иллюстрируют следующие выражения: белая ворона говорят о человеке резко отличающемся от всех; света белого не видеть в значение мучительно страдать от нестерпимой боли, болезни или горя; шито белыми нитками - неловко, неумело, неискусно скрыто что-либо.

Белый цвет также символизирует равенство и справедливость, почтение, простоту, молодость. Белый цвет нередко используется в значении светлый. Например: белые ночи - северные летние ночи, когда вечерние сумерки непосредственно переходят в утренние без наступления темноты, середь бела дня - днем, т. е. когда светло. Однако, китайцы в

большинстве случаев воспринимают его с негативной стороны, так как для них это в первую очередь цвет траура. В русском же языке восприятие белого цвета происходит с положительной стороны, так как для русских белый цвет - это цвет невинности, чистоты, ясности.

Чёрный цвет считается цветом неба в Книге Перемен. Выражение «небо и земля таинственного черного» коренится в чувстве древних людей. Северное небо показывает таинственный чёрный цвет в течение длительного времени. Они думали, что Северная Звезда (полярная звезда), – это там, где находится Тянь Ди (небесный император). Поэтому чёрный цвет рассматривался, как царь всех цветов в древнем Китае. Кроме того, это единственный цвет, которому дольше всего поклонялись в Китае. [Краткое введение в китайскую культуру: цвета в китайской традиционной культуре [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pureinsight.ru/content/view/1647/1/>].

Для китайцев черный цвет символизирует власть, деньги и перспективы. Тем не менее, черный цвет может нести в себе отрицательный оттенок. Для китайцев это также цвет символизирующий мрак, тьму. Например: 黑灯瞎火 букв. черная лампа, лишённая огня означает в полной темноте, в потемках; 月黑风高 букв. темная ночь с сильным ветром означает опасную ситуацию, обстановку; 昏天黑地 букв. мрачное небо над землей означает беспросветный мрак.

В русской культуре черный – это трагедия, горе, смерть, мрак. Черный ассоциируется с мраком, темнотой, эгоизмом, слабостью, пустотой, ограничениями, депрессией. Обычай надевать черную одежду на похороны восходит к христианству. Считалось, что если человек одет в черное, то дух умершего не сможет узнать его и навредить ему. Чаще всего черный цвет ассоциируется с трудностями, грустью и т.д. В качестве примера можно привести несколько фразеологизмов: черная тоска - очень грустное настроение; черный день в значении трудное время в жизни кого-либо, время безденежья, несчастий; черная кошка пробежала между ними, т.е. произошла ссора, недомолвка между кем-либо; кто-то с кем-то поссорился; видеть в чёрном свете, т.е. находить что-либо плохим, мрачным, безрадостным.

Сопоставляя черный цвет в русском и китайском языках, следует отметить, что в русском языке черный цвет не имеет положительного значения, однако в китайском языке, независимо от негативного значения данного цвета, он расценивается как цвет стабильности, власти, денег.

青 – это цвет в китайском языке в зависимости от контекста может обозначать одновременно 4 цвета: синий, голубой, зелёный, чёрный. В китайском языке иероглиф 青 обозначает как синий, так и зелёный цвета. Это связано с этимологией самого знака, первоначально обозначавшего цвет минералов. Синего и голубого цвета в цветовой гамме китайцев не было, они сливались с зеленым. Это цвет гармонии, так как он успокаивает. Также может символизировать молодость, неопытность, незрелость. Например: 青梅竹马 зелёные сливы и бамбуковые лошадки означает детские игры, также детскую непосредственность и чистоту, дружбу с детства; 平步青云 букв. лёгкими шагами подняться к синим облакам означает без труда получить учёную степень; 妙手丹青 букв. мастер живописи означает искусный (великолепный, выдающийся, гениальный) художник; замечательный (прекрасный) живописец [Го Цинцзян, 2008, с. 48.].

Таким образом, соответствующее значение различных цветов влияет на семантику фразеологических единиц. Но это происходит не всегда и не все символические значения цветов отражаются во фразеологии китайского и русского языков. В одном языке то или иное значение цвета может быть представлено фразеологическими единицами, а в другом - нет. Фразеологизмы, содержащие в своей структуре компонент «цвет» показывают, что их значение зависит от культурных традиций, уклада, нравов и обычаев народа, особенностей национальной психологии и сознания, а также от различных событий, фактов объективной действительности.

Список литературы

- Базыма, Б. А.* Цвет и психика [Текст]: монография / Б. А. Базыма. - Харьков, 2001. – 172 с. – Библиогр.: с. 69.
- Цвет и названия цвета в русском языке [Текст] / А. П. Василевич, С. Н. Кузнецова, С. С. Мищенко. - М: КомКнига, 2005. - 216 с. – Библиогр.: с. 14 – 28.
- Виноградов, В. В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография [Текст] / В.В. Виноградов. - М., 1977. – 189 с. – Библиогр.: с. 60.
- Дубкова, О. В.* Цвет в китайском языке и культуре [Текст] / О.В. Дубкова // Бытие и язык. - Новосибирск, 2004. - С. 188-194. – Библиогр.: с. 188.
- Го, Цинцзян* Концепт зеленый в русской наивной картине мира на фоне китайской [Текст] / Го Цинцзян // «Вестник БГУ»: научно-теоретический журнал Белорусского государственного университета. – 2008. - №2. – С. 46-48. – Библиогр.: с. 48.

Гумбольд, В. фон. Язык и философия культуры [Текст]: переводы с немецкого языка / В. Фон Гумбольдт. - М.: Прогресс, 1985. – 324 с. – Библиогр.: с. 86.

Символика цвета [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://www.symbolizm.ru/index.php/simvolizm-tsveta/237-colorsymbolizm>

Краткое введение в китайскую культуру: цвета в китайской традиционной культуре [Электронный ресурс]. – Режим доступа:<http://www.pureinsight.ru/content/view/1647/1/>

Белозерцева Я.И.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Belozertceva Ianita
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ДЕЛОВОЙ ЭТИКЕТ В КИТАЕ

CHINESE BUSINESS ETIQUETTE

В статье, написанной Белозерцевой Я.И. «Деловой этикет в Китае» на основе анализа менталитета китайской нации даются практические советы по ведению бизнеса с китайцами. Также приводятся рекомендации по выбору одежды, выбору места переговоров, как в России, так и в Китае. Автор говорит и о тактике китайцев во время переговорного процесса, об их хитростях и о том, как не поддаться на уловки китайских партнеров. Особое внимание уделено этикету преподнесения подарков, автор указал наиболее популярные, а также нежелательные для преподнесения подарки. Статья будет интересна бизнесменам, работающим с китайцами, а также всем тем, кто интересуется культурой Китая.

The article "Chinese business etiquette" written by Belozertceva Ianita is based on analysis of Chinese people and gives practical recommendations how to do business with Chinese. It also helps to choose appropriate clothes, place for negotiation as in China as in Russia. The author also describes Chinese people tactics during negotiations, their tricks and it says how not to be tricked by Chinese partners. A special attention is payed to the way you should give a present.

The article would be interesting for businessmen working with Chinese and for all those interested in China's culture.

Ключевые слова: этикет, деловой этикет, бизнес в Китае, этикет в Китае.

Key words: etiquette, business etiquette, business in China, China's etiquette.

Ведение бизнеса на Востоке требует особых знаний в сфере культуры и психологии. Азиатская культура существенно отличается от европейской и американской в стиле ведения переговоров, тактике и приемах изучения будущего партнера. Можно сказать, что это особый мир со своими правилами, традициями и привычками, своим образом мышления и своими устоями. Китайцев принято считать "хитрецами" в среде деловых людей Азии.

В Китае этикет и соблюдение обычаев играют особенно важную роль. Важно знать, что китайские бизнесмены предпочитают строить деловые отношения не напрямую, а через посредников, на это есть свои причины. Во-первых, они считают, что таким образом смогут удостовериться в надежности вашей компании. Во-вторых, посредник организывает официальное представление вашей фирмы. Таким образом, посредник выступает в качестве

гаранта сделки и вашего поручителя, через него китайцы задают уточняющие вопросы или согласовывают детали сделки.

Достигнув договоренности о встрече, согласно китайскому деловому этикету, вам нужно предоставить потенциальному партнеру развернутую информацию о своей компании и изложить желаемый результат встречи. Если вы собираетесь на встречу в Китай, то перед прибытием необходимо отправить материалы, написанные на китайском языке со сведениями о Вашей компании, опишите ее историю, также необходимо указать литературу о ваших продуктах и услугах (буклеты, рекламные проспекты или брошюры), желательно сделать всё это за два-три месяца.

Повестку дня встречи лучше согласовать с принимающей стороной для того, чтобы у ваших китайских коллег была возможность обсудить технические моменты на внутреннем совещании.

Вы должны прибыть на встречу вовремя или немного раньше. В Китае пунктуальность - это символ добродетели. Опаздывая, вы оскорбляете деловых партнеров, а значит, можно сказать, что переговоры не принесут никаких плодов.

Ваше положение и статус имеют чрезвычайно большое значение для ведения бизнеса в Китае. Поэтому в случае ответственных переговоров на довольно высоком уровне предпочтительно ехать главе компании, а не заместителю или помощнику.

Гендерная асимметрия отсутствует в бизнесе Китая. Китайские бизнесмены отдают предпочтение личным встречам, переписка и телефонные переговоры обычно замедляют процесс общения.

Одежда

Когда вы идете на переговоры с китайцами, не бойтесь показаться богатыми - богатство и дорогие вещи очень престижны в Китае. Однако не переусердствуйте, будет лучше максимально придерживаться делового стиля, избегая излишеств в одежде и тем более в украшениях. Деловым женщинам (и женам) не стоит одевать блузки, платья с чрезмерно откровенным декольте и вызывающие юбки длиной выше колен. Экстравагантность в одежде делового человека скорее вызовет неадекватную реакцию у китайского партнера по переговорам, в особенности при первой встрече.

Место переговоров в Китае

Кафе, театры и ночные клубы категорически не признаются в качестве места для деловых встреч. В Китае бизнес и личное общение четко разграничены, поэтому постарайтесь быть осторожны, чтобы не переплести одно с другим.

Китайцы любят назначать место переговоров у себя в конторе или в переговорных залах различных публичных мест, таких как гостиницы, рестораны, бизнес-центры. Если место переговоров выбирают китайские партнеры, то будет уместно поинтересоваться, где именно они назначают встречу, что это за место, какова будет полная программа проведения переговоров. Китайцы зачастую совмещают переговоры с последующим приемом пищи, отказываться от которого неудобно. Лучше всего узнать обо всем заранее. Когда во время переговоров вас поставят перед фактом и последующий поход в ресторан станет для вас полной неожиданностью, вам неловко будет отказаться и, самое главное, быть понятыми китайцами. Прием пищи в Китае считается частью переговорного процесса, и отказ может быть воспринят как оскорбление, особенно в случае, если обед или ужин уже заранее заказаны и оплачены.

Если же четкого разграничения обязанностей по выбору места переговоров между сторонами нет и вы не чувствуете себя стесненными в праве выбора такого места, то лучше выбрать что-то наиболее подходящее вам по стилю и привычкам. Обычно, назначение места переговоров российской стороной вызывает уважение у китайских партнеров, особенно если оно в западном деловом стиле (специальные комнаты переговоров при гостиницах, бизнес-центры для иностранцев, российские учреждения за рубежом). От места встречи во многом зависит дальнейший ход переговоров и отношение китайской стороны: например, если китайцы понимают, что вы заплатили очень большие деньги за аренду помещения, или когда встреча происходит на территории дипломатических учреждений, то это обязывает китайцев к серьезному настрою и дает вам дополнительные козыри в плане психологического воздействия на партнера.

Место переговоров в России

Китайцы, которые приехали в Россию, намерены узнать уровень вашей состоятельности и степень заинтересованности в заключении сделки и будут делать это на основании практических шагов, предпринимаемых вами в их отношении. Важно понимать, что назначение "достойного" места переговоров - половина успеха.

Даже если переговорный зал у вас в офисе безусловно оборудован, первую встречу лучше провести на нейтральной территории. Перенос последующих переговоров к вам в офис приятно удивит китайцев и даст вам лишний плюс. При демонстрации своего материального положения и имущественного достатка важно соблюсти некую середину, ни в коем случае не показывая, что удивление и восхищение китайцев (которые могут быть в тысячи раз богаче вас) льстят вашему самолюбию и что именно этого эффекта вы и добивались.

Тактика переговорного процесса

Неотъемлемая часть деловых отношений в китайском обществе - обмен визитными карточками, поэтому у вас всегда должны быть с собой визитные карточки, отпечатанные как на английском, так и на китайском языке.

Инициатива в приветствии отдается старшим по возрасту. Приветствуйте более старшего из начальников, близких по рангу, если китайцы не выделили специально наиболее высшего из них. При представлении группой китайцы обычно выстраиваются в линию по рангу и по возрасту - с самым главным и/или самым старшим во главе линии.

Китайцев знают как, пожалуй, самых терпеливых. Выдержка, пунктуальность и церемонность – это то, что отличает их от других представителей деловых кругов. Много времени и сил при согласовании различных вопросов отнимает огромный бюрократический аппарат Китая.

Нельзя начинать свой бизнес с китайцами, будучи заранее уверенными в "правильности" или исключительности собственного стиля ведения бизнеса. Вежливым китайцам всегда будет интересно узнать о вас и о вашем стиле, но они никогда не отдадут предпочтение именно вашему стилю ведения бизнеса. Стоит отметить, что китайцы видят в иностранцах, прежде всего, представителей своих компаний, а не личности. Поэтому главное внимание нужно уделить не личному общению, направленному на то, чтобы понравиться собеседнику, а на четкое изложение сути дела.

Перед тем, как войти в помещение, китаец предложит пройти вам первым. Если вы сделаете то же самое, предложите ему пройти первым, это будет знаком уважения с вашей стороны. После того, как ваш торговый партнер откажется, вы смело можете проходить вперед. Это лишь один из многих церемониалов в Китае, из таких отступлений и складывается этикет.

Если китайцы понимают, что вы потратили много сил, денег и времени на то, чтобы приехать в Китай, и не хотите вернуться, не подписав контракт, то во время переговоров они

намеренно могут вести себя якобы безразлично к их успеху или неудаче, выдвигать жесткие условия. Это, так называемая, тактика изматывания, переговоры затягиваются с целью вызвать реакцию нетерпения и раздражения у иностранного партнера, особенно у русских, которым хочется поскорее закончить со служебными делами и заняться личными. Чтобы не поддаваться на такие манипуляции, зарезервируйте несколько дат отъезда и будьте готовы оставаться дольше запланированного в случае, если чувствуете, что есть реальные шансы на успех. Будьте готовы к тому, что китайцы очень любят торговаться. Они могут заранее быть готовыми на уступки вплоть до уровня запрашиваемых вами с самого начала цен, но сначала их занижат, в случае, когда выступают в качестве покупателей, или завьсят до абсурдно неприемлемого уровня в случае, если китайцы выступают в роли продавца.

Еще один излюбленный прием китайцев - намекнуть то, что они будут вести бизнес с другими партнерами, если вы не удовлетворите их требования. Они намеренно могут демонстрировать свое недовольство, возможно даже гнев, несмотря на то, что по конфуцианскому этикету проявление гнева и раздражения, не приветствуется. Все это делается, чтобы проверить ваши нервы и хладнокровие. Подразумевается, что иностранцы испугаются потери контракта и пойдут на уступки.

Китайцы умело поведут вас по пути совмещения изматывающих переговоров днем и нелимитируемых развлечений вечером и ночью. Порой они начинают восхвалять личные качества и деловые таланты противной стороны. Не следует зазнаваться и терять бдительность.

В ходе переговоров китайцы будут тщательно конспектировать ваши слова и не упустят возможности поймать вас на противоречии или уличить во лжи. Старайтесь быть осторожными в озвучивании конкретных цифр, даже в беседах со своими товарищами.

Если переговоры идут туго, дайте понять противной стороне, что они не единственные претенденты на роль партнеров. Так как конкуренция среди китайских производителей очень высока, то на любой товар в Китае всегда найдется альтернативный производитель или поставщик. Если проблемы в цене - вы всегда можете попытаться найти товар дешевле. Если проблема в качестве - японские или тайваньские производители могут предложить более качественный товар.

Перед подписанием контракта оговорите все пункты с китайской стороной. Убедитесь, что китайцы истолковывают все пункты так же, как и вы. По возможности заверьте перевод

контракта в официальном учреждении (в России - ТПП, в Китае - в местном представительстве Министерства общественной безопасности).

Спокойствие и невозмутимость во время переговоров очень важны. Даже если вы гуляли ночью как хорошие приятели - старайтесь заблокировать личностные моменты во время переговоров. Покажите китайцам, что на первом месте для вас - хороший бизнес. Обычно китайцы пытаются вынудить вас подписать контракт, прежде чем вы изучите все нюансы сделки и оговорите все детали.

Подходите к переговорам и всему бизнесу с китайцами с точки зрения долговременной стратегии. Некоторые послабления китайцам в каких-то отдельных моментах могут обернуться значительными выгодами в долгосрочной перспективе.

Восточные тонкости

В Китае очень важно не нажить себе врагов. Стоит избегать чрезмерного доверия, фамильярности, наглости и грубости. Китайцы злопамятны и мстительны. К тому же они достаточно импульсивны в своих действиях, что стать жертвой китайской несдержанности в Китае - проще простого.

Основное правило для избежания "крайних мер" по отношению к себе со стороны китайцев - не допускайте того, чтобы китаец чувствовал себя "потерявшим лицо". Унижая, оскорбляя, обманывая китайца (вольно или невольно), старайтесь сделать так, чтобы об этом знало как можно меньше других китайцев. "Потеря лица" - явление социальное. Ваш обман или оскорбление для китайца сами по себе не являются чем-то страшным. К нашему удивлению, ваш обман, наоборот, является показателем вашего ума, а оскорбление, нанесенное вами, показатель вашей внутренней силы! Но если об этом знают или, что еще хуже, это видели еще несколько китайцев, а тем более близких и уважаемых вашим китайцем, - это уже "потеря лица", потеря авторитета в глазах окружающих. Тут уж недалеко и до публичного или кулуарного объявления вам вендетты.

За техникой исполнения такой вендетты у китайцев дело не станет. Это может быть и опубликованная забытая вами долговая расписка пятилетней давности, и сделанные во времена хороших отношений фотографии или видеозаписи бурных веселий, и даже нанятый за пару десятков тысяч юаней "палач" из далекого города - как последний аргумент.

Подарки

В Китае принято обмениваться подарками с коллегами по бизнесу. Чем больше сделка - тем ценнее подарки. Подарки дарятся в конце переговоров.

Чтобы не поставить китайцев в неудобное положение, не преподносите чрезмерно дорогих подарков. Придерживайтесь принципа «золотой середины» при выборе.

Корпоративные подарки вручаются главе фирмы или его заму. Дарите подарки индивидуальным членам всегда в том же порядке, в каком они были вам представлены. Обязательно вручайте подарок каждому или не вручайте совсем, можно дарить подарок группе. Пожилые китайцы обычно сначала отказываются от подарка. Нужно просить принять подарок второй раз. Вручая подарок, держите его обеими руками. В Китае подарки обычно не разворачивают сразу после получения, большое внимание уделите упаковке, чем она более дорогостояще выглядит, тем больше уважения вы заслужите.

Наиболее распространенные подарки: французский коньяк, виски; ручки; зажигалки; канцелярские принадлежности; книги; картины в рамках; сувениры для дома; импортный женьшень (очень популярный подарок в Китае); сотовые телефоны или CD-плееры (и др. престижная электроника).

Среди нежелательных подарков зарубежная валюта и монеты. Никогда не дарите четыре вещи, так как на одном из диалектов «четыре» означает «смерть». Не дарите сыр, даже очень редких сортов, просто китайцы его не едят. Столовое вино западного типа у китайцев не пользуется популярностью. Пожилым людям не стоит дарить часы, потому что на некоторых диалектах китайского языка «часы» произносятся как «погребение». Не дарите фрукты, пока не станете с китайцами хорошими друзьями. Дарить фрукты малознакомым людям - оскорбительно. Считается, что это подарок бедным. Нельзя дарить зеленых головных уборов. Это намек на то, что кто-то в семье изменяет своей половине.

Надеюсь, что все вышеизложенные рекомендации будут полезны Вам в процессе ведения переговоров с китайцами.

Список литературы

- Хабаров Е.* Особенности национального бизнеса: советы тем, кто собирается вести дела в Китае // Эксперт, No 27 (238) от 17 июля 2000
Мажаров И.В. Китайский этикет // Режим доступа:
<http://www.abirus.ru/content/564/565/570/11427/11429.html>

Боцоглу К.
Фракийский университет им. Демокрита,
Комотины, (Греция)

Botsoglu Kelaydi
Democritus University of Thrace
Komotini (Greece)

*РОЛЬ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ
ГРЕКОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ*

*THE ROLE OF ETHNOGRAPHIC REALITIES AT TRAINING RUSSIAN LANGUAGE IN GREEK
SPEAKING AUDIENCES*

На современном этапе развития нашего общества значимость изучения иностранного языка возрастает, обостряется потребность в овладении иностранным языком как средством общения. Лингвострановедческий аспект становится неотъемлемой частью уроков иностранного языка. Все более ощущается необходимость обучать не только языковым навыкам, но и культуре страны изучаемого языка. Использование ЛСА способствует формированию мотивации учения, что особенно важно в условиях школьного обучения, поскольку иноязычное общение в этом случае не подкреплено языковой средой. Важнейшим мотивационным стимулом изучения иностранного языка является стремление к расширению своего общего кругозора. Следовательно, в школе учебный предмет является средством приобщения учащихся к духовной культуре других народов. Особое место занимает лексика, поскольку она является средством обозначения национальных реалий.

Nowadays, the necessity of using culture - oriented teaching of Russian is a matter of great concern. The fact that the international communication seeks for more intercultural communication and anticipation lead us to deal more with the current issues of using linguo-cultural material and culture-specific words in class in order to develop the communicative competence of Greek students who learn Russian in Greek Universities.

Ключевые слова: этнографические реалии, межкультурная компетенция, культура, страноведение.

Key words: ethno-culture specific words, linguo-cultural studies, intercommunicative and intercultural competence, culture, level of education.

При обучении иностранным языкам необходим компетентностный подход, который дает ответы на запросы производственной сферы; представляет собой обновление содержания образования в ответ на изменяющуюся социально-экономическую реальность и воспринимается как обобщенное условие способности человека эффективно действовать за пределами учебных сюжетов и учебных ситуаций. При этом речь идет о развитии у студентов двух основных видов компетенций: неязыковых или общих и собственно языковых. К общим компетенциям относятся знания о мире, социокультурные и межкультурные знания, умения и навыки, экзистенциальная компетенция и познавательные способности. Все они помогают

развитию умения общаться и обеспечивают любую деятельность, в том числе и коммуникативную [Малетова, 2011, №2].

В концепции поликультурного и многоязычного образования в Греции говорится о необходимости развития у обучающихся межкультурной компетенции, которая необходима для успешной деятельности в поликультурной среде. Исходя из этого, строятся образовательные программы в вузах, направленные на формирование у обучающихся способности в своей среде предотвращать и разрешать межнациональные конфликты, что дает возможность снижения остроты разногласий в обществе. Такой подход также способствует воспитанию будущих специалистов в духе уважения этнического и культурного плюрализма [Токатлиду, В:2003:119].

Современный информационный век, его новые условия и современное поколение учащихся требуют пересмотра, как общей методологии, так и конкретных методов и приемов преподавания иностранных языков. Возникшие экономические и культурные связи Греции с другими странами, стажировка студентов и специалистов в зарубежные страны ставят новые цели и задачи перед преподавателями и учителями иностранных языков, и требуют новых подходов в теории и практике преподавания иностранных языков.

В новых условиях от изучения иностранного языка учащийся требует, прежде всего, функциональности. Можно с уверенностью сказать, что изменилась и мотивация изучения иностранного языка. Это немаловажный фактор. Если у студента нет желания и мотивации, то мы вряд ли получим желаемый результат. Обучение иностранному языку в первую очередь должно ориентироваться на студента. Преподавателям следует использовать лично-ориентированные подходы, отвечающие на реальные нужды современного студента, не допуская пренебрежения к ценностям той или иной культуры. Соответственно, нужно формировать и развивать у студентов параллельно с языковой компетенцией коммуникативную, социокультурную и межкультурную компетенции.

Считается, что практическое овладение иностранным языком – это конечный результат обучения иностранным языкам. Однако не надо забывать и о том, что в процессе обучения учащиеся должны научиться адаптировать своё коммуникативное поведение к изменяющимся контекстным условиям. Более того, им надо привить способность расшифровать культурные коды изучаемого языка и изучаемой культуры, такие как: пространственный, временной, предметный, соматический, духовный и биоморфный [Просколи А.:2006:16-19].

Нельзя не согласиться с Тер-Минасовой С.Г., которая считает, что каждое иностранное слово отражает иностранную культуру, за каждым словом стоит субъективное, обусловленное только данной языковой культурой, своеобразное впечатление об окружающем мире. Из этого можно сделать вывод, что в языке фиксируется абсолютно всё.

Изучая иностранные языки, можно получить информацию о традициях, об образе жизни, ценностных установках и культуре народов. «Язык не существует вне культуры, т. е. вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни». [Э. Сепир.: 2001:185]. Поэтому при преподавании мы должны охватывать все сферы жизнедеятельности носителей изучаемого языка, что будет способствовать успешному обучению языку. При обучении иностранному языку овладение только языковой компетенцией недостаточно.⁶⁰ Помимо знания того, как использовать язык в процессе общения, необходимо владение коммуникативной компетенцией, т. е. владение коммуникативными стратегиями и механизмами, необходимыми для обеспечения эффективного взаимодействия, а также способность индивида адаптировать своё коммуникативное поведение к изменяющимся контекстным условиям. Значительную роль при этом играет овладение и социокультурной компетенцией.

Изучающий иностранный язык, помимо указанных компетенций, должен овладеть социально значимыми знаниями, ценностными установками, необходимыми ему для адекватного функционирования в культуре изучаемого языка и успешного взаимодействия с носителями данного языка.

Таким образом, наряду с языковой, коммуникативной и социокультурной компетенциями, владение межкультурной компетенцией играет не последнюю роль. Л.И.Гришаева и Л.В. Цурикова предлагают следующее определение межкультурной компетенции: «Межкультурная компетенция-владение комплексом коммуникативно-релевантных знаний как о родной, так и о других культурах, умение адекватно использовать эти знания при контактах и взаимодействии с представителями этих культур. Межкультурная компетенция предполагает также наличие у индивида толерантности и особой культурной чувствительности, позволяющих ему преодолеть воздействие стереотипов и адаптироваться к изменяющимся условиям коммуникации при общении с представителями разных культур» [Гришаева Л.И, Цурикова Л.В.: 2003:309.].

⁶⁰ Понятие «языковая компетенция» впервые было введено в лингвистику Н.Хомским, который рассматривал языковую компетенцию как «языковое знание», трактуя его как способность носителя языка владеть абстрактной системой языковых норм и правил, прежде всего, фонологических, синтаксических и семантических.

Если мы хотим помочь нашим студентам в том, чтобы они не терялись в реальной жизни и могли применить изученный материал на практике, то, в первую очередь, мы должны с первых часов обучения языку погружать их в материальный, социальный и духовный мир носителей языка.

Всем известно, что картина мира, окружающего носителей языка, не просто отражается в языке, она одновременно формирует язык и его носителя. Поэтому языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках. [Ю. В. Бромлей:1975:48.].

По этому поводу Тер-Минасова пишет: «Слова и тексты, окружающие нас, все эти бесчисленные объявления, указатели, призывы, инструкции, постеры, плакаты не только регулируют наше поведение, определяют каждый наш шаг, не только информируют, запрещают, разрешают, побуждают, предостерегают, просят, пугают, спасают и обнадеживают, но и определяют наш образ жизни, культуру, менталитет, национальный характер, то есть формируют как определенный социальный мир, так и нас как личность, представляющую этот мир» [Тер-Минасова, С.Г.:2004].

Эффективность овладения иностранным языком, кроме знания языка зависит от множества факторов: условий и культуры общения, правил этикета, знания невербальных форм выражения, наличия глубоких фоновых знаний и многого другого. С.Тер-Минасова подчеркивает, что каждый урок иностранного языка – это перекресток культур, это практика межкультурной коммуникации [Тер-Минасова,С.Г.:2004]. Как уже упоминалось выше, значения слов и грамматических правил совсем недостаточно для того, чтобы владеть языком на должном уровне. Немаловажную роль играет тщательное изучение «самой культуры» изучаемого языка. Другими словами, теоретические знания языка должны дополняться практическими умениями того, когда что сказать, кому и при каких обстоятельствах, а также как можно использовать значение данного слова в конкретном контексте. Все это предполагает фундаментальную и разностороннюю подготовку по языкам. Должны приниматься во внимание динамическое развитие современного общества и его ценностей, ценности нового поколения, не исключая культурные и исторические ценности и традиции своего народа и других наций. При обучении иностранным языкам мы должны стараться одновременно интегрировать язык с культурой. Другими словами, мы должны подготовить студентов для взаимодействия с людьми изучаемого языка и с людьми других культур.

Безусловно, как мы уже сказали выше преподавателям надо сосредоточиться на

национально-культурном компоненте изучаемого языка. При отборе содержания национально-культурного компонента из всего многообразия лингвострановедческого материала выделяется то, что имеет педагогическую ценность, что способно содействовать «не только общению на иностранном языке, но и приобщению к культуре страны этого языка». Именно эти языковые и речевые элементы со страноведческой направленностью отличаются, по мнению большинства исследователей, существенными особенностями, незнание которых затрудняет общение на иностранном языке. К единицам, обладающим таким национально-специфическим содержанием, относятся не только лексемы, устойчивые фразеологизмы, но и речевые единицы, словосочетания и предложения, микро и макротексты [Перкас С.В.:1993:26].

Необходимость специального отбора и изучения языковых единиц, в которых наиболее ярко передается и проявляется своеобразие национальной культуры и которые невозможно понять так, как их понимает носитель языка, ощущается во всех случаях общения с иностранцами, при чтении художественной литературы, прессы, при просмотре кино- и видеофильмов, при прослушивании песен и так далее.

Как подчеркивает Г.Д.Томахин, в число лексических единиц, обладающих ярко выраженной национально-культурной семантикой, входят названия реалий (обозначения предметов, явлений, характерных для одной культуры и отсутствующих в другой), коннотативная лексика, к которой относятся слова, совпадающие по основному значению, но в то же время различающиеся по культурно-историческим ассоциациям, а также так называемая фоновая лексика, обозначающая предметы и явления, которые имеют аналоги в сопоставляемой культуре, но различаются какими-то национальными особенностями функционирования (формы, предназначения предметов и т.д.). [Томахин Г.Д.:1997:13-18.] Нельзя недооценивать и важность фразеологических оборотов, в которых отражается национальное своеобразие истории, культуры, традиционного образа жизни, менталитета народа – носителя языка.

Дело в том, что в Греции студентам, которые изучают русский язык вне языковой среды надо преодолеть этот культурный лагун, а преподавателям следует обеспечивать студентов необходимым материалом лингвострановедческого компонента. Поэтому мы убеждены, что изучение этнографических реалий может помочь студентам сформировать языковое и культурное чутье, которое сможет сыграть важную роль в развитии взаимопонимания и толерантности между представителями различных культур.

Отметим, что в греческой научной литературе отсутствует термин «этнографическая реалья», как и в методике преподавания иностранного языка её лингвострановедческий аспект, который даёт возможность определить и выявить эту категорию лексем. Работа над теоретическим и практическим аспектами в данном направлении в Греции чрезвычайно актуальна. Термины в греческом языке, которые приближаются по смыслу к термину «этнографическая реалья», «*ηθογραφικά στοιχεία ή λαογραφικά στοιχεία*» на греческом языке – нравствоведческие реалья или народоведческие реалья [Политис:1907:7, Парисис Н.: 2014:1-3]. Но эти реалии относятся, прежде всего, к народоведению и большинство из них не актуальны на современном этапе, как в быту греков, так и в их языке. Здесь надо иметь ввиду то, что в греческих ВУЗах учащихся, которые изучают русский язык вне языковой среды, сталкиваются не только с трудностями структуры языка, но и лингвокультурологической фоновой лексикой. Очевидно, что для успешного общения на русском языке грекам необходимо не только владеть языковыми средствами собеседника (фонетическими, лексическими, грамматическими), но и общими содержательными знаниями о мире русском и мире русского человека. Поэтому, мы считаем, что определение роли и места этнографических реалий в процессе обучения русскому языку весьма важно, так как они способствует как развитию лингвистических навыков и умений (обогащение лексики, навык переводческой деятельности, умение работать с фразеологизмами), так и знакомят обучаемого с конкретными аспектами русской культуры. Помимо сказанного, это позволит снять многие трудности, с которыми сталкиваются учащиеся и даст возможность повысить коммуникативные умения обучающихся.

Список литературы:

- В., Γλώσσα, Επικοινωνία και Γλωσσική Εκπαίδευση, Πατάκης, 2003
Πρόσκολλη Αργυρώ «Η πολυγλωσσική-πολυπολιτισμική ικανότητα στη διδακτική πράξη», πρακτικά συνεδρίου «Οι ξένες γλώσσες στη δημόσια υποχρεωτική εκπαίδευση», 2006
Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1975
Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М., 1990.
Гришаева Л.И, Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. – Воронеж: Изд-во ВГУ., 2003.
Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Прогресс, 2001.
Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Изд-во МГУ, 2004.
Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур / С.Г. Тер-Минасова. – М., 2007.
Перкас С.В. Систематизация и закрепление страноведческого материала на уроке английского языка //ИЯШ.-1993.- №6.- с.26
Реалии в языке и культуре//ИЯШ. – 1997. - №3. С.13-18.

«Εισαγωγή στη Λαογραφία - Πανεπιστημιακές Παραδόσεις» - Μ. Γ. Βαρβούνης, Στανίδη, Ξάνθη, 2006
Παρίσης Ν. Ηθογραφικά-λαογραφικά στοιχεία: συγκριτική συνεξέταση, 2014. Διαθέσιμο
http://estamou.blogspot.gr/2014_10_01_archive.html

Малетова М. И Синергия теории и практики: компетентностный подход и преподавание профессионального иностранного языка для студентов-экономистов // вестник МГУ . 2011. №2-2. url: <http://cyberleninka.ru/article/n/sinergiya-teorii-i-praktiki-kompetentnostnyu-podhod-i-prepodavanie-professionalnogo-inostrannogo-yazyka-dlya-studentov-ekonomistov> (дата обращения: 26.05.2015).
Научная библиотека КиберЛенинка: <http://cyberleninka.ru/article/n/sinergiya-teorii-i-praktiki-kompetentnostnyu-podhod-i-prepodavanie-professionalnogo-inostrannogo-yazyka-dlya-studentov-ekonomistov#ixzz3bEkPNRCQ>

Брызгалкина Е.Д.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Bryzgalina Elena
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ ТЕКСТА: ЧИТАТЕЛЬ - ПЕРЕВОДЧИК

PERCEPTION PROBLEM OF TEXTS: READER - TRANSLATOR

На основе одного и того же исходного текста оригинала разные переводчики создадут различные тексты. В данной статье рассмотрены вопросы художественного перевода, связанные с объективностью и непредвзятостью переводчика как интерпретатора. Автор уделяет особое внимание стереотипным представлениям в сознании переводчика, которые влияют на выбор переводческих решений. Проанализированы ошибки в переводе, вызванные неполным и искаженным пониманием оригинального текста. Языковая личность переводчика рассматривается как важное звено в процессе понимания между автором и реципиентом.

Different translations may reflect different versions of the source text. This article focuses on the issues of literary translation associated with objectivity and impartiality of translator as the interpreter. The author devotes particular attention to the stereotypical representations in the mind of translator during translation. Translation mistakes caused by incomplete and distorted understanding of the original text were analyzed in the article. The translator's linguistic identity is considered as important chain in the process of understanding between the author and the recipient.

Ключевые слова: понимание, индивидуальное восприятие, мышление, речевое поведение, национальные культурные реалии, фоновые знания, стереотипное представление, искажение.

Key words: understanding, individual perceptions, mentality, verbal behavior, national cultural realities, background knowledge, stereotypes, mutilations.

*«Автор пишет только половину книги:
другую половину пишет **читатель**»
Д. Конрад*

Перевод художественной литературы начинается несколько раньше того момента, когда переводчик приступает к переложению иноязычного текста на свой родной язык. Перевод начинается, прежде всего, с внимательного прочитывания текста в оригинале.

Задачи переводчика в этот момент: до конца понять все смыслы, заложенные в тексте и проверить с помощью всех известных и доступных ему источников правильность своего понимания. Невнимательное или пренебрежительное отношение к тексту оригинала может привести к целому ряду переводческих ошибок. «Переводчик должен понять не только то, о чем пишет автор, но и то, что он говорит о предмете, ведь предмет мысли и мысль о предмете суть вещи разные» [Гарбовский, 2007, с. 514].

Переводчик может совершать ошибки не только как отправитель переводного сообщения, но и как получатель исходного сообщения – читатель, слушатель оригинального текста. При переводе художественных произведений немалая доля переводческих ошибок происходит из-за неполного или искаженного понимания оригинального текста. Относительно художественной литературы понимание текста рассматривается как исходный компонент сложного процесса восприятия. Понимание текста — необходимое звено в системе: автор-произведение-читатель. Рассмотрим, что может ввести переводчика в заблуждение, что влияет на переводчика и, впоследствии, на перевод при понимании оригинального текста, разницу процесса понимания текста у просто читателя и читателя-переводчика.

Обратимся к вопросу объективности и непредвзятости переводчика как интерпретатора чуждых ему реалий иной этнокультурной общности. Заблуждения в переводе могут возникнуть из-за существующих в сознании переводчика *стереотипных представлений* о нации, чья культура является предметом его анализа. Для того чтобы понять что значит стереотипное представление и каковы процессы его формирования необходимо начать с определения понятия «стереотип».

Стереотип (*греч. stereos – твердый, typos - отпечаток*) – особая форма восприятия окружающего мира. В Кратком политическом словаре стереотип определяется как «схематический, стандартизированный образ или представление о социальном явлении или объекте, обычно эмоционально окрашенные и обладающие устойчивостью. Выражает привычное отношение человека к какому-либо явлению, сложившееся под влиянием социальных условий и предшествующего опыта» [Краткий политический словарь. М, 1987, с. 447]. Формирование стереотипов связано с особенностями человеческого мышления и психики. Оно представляет собой сложный и многоэтапный процесс, включающий восприятие, классификацию и оценку объектов окружающего мира на основе определенных представлений и систем ценностей. «Использование стереотипов в качестве готовых

когнитивных моделей — естественная особенность человеческого мышления, которая позволяет оптимизировать мыслительные усилия и высвободить требуемые ресурсы для решения нестандартных творческих задач» [Кирсанова, 2009, с.64].

В когнитивной лингвистике и этнолингвистике термин «стереотип» относится к содержательной стороне языка и культуры, т. е. понимается как ментальный стереотип, который коррелирует с картиной мира [Маслова, 2004, с. 56].

Из приведенных выше определений следует, что каждый человек обладает индивидуальным личным опытом и особой формой восприятия окружающего мира. Так создается «картина мира», частью которой является стереотип. Но, несмотря на общую схожесть языковых картин мира разных народов, каждый представитель той или иной культуры воспринимает внешний мир исходя из специфических особенностей своей (присущей его национальной культуре) языковой картины мира, своего родного языка.

Носитель другой культуры традиционно воспринимается как «чужой», а «свое» в отличие от «чужого» выглядит более естественным. При этом, как отмечают психологи, наблюдается следующие когнитивные последствия: 1) считается, что все «чужие» похожи друг на друга и отличны от «своих»; 2) среди «своих» наблюдается больше разнообразия, нежели среди «чужих»; 3) оценки «чужих» тяготеют к крайностям (они бывают либо позитивными, либо очень негативными). Стереотипы в данном случае могут служить для очерчивания границ «своего» и противопоставления себя «чужому».

Так как механизмы формирования стереотипов связаны с особенностями человеческого мышления и психики, к ним можно отнести склонность личности делать инференции на основе собственного культурного опыта.

О.А. Леонтович выделяет три механизма формирования стереотипов:

- ошибки в индуктивном мышлении;
- ошибки в дедуктивном мышлении, приводящие к абсурдным результатам;
- сведение воедино разнородных характеристик людей как обязательно сопутствующих друг другу.

Рассмотрим ситуацию, когда переводчик, находясь под влиянием существующих стереотипов, совершает ошибку при передаче тонких оттенков смысла, содержащих национальную культурную реалию.

Перевод поэмы В.В. Маяковского «Облако в штанах» переводчиками М. Хэйворд и Дж. Риви:

<p><i>Ежусь, зашвырнувшись в трактирные углы, вином обливаю душу и скатерть и вижу: в углу — глаза круглы, — 500 глазами в сердце въелась богоматерь.</i></p>	<p><i>I huddle, slumped in corners of saloons; with vodka drenching my soul and the cloth, I notice in one corner rounded eyes: the madonna's, which bite into the heart.</i></p>
---	--

Случайно ли было заменено «вино» на «водку»? Чем обусловлен выбор переводческого решения? Данный пример показывает, что подобная замена могла быть осуществлена переводчиками под воздействием одного из самых распространенных стереотипов о русском национальном характере - *распитие водки в больших количествах как неотъемлемая часть русского застолья*. Обращаясь к национальным стереотипам, отметим, что у большинства людей существуют весьма устойчивые стереотипы по отношению к определенному национальному характеру, т. е. убежденность, что представители одних наций демонстрируют достаточно стойкие представления о существовании у других наций конкретных комплексов черт.

Е.М. Кирсанова приходит к выводу, что влияние вышеупомянутого стереотипа на переводчиков носит системный характер [Кирсанова, 2009, с.66]. Наиболее частое искажение в переводе касается несоответствий в объеме выпитого. Так, у переводчиков возникает трудность с корректной передачей реалий, обозначающих традиционную русскую питейную посуду, предназначенную для водки: *рюмка, стопка, лафитник*.

Рассмотрим пример из романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»:

<p><i>Никанор Иванович налил лафитничек, выпил, налил второй, выпил, подхватил на вилку три куска селедки...</i></p>	<p><i>...poured himself a wineglassful of vodka, drank it, poured out another, drank that, speared three slices of herrings on his fork...</i> (Michael Glenny, Bulgakov, 2003, p. 120)</p>	<p><i>...poured himself a small carafe of vodka, drank it down, poured another, drank that down, speared three pieces of herring on his fork...</i></p>
--	---	--

В первом случае переводчик перевел «лафитничек» как «**wineglassful**», словарное значение которого: *бокал, фужер*. Во втором случае посуда уже больше по объему: в дословном переводе **a small carafe** – *маленький графин*. Переводчиков явно не смутил факт

выпитого героем в качестве аперитива маленького графина водки, который несопоставим по последствиям на организм с данным в тексте оригинала объемом «лафатинчика».

Таким образом, переводчики используют в переводе ошибочные эквиваленты. Причиной этому может служить намеренное игнорирование особенностей русского застольного этикета. Этот пример наглядно демонстрирует сложившиеся стереотипы о национальной культуре и их влияние на выбор переводческого решения.

Более удачным оказывается перевод на французский язык:

Nicanor Ivanovitch remplit de vodka un petit verre à bordeaux, le but, le remplit encore, le but, pêcha du bout de sa fourchette trois morceaux de filet de hareng...

Необходимо отметить, что лафитник пришел в Россию из Франции и обозначал небольшую изящную удлинённую рюмку. Можно предположить, что переводчик, прекрасно знакомый с данной культурной реалией из собственного языка, не допустил грубую ошибку, как это произошло в случае с переводом слова на английский язык. В то же время русское «лафит» полностью устраняется из французского перевода, хотя этимологически восходит именно к французскому языку [Есакова, 2008, 3].

Возникла трудность у переводчиков и с передачей значения на английский язык слова «стопка».

<p>Но оказались в спальне вещи и похуже: на ювелиршином пуфе в развязной позе развалился некто третий, именно — жутких размеров черный кот <i>со стопкой</i> водки в одной лапе и вилкой, на которую он успел поддеть маринованный гриб, в другой.</p>	<p>But worse things were to be found in the bedroom: on the jeweller's wife's ottoman, in a casual pose, sprawled a third party — namely, a black cat of uncanny size, <i>with a glass</i> of vodka in one paw and a fork, on which he had managed to spear a pickled mushroom, in the other” <i>(Richard Pevear and Larissa Volokhonsky).</i></p>	<p>...a black cat of revolting proportions sprawled in a nonchalant attitude on the pouffe, <i>a glass of</i> vodka in one paw and a fork, on which he had just speared a pickled mushroom, in the other <i>(Michael Glenny).</i></p>
--	--	---

В обоих случаях «стопка водки» переведена как «стакан водки». Как отмечает Е.М. Кирсанова, в данном переводе от читателей ускользает своеобразная элегантность эксцентричного персонажа, ведь стопку водки и стакан водки держат в руках по-разному и пьют по-разному поводу [Кирсанова, 2009, с.66].

Возвращаясь к проблеме понимания художественного текста, следует указать на важность фоновых знаний переводчика, то есть знание реалий и культуры переводимого языка. Например, страноведческие фоновые знания необходимы для верной интерпретации национальных стереотипов культуры, для их осмысления и правильного толкования. Во многих языковых единицах находят отражение национальное своеобразие образа жизни того или иного народа, факты истории страны, природно-географические особенности, культура.

В некоторых случаях прямой перевод высказываний, которые внешне не представляют каких-либо затруднений, могут привести к искажениям в переводе. «Зачастую деформации подвергаются авторские идеи, которые нужно видеть не в строках текста, а «между строк» [Гарбовский, 2008, с.531].

Н.К. Гарбовский приводит пример высказывания из «Мастера и Маргариты» М.А. Булгакова, содержащее значительную культурологическую информацию. Подчеркнем, что переводчиком был выполнен точный, безошибочный, но **концептуально неверный** перевод:

<p><i>Я чувствую, что после водки вы пили портвейн. Помилуйте, да разве это можно делать!</i></p>	<p><i>Et je sens qu'après la vodka, hier, vous avez but du porto. Voyons, voyons, peut-on faire une chose pareille?</i></p>
--	--

Во французском тексте перевод высказывания семантически абсолютно соответствует русской фразе, но французский читатель видит только последовательность действий (*сначала выпили водку, потом портвейн*), в которой не замечает ничего странного. У Булгакова в этом высказывании отчётливо проявляется характерная черта русских пьяниц, для которых последовательность употребления напитков не имеет большого значения [Есакова, 2008, с.22]. Носителю же русской культуры понятно правило, сформулированное в данном высказывании. Во Франции портвейн пьют обычно в качестве десерта, причем в очень небольших количествах. Портвейн — это напиток дорогой и высококачественный. Водку же если и пьют, то также в небольших количествах и в виде аперитива перед едой. Поэтому во французском переводе смысл описанного Булгаковым правила оказывается малопонятным [Есакова, 2008, с.23].

Непонятым, “чужим” в художественном тексте может быть и несвойственные читателю стандарты восприятия, потребности и системы ценностей. Приведем пример из романа Э.М. Ремарка «Три товарища», диалог между Пат Хольман и влюбленного в нее Роберта Локампа:

-Also, was willst du nun, Tee oder Kaffee?

-**Kaffee, einfach Kaffee, Pat. Ich bin von Lande. Und du?**

-Ich trinke mit dir Kaffee.

-Aber sonst trinkst du Tee?

-Ja.

-Da haben wir es.

-Ich fange schon an, mich an Kaffee zu gewöhnen. Willst du Kuchen dazu? Oder Brötchen?

-Beides, Pat. Ich werde nachher auch noch Tee trinken.

- Итак, чего же ты хочешь, чай или кофе?

- **Кофе, просто кофе, Пат. Я ведь сельский парень. А ты?**

- Я выпью за компанию кофе.

- А вообще ты пьешь чай?

- Да.

- Я так и думал.

- Но я уже начинаю привыкать к кофе. Хочешь к кофе пирожное? Или булочку?

- И то, и другое. А потом я выпью еще и чаю.

Для русского читателя разговор молодого человека и девушки выглядит как пустой разговор, болтовня двух приятелей. Внимательный читатель может не понять связи между выбором молодого человека «**кофе**» и уточнением «**я ведь простой сельский парень**». Однако для немцев высказывание имеет определенную социальную коннотацию: в послевоенное время кофе считался напитком простых людей, а чай – напитком представителей более высоких слоев общества. Если прочитать диалог еще раз, то становится понятным его смысл, скрытый под разговором о чае и кофе. Роберт, мучимый постоянными мыслями о том, что такая девушка не для него, простого парня из деревни, постоянно горько иронизирует по этому поводу. А Пат, соглашаясь пить вместе с ним «напиток простых людей» и уверяя, что уже начинает привыкать к кофе, высказывает тем самым симпатию герою и готовность пойти навстречу, не думая о социальных барьерах.

Итак, основными причинами недопонимания инокультурного текста могут являться описания речевых ситуаций, несвойственных для культуры носителя переводящего языка. Для успешного осуществления коммуникативного акта между различными нациями необходимо не только владение языком, но и также наличие определенных знаний, связанных с культурой той или иной страны. Незнакомую культуру следует рассматривать

как самоорганизующуюся систему, которая обладает специфическим для нее набором смыслов, являющихся для другой культуры “чуждыми”. Процесс понимания незнакомой культуры представляет собой расшифровку “чуждых” смыслов и преобразование их в свои «естественные».

Важным звеном в процессе понимания между автором и реципиентом выступает языковая личность переводчика, которая является залогом успешности коммуникативного акта. Особенности национального характера, мышления, речевого поведения составляют основу языковой личности. Искажения в переводе могут быть вызваны не только национальными особенностями исходного текста, но и индивидуальным восприятием на базе когнитивных структур языковой личности переводчика как третьего участника в коммуникативной паре. Выступая в роли посредника, переводчик должен свободно ориентироваться в пространстве национально-культурно-когнитивной базы автора.

Список литературы:

- Володина Н.В.* Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения / Н.В. Володина. М.: Флинта: Наука, 2010.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода / Н.К. Гарбовский. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544с.
- Есакова М.Н.* Прагматические аспекты перевода (на материале произведений М. Булгакова) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2008. № 4.
- Кирсанова Е.М.* К вопросу о влиянии этнокультурных стереотипов на процесс перевода // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2009. № 2.
- Леонтович О.А.* Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. - М., 2005
- Маслова В.А.* Когнитивная лингвистика / В.А. Маслова. Мн.: ТестраСистемс, 2004. 256с.
- Тер - Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. - М., 2000.
- Булгаков М.А.* Мастер и Маргарита. М., 2004
- Маяковский В.В.* Сочинения: В 2 т. М., 1988. Т. 2.
- Bulgakov M.* The Master and Margarita / Transl. by D. Burgen, C. O'Connor. Picador L., 1997. *Bulgakov M.* The Master and Margarita / Transl. by R. Pevear, L. Volokhonsky. Penguin Books L., 1997. *Bulgakov M.* The Master and Margarita / Transl. by M. Glenny. Vintage, L., 2003.
- Boulgakov M.* La Maître et Marguerite/ Transl. by Claude Ligny. From the archive section of The Master and Margarita <http://www.masterandmargarita.eu>
- Mayakovsky V.* The Bedbug and Selected Poetry, translated by Max Hayward and George Reavey / Transcribed by M. Abidor. Bloomington, 1975.
- Краткий политический словарь / Абаренков В.П [и др.]. - - 6-е изд., доп. и перераб. М.: Политиздат., 1989г. 624.

Каролини А.
колледж «Аристотелио»
г. Салоники (Греция)

Karolini A.
Aristotelian College,
Thessaloniki (Greece)

*ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ И УМЕНЬШИТЕЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА В ПРОИЗВЕДЕНИИ
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕДНЫЕ ЛЮДИ» И ИХ ПЕРЕВОД НА ГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК*

*THE DIMINUTIVES (AKA HYPOCORISTICS AND NICKNAMES), THEIR LANGUAGE VALUE
IN F.M. DOSTOYEVSKY'S WORK "POOR PEOPLE" AND THEIR GREEK TRANSLATION*

Для прозы Ф.М. Достоевского характерен широкий стилистический диапазон используемой лексики. Это свойство поначалу пугало даже критиков, которые упрекали автора в обилии уменьшительных форм: «ангельчик», «маточка», «душенька» – и «делового слога» в речи Девушкина («Бедные люди»). Однако энергичный контраст этих двух лексических пластов во многом определил гуманистическое звучание произведения, отчетливее проявил содержащуюся в нем «боль за человека».

Надо признать, что русский язык чрезвычайно специфичен в выражении уменьшительно-оценочной семантики по сравнению с другими языками, в особенности неславянскими. В связи с этим живой интерес представляет рассмотрение используемый Ф.М. Достоевским в «Бедных людях» лексики с уменьшительно-оценочной семантикой в греческом переводе.

В нашем докладе нами предпринимается попытка анализа перевода на греческий язык уменьшительно-оценочной лексики, которой обилует роман «Бедные люди».

The wide stylistic range of lexis and diminutives characterizes F.M. Dostoyevsky's prose. Initially, this linguistic structure frightened even the critics who looked down on Dostoyevsky for using the diminutive forms such as "angelchik", "matochka", "dear" widely. The critics also condemned his writing style in Devushkin's speech ("Poor people"). However, in many respects the vigorous contrast of these two language structures define the humane side of his work and strongly underlie «the pain for the human being" in a more distinct way. It is necessary to identify and accept that the Russian language is extremely specific in its expression of diminutives in comparison with other languages; more specifically, the non Slavic ones. To this regard, the use of lexicography with diminutive and semantics in the Greek translation of Dostoyevsky's masterpiece "Poor people" clearly shows fervent interest and deep consideration.

In our report we make a calculated attempt to reflect on and analyze the Greek translation of the diminutives and lexis which characterize and make unique the novel "Poor People".

Ключевые слова: уменьшительно-оценочная лексика, в произведении Ф.М. Достоевского, стилистический диапазон, «ангельчик», «маточка», «душенька» перевод на греческий.

Key words: hypocoristics and nicknames, stylistic range, characterizes F.M. Dostoyevsky's prose, "angelchik", "matochka", the Greek translation.

О жизни и творчестве Ф.М. Достоевского написано огромное количество книг и статей биографами, критиками, психологами, социологами. В них и восторженные отзывы о его произведениях, и довольно нелестная критика о личности самого писателя. По-разному оценивали они наследие великого писателя, поэтому у начинающих исследователей его творчество уже вызывает множество спорных вопросов. В нашем докладе мы не будем оспаривать ту или иную точку зрения литературных критиков и исследователей творчества Достоевского. У нас другая цель.

Фразеология русского языка чрезвычайно специфична. В выражении уменьшительно-оценочной семантики по сравнению с другими языками, в особенности неславянскими, русский язык также отличается своеобразием. В связи с этим живой интерес представляет рассмотрение в греческом переводе фразеологизмов, используемых Ф.М. Достоевским в «Бедных людях», а также лексики с уменьшительно-оценочной семантикой. В статье поднимается проблема адекватности передачи идиоматических выражений и лексики с уменьшительно-оценочной семантикой при переводе на греческий язык.

Федор Михайлович Достоевский считается одним из самых решительных новаторов в истории русской прозы. Полный контрастов и противоречий, освещенный изнутри постоянными поисками идеала, предстает перед читателем художественный мир Достоевского, который отчетливо отражается в языке его произведений. Вопрос о художественном совершенстве произведений самого Достоевского долгое время оставался дискуссионным. Многие известные русские писатели и критики – современники Достоевского – упрекали его «в небрежности языка, неряшливости формы, искусственности изображений, словом, в нехудожественности» [Щенников, fedordostoevsky.ru].

Современные исследователи и критики считают, что автор сознательно отступает от классических канонов законченности и ясности ради большей художественной выразительности. «Его искусство слова основано на противопоставлениях: например, на сочетании библейской риторики и вульгарной небрежности речи; он оформляет важные мысли средствами уличной экспрессии; он использует «затрепанный», штампованный фон: «словесную руду», фабульное «сырье» – для выражения могучего пафоса», - считает Р.Г. Назиров [Назиров, 1991. с. 152].

Начиная с 60-х годов XIX столетия, в Греции сильно возрастает интерес к русской классической литературе. В указанный период самые популярные литературные журналы и

газеты Греции считали за честь знакомить своих читателей с произведениями русских писателей. Издатели отводят переводам произведений русских писателей всё больше страниц. В отзывах и критических статьях указывалось на то, что русские писатели в своём творчестве обращаются к новым темам, социальным, историческим и психологическим; выявляют и решают проблемы гораздо сложнее, чем знала предшествующая европейская литература. Переводятся и издаются произведения известных русских прозаиков И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого [Харатсидис, 2011].

Сегодня греческой читающей аудитории известно немало переводов произведений Ф. М. Достоевского. Среди переводов есть и слабые работы, которые «можно считать скорее переделкой, есть же, напротив, удачные, выполненные профессионально и заслуживающие особого внимания».⁶¹

Роль фразеологии в художественном тексте огромна. Фразеологические единицы помогают создать яркие, живые образы повествования, раскрыть замысел произведения, передают стилистику автора. При переводе художественных текстов переводчик стоит перед выбором метода при работе с фразеологическими единицами. Переводоведение предлагает различные методы, которые используются при переводе фразеологизмов: подбор удачного эквивалента, аналога, дословный перевод или калькирование фразеологизма одной языковой культуры в другую, а также описательный перевод, который позволит переводчику передать смысл оригинального фразеологизма.

Творчеством Ф.М. Достоевского в Греции занимался известный литературный критик и переводчик Арис Александру. Его переводы произведений великого русского писателя признаны лучшими. Благодаря его переводам греческие читатели смогли познакомиться с истинным Достоевским. Арис Александру владел русским языком в совершенстве, что давало ему возможность создать удачные переводы текстов произведений Достоевского. Благодаря А. Александру, греческому литературному сообществу стали понятны веяния и тенденции эпохи Достоевского.

⁶¹ Альбрехт Ф. Б. Проблема определения и описания единиц зоны лексико-фразеологической переходности // Филологические науки. 2001. № 3. С. 66–73.; Карабахцян Э. К., Григорян Е. О. Особенности способов и приемов перевода фразеологизмов различных языковых культур // Филология и лингвистика в современном обществе: Материалы междунар. науч. конф. (г. Москва, май 2012 г.). М.: Ваш полиграфический партнер, 2012. с. 109–113.; Συμεωνίδης Χ. Εισαγωγή στην ελληνική φρασεολογία. Θεσσαλονίκη: Κώδικας, 2000. 122 σ.; Греческие пословицы и поговорки и их аналоги в русском языке / Сост. Т. В. Кокурина. М.: ЛКИ, 2008. 152 с.; См. также: Литинская Е.П. Перевод фразеологии романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди» на греческий язык//Ученые записки Петрозаводского государственного университета, №5, 2014, с.79.

Главный способ художественного построения романа «Бедные люди» – это столкновение двух взаимоисключающих смыслов, которые находятся между собой в диалоге. Диалогической природой отличаются в мире Достоевского и внутренние монологи героев. Их необычный синтаксис объясняется «скрытым» присутствием собеседника.

Персонаж романа «Бедные люди», мелкий чиновник Макар Девушкин, пытается отстоять свою «амбицию», оправдать свое существование. Диалогическая стихия исключает какое бы то ни было однообразие и ограниченность. Язык Достоевского так же открыт и свободен, как созданный писателем образ мира.

Достоевский не боялся длинных фраз и повторов, если они были необходимы для эмоционально-ритмического развития мысли, для полноты самовыражения героев. В то же время он прибегал порой к особому рода сжатости фразы, достигая краткости большей, чем возможно в нехудожественной речи [Энциклопедический словарь филолога].

Возникает вопрос: какие нужны лингвистические знания и навыки переводчику, чтобы «дословно» передать иностранному читателю значение всех вышеупомянутых стилистических тонкостей Достоевского?

В произведении «Бедные люди» автор использовал большое количество уменьшительно-оценочной лексики, помогающей раскрыть тонкости эпистолярного стиля, который лег в основу романа. Обращаясь к греческому переводу, мы хотели бы получить ответ на некоторые вопросы, которые у нас возникли при чтении романа. Удалось ли Арису Александру сохранить весь тот стилистический аромат, присущий этому роману? Удалось ли Арису Александру в переводе на греческий язык передать суть идиоматических выражений и уменьшительно-оценочной лексики? Рассмотрим несколько примеров.

Смысл возможной близости является главной особенностью писем героев. Переводчик не просто передал структуру рассказа, но также и постарался сохранить лингвистические особенности произведения.

Фрагмент из романа Достоевского: «...все что-то так, да не так. Встал я сегодня таким ясным соколом – любо - весело! Что это какое утро сегодня хорошее, маточка» был переведен на греческий язык – «Ολα καλά και όλα άγια. Σηκώθηκα σήμερα σαν καλοδιάθετος αετός – μια χαρά χαρούδια! Τι πρωινό και αυτό σήμερα, τι όμορφη μέρα μανίτσα μου». Дословный перевод на греческий язык следующий: «Все вокруг хорошо и свято, но ты так и не можешь найти свое место. Встал я сегодня таким орлом с добрыми намерениями - одна радость – маленькая радость. Что это какое утро сегодня хорошее, маточка». А. Александру

находит аналог выражению «ясный сокол», используемому в качестве постоянного эпитета в русской народной речи, «орел с добрыми намерениями». Таким образом, переводчик смог найти удачный эквивалент русскому выражению в греческом языке. Интересен перевод и фразеологизма, встречающегося в романе, «седьмая вода на киселе», которое было переведено следующим образом: «από της συκιάς το γάλα», (бук. «молоко из инжира»).

Иногда переводчик выбирает другой способ перевода оригинального текста – описательный перевод, выбор которого оправдан тем, что некоторые выражения непонятны носителю греческой культуры, например, в одном из фрагментов текста мы встречаем выражение «я забыла ее **хлеб-соль**», которое было переведено на греческий язык следующим образом: «λένε πως ξέχασα την **φιλοξενία της**», что означает «говорит, что я забыла ее **гостеприимство**».

Русский фразеологизм при буквальном переводе был бы непонятным греческому читателю.

Этот же метод перевода был использован и другим переводчиком – Сарандопулосом [Литинская, 2014]. На наш взгляд, было бы правильно, если бы в новых переводах давался культурологический комментарий подобных явлений, подобных культурологических явлений.

Определенную трудность встретил переводчик при работе над фразой, которая не является фразеологизмом в русском языке, однако писатель так удачно располагает слова во фразе, что создается впечатление идиоматичности: «вы не смотрите на то, что я такой тихонький, что кажется, **муха меня крылом перешибет**». В переводе эта фраза звучит следующим образом: «μη με βλέπετε τόσο ήσυχο ποταμάκι, πως και μια μύγα, ίσως μπορεί να μου κάνει κακό», что буквально означает: «Не смотрите на меня как на тихую речушку, что и муха может сможет мне сделать зло».

«Переводчик использует описательный перевод с элементами дословного образного выражения» [Литинская Е.П., 2014].

Таким образом, при переводе фразеологизмов романа Достоевского «Бедные люди» переводчики использовали либо описательный перевод, либо эквивалентный, который соответствует греческой языковой культуре.

Не меньшую трудность при переводе составляет и уменьшительно-оценочная лексика.

Достоевский в романе «Бедные люди» широко использует лексику с уменьшительно-оценочными суффиксами, которая помогает автору передать его отношение к героям.

В русском разговорном языке достаточно большое количество прозвищ с уменьшительными суффиксами, что является отчасти отражением народной культуры. К сожалению, такое лингвистическое богатство остаётся непонятным читателям, не говорящим на русском языке. Таким образом, греки не в состоянии понять, почему Достоевский использует уменьшительные формы имен и в чем различие между полными именами и уменьшительно-ласкательными вариантами. Несмотря на то что в греческом языке также есть уменьшительно-ласкательные формы, подобная лексика вызывает у греческого читателя определенную трудность. Почему используется слово «маточка» вместо слова «мама», слово «голубчик» вместо слова «голубка», слово ««ангельчик»» вместо слова «ангел», и т.д.

Рассмотрим слово «маточка», имеющее в русском языке разные значения.

На греческий язык оно переводится как «μανοῦλα» ή «μητεροῦλα» то есть «милая мама» или «уважаемая мама». Александру перевел это слово при помощи "manitsa"- «мама», но данное слово имеет несколько иное значение, чем в романе Достоевского.

«Маточка» - слово, которое используется, чтобы выразить чувство бескорыстной любви и близости, родственности, а в некоторых случаях уважения и подчинения. Примером использования этого слова является язык монахов. Маточка – обращение в приветственной речи к монахиням. С другой стороны, слово, использованное в греческом переводе, имеет несколько иное значение: «маница», говорит о чувстве близости, но с другой коннотацией. Именно так влюбленный мужчина обращается к своей возлюбленной, демонстрируя интимность их отношений.

Кроме того, в романе достаточно много форм уменьшительных имен, которые автор использует, чтобы подчеркнуть чувство бескорыстной любви, близости и родственных отношений: «Варенька», «Петя», «Петенька», «Саша», «Аня» и т.д.

В заключение хочется отметить, что уменьшительно-ласкательные имена героев имеют определенное значение и играют большую роль в основной сюжетной линии. Достоевский дает через имена основные особенности и аспекты характера героев, таких как Девушкин и Быков. Девушкин является главным героем романа, который верит в настоящую любовь. Этимологически его имя может происходить от слова «девушка», которым переданы специфические особенности, такие как застенчивость, робость, подчинение, промедление; характеризующие героя романа. Другого героя зовут Быков. Он является сильным, злым, безжалостным, мстительным, что отличает его от Девушкина.

Список литературы:

Литинская Е.П. Перевод романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди» на греческий язык. Ученые записки Петрозаводского государственного университета № 5, Филология, 2014.

Назирова Р.Г. Проблема художественности Ф.М. Достоевского // Творчество Ф.М. Достоевского: искусство синтеза. Екатеринбург, 1991, с. 152.

Щенников Г.К. Художественность – Ф.М. Достоевский, интернет-ресурс: pfordostoevsky.ru/research/aesthetics-poetics/055/

Харатсидис Э.К. К вопросу перевода русской литературы на греческий язык: история и современность. Материалы конференции, 2011. Халкидики, Греция

Энциклопедический словарь филолога, интернет-ресурс: <http://slovarfilologa.ru/50/>

Кондратенко А.А.
ТГУ им. Ив. Джавахишвили
г. Тбилиси, (Грузия)

Kondratenko Anna
Ivane Javakhishvili Tbilisi State University
Tbilisi (Georgia)

*АКТУАЛЬНОСТЬ ВТОРИЧНОГО ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЙ КЛАССИКОВ МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ АВТОРСКОГО ПЕРЕВОДА НЕКОТОРЫХ РАССКАЗОВ
ВАЖА-ПШАВЕЛА)*

*THE RELEVANCE OF THE SECONDARY TRANSLATION OF WORKS OF CLASSICS OF THE
WORLD LITERATURE (ON THE EXAMPLE OF AUTHORIAL TRANSLATION OF SOME
STORIES OF VAZHA-PSHAVELA)*

В настоящей работе на примере авторских переводов некоторых рассказов Важа-Пшавела («Фиалка», «Змея», «Высохший бук», «Летние сны»), ставится вопрос об актуальности вторичных переводов. Утверждается необходимость и продуктивность их выполнения, на примере сравнения авторских переводов с переводами, выполненными Ф. Твалтvadze и В. Орджоникидзе. На основе данного сравнения становится возможным выявить стилиевые, фактические, смысловые несоответствия, содержащиеся в устаревшем, согласно нашему утверждению, переводе данных произведений. Также, обращается внимание на то обстоятельство, что для того, чтобы произведение оставалось читабельным, перевод необходимо обновлять в соответствии с языковыми нормами и реалиями современности. Ведь, каждый последующий перевод, зачастую, является лучше, совершеннее предыдущего, так как создается с учетом ошибок и несовершенств последнего. Литературная актуальность классики не вызывает сомнений, равно как и тот факт, что имя Важа-Пшавела давно вписано в ряды классиков. Таким образом, утверждается необходимость создания новых переводов классиков мировой литературы, для поддержания интереса к их произведениям в читательской среде.

In the present work, on the example of the authorial translations of some stories of Vazha-Pshavela ("The Violet", "The Snake", "Dried-up beech", "Summer dreams") a question is put about actuality of secondary translations. A necessity and productivity of their implementation become firmly established by comparing author's translations with translations of F. Tvaltvadze and V. Orjonikidze. Based on this comparison it becomes possible to identify the stylistic, factual, semantic inconsistencies contained in outdated according to our statement, translation of these works. Also, attention applies on a that circumstance, that in order that work remained readable, the translation needs to be renewed according to language norms and realities of the present. In fact every subsequent translation, frequently, is better, more perfect than previous, because created taking into account errors and imperfections of the last. Literary actuality of the classics does not cause doubts, as well as that fact that the name of Vazha-Pshavela is entered in ranks of classics long ago. Thus, the necessity of creation of new translations of classics of world literature becomes firmly established, for maintenance of interest in their works in a reader environment.

Ключевые слова: вторичный перевод, авторский перевод художественного текста, ошибки перевода.

Key words: secondary translation, author's translation of the art text, translation errors.

Почему Важа? Русскому читателю Важа-Пшавела известен в большей степени как поэт, нежели как прозаик. Существует множество переводов его поэм и рассказов на разные языки мира, в особенности изобилует ими русский. Возникает вопрос насколько актуальным на сегодняшний день является перевод произведений Важа-Пшавела. Во-первых, как известно, переводам свойственно устаревать, а значит, для того, чтобы произведение оставалось читабельным, перевод необходимо обновлять в соответствии с языковыми нормами и реалиями современности. Во-вторых, каждый последующий перевод, зачастую, является лучше, совершеннее предыдущего, так как создается с учетом ошибок и несовершенств последнего. Классика же вечна, а тот факт, что Важа-Пшавела уже давно вписал свое имя в ряды классиков ни у кого не вызывает сомнений. Должно быть, поэтому многие представители литературного мира призывают молодых переводчиков к созданию новых переводов произведений, относящихся к литературной классике, что, по их мнению, должно сохранить актуальность последних.

На наш взгляд, многим переводам произведений художественного литературы, выполненным за время существования СССР, свойственно некоторая шаблонность, типичность, стилевое однообразие. Может показаться, что все они созданы одним человеком, прекрасно владеющим языковыми нормами, обладающим ограниченным набором художественных средств, но, к сожалению, абсолютно бесталантным или также можно подумать, что существовала некая совершенная машина, которая, в действительности, и являлась автором переводов. Подобные мысли отнюдь не случайны, ведь, как известно, цензура в СССР работала полным ходом. Писательские организации насчитывали тысячи горе-писателей, которые не могли, а может просто не были заинтересованы в том, чтобы писать о чем-либо кроме того, о чем разрешалось писать. Однако напряжение нарастало, писателям хотелось большей свободы в реализации своих творческих сил, более широкой тематики и правительство представило им такую возможность. По инициативе А.М. Горького все силы и энтузиазм писательская организация должна была устремить на перевод литератур народных республик СССР на русский язык, а также по его мнению было «необходимо издавать на русском языке сборники текущей прозы и поэзии национальных республик и областей, в хороших переводах. Нужно переводить и литературу для детей. Литераторы и ученые национальных республик должны написать истории своих стран и государств, - истории, которые ознакомили бы народы всех республик друг с другом. Эти

истории народов Союза Советских Социалистических Республик послужат очень хорошим средством взаимного понимания и внутренней, идеологической спайки всех людей семи республик»⁶². Таким образом, он призвал литераторов к методу коллективного труда, утверждая, что «коллективная работа над материалом социальных явлений, работа над отражением, изображением процессов жизни, - среди коих, в частности, имеют свое место и действия ударных бригад, - это работа над бесконечно разнообразными фактами, и каждая индивидуальная единица, каждый писатель имеет право выбрать для себя тот или иной ряд фактов сообразно его тяготению, его интересам и способностям. Коллективная работа литераторов над явлениями жизни в прошлом и настоящем для наиболее, яркого освещения путей в будущее имеет некоторое сходство с работой лабораторий, научно-экспериментально исследующих те или иные явления органической жизни. Известно, что в основе всякого метода заложен эксперимент, - исследование, изучение - и этот метод в свою очередь указывает дальнейшие пути изучения. Я имею смелость думать, что именно метод коллективной работы с материалом поможет нам лучше всего понять, чем должен быть социалистический реализм. В нашей стране логика деяний обгоняет логику понятий, вот что мы должны почувствовать. Моя уверенность в том, что этот прием коллективного творчества может дать совершенно оригинальные, небывало интересные книги, такова, что я беру на себя смелость предложить такую работу и нашим гостям, отличным мастерам европейской литературы»⁶³. Подобные речи произвели должное действие и тысячи писателей вступили в, так называемые, переводческие бригады, задачей которых было осуществление переводов художественной литературы, художественность которых, как мы видим уже сегодня, оставляет желать лучшего. Очевидным является факт, что тот или иной писатель обладает определенным, индивидуальным стилем, приемами, определенной тематикой и сферой интересов, свойственных именно ему. Однако, по какой-то причине, когда речь заходит о переводах смысловое содержание, информативность текста выходят на первый план. Таким образом, смысловое содержание давит над всеми остальными особенностями переводимого произведения. На наш взгляд, подобные переводы являются ничем иным как следствием недобросовестной работы переводчика, так как никакой необходимости жертвовать одним ради другого нет. Каждое произведение в обязательном порядке должно быть подвергнуто предпереводческому анализу, результатом которого должно стать определение как смысловых, так и стиливых особенностей переводимого произведения, выявление черт и

⁶²http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_1934_zakluchtelnaya_rech.shtml

⁶³http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_1934_zakluchtelnaya_rech.shtml

свойств, присущих тому или иному автору и их последующее культивирование уже в процессе перевода.

Мы, в свою очередь, с большим трепетом подходили к переводу оговоренных рассказов Важа-Пшавела, старались, насколько это возможно, сохранить творческую индивидуальность автора, неповторимость его манеры изложения, воспитания природы и ее взаимоотношений с человеком. Стремилась не потерять ни единого слова, ведь, как известно, в слове явлен «образ мира, и творчество, и чудотворство» [Пастернак Б.Л. Доктор Живаго, 1991, с. 500]⁶⁴.

На наш взгляд особое внимание следует придавать переводу наименований растений и птиц, которыми, как известно, изобилует проза и стихотворения Важа-Пшавела. Здесь следует помнить о том, что данные рассказы представляют собой не только художественные произведения, полные метафорических, символических значений, но так же служат источником, с помощью которого у читателя формируется определенное представление о флоре и фауне Грузии. В связи с чем, на наш взгляд, к переводу лексических единиц данного типа следует подходить с особой скрупулёзностью. Мы считаем, совершенно неприемлемой замену или намеренное искажение названия того или растения или птицы. Так в переводе предложенном Ф. Твалтвадзе и В. Орджоникидзе мы видим, что имеющее место в рассказе «Фиалка» растение по-грузински именуемое «სასუტელა» («сасутела»*) [Важа-Пшавела. Сборник рассказов, 1987, с. 20]⁶⁵ превращается в «фирлетку» [Важа-Пшавела. Избранная проза, 1985, с. 128]⁶⁶, а «გუგულისკაბა» («гугулискаба») [Важа-Пшавела. Сборник рассказов, 1987, с. 20]⁶⁷ в «повилику» [Важа-Пшавела. Избранная проза, 1985, с. 128]⁶⁸. Мы, в свою очередь, прежде чем приступить к переводу наименования данного, а также многих других растений имеющих место в предложенных рассказах, посчитали необходимым обратиться к специалистам в области ботаники, чтобы выяснить о каких именно растениях идет речь. Запросив латинские названия данных растений, мы с их помощью уже в русскоязычных источниках смогли найти соответствующие наименования. Мы выяснили, что «სასუტელა» («сасутела») (*Digitalis ferruginea* лат.) есть ни что иное как «наперстянка» или «наперстянка

⁶⁴Пастернак Б.Л. Доктор Живаго. М.: СП «Интердом». Центурион. АПС (Серия «серебряный век»), 1991. 528 с.

* Здесь и далее авторская русская транслитерация

⁶⁵Важа-Пшавела. Сборник рассказов / Рассказ косуленка. Груз. яз. Тб.: Советская Грузия, 1987. 192 с.

⁶⁶Важа-Пшавела. Избранная проза; пер. с груз. Ф. Твалтвадзе, В. Орджоникидзе. Тб.: Мерани, 1985. 335 с.

⁶⁷Важа-Пшавела. Сборник рассказов / Рассказ косуленка. Груз. яз. Тб.: Советская Грузия, 1987. 192 с.

⁶⁸Важа-Пшавела. Избранная проза; пер. с груз. Ф. Твалтвадзе, В. Орджоникидзе. Тб.: Мерани, 1985. 335 с.

ржавая»⁶⁹, это лекарственное растение, полезное при заболеваниях сердечной системы, растет она в горных лесах, в зарослях кустарников и на субальпийских лугах. В народе это растение называют «желтые колокольчики», «горный лютик». Как было сказано выше переводчики Ф. Твалтвадзе и В. Орджоникидзе переводят его как «фирлетка», в то время как «фирлетка» относится к растениям семейства Гвоздичных (*Lychnis* лат.)⁷⁰, а именно (*Lychnis et Viscaria* лат.), в народе его также называют «колдунником» или «дремой». «გუგულისკაბა» («гугулискаба») (лат. *Orchis purpurea*) растение относящееся к семейству Орхидные (лат. *Orchidaceae*) в русском языке носит название «ятрышник пурпурный»⁷¹, растет в горных разреженных лесах, на лесных полянах и так же относится к лекарственным растениям. «Повилика» (лат. *Cūscuta*) же относится к роду паразитических растений семейства Вьюнковые, все виды которого отнесены к категории карантинных сорняков⁷². Таким образом, мы приходим к выводу, что переводчики в стремлении к благозвучности намеренно заменили наименования данных растений, что на наш взгляд, является грубой переводческой ошибкой. В свою очередь, не желая навредить благозвучию перевода мы сочли необходимым заменить энциклопедические названия тех или иных растений и птиц их народными наименованиями. Так, далеко неблагозвучное название «ятрышник» превратился в «кукушкины слезки»⁷³, что близко к грузинскому названию данного растения, которое, если перевести дословно звучит как «кукушкино платье».

Для того чтобы перевод названий некоторых птиц стал возможен, нам пришлось проконсультироваться со специалистами в области орнитологии, а также провести определенные поиски, направленные на установление соответствий между диалектными наименованиями тех или иных птиц с их энциклопедическими названиями. Данная работа была связана с определенными сложностями, так как мы не имели даже приблизительных указаний на то, о каких птицах идет речь, так как ни в переводе Ф. Твалтвадзе и В. Орджоникидзе ни в других, известных нам переводах рассказа «Высохший бук», названия данных птиц не были переведены, а передавались с грузинского напрямую при помощи русской транслитерации: «...в своих нескончаемых треляхисходит керона, а циприя,

⁶⁹<http://medicalhandbook.ru/lekarstvennyye-rasteniya/2906-naperstyanka-rzhavaya-digitalis-ferruginea-1.html>

⁷⁰<http://enc-dic.com/dal/Firletka-41400.html>

⁷¹http://ru.wikipedia.org/wiki/Ятрышник_пурпурный

⁷²<http://ru.wikipedia.org/wiki/%CF%E2%E8%EB%E8%EA%E0>

⁷³<http://www.florets.ru/lekarstvennyye-rasteniya/yatryshnik-pyatnistyi.html>

неугомонно прыгая по веткам, оглашает окрестности свистом и шелканьем» [Важа-Пшавела, 1985, с. 106]⁷⁴.

В результате поисков мы установили, что «ქერობა» (ქერობა) («керона», «кероза») (лат. *Miliaricalandra*), также (лат. *Emberizacalandra*), относится к семейству Овсянковых и в русскоязычных источниках именуется как «просьянка»⁷⁵. «წიპრანა» (წიპრანა) («ципрана», «циприн»), согласно грузинским источникам, одно из диалектных наименований птицы «ჭიჭიჭი»⁷⁶ («чивчави»). «ჭიჭიჭი» («чивчави») же (лат. *Spinus spinus*)⁷⁷, также (лат. *Carduelis spinus*), один из видов певчих птиц из семейства вьюрковых, отряда воробьинообразных и в русскоязычных источниках именуется «чиж»⁷⁸. Тем же способом мы выяснили, что (*Regulus regulus*) латинское название, упоминаемой в рассказе «Летние сны», птицы «ბარბოს-ბოტო» («нарис-чители») [Важа-Пшавела, с. 89]⁷⁹ (ბარბოს) («нарчита») и уже с его помощью установили русскоязычный эквивалент – «желтоголовый королек», мелкая певчая птица семейства корольковых, распространённая в зоне лесов Евразии. Это самый маленький представитель орнитофауны в Европе и России⁸⁰. Таким образом, становится очевидным смысл предложения: «...множество цветов усыпало ей грудь, тысячи горделивых деревьев, от древнего величавого дуба до розового куста, на котором распевали свои трели соловьи. Несметные стаи птиц, от гордого орла, до зяблика с корольком...»

Ведь, как мы выяснили, «королек», один из самых маленьких представителей птичьего мира, длина его тела всего 8-9 сантиметров, а вес максимум 8 граммов⁸¹.

Выше сказанное является наглядным подтверждением утверждения о том, что переводчик должен обладать обширными и разносторонними знаниями⁸², и в зависимости от тематики и особенностей переводимого текста, должен максимально подробно изучить ту или иную сферу.

Мы в свою очередь можем утверждать, что за время работы над данными переводами в достаточной степени изучили такие области знания как ботаника, орнитология, зоология и

⁷⁴Важа-Пшавела. Избранная проза; пер. с груз. Ф. Твалтвдзе, В. Орджоникидзе. Тб.: Мерани, 1985. 335 с.

⁷⁵<http://ru.wikipedia.org/wiki/Просьянка>

⁷⁶<http://www.nplg.gov.ge/gsdll/cgi-bin/library.exe?e=d-01000-00---off-0dictiona--00-1--0-10-0--0-0---0prompt-10--..-4--4---0-11-11-en-00---10-help-50--00-3-1-00-0-00-11-1-1utfZz-8-00-0-11-1-1-OutfZz-8-00&a=d&cl=CL4&d=HASH945f1cfef6b5cefba63e6a.8.5>

⁷⁷<http://ka.wikipedia.org/wiki/ჭიჭიჭი>

⁷⁸<http://www.ebirds.ru/bird/277.htm>

⁷⁹Важа-Пшавела. Сборник рассказов / Рассказ косуленка. Груз. яз. Тб.: Советская Грузия, 1987. 192 с.

⁸⁰http://rfwiki.org/Желтоголовый_королек

⁸¹<http://birds-altay.ru/2010/07/zhelтоголовyj-korolyok/>

⁸²http://www.norma-tm.ru/library1_1.html

экология, что позволило нам осуществить переводы на достойном уровне, а также избежать грубых смыслов ошибок. Здесь мы считаем уместным привести следующий пример: «все что ни встречалось ей в роще, она хотела отравить. Даже цветы. Она обвивалась вокруг них, вонзала свое жало им в грудь, изливая яд, но они не погибали от этого, а продолжали цвести как ни в чем не бывало» [Важа-Пшавела. Избранная проза, 1985, с. 128]⁸³. Это предлагаемый вариант перевода отрывка рассказа Важа-Пшавела «Змея», выполненный Ф. Твалтвадзе и В. Орджоникидзе. На наш взгляд налицо грубая переводческая ошибка. Дело в том, что при прочтении данного отрывка у русскоязычного читателя возникает ощущение искусственности, синтетичности описываемого. На наш взгляд, это связано с нарушением семантики данного предложения. Слово « жало » вносит дополнительную, ложную коннотацию, а именно – «это орган защиты и нападения некоторых насекомых (пчёл, ос, муравьёв и т. д.), который чаще всего имеется только у самок этих насекомых и по которому при укусе стекает ядовитая жидкость»⁸⁴. Есть и другое значение, но оно согласно определению по словарю Ушакова ошибочно – «длинный, раздвоенный на конце язык змеи (прежде думали, что змея им жалит)»⁸⁵. По нашему мнению, абсолютному большинству людей, благодаря информационной перенасыщенности современного мира, хоть раз в жизни по средствам теле-радио и интернет ресурсов раз доводилось увидеть змею и ее способ нападения на жертву, следовательно, вряд ли найдется человек, способный поверить в то, что змея способна укусить языком, что противоречит здравому смыслу. Важа-Пшавела, в лице которого выступают данные переводчики, в достаточной мере обладал знаниями об анатомии и повадках змей, поэтому в оригинале ни о каком жале речи не идет. Мы, в свою очередь, предлагаем следующий перевод: «ко всем, кого ни заприметит в этой роще, она подлащивалась, чтобы отравить. Даже цветы все с той же надеждой хватала она клыками и впрыскивала свой яд, свою отраву. Они же оставались невредимы, и по-прежнему цвели».

Также при переводе рассказа «Летние сны» мы столкнулись со следующей проблемой. Как известно, в грузинском языке нет категории рода. В данном рассказе Важа-Пшавела создает поразительный, в художественном отношении, образ летнего времени года. Лето предстает перед читателем в качестве прекрасной, плодородной девы-великанши, всеобщей матери, которая лелеет и холит своих детей – зверей, птиц, насекомых, заботится о цветах, травах, лесах. В то время как в русском языке слово «лето» относится к среднему роду,

⁸³Важа-Пшавела. Избранная проза; пер. с груз. Ф. Твалтвадзе, В. Орджоникидзе. Тб.: Мерани, 1985. 335 с.

⁸⁴<http://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/1205/ жало>

⁸⁵<http://tolkslovar.ru/j79.html>

окончания которого при изменении по падежам и во время согласования с местоимениями и другими частями речи совпадают с мужскими окончаниями. Таким образом, при переводе в черновом варианте мы имели: «...лето же спало сладким сном. К его груди прижимались нескончаемые виноградники и межи», «...иногда его сердце стонало и бешено колотилось», «...до чего же богато было разнаряжено его тело! Необъятное множество цветов усыпали его грудь» и т.п. Что явно противоречило главному образу, созданному автором. В связи с чем мы были вынуждены искать решение данной проблемы, которую мы разрешили с помощью введения в текст перевода дополнительного, уточняющего компонента, а также при помощи замены имени нарицательного именем собственным. Так «лето», мы заменили на «дева Лето», что на наш взгляд несколько не исказило оригинал, а наоборот стало адекватным решением довольно трудной переводческой задачи. В результате у нас получилось: «Лето – прекрасная, вечно юная дева – спала крепким сном. Освещенное лучами солнца лицо ее светилось счастьем. До чего же богато было разнаряжено ее тело! Несметное множество цветов усыпало ей грудь, тысячи горделивых деревьев, от древнего величавого дуба до розового куста, на котором распевали свои трели соловьи».

На наш взгляд, рассмотренные выше примеры способны создать должное впечатление о масштабности тех трудностей, с которыми нам пришлось столкнуться во время перевода данных рассказов Важа-Пшавела. Мы считаем, предложенные нами решения удачными и оригинальными, что на наш взгляд, находит подтверждение в представленных в данной работе сравнениях с уже имеющимися переводами.

Исходя из всего выше сказанного мы находим справедливым мнение о том, что переводить произведения Важа-Пшавела крайне сложно. Основная же сложность перевода произведений Важа-Пшавела заключена в особенности его восприятия природы, ему свойственно ее очеловечивание. Эта персонификация природы является уникальной особенностью произведений Важа-Пшавела, благодаря которой они не теряют своей актуальности по сей день.

Список литературы:

Важа-Пшавела. Избранная проза; пер. с груз. Ф. Твалтвадзе, В. Орджоникидзе. Тб.: Мерани, 1985. 335 с.

Важа-Пшавела. Сборник рассказов / Рассказ косуленка. Груз.яз. Тб.: Советская Грузия, 1987. 192 с.

Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1988. 192 с.

Пастернак Б.Л. Доктор Живаго. М.: СП «Интердом». Центурион. АПС (Серия «серебрянный век»), 1991. 528 с.

Интернет ресурсы:

http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_1934_zakluchtelnaya_rech.shtml
<http://medicalhandbook.ru/lekarstvennye-rasteniya/2906-naperstyanka-rzhavaya-digitalis-ferruginea-l.html>
<http://enc-dic.com/dal/Firletka-41400.html>
http://ru.wikipedia.org/wiki/Ятрышник_пурпурный
<http://ru.wikipedia.org/wiki/%CF%E2%E8%EB%E8%EA%E0>
<http://www.florets.ru/lekarstvennye-rasteniya/yatryshnik-pyatnistyi.html>
<http://ru.wikipedia.org/wiki/Просьянка>
<http://www.nplg.gov.ge/gsd/cgi-bin/library.exe?e=d-01000-00---off-0dictiona--00-1--0-10-0--0-0---0prompt-10---4---4---0-11--11-en-00---10-help-50--00-3-1-00-0-00-11-1-1utfZz-8-00-0-11-1-0utfZz-8-00&a=d&c1=CL4&d=HASH945f1cfef6b5cefba63e6a.8.5>
<http://ka.wikipedia.org/wiki/ჭოჭოჭო>
<http://www.ebirds.ru/bird/277.htm>
http://rwiki.org/Желтоголовый_королёк
<http://birds-altay.ru/2010/07/zhelтогоlovyj-korolyok/>
http://www.norma-tm.ru/library1_1.html
<http://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/1205/жалo>
<http://tolkslovar.ru/j79.html>

Косовцева Н. Н.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Kosovtseva Natalia
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

*ПЕРЕВОД ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ.
ОБОЗНАЧЕНИЕ ЦВЕТА ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТАХ*

*THE TRANSLATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN RUSSIAN AND FRENCH LANGUAGES.
COLORS IN IDIOMATIC PHRASES*

Как известно, в языке народа отражается его история, мировоззрение, особенности менталитета. Фразеологический фонд языка представляет собой в этом отношении особенный интерес, так как в устойчивых сочетаниях в образной форме чаще всего и запечатлевается народная мудрость. Для перевода такие образные сочетания особенно сложны, но вместе с этим и интересны. Данная статья посвящена исследованию проблемы перевода фразеологических оборотов, их классификации. Рассматривается вопрос о переводе фразеологизмов, содержащих в себе цветовое обозначение, сравниваются значения образных выражений в русском и во французском языках. Автор статьи ссылается на выдающихся лингвистов и теоретиков перевода и раскрывает тему, основываясь на их работах.

It is known that the history, the world view and some typical mental features of the people are reflected in his language. The phraseological reserves of the language represent a particular interest, because usually national wisdom is contained in idiomatic phrases. It is difficult to translate such expressions, but besides it is very exciting. This article is devoted to the research of the problem, concerning the classification and translation of phraseological units. The question of translation of «color» idioms is touched, as well as the comparison of meanings of similar idioms in Russian and French. The author cites some outstanding linguists and theorists of translation.

Ключевые слова: фразеологизм, стилистика, семантика, трансформации, дословный перевод, цвет, соответствие.

Key words: phraseological unit, stylistics, semantics, transformations, literal translation, color, correspondence.

*При переводе следует добираться до непереводаемого, только тогда можно по-настоящему
познать чужой народ и чужой язык
Гете*

Фразеология — сокровищница любого языка. Именно во фразеологизмах находят отражение история народа, своеобразие его культуры и быта, поэтому вопрос перевода фразеологических единиц представляет в науке перевода особую важность.

Неотделимо от самого существования фразеологизмов существует и аспект их «непереводимости». Из опыта мастеров возникла советская школа перевода, создатели которой недвусмысленно показали, что нет непереводаемых произведений, что «каждый высокоразвитый язык является средством достаточно могущественным для того, чтобы передать содержание, выраженное в единстве с формой, средствами другого языка» [Федоров, 1968, с.144]. Теорию «непереводимости» опровергла живая переводческая практика, превосходные работы плеяды талантливых переводчиков и писателей. Уже Пушкин считал, что выраженное автором должно быть «перевыражено» переводчиком; Гоголь предлагал иногда «отдаляться от слов подлинника нарочно для того, чтобы быть к нему ближе»; Толстой думал, что «не следует переводить слова и даже иногда смысл, а главное — передать впечатление»; Чуковский призывал «переводить смех — смехом, улыбку - улыбкой». [Чуковский, 1968, с.61]. В связи с огромным количеством разных мнений данная проблема не может не волновать теоретиков перевода и переводчиков.

Изучение данной отрасли лингвистики имеет давние традиции, уходящие в глубь веков. Интерес к фразеологии французского языка как к науке начал формироваться еще в XVI веке. Это обусловлено тем, что эпоха Возрождения характеризовалась особенно динамичным накоплением лингвистического материала, и в этот период наметился переход от собирания пословиц и поговорок к их изучению, а также стала выделяться особая отрасль лингвистики – фразеология. Возникновение этой науки обычно связывают с именем швейцарского языковеда французского происхождения Шарля Балли (1865 -1947). Главной заслугой этого исследователя считается то, что в своих книгах «Précis de stylistique» (1905) и «Traité de stylistique française» (1909) он впервые в истории языкознания теоретически осмыслил фразеологические явления, заложив тем самым основы современной фразеологии. Балли написал большое количество трудов по языкознанию, французскому и немецкому языкам, стилистике, являлся профессором Сорбонны и одним из основателей Женевской лингвистической школы. [Wikipedia]. Теории Балли оказали большое влияние как на французскую, так и на русскую стилистику. Самая известная его работа– учение о фразеологии. Ш. Балли рассматривал фразеологические обороты как устойчивые сочетания с различной степенью спаянности компонентов и выделял две группы фразеологизмов - фразеологические серии (*séries phraséologiques*) и фразеологические единства (*unités phraséologiques*). Фразеологической серией он называл словосочетание, компоненты которого сохраняют независимость и распадаются сразу же после своего возникновения в речи.

[Балли, 1961, с.89]. Согласно Ш. Балли, «в качестве фразеологического единства выступает оборот, состоящий из слов, которые имеют смысл лишь в данном сочетании, в силу чего они утратили свою независимость» [Балли, 1961, с.134].

Учение Ш. Балли было впоследствии развито русским языковедом В.В.Виноградовым (1894-1969), который поднял изучение фразеологии на более высокую ступень. Именно он считается родоначальником отечественной фразеологии. Труды В. В. Виноградова были шагом вперед для своего времени и способствовали появлению множества работ по фразеологии разных языков. Основываясь на его теории, фразеологизмы можно подразделить на три группы:

1) фразеологические сращения, для которых характерным семантическим признаком является то, что их значение невыводимо из отдельных значений их компонентов (*verser les larmes rouges* – плакать от досады);

2) фразеологические единства. Эта группа отличается от первой тем, что их значение мотивировано значением составляющих компонентов (*mettre à la raison* – 1)образумить, направить на путь истинный; 2) поставить на место, приструнить).

Общим для первой и второй групп является метафоризация;

3) фразеологические сочетания, которые возникают на основе реализации переносного значения одного из компонентов и отличаются

ограниченной семантической валентностью. (Например: его охватил страх – *il a eu peur*; его охватило счастье - *il a eu bonheur*). [Виноградов, 1972, с.394].

Вопросами собственно переводческих трансформаций занимались также такие лингвисты, как В.Н.Комиссаров (1924 - 2005), Я.И. Рецкер (1987 - 1984). Именно эти базовые теории наиболее распространены на сегодняшний день и составляют основу современного учения о фразеологизмах.

Субъектом фразеологии являются фразеологические единицы, то есть лексически неделимые и целостные по значению языковые единицы, имеющие устойчивый характер. В качестве фразеологической единицы могут выступать очень разные по внешнему виду сочетания - от двухсловных, типа *de tête* (по памяти) до развернутых сочетаний, таких как *se porter comme le Pont Neuf* (быть здоровым как бык; превосходно себя чувствовать). Также фразеологизмом может быть законченное предложение пословичного характера, например: *les vieilles amitiés ne se remplacent pas* - старый друг лучше новых двух. [Чекалина, 2007, с.114].

Таким образом, основными признаками фразеологизма можно назвать:

- а) известность выражения в данном языке;
- б) воспроизводимость, то есть регулярная повторяемость в речи;
- в) устойчивость, то есть семантическая слитность и неразложимость компонентов фразеологической единицы;
- г) семантическая целостность, то есть утрата собственного лексического значения компонентов фразеологизма;

Французский язык богат образной фразеологией в различных стилях: как литературном, так и разговорном и просторечном. Особое место занимают здесь игры слов, каламбуры, пословицы и поговорки. Они часто встречаются в СМИ – нередко газетные и журнальные заголовки построены на игре слов, на каламбурах, на своеобразных аллюзиях, отсылающих к прецедентным текстам.

Что касается переводческих трансформаций при переводе фразеологизмов, то взгляды на количество и определения таких трансформаций у отечественных лингвистов расходятся. Так, Я.И. Рецкер называет два способа перевода фразеологических единиц:

1. Грамматические трансформации в виде замены частей речи или членов предложения.
2. Лексические трансформации, которые заключаются в конкретизации, генерализации, антонимическом переводе, компенсации потерь, возникающих в процессе перевода, а также в смысловом развитии и преобразовании в целом. [Рецкер, 1974, с. 216, с. 116].

Концепция другого видного исследователя, Комиссарова В.Н. сводится к таким видам трансформаций, как лексическая, грамматическая и комплексная. Говоря о лексических трансформациях, он называет транслитерацию (воспроизведение буквенного состава слов), переводческое транскрибирование (воспроизведение звучания слов), калькирование (переводческий прием, заключающийся в том, что морфемы, слова или целые словосочетания заменяются их прямыми соответствиями на языке перевода), конкретизацию и генерализацию. В качестве грамматических трансформаций выступают дословный перевод (или синтаксическое уподобление), грамматические замены (замены членов предложения, форм слова, частей речи) и членение предложения. Кроме этого сюда относятся экспликация (описательный перевод), антонимический перевод и компенсация (приём, с помощью

которого производится перевод единиц исходного языка, которые не могут быть выражены теми же средствами в переводном языке). [Комиссаров, 1990, с.253, с.83].

При переводе фразеологизмов основной проблемой является то, что дословный перевод чаще всего является неприемлемым, так как в таком случае теряется образность выражения. Таким образом, прием калькирования при переводе фразеологизмов используется крайне редко, но иногда может оказаться эффективным, когда возникает необходимость передать игру слов оригинала [Демина, 2005, с.476, с.385].

Особо интересным вопросом является вопрос о переводе фразеологизмов, содержащих в себе обозначение цвета. Издавна многочисленные цвета, оттенки, их названия и обозначения являлись для людей отражением окружающего мира. В ходе исторического развития человечества некоторые значения цветов изменились, но их основные понятия и смысловые особенности сохранились в культуре и традициях каждого народа, и, следовательно, отразились в языковых системах. В каждом языке названия даже основных цветов, совпадая в первых значениях, не сходятся в производных и в их фразеологическом использовании. Рассмотрим некоторые примеры:

а) Белый и черный

Отношение к этим двум цветам у европейских народов с давних времен было относительно одинаковым: белый всегда считался символом света, чистоты, справедливости, черный - тьмы, смерти, страха. Эта традиция сохранилась во французском языке, проявившись в идиоматических выражениях, где черный цвет часто связан с мрачным расположением духа, пессимистическим настроением, негативным отношением к чему-либо, а белый - наоборот, с оптимизмом и чистотой в прямом значении [Базыма, 2001, с.87]. Например, прилагательное «черный», характеризую человека и указывая на его отрицательные качества, эмоции или поступки, приобретает отрицательный оттенок, передает пессимистический взгляд на окружающее: *broyer du noir* - предаваться мрачным мыслям, *voir tout en noir* или *avoir des idées noires* - видеть все в черном свете, *manger son pain noir* - проживать тяжелый период.

Черный цвет также считается символом нечестности, тайного, скрытого действия: к примеру, *un marché noir* - черный рынок, *une affaire noire* - подлое дело, *travailler au noir* - тайно работать. Также он связан с понятием страха, ужаса, например, *une série noire* - череда страшных событий, *un film noir* - фильм ужасов.

Белый цвет обычно носит положительную оценку окружающего и в отличие от

черного передает оптимистическое мировосприятие: например, *voir la vie en blanc* - быть оптимистом, *manger son pain blanc* - переживать счастливый период в жизни, *une magie blanche* - белая (светлая) магия. Он также подчеркивает цветовые особенности предмета (к примеру, *être blanc comme un cachet d'aspirine* - быть светлым, незагоревшим, *être blanc comme un linge* - быть бледным, как полотно) или указывает на внутреннюю чистоту (*être blanc comme neige* - быть невиновным).

Белый цвет во французском языке часто принимает значение «пустой, лишенный чего-либо», то есть выражает отсутствие каких-либо элементов. Например, в выражении *passer une nuit blanche* (провести бессонную ночь) цветовой символ указывает на отсутствие сна, в сочетании *c'est un coup blanc* - тщетная попытка - на отсутствие результата.

Черный и белый цвета встречаются также и в устойчивых сочетаниях, основанных на метонимии, то есть переносе свойств одного предмета на другой - цвет части одежды, тела, какой-либо вещи характеризуют человека в целом. Например: *un col blanc* (белый воротник) - служащий, *une canne blanche* (белая трость) - слепой, *les blouses blanches* - медицинский персонал, *une gueule noire* (черное лицо) - шахтер, *homme en noire* (человек в черном) - судья, *les pieds noirs* (черные ноги) - выходцы из Северной Африки. [<http://referatdb.ru/geografiya/10896/index.html>].

б) Красный

Символические значения красного цвета многообразны и противоречивы. С одной стороны, красный символизирует красоту, любовь, радость. С другой, - вражду, месть, войну; красный цвет ассоциируется одновременно с кровью и огнём, жизнью и смертью: *chapeau rouge* - обезглавленный; *travailler dans le rouge* - убивать. Во французском языке красный цвет является составляющей ряда пословиц, например: *Le papier souffre tout et ne rougit de rien* - Бумага всё стерпит.

Красный является основным геральдическим цветом. На знамёнах он символизирует независимость, борьбу, бунт, революцию. В 1832 г. во Франции знамя красного цвета впервые было употреблено как эмблема революционного движения. Так, красный цвет становится символом борьбы за свободу: *bonnet rouge* - красный колпак (о якобинцах); *chemises rouges* - красные рубашки (о гарибальдийцах). [<http://valery-159.narod.ru/pritchi/color.htm>].

в) Жёлтый

Это символ света, цвет золота и осенней поры. В любом языке золото и все золотистые

оттенки имеют положительные коннотации. Золото всегда символизировало свет, благодать, славу, просвещение, мудрость. С другой стороны, жёлтый цвет - символ болезни и смерти. В Европе жёлтый флаг означал карантин, а жёлтый крест - чуму. Кроме того, жёлтый цвет считался цветом предательства. Во Франции двери предателей красили в жёлтый цвет [<http://psyfactor.org/color.htm>].

В русской фразеологии этот цвет ассоциируется с вычурностью: жёлтый, как попугай (о чём-то ярко-жёлтом, кричащем), жёлтый, как лимон, жёлтый, как померанец (о нездоровом цвете лица человека).

Во французском языке мы наблюдаем похожую картину: *les gants jaunes* - щеголи, франты; *jaune comme un citron* - жёлтый, как лимон; *être jaune comme du safran* - быть жёлтого цвета, страдать желтухой; *colère jaune* - яростный гнев, сильное раздражение.

г) Зеленый

Интересны расхождения в значениях русского «зеленый» и французского «vert». Оба прилагательных имеют значение «незрелый», «неспелый», которые сходятся, например, в поговорке *les raisins sont trop verts* - зелен виноград. В дальнейшем в русском языке «неспелый», «незрелый» порождают новый оттенок значения: «неопытный», «новичок»: зеленый юнец - молодой человек, еще не знающий жизни. Но во французском языке «verte jeunesse» не совсем то, что русское зеленая молодежь. В русском выражении упор делается на неопытность, нерассудительность молодых людей, во французском же выражении подчеркивается ранняя молодость, еще не увядшая. Отсюда вытекает следующее значение слова *vert* – полный сил, крепкий, бодрый. Например: *un vieillard encore vert* - бодрый старик, *une verte vieillesse* - бодрая старость, *il est encore vert* - он еще крепок. Далее *vert* - «крепкий» приобретает значение «резкий (о высказываниях)», «игривый»: *être trop vert en paroles* - не стесняться в выражениях. Возможно, что отсюда и идет дорога к *langue verte* «блатной язык» [Гак, 2010, с. 232].

д) Голубой

Голубой цвет и в русской и во французской фразеологии символизирует превосходство происхождения - «голубая кровь», «белая кость» (*sang bleu*), что-то нереальное - «голубая мечта» (*rêve bleu*).

Этот цвет часто используют поэты. Во французской поэзии можно встретить такие фразеологизмы, как *la plaine bleue* (поэт.) - «море»; *Oiseau bleu* - Синяя птица - символ прекрасной мечты, символ счастья. Цветообозначение голубой (синий) во французском языке

часто употребляется в описаниях человеческой внешности для выражения синеватых оттенков цвета кожи, лица озябшего или побледневшего человека, например: être bleu - посинеть (от холода, от гнева); se faire un bleu - посадить синяк; avoir des bleus à l'âme - ранить (себе) душу. [<http://cyberleninka.ru/article/n/semantika-tsvetooboznacheniya-bleu-azul-vo-frantsuzskom-i-ispanskom-yazykah-universalnoe-i-natsionalnoe>].

Частота использования голубого цвета во фразеологии связана в первую очередь с преобладанием голубого (синего) цвета в окружающей среде: вода, небо. Например: homme de bleu – моряк; la plaine bleue – море; être dans les bleu - витать в облаках.

е) Розовый

Чаще всего розовый цвет используется в словосочетаниях, с помощью которых можно выразить невинность, беззаботность: bonbon rose - легкомысленное существо, voir tout en rose - видеть все в розовом цвете.

Но существует также выражение voir voler des éléphants roses, что значит «сильно напиться». В русском языке похожим является словосочетание «напиться до зеленого змия».

Таким образом, восприятие цвета является отражением национального своеобразия, так как жизнь и быт, нравы и обычаи у каждого народа свои. Знание национальных особенностей восприятия цвета помогает облегчить общение на международном уровне. Что касается проблемы перевода французских образных сочетаний на русский язык, то она не исчерпывается оттачиванием навыка работы со словарем. Чтобы найти адекватное соответствие тому или иному фразеологизму, необходимо четко представлять себе внеязыковую ситуацию, которая привела к конкретному семантическому переосмыслению.

Список литературы:

- Базыма Б.А.* Психология цвета: теория и практика; Изд:Речь, 2005
Балли Ш. Французская стилистика/Ш. Балли.-2-е изд.,стереотипное.-М.: Эдиториал УРСС, 1961
Виноградов В.В. Русский язык. – М.: Наука, 1972
Гак В.Г. Беседы о французском слове.- Международные отношения, 2010
Демина Т.С. Англо-русский иллюстрированный словарь фразеологизмов. - М, 2005
Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты).- М. Высшая школа, 1990
Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. – М.: Международные отношения, 1974
Федоров А.В. Основы общей теории перевода. - М: Высшая школа, 1968
Чекалина Е.М. Лексикография французского языка: Учеб. пособие. - СПб.: Издат. дом С.-Петербур. ун-

та, 2007

Чуковский К.И. Высокое искусство М: Сов писатель, 1968

Новый большой французско-русский фразеологический словарь под редакцией В.Г. Гака.- М; Русский язык медиа, 2006

Электронные ресурсы:

www.wikipedia.ru

<http://referatdb.ru/geografiya/10896/index.html>

<http://valery-159.narod.ru/pritchi/color.htm>

<http://psyfactor.org/color.htm>

<http://cyberleninka.ru/article/n/semantika-tsvetooboznacheniya-bleu-azul-vo-frantsuzskom-i-ispanskom-yazykah-universalnoe-i-natsionalnoe>

Лаврентьева Е.С.
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Lavrentyeva Ekaterina
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

*КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНОВ С
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ*

*COGNITIVE AND PRAGMATIC ASPECTS OF ADVERTISING SLOGANS TRANSLATION FROM
ENGLISH INTO RUSSIAN*

В статье рассматривается проблема перевода корпоративных слоганов коммерческой рекламы, оказывающих воздействие на сознание аудитории. Изучаются процессы надления объектов рекламирования дополнительным символическим содержанием для осуществления имиджевой коммуникации. Наличие конкретной прагматической цели обуславливает широкое использование средств языковой выразительности на всех уровнях организации рекламного текста, создавая необходимость в поиске адекватных способов перевода рекламных посланий. В работе определяются доминанты перевода рекламного текста, предлагаются методы перевода англоязычных слоганов автомобильных компаний для русскоязычной аудитории.

The article focuses on the problem of corporate slogans translation which exert influence on the audience. The significant attention is paid to processes of conveying an additional symbolic meaning to promotional items so as to establish an image-based communication. The pragmatic aim of the addresser induces the high use of expressive means of the language at all levels of an advertising text stressing the need to find adequate ways of translation in the domain of advertising. In the current work we define means that ensure the invariant character of the target text and propose ways of car brand slogans translation from English into Russian language.

Ключевые слова: коммерческая реклама; речевое воздействие; прагматика; слоган.

Key words: commercial advertising; language persuasion; pragmatics; slogan.

С развитием российского рынка становится необыкновенно востребованной такая переводческая услуга, как перевод рекламных текстов и их важнейшей составляющей - слоганов. Толкуя рекламу вслед за А. Дейян как "платное, однонаправленное и неличное общение, осуществляемое через средства массовой информации и другие виды связи, агитирующие в пользу какого-либо товара, марки, фирмы (кандидата, производства)" [Дейян,

1993. с.9], мы считаем необходимым дополнить это определение представлением о специфике воздействия в рекламной коммуникации. Коммуникация в сфере рекламы направлена на убеждение адресата в преимуществах рекламируемых товара или услуги, ставя своей целью не только побуждение потребителя к совершению покупки, но и изменение его установок и взглядов.

Примечательно, что реклама товаров класса люкс может опираться не столько на продвижение объекта рекламирования, сколько на рекламу образа жизни, который ведут обладатели товара/услуги, стремясь увлечь этим описанием потенциального покупателя. Кроме того, если реклама товаров направлена на непосредственное стимулирование сбыта, то корпоративная реклама ставит своей целью формирование положительного отношения к объекту рекламы (к самой организации или к одному из её брендов). Иными словами, зачастую речь идет об имиджевой коммуникации, которая выделяется особенно отчетливо в слоганах фирм и компаний, кратко формулируя их кредо. Наряду с заголовком, основным рекламным текстом и эхо-фразой⁸⁶, слоган представляет собой важную часть рекламного текста, выступая в качестве "рекламного девиза/лозунга", "образного, эмоционального словесного выражения предложения фирмы или какой-либо организации общественности" [Ильинский, 2006, с. 363].

Имиджевая коммуникация в рекламе непосредственно связана с созданием определенного образа товара/услуги/компании/торговой марки, при котором происходит наделение объекта рекламы символическим смыслом. Е.В. Медведева справедливо отмечает стремление рекламистов наделить товар дополнительными психологическими ценностями, ведь "имидж приобретаемого товара в представлении потребителя закрепляет за ним принадлежность к той социальной группе, с которой тот хотел бы себя идентифицировать" [Медведева, 2008, с. 79]. Данные процессы отмечает и Г.Г. Почепцов, указывая на то, что адресант рекламы занимается перекодировкой вербальных сообщений в невербальные. Во время этого процесса адресант опирается на универсальные структуры восприятия, затрагивающие концепты "жизнь", "страх" и т.д.⁸⁷ В частности, исследователь указывает, что явление физического порядка зачастую перекодируется в рекламе в решение проблемы социальной. Так, жевательная резинка или прохладительные напитки могут преподноситься как способ интеграции в среду молодых и привлекательных людей. В целом, рекламная

⁸⁶ Наиболее традиционным считается представление о четырехчастной структуре рекламного текста. См.: Кафтанджиев Х. Тексты печатной рекламы. - М.: Смысл, 1995. — 73 с. ;Медведева Е.В. Рекламная коммуникация. - М.: Издательство ЛКИ, 2008. - 280 с.

⁸⁷ См. подробнее: Почепцов Г.Г. Теория коммуникации - М.: «Рефл-бук», 2001. - 656 с.

коммуникация ориентирована на продвижение товаров и услуг на рынке, преследуя преимущественно экономическую цель (обеспечение прибыли от продажи товаров и услуг) при провозглашении целей социального характера (создание комфорта для потребителей, удовлетворение жизненных потребностей, улучшение качества жизни, повышение социального статуса). Перевод рекламного послания должен ориентироваться на сохранение данной прагматической цели при воспроизведении языковых средств, обеспечивающих её достижение.

К языковому своеобразию слоганов мы относим использование средств языковой выразительности, а также семантическую компрессию, обуславливающую наличие имплицитных смыслов и плюральность интерпретаций⁸⁸. В качестве приёмов рекламного воздействия в англоязычной рекламе Ф. Джефкинс указывает использование клише, действенных слов (глаголов в повелительном наклонении, эмоционально воздействующих слов, разговорных выражений, аллитерации, стилистических повторов, а также обыгрывание пунктуации и грамматики [Джефкинс, 2008, с. 269-275]. Предложенную классификацию уместно дополнить фонетическими (ассонанс, рифма, ритм и т.д.) и стилистическими приёмами (метафора, противопоставление, игра слов, использование пословиц и поговорок, аллюзия, включение иноязычных заимствований). Стоит отметить, что данные средства выразительности характерны и для русскоязычной рекламы.

Речевое воздействие в коммерческой рекламе выражается с помощью имплицитных и эксплицитных оценочных суждений. Товар или услуга становятся объектом положительной оценки, которая выдвигается в расчете на актуализацию у адресата послания определенных физических, психологических или социальных потребностей.

Рассматривая частнооценочные значения, Н.Д. Арутюнова выделяет следующие три группы: 1) сенсорные оценки (оценки, связанные с физическим и психическим чувственным опытом); 2) эстетические и этические оценки (т.н. сублимированные оценки); 3) рационалистические оценки (оценки, связанные с практической деятельностью и практическими интересами человека, где в качестве критериев выступают выполнение некоторой функции, соответствие стандарту, приносимая польза, направленность на достижение определенной цели) [Арутюнова, 1988, с. 75-77].

На основе анализа 88 корпоративных слоганов 45 торговых марок автомобилей мы предприняли попытку выделить концепты в составе структуры слогана, оформляющие

⁸⁸См. напр.: Шокина А.Б. Языковая компрессия в рекламном тексте: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.01.10 / Шокина Александра Борисовна; МГУ им. М. В. Ломоносова. - Москва: 2008. - 22 с.

сенсорные, рационалистические и эстетические оценки. Наиболее характерными для слоганов автомобильной рекламы оказались следующие концепты: "новизна", "уникальность", "любовь", "передовые технологии", "жизнь", "воображение", "роскошь", "движение", "страсть", "мощь", "красота", "мышление", "обладание", "производительность", "удивление", "наслаждение", "превосходство", "чувство", "опыт", "желание", "свобода", "стандарт", "настоящий", "другой", "долговечность", "управление". Частотность данных концептов представлена с учетом того, что в одном слогане могут встречаться сразу несколько концептов (см.табл. 1). Для определения выражаемой оценки было осуществлено подразделение концептов на три группы в соответствии с преобладанием сенсорной, рационалистической или эстетической оценки (см. табл. 2). В слогане, включающем сразу несколько концептов, определялась ключевая направленность: в слогане Peugeot "Livethepleasure" содержатся концепты "жизнь" и "наслаждение", которые служат выражением единой оценки - сенсорной. Случаев столкновения оценок из разных групп в одном слогане не было обнаружено.

Табл. 1. Частотность концептов в рекламе торговых марок автомобилей

Концепт	Частотность
Воображение	10%
Движение	4%
Долговечность	1%
Другой	2%
Желание	1%
Жизнь	5%
Красота	2%
Любовь	5%
Мощь	3%
Мышление	4%
Наслаждение	4%
Настоящий	2%
Новизна	3%
Обладание	7%
Опыт	1%
Передовые технологии	3%
Превосходство	8%
Производительность	3%
Роскошь	3%
Свобода	4%
Стандарт	4%

Страсть	1%
Удивление	3%
Уникальность	4%
Управление	12%
Чувства	4%

Табл. 2. Статистические показатели частотности оценок

Сенсорные оценки	Эстетические оценки	Рационалистические оценки
64%	21%	15%

Данная классификация представляет определенный интерес в силу того, что речевое воздействие в коммерческой рекламе неразрывно связано с поиском мишеней для оказания влияния на мышление адресата и на его чувства. Как правило, в качестве мишеней используются базовые потребности согласно классификации А. Маслоу (физиологические потребности, потребность в безопасности, социальные потребности, потребности, связанные с самореализацией и получением признания)⁸⁹. Рационалистические оценки служат для убеждения аудитории в преимуществах товара посредством аргументации в пользу практической пользы объекта рекламирования (здесь проводится опора на концепты "передовые технологии", "производительность", "долговечность"). Эстетические оценки рассчитаны на оказание воздействия на адресата с помощью внушения идеи о том, что товар является произведением искусства, следовательно, обладает атрибутами "настоящий" и "уникальный". Также актуализируются такие качества, как "красота" и "превосходство". Сенсорные оценки образуют наиболее обширную группу, описывая физические ощущения ("движение", "управление"), чувства ("любовь", "наслаждение", "желание"), психические процессы ("мышление", "воображение") и переживания ("свобода", "обладание"). Опора на сенсорные оценки позволяет рекламисту апеллировать к чувствам адресата, к его эмоциональным потребностям. В то время, как сенсорные оценки направлены на акцентирование у адресата социальных потребностей и потребностей, связанных с самореализацией, эстетические оценки вызывают у аудитории стремление получить признание. Рационалистические оценки в большей степени связаны с эксплуатацией потребности в безопасности, но такие элементы, как "передовые технологии" также могут затрагивать поиски признания.

⁸⁹См. подробнее: А.Г. Маслоу. Мотивация и личность. - СПб, 1999. - 181 с.

Представляется уместным трактовать цель коммуникации вслед за В.Н. Комиссаровым как "объективную направленность высказывания, возникающую при определенной совокупности языковых средств" [Комиссаров, 2013, с. 62]. Жанрово-стилистическая норма произведения задает необходимый уровень эквивалентности и основную функцию высказывания, способствуя определению степени адекватности переводного текста оригинальному произведению. Так, если при переводе художественного текста важную роль будет играть передача литературных достоинств произведения, при переводе техническом - терминологическая верность, то при переводе рекламы - действенность текста. Переводчик определяет коммуникативную интенцию автора на основе функциональных доминант текста оригинала и прилагает усилия для достижения в переводе коммуникативного эффекта, соответствующего данной интенции. При необходимости переводчик допускает сдвиги в референциальном содержании ради передачи функций лексических и стилистических средств. Замена одного экспрессивного приема другим также не нарушает общность смыслового содержания текста, если при этом сохраняется функциональная эквивалентность.

При составлении классификации доминант перевода в рекламном послании И.С. Алексеева замечает: "Среди доминант перевода рекламного текста приоритетное положение занимает лексика, оформляющая когнитивную информацию. (...) Остальные черты перевода равноправны, но большее внимание при переводе уделяется тем, которые служат дополнительными средствами выделения и усиления когнитивных компонентов" [Алексеева, 2001, с. 67]. Среди средств выделения и усиления когнитивных компонентов текста выделяются эмоционально-оценочная лексика с семантикой положительной оценки, средства выражения гиперболы положительной оценки, иностранные слова, обороты речи и цитаты, специфика синтаксиса, повторы всех уровней, игра слов, метафоры и стилистически окрашенная лексика. Иными словами, когнитивная информация обладает первостепенным значением, давая потребителю представление о компании и предлагаемом товаре, однако, именно синтаксические и лексико-стилистические средства экспрессии оказывают на аудиторию воздействие, выступая в качестве способов усиления когнитивной информации. Таким образом, передача имиджевого послания предполагает сохранение в переводе семантики концептов с положительной коннотацией, призванных создавать привлекательный образ компании, и воспроизведение средств экспрессии, делающих данный образ запоминающимся и притягательным.

Приёмы перевода корпоративных слоганов автомобильных компаний можно разделить на три группы в соответствии с критерием сохранения в переводе концепта: сохранение концепта, потеря концепта, добавление нового концепты. Рассмотрим некоторые примеры:

1) (сохранение концепта)

Hyundai - Newthinking. Newpossibilities. "Новое мышление. Новые возможности".

В переводе сохранены семы "мышление" и "возможности", а также воспроизведена синтаксическая структура оригинала и лексический повтор.

Fiat - Driven by passion. "Управляемый страстью".

В переводе воспроизведен концепт "страсть", а третья форма смыслового глагола (v3) переводится причастием, что можно признать эквивалентным.

Ford - Feel the difference. "Почувствуй разницу".

Концепты "чувство" и "другой" присутствуют и в оригинале, и в переводе.

Subaru - Think. Feel. Drive. "Мыслить. Чувствовать. Управлять".

В переводе сохранены концепты "мышление", "чувство" и "управление", но тон предложения изменен с побудительного на повествовательный. Отсутствие в переводе обращения к читателю нарушает адекватность перевода.

2) (потеря концепта)

Kia - The Power to Surprise. "Искусство удивлять".

Концепт "мощь" не воспроизведен в переводе, но это не сказалось на воздействующем потенциале высказывания благодаря акцентуации в послании эстетической ценности рекламируемого товара.

Lexus - The Passionate Pursuit of Perfection. "Стремление к совершенству".

В переводе не передан концепт "страсть", который участвует в создании анафоры, несмотря на то, что есть возможности воспроизвести этот приём - "Страстное стремление к совершенству".

Peugeot - Livethepleasure. "Создан для удовольствия".

Концепт "жизнь", присутствующий в оригинальном послании не передан в переводе. Однако наибольшей смысловой ошибкой является непонимание того, что в рекламном послании сам товар преподносится как "удовольствие", а призыв дословно гласит: "Проживи удовольствие". Смена побудительной интонации на повествовательную вкупе с

предпочтением более шаблонного высказывания не способствует сохранению оригинальности слогана.

3) добавление нового концепта

Nissan - Shiftexpectations. "Превосходя ожидания".

Дословный перевод английского высказывания означает "подними планку ожиданий". Предложенный перевод нельзя признать эквивалентным в силу того, что добавлен новый концепт ("превосходство"), а тон предложения изменен с побудительного, предполагающего обращение к читателю, на повествовательный.

Подводя итоги, стоит отметить, что корпоративные слоганы автомобильных компаний представляют собой имиджевую коммуникацию, которая наделяет объекты рекламирования дополнительным символическим содержанием. Сохранение в переводе прагматической цели послания должно опираться на поиск и передачу ключевых концептов оригинального послания, играющих ведущую роль в самоидентификации компании. Потеря концепта становится оправданной при сохранении ведущего концепта и замене утраченного языковым элементом, придающим объекту рекламирования дополнительную (эмоциональную, эстетическую, рационалистическую) ценность. Добавление нового концепта в переводе является рискованным предприятием, требуя от переводчика полного сохранения экспрессивной эквивалентности. Анализ примеров показал, что англоязычные слоганы с побудительной интонацией при переводе на русский язык передаются безличными конструкциями с повествовательным тоном. Для русских аналогов иностранных слоганов в меньшей степени характерно прямое обращение к адресату. Средства лексической и синтаксической выразительности оригинала не всегда адекватно передаются для российской аудитории. Внимание к указанным переводческим недочетам позволит сохранить прагматическую направленность корпоративного слогана в коммерческой рекламе.

Список литературы

Алексеева И.С. Профессиональный тренинг переводчика: Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей /И. С. Алексеева. – СПб.: Изд-во «Союз», 2001. – 288 с.

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт.М.: Наука, 1988. - 341с.

Дейян А. Реклама. – М.: Прогресс, 1993. - 176 с.

Джефкинс Ф. Реклама. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. - 543 с.

Ильинский С.В. Общественные связи. Реклама. Маркетинг. Нейро-лингвистическое программирование. (Оперативный словарь-справочник /С. В. Ильинский. —М.: АСТ: Восток — Запад, 2006. — 479 с.

Кафтанджиев Х. Тексты печатной рекламы (основные компоненты рекламы: слоган, заголовок, основной рекламный текст, эхо-фраза). - М.: Смысл, 1995. — 73 с.

Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. - М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2013. - 176 с.

Медведева Е.В. Рекламная коммуникация. - М.: Издательство ЛКИ, 2008. - 280 с.

Textart.ru. База слоганов [Электронный ресурс] / База слоганов: имиджевые корпоративные слоганы - автомобили. Режим доступа: <http://www.textart.ru/baza/slogan/avto-korp.html>

Textart.ru. Database of slogans [Электронный ресурс] / Car brand advertising slogans. Режим доступа: <http://www.textart.ru/database/slogan/4-car-brand-advertising-slogans.htm>

Леоненкова Е.Д.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Leonenkova Ekaterina
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

*ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА ЛЕКСИКИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ЕДА»
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ М. А. БУЛГАКОВА «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ» И ЕЕ
РАЗНОВРЕМЕННЫЕ ПЕРЕВОДЫ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК)*

*PRAGMATIC ASPECT OF LEXICAL UNITS WITHIN THE SEMANTIC FIELD "FOOD" (A STUDY
OF THE ASYNCHRONICAL TRANSLATIONS OF NOVEL "HEART OF A DOG" BY M.
BULGAKOV INTO ENGLISH)*

Тема «Еда» в произведениях М. А. Булгакова играет существенную роль: с помощью лексем данного семантического поля автор отражает быт и нравы современного ему общества, социальное положение персонажей, их взаимоотношения, уровень культуры и образования и т.д. В данной статье рассматривается прагматический аспект перевода лексики семантического поля «Еда» на материале повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» и ее разновременные переводы на английский язык (Майкл Гленни – 1968 г., Аврил Пайман – 1990 г.). Были проанализированы и кратко описаны наиболее интересные отрывки повести. Важной особенностью текста является то, что большинство слов и выражений данной тематики не являются стилистически нейтральными. В работе показано, что в переводах зачастую теряется необходимый прагматический аспект, что ограничивает полное восприятие исходного текста. Однако переводные тексты могут служить надежным источником культурологической информации.

Topic "Food" is one of the most significant topics in the works by Mikhail Bulgakov. Using lexical items of this semantic field the author shows the living conditions, customs of contemporary society, social position of characters, their relationships, cultural and educational levels, etc. The present article deals with the pragmatic aspect of lexical units within the semantic field "food" based on the asynchronical translations of novel "Heart of a Dog" by M. Bulgakov into English (Michael Glenney – 1968, Avril Pyman – 1990). The most interesting extracts of the novel are analyzed and shortly described. One of the peculiar features of the novel is the usage of connotative words. The article proves that the words and expressions in the translated text have lost their pragmatic aspect, which limits the full understanding of the original text. However, the translations can be a trustworthy source of culture-bound information.

Ключевые слова: прагматика перевода, разновременные переводы, семантическое поле.

Key words: pragmatic aspect, asynchronical translations, semantic field.

*«Еда, Иван Арнольдович, штука хитрая.
Есть нужно уметь, и, представьте, большинство людей вовсе есть не умеет.
Нужно не только знать – что есть, но и когда и как!»
М. А. Булгаков «Собачье сердце»*

Перевод является одним из самых непростых видов человеческой деятельности, который используется не только для передачи информации с одной языковой системы на другую, но и для сопоставления различных культур.

При переводе прагматический фактор играет важную роль: он определяет «не только способ реализации процесса перевода, но и сам объем передаваемой в переводе информации» [Вагапова, 2006, с. 56]. Зачастую из-за асимметрии языковых картин мира и отсутствия достаточных лингвострановедческих знаний в переводах стирается необходимый прагматический аспект, что ограничивает полное восприятие исходного текста. Особое внимание также следует уделить и разновременным переводам одного и того же художественного произведения: по ним можно судить о том, как со временем менялось понимание реалий другой культуры, а также способы их передачи.

В данной работе рассматриваются два разновременных перевода повести «Собачье сердце» на английский язык.

Майкл Гленни (англ. Michael Glenney, 1927-1990 гг.) – преподаватель русистики, знаменитый переводчик русской литературы на английский язык. Широкую известность он получил благодаря переводу романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» в 1967 году. Годом позже Майкл Гленни опубликовал перевод «Собачьего сердца».

Аврил Пайман (англ. Avril Ruman, родилась в 1930 г.) – выдающийся английский ученый в области истории русской литературы. Она является экспертом литературы «Серебряного века». Одной из ее фундаментальных работ считается «История русского символизма» (1994 г). В 1990 году в свет вышел ее перевод «Собачьего сердца».

Прием пищи (в широком понимании) занимает особое место в произведениях М. А. Булгакова, и повесть «Собачье сердце» не является исключением. С помощью слов данного лексико-семантического поля автор отражает быт и нравы современного ему общества, социальное положение персонажей, их взаимоотношения и т.д. Именно с размышлений о еде начинается сама повесть.

Важно отметить, что в «Собачьем сердце» большинство слов и выражений данного лексико-семантического поля не являются стилистически нейтральными: в тексте очень

часто встречаются стилистически окрашенные глаголы, которые в русском языке имеют разные стилистические значения и могут употребляться как по отношению к животному, так и к человеку.

Собачье сердце: повести / Михаил Булгаков. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014	The Heart of a Dog Mikhail Bulgakov, From the archive section of The Master and Margarita. Translated by Michael Glenny, 1968	The Heart of a Dog by Mikhail Bulgakov. Translated by Avril Pyman. English translation copyright Raduga Publishers Moscow, 1990
Летом можно смотаться в Сокольники, там есть особенная очень хорошая трава, и, кроме того, <i>нажрешься</i> бесплатно колбасных головок, бумаги жирной набросают граждане, <i>налижешься</i> (курсив мой – Л. Е.). (глава 1, с. 144)	In summer you can go and roll in Sokolniki Park where there's a special grass that does you good. Besides, you <i>can get a free meal</i> of sausage ends and there's plenty of greasy bits of food-wrappings <i>to lick</i> (курсив мой – Л. Е.). (chapter 1, p. 2)	In summer you can sneak off to Sokolniki Park, there's a special kind of grass there, very good for you, and apart from that <i>you can stuff yourself</i> for free <i>with salami-ends</i> and <i>lick</i> your fill from the greasy paper folk scatter about (курсив мой – Л. Е.). (chapter 1, p. 1)

В приведенном примере нам встречаются глаголы «нажраться» и «налижаться». Данные слова являются просторечными; они имеют следующие значения в русском языке: *нажраться* (курсив мой – Л. Е.) – наестся (о животных; грубо: о человеке) [Энциклопедический словарь, 2009];

налижаться (курсив мой – Л. Е.) – 1. полизать вдоволь (разг.); 2. напиться (просторечие, с неодобрением) [Толковый словарь Ожегова, 1949-1992].

Можно отметить, что автор использует данные лексемы для того, чтобы показать «количество» потребляемой еды (не поест, а именно нажраться; не выпить, а налижаться) и «социальное положение» Шарика.

Майкл Гленни использует стилистически нейтральные слова и выражения – «to get a free meal», «to lick».

Аврил Пайман пытается передать глагол «нажраться» разговорным выражением «to stuff yourself with smth.», которое можно перевести как «съесть слишком много еды» (перевод мой – Л. Е.) [Oxford Advanced Learner's Dictionary, 2010], что является оправданной заменой; для слова «налижаться» используется все тот же стилистически нейтральный глагол «to lick».

Собачье сердце: повести/ Михаил Булгаков. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014	The Heart of a Dog Mikhail Bulgakov, From the archive section of The Master and Margarita. Translated by Michael Glenny, 1968	The Heart of a Dog by Mikhail Bulgakov. Translated by Avril Pyman. English translation copyright Raduga Publishers Moscow, 1990
Сволочи эти французы, между нами говоря. Хоть и <i>лопают</i> богато, да и все с красным вином. Да... (курсив мой – Л. Е.) (глава 1, 145)	They're a lot of bastards, those Frenchmen, if you ask me - though they know how <i>to stuff</i> <i>their guts all right</i> , and red wine with everything (курсив мой – Л. Е.). (chapter 1, p. 2)	Nasty bits of work, those Frenchmen, between you and me. Even if they <i>do eat well</i> , and everything with red wine. (курсив мой – Л. Е.) (chapter 1, p. 2)

Глагол «лопать» означает «есть, принимать пищу» [Толковый словарь Ожегова, 1949-1992]. Майкл Гленни в своем переводе употребляет выражение «to stuff one's guts all right», которое дословно можно перевести «набить кишки как следует» (перевод мой – Л. Е.). Ни один из английских словарей не содержит данное словосочетание, поэтому мы можем говорить о том, что для передачи прагматического аспекта глагола «лопать» переводчик использует своего рода описательный оборот.

Аврил Пайман прибегает к другому способу перевода – эмфатической конструкции с усилительным «do» и стилистически нейтральным глаголом «to eat».

В тексте повести можно также встретить такие стилистически окрашенные глаголы, как «жрать» - жадно есть (о животных; о человеке также то же, что и есть, перен.) [Толковый словарь Ожегова, 1949-1992]; «лакать» - пить спиртное [Словарь русского арго, 2002]; «обожрать» - (грубо) съев много, причинить кому-либо ущерб [Энциклопедический словарь, 2009]; «харчеваться» - (разг.) питаться [Энциклопедический словарь, 2009].

Помимо глаголов, значение которых в той или иной степени связано с темой «Еда», в тексте можно встретить слова, входящие в данное лексико-семантическое поле, но имеющие совершенно иной смысл.

Собачье сердце: повести/ Михаил Булгаков. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014	The Heart of a Dog Mikhail Bulgakov, From the archive section of The Master and Margarita. Translated by Michael Glenny, 1968	The Heart of a Dog by Mikhail Bulgakov. Translated by Avril Pyman. English translation copyright Raduga Publishers Moscow, 1990
Не били вас в зад сапогом? Били. Кирпичом по ребрам получали? <i>Кушано</i> достаточно. (курсив мой – Л. Е.) (глава 1, с. 144)	Haven't I been kicked around enough? Sure I have. Haven't I had enough bricks thrown at me? <i>Plenty . . .</i> (курсив мой – Л. Е.) (chapter 1, p. 2)	Have you been booted up the rump? You have. Have you had your ribs dented by bricks? <i>Often enough.</i> (курсив мой – Л. Е.) (chapter 1, p. 1)

Глагол «кушать» является вежливой формой при приглашении других к еде [Толковый словарь Ожегова, 1949-1992]. Однако в данном фрагменте он приобретает новое значение – «пережить», «испытать». Для передачи этого глагола используются близкие по смыслу слова и выражения – «plenty», «often enough».

Собачье сердце: повести/ Михаил Булгаков. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014	The Heart of a Dog Mikhail Bulgakov, From the archive section of The Master and Margarita. Translated by Michael Glenny, 1968	The Heart of a Dog by Mikhail Bulgakov. Translated by Avril Pyman. English translation copyright Raduga Publishers Moscow, 1990
Уважает [швейцар], господа, до чего же уважает! Ну-с, а я с ним и за ним. Что, тронул? <i>Выкуси.</i> (курсив мой – Л. Е.) (глава 1, с. 150)	That's how it should be, too. Knows his place. Yes, I'm with this gentleman, so you can keep your hands to yourself. What's that - did he make a move? <i>Bite him.</i> (курсив мой – Л. Е.) (chapter 1, p. 4)	He's full of respect, gentlemen, and such respect! All right then, I am with him and following him. See? <i>Put that in your pipe and smoke it.</i> (курсив мой – Л. Е.) (chapter 1, p. 5)

Просторечие «выкуси» означает «отпор чьим-либо притязаниям», «резкий отказ в требовании чего-либо» [Энциклопедический словарь, 2009]. Выражения, используемые в обоих переводах, имеют тот же стиль и смысл.

Помимо стилистически окрашенных глаголов автор часто использует фразеологизмы и пословицы, относящиеся к лексико-семантическому полю «Еда».

Собачьё сердце: повести/ Михаил Булгаков. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014	The Heart of a Dog Mikhail Bulgakov, From the archive section of The Master and Margarita. Translated by Michael Glenny, 1968	The Heart of a Dog by Mikhail Bulgakov. Translated by Avril Pyman. English translation copyright Raduga Publishers Moscow, 1990
Пса в столовой прикармливаете, - раздался женский голос, - а потом <i>его</i> <i>отсюда калачом не</i> <i>выманишь.</i> (курсив мой – Л. Е.) (глава 3, с. 171)	If you feed a dog at table,' said a woman's voice, ' <i>you won't get</i> <i>him out of here afterwards for</i> <i>love or money.</i> (курсив мой – Л. Е.) (chapter 3, p. 12)	"If you're going to feed that dog in the dining room," a woman's voice sounded, " <i>you'll never get him out</i> <i>again not for love nor money.</i> " (курсив мой – Л. Е.) (chapter 3, p. 18)

В данном примере автор использует сокращенный вариант русской поговорки «лозую в могилу не вгонишь, а калачом не выманишь». В обоих переводах этого отрывка переводчики употребляют выражение «for love nor money» в значение «ни за что на свете» (перевод мой – Л. Е.) [Oxford Advanced Learner's Dictionary, 2010]. По смыслу данная идиома соответствует значению в русском языке.

Собачьё сердце: повести/ Михаил Булгаков. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014	The Heart of a Dog Mikhail Bulgakov, From the archive section of The Master and Margarita. Translated by Michael Glenny, 1968	The Heart of a Dog by Mikhail Bulgakov. Translated by Avril Pyman. English translation copyright Raduga Publishers Moscow, 1990
Пропал Калабуховский дом. Придется уезжать, но куда, спрашивается? Все будет как по маслу... (курсив мой – Л. Е.) (глава 3, с. 172)	Well, this is the end of this house. I'll have to go away -but where to? I can see exactly what'll happen... (курсив мой – Л. Е.) (chapter 3, p. 12)	Well, I suppose now it's really got under way and the house of Kalabukhov is lost indeed. I'll have to go, but the question is: where to? Everything will go now. (курсив мой – Л. Е.) (chapter 3, p. 19)

Фразеологизм «все будет как по маслу» означает «без затруднений, легко и свободно» [Фразеологический словарь русского литературного языка, 2008]. В обоих переводах используется описательный оборот с употреблением глагола в будущем времени.

Собачье сердце: повести/ Михаил Булгаков. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014	The Heart of a Dog Mikhail Bulgakov, From the archive section of The Master and Margarita. Translated by Michael Glenny, 1968	The Heart of a Dog by Mikhail Bulgakov. Translated by Avril Pyman. English translation copyright Raduga Publishers Moscow, 1990
На учет возьмусь, а воевать - шиш с маслом, - неприязненно ответил Шариков, поправляя бант. (курсив мой – Л. Е.) (глава 6, с. 210)	'I'll register, but I'm damned if I'm going to fight,' answered Sharikov nonchalantly, straightening his tie. (курсив мой – Л. Е.) (chapter 5, p. 26)	"I'll register for the reserve all right, but as to going to war — you can stuff that one," replied Sharikov, straightening his tie. (курсив мой – Л. Е.) (chapter 6, p. 43)

«Шиш с маслом» - (прост. ирон.) выражение категорического отказа, возражения и т.п. [Фразеологический словарь русского литературного языка, 2008]. Оба переводчика используют разговорные идиомы - «I'm damned if...», «you etc can stuff smth», - которые по значению и стилю полностью соответствуют приведенному выше фразеологизму [Oxford Advanced Learner's Dictionary, 2010].

«Собачье сердце» - сатирическая повесть, описывающая общественное положение в России в 20-е годы XX века. Почти все герои в той или иной степени высмеиваются автором: начиная от низших слоев советского общества (Шариков и его «генетический предок» Клим Чугункин) и заканчивая представителями интеллигенции (профессор Преображенский, доктор Борменталь).

Тема «Еда» в повести «Собачье сердце» играет значительную роль: через описание трапезы, предметные реалии Булгаков раскрывает характер и нравы героев, их отношение к окружающему миру, социальным изменениям и т. д. Именно поэтому в тексте так часто встречаются слова и выражения данного лексико-семантического поля.

Несмотря на то, что зачастую значение переводимых слов и выражений лексико-семантического поля «Еда» на английский язык совпадают, нельзя не отметить то, что почти всегда прагматический аспект этих лексем утрачивается. Автор намеренно подбирает самые разнообразные лексемы данного семантического поля, чтобы показать свое отношение к современному ему обществу, состоянию культуры, быта и нравов человека и мира в сложную переходную эпоху. Изобилие просторечных и даже грубых слов и выражений дает нам представление о том, каким был уровень жизни и образования в те времена.

Однако в данных переводах, как уже отмечается выше, зачастую прагматический фактор отсутствует: из-за несовпадения языковых картин мира переводчики нередко используют стилистически нейтральные слова и выражения, которые не относятся к данному лексико-семантическому полю. Нельзя отрицать то, что Майкл Гленни и Аврил Пайман в большинстве случаев смогли передать реалии советского общества того времени, но им все же не удалось в полной мере показать отношение автора к своим героям, раскрыть их социальное положение, уровень культуры и образования.

Список литературы:

Булгаков М. А. «Собачье сердце: повести» / СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014.

Ваганова Л. Л. «Прагматический аспект перевода» [Электронный ресурс]/ Журнал «Труды Псковского политехнического университета» №10.1, Псков, 2006. – Режим доступа:

<http://pskgu.ru/projects/pgu/storage/wt/wt101.html>

Словарь русского арго [Электронный ресурс]/В. С. Елистратов - 2002. – Режим доступа:

http://russian_argo.academic.ru/

Толковый словарь Ожегова/С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова [Электронный ресурс] -1949-1992. - Режим доступа: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/>

Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]/М.: АСТ. А. И. Федоров. 2008. Режим доступа: <http://phraseology.academic.ru/>

Энциклопедический словарь [Электронный ресурс] - 2009. – Режим доступа:

<http://dic.academic.ru/contents.nsf/es/>

The Heart of a Dog Mikhail Bulgakov, From the archive section of The Master and Margarita. Translated by Michael Glenny [Электронный ресурс] – 1968. – Режим доступа:

<http://www.masterandmargarita.eu/archieven/tekstenbulgakov/heartdog.pdf>

The Heart of a Dog by Mikhail Bulgakov. Translated by Avril Pyman. English translation copyright Raduga Publishers Moscow [Электронный ресурс] – 1990. - <http://www.arvindguptatoys.com/arvindgupta/29r.pdf>

Oxford advanced learner's dictionary/ A S Hornby – eighth edition. – Oxford University Press, 2010.

Ресурсы удаленного доступа (INTERNET):

http://en.wikipedia.org/wiki/Michael_Glenny

<http://www.bloomsbury.com/author/avril-pyman-38463>

Манукова О.В.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Manukova OXana
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

О ТРУДНОСТЯХ ПЕРЕВОДА МЕДИЦИНСКИХ ТЕКСТОВ

DIFFICULTIES IN TRANSLATION OF MEDICAL TEXTS

Статья посвящена изучению различных типов ошибок при переводе медицинских текстов с английского языка на русский и, как следствие, связанных с ними трудностей. Рассматриваются основные группы терминов и подробно анализируются некоторые варианты перевода из научной медицинской литературы, историй болезни и словарных статей. В конце предлагаются возможные способы решения возникающих проблем.

This article focuses on the research in different types of mistakes of translation of medical texts from English into Russian and difficulties caused by them. Main group of terms are scrutinized and some examples of translation from medical academic literature, dictionary articles and patient medical histories are analyzed. Possible solutions to these problems are listed at the end of this article.

Ключевые слова: общенаучная лексика, неологизмы, интернационализмы, лексика широкой/узкой семантики, стилистически окрашенная лексика, корпус медицинских текстов, инструмент поиска «Искалка».

Key words: general scientific lexis, neologisms, international lexis, lexis of wide/narrow semantics, connotative lexis, medical text corpora, search tool «Iskalka».

В результате анализа научно-технических текстов медицинской тематики были выделены следующие группы слов, полностью или частично расходящиеся со словарными эквивалентами и, как следствие, вызывающие затруднения при переводе.

I. Общенаучная лексика, которая чаще всего отсутствует в большинстве общих переводческих словарей, например: *modifiedutensils*, *urinalysissticks*, *bloodtestingstrips*. Рассмотрим подробнее эти примеры.

Urinalysissticks – специальные тонкие пластинки, которые используются для моментального определения наличия сахара в моче. То же самое касается и *bloodtestingstrips*– тест-полоска для анализа крови, как правило, для определения уровня сахара в крови. К этой группе терминов можно отнести и *constitutional*. В зависимости от словосочетания он может переводиться таким образом: «конституциональный»: *constitutional hyperbilirubinemia* –

конституциональная (врождённая, идиопатическая) гипербилирубинемия, синдром Жильбера-Мейленграхта; а так же «функциональный»: *constitutional psychosis*– функциональный психоз. Другое значение перевода определяет его как «системный»: *constitutional reaction* – системная реакция или *constitutional symptom*–системный симптом, свидетельствующий о генерализации патологического процесса, и как «врождённый»: *constitutional cause* – врождённый фактор. В отдельных случаях «структурный»: *constitutional formula* – структурная формула. Интересная ситуация наблюдается с *modified utensils*. Это выражение встретилось в учебнике по английскому языку для медсестёр. Перевод его на русский язык отсутствует в медицинском словаре. Дословный перевод «модифицированная посуда» будет не совсем точен. Данным термином обозначается специальная посуда, которая приспособлена для больных с нарушениями двигательного аппарата или мелкой моторики. То же самое касается *anon-tipsip* - особые устойчивые стаканы, которые не падают, если их задеть, и *a spill-proof lid* – стаканы с особой крышечкой, не дающей содержимому пролиться (поильник), и *a non-slip bowl* - тарелка для еды, со специальным покрытием на дне или подставкой, чтобы не скользить по столу в случае неверного или нечаянного движения, и *a utensil handclip* - необычное крепление для руки, своего рода прищепки (на случай, если пациенту сложно сгибать пальцы), чтобы самостоятельно держать столовые приборы во время еды. В электронных и обычных словарях даётся перевод только отдельных слов и то не всех. В такой ситуации выручает описательный перевод, но для этого необходимо либо знать определение, либо видеть сам предмет, если есть такая возможность.

II. Многие слова создаются в соответствии с традиционными моделями словообразования в английском языке, и являются неологизмами: *reconfigure*, *overpredict*. И не всегда знание однокоренных слов помогает сделать правильный перевод. С такими примерами гораздо сложнее. Здесь либо необходим чёткий, однозначный контекст, либо консультация специалиста – носителя языка.

Рассмотрим значение слова «*overpredict*» в одной из научных публикаций.

«*After an underpredicted painful experience people tend to expect increased pain levels for a considerable time, despite disconfirmatory experiences. Underpredictions also tend to raise long-lasting fear and increased physiological responding. Overpredicted pain does not have such dramatic effects. What are the reasons for this asymmetry? Evidence for and against the hypothesis*

that underpredicted pain hurts more than correctly predicted pain, and that overpredictions result from a tendency to avoid the extra aversiveness of underpredictions, is reviewed».

«После неожиданно испытанного болевого синдрома людям свойственно преувеличивать свои болевые ощущения, даже если в последствие это преувеличение себя не оправдывает. Занижение ожидаемых болевых ощущений способствует проявлению продолжительного страха и увеличивает ответную физиологическую реакцию. Завышение ожидаемых болевых ощущений не имеет такого сильного воздействия. Каковы же причины подобной асимметрии? В данной статье рассматриваются доказательства за и против следующей гипотезы: занижение ожидаемых болевых ощущений более болезненно, чем адекватно прогнозируемая боль, а завышение ожидаемых болевых ощущений помогает избежать неожиданно резкого болевого синдрома» (Перевод мой – О.М.).

III. «Ложные друзья переводчика» или интернационализмы. В научно-технических текстах они проявляют весьма специфические особенности, присущие конкретному контексту. Например, *symptomatic* – и симптоматический, и с клиническими проявлениями. То есть, *symptomatichypertension* – артериальная гипертония с клиническими проявлениями, а не «симптоматическая артериальная гипертония», но *symptomatictherapy* – «симптоматическая терапия» [Самойлов, 2006, 5]. *Unitcharacter* – не «единица качественного признака», а «неделимый признак» (наследуемый по закону Менделя). *Preservative* – это уже «консервант». Интересный случай с одним из таких «друзей» встретился недавно. В одном из учебников по английскому языку для медсестёр упоминается термин «*occupationaltherapist*». В электронном словаре даётся перевод: «специалист по гигиене труда; специалист по трудотерапии» и тут же даётся комментарий, что перевод ошибочен. Проверяем в Новом англо-русском медицинском и в Новом англо-русском русско-английском словаре. Здесь приводится следующий эквивалент «специалист по трудотерапии». Во втором словаре даётся перевод только для «*occupational*» – «профессиональный (напр. о заболевании); трудовой (напр. о терапии)». В том же словаре для «*трудотерапии*» даётся перевод «*labor[occupational, work]therapy*». Таким образом, не зная контекста, очень легко допустить ошибку и окончательно запутаться в предложенных вариантах перевода. В русскоязычной терминологии специалист по трудотерапии и реабилитации больных называется «эрготерапевтом», а раздел медицины – «эрготерапия». Эрготерапия – это и лечение трудотерапией людей, страдающих от наркотической или алкогольной зависимости, и больных с нарушениями психики, и реабилитация пациентов с травмами мозга,

позвоночника, опорно-двигательного аппарата и некоторых других, в результате которых ограничивается подвижность человека. В данной ситуации очень легко запутаться в схожих понятиях, но выручает контекст, в котором шла речь о реабилитации больной после перенесённого инсульта.

Возникли вопросы и с переводом слова «*gestational*». В электронном словаре даётся перевод «*гестацюзный*» и «*гестационный*». При проверке выяснилось, что «*гестацюзный*» в других словарях не даётся – это ошибочный перевод, который, кстати, никак не отмечен в самом словаре.

IV. Иногда переводчики, отдавая дань моде, переписывают англоязычный термин русскими буквами, калькируют. Хотя, как правило, это происходит от незнания англоязычной и русскоязычной медицинской терминологии. В некоторых случаях достаточно сравнить значения в одном и том же контексте. Вот один из самых часто встречающихся примеров: «*Скрининг* успел распространиться довольно широко. Однако большой нужды нет и в этом термине. Разберемся, что, собственно, означает *screening*. Прежде всего, это массовое применение какого-то дешевого, безопасного и высокочувствительного способа выявления определенной болезни. То есть — *массовые обследования*, или *программы раннего выявления* (например, рака). Флюорография проводилась в СССР задолго до всяких скринингов, от этого она не была менее эффективной. Другое значение — применение множества анализов к одному больному (речь может идти о больном в коме, когда подозревают отравление и нужно выяснить чем). В таком случае это — *токсикологическое исследование*. Наконец, во многих случаях *screening* означает просто *метод выявления, анализ (пробу) на что-либо*. Мы видим, что передача оттенков смысла достигается не копированием слова, а пониманием его значения в каждом случае» [Самойлов, 2006, 5].

V. Лексика широкой семантики, например: *handle*, *feature (clinical ~ клинический признак, особенность)*, *associate (clinical research ~ наблюдатель клинического исследования)*, *meaningful*, *unit*, с большим количеством эквивалентных значений на русском языке. Выбор будет обусловлен контекстом. Например, наиболее устойчивыми эквивалентами перевода сочетания «*meaningful results*» являются «значимые (значимые, полноценные, осуществимые, важные) результаты». Хотя к регулярным эквивалентам прилагательного «*meaningful*» относятся «имеющий смысл», «приемлемый», «наглядный», «всесторонний» [Самойлов, 2006: 5]. «*Handle*» - рукоятка, контурная ручка, смоделированная по форме руки пациента.

«*Clinicalfeature*» - клинический признак, особенность. «*Clinicalresearchassociate*» - наблюдатель клинического исследования. Регулярное значение слова «*unit*» - «единица», «целое», «блок», а в словосочетаниях «*medicalunit*» - это уже «медицинское учреждение», а не «медицинская единица». «*Burnsunit*» - «ожоговое отделение», не «единица или блок ожога» или в «*mouseunit*» - мышьяная единица (в эксперименте)».¹

VI. Редко встречающиеся слова с узкой тематикой, характеризующиеся вполне определенной спецификой в научно-технических текстах, которая в словарях не отражается. Сюда можно отнести: *chore*, *overgrowth*, *jeopardize*. Выступая в определенных, конкретных значениях, они имеют мало переводных эквивалентов. Их общелитературные значения не реализуются, а новые сложно установить из-за низкой частотности этих слов. Здесь может оказаться полезным обращение к корпусам медицинских текстов, а так же просмотр публикаций на англоязычных сайтах www.pubmed.gov, www.ingentaconnect.com и других.

VII. Стилистически окрашенные лексические средства, такие как метафора, метонимия, образное сравнение. При выборе переводных эквивалентов для данной категории лексики происходит существенная ориентация на стилистические нормы научно-технического русского текста, что вызывает значительные лексико-стилистические трансформации при переводе, например: *kissoflife* – искусственная вентиляция легких «изо рта в рот» [Самойлов, 2006: 5]. Сюда же можно отнести *stresstesting* – электрокардиограмма, снятая во время физических упражнений с нагрузкой, например, на бегущей дорожке; *orphandrugs* – фармацевтические средства, разработанные для лечения редких заболеваний, которые условно называются орфанными, или «сиротскими» болезнями. Интересно, что в Новом англо-русском словаре встречается лишь одно выражение со словом *orphan*: *orphanviruses* – сиротские вирусы. Такой перевод может ввести в заблуждение не только переводчика.

Возможно, «*редкие/ редко встречающиеся вирусы*» будет более адекватным переводом в данном случае. Похожую ситуацию можно наблюдать и с «*foodpanel*». В моей практике данный вид анализа переводили как «*пищевая панель*», хотя такой перевод не встречается в медицинских словарях. На самом же деле это пищевая панель аллергенов, то есть полный или краткий список продуктов, чаще всего вызывающих аллергические реакции. Интересен и такой термин «*hand-foot-and-mouthdisease*» - вирусная пузырчатка полости рта и конечностей (встречается у детей).

В процессе перевода медицинских текстов на английский язык неоднократно возникает вопрос о причинно-следственных отношениях между терминами. Например, в истории болезни одного пациента упоминаются следующие жалобы: «трудности при ходьбе, нарушение походки». «Нарушение походки» можно перевести как *gaitdisorders*, *gaitdisturbance*, *gaitimpairment*. «Трудности при ходьбе» может использоваться и как симптом какого-либо заболевания (*difficultieswhilewalking*, *gaitabnormality*), и как название заболевания (*dysbasia*). Возникает вопрос, что вторично в данном случае: нарушение походки из-за трудностей при ходьбе при заболевании или трудности при ходьбе из-за нарушений походки.

Другой пациент жалуется на нарушение дыхания и чувство нехватки воздуха. И то, и другое являются симптомами различных заболеваний. «Нарушение дыхания» имеет несколько вариантов перевода: *irregularbreathing*, *breathingtrouble*, *respiratorydisturbance*, *air-flowobstruction* (нарушение проходимости дыхательных путей). «Чувство нехватки воздуха» - *lackofair*, *shortnessofbreath*, *shortbreathing*. Другими словами, это может быть и одышка или диспноэ. Правильный и более точный перевод в данном случае будет зависеть от причины, которую установит обследование пациента. При наличии «помехи» (инородное тело, стриктура (сужение), отёк, опухоль) в дыхательных путях, лучше всего подойдёт *air-flowobstruction*. Одышка возникает при лёгочно-сердечной недостаточности, бронхиальной астме, внутричерепной аневризме и некоторых других заболеваниях, где она может являться одним из симптомов. В Новом англо-русском и русско-английском словаре издательства АБВУYLingvo приводятся следующие варианты перевода одышки:

«одышка *f dyspnea*

~ во сне *sleepdyspnea*

~ при физической нагрузке *exertionaldyspnea*

~, экспираторная *expiratorydyspnea*».

Для перевода «нарушения дыхания» был использован вариант «*respiratory disturbance*» (этот термин в научных статьях встречается в среднем 25 раз чаще, чем *breathing trouble* и в 5 раз чаще, чем *irregular breathing*, а для «чувства нехватки воздуха» - «*dyspnea*»).

Здесь необходимо проводить компонентный анализ специально-научной лексики. В этом помогают медицинские терминологические словари, где можно найти подробное описание заболевания, его возможные синонимы на английском или русском языках.

Ранее были упомянуты несколько примеров ошибочного или некорректного перевода некоторых терминов в электронных и обычных словарях. У переводчика не всегда есть

возможность проконсультироваться со специалистом. Специалист в области медицины при чтении текста по своей профессиональной направленности может сталкиваться с терминологией из других разделов медицины, о точности которой, без специального уточнения, он судить не может. Как результат, при переводе медицинской литературы проблема лексической неоднозначностей острее, а последствия возможных ошибок могут быть драматичными. В будущем нет никаких оснований ожидать снижения терминологического разнобоя, в особенности в международной (англоязычной литературе). Это объясняется эффектом международного языка. Эффект международного языка – это эффект двойного перевода – например, франкоязычный исследователь пишет статью по-английски, русскоязычный переводчик переводит её на русский. Несовпадение франко-английских и русско-английских соответствий увеличивает вероятность переводческой ошибки. А в наши дни значительная часть современных текстов по медицине создаётся носителями и не носителями английского языка, которые следуют словарным вариантам терминов.

В затруднительных ситуациях переводчик всегда может обратиться к корпусам медицинских текстов и специальным программам по переводу медицинских текстов на

основе корпусов медицинских текстов, например *Искалка*. *Искалка* – это инструмент синхронизованного поиска, это двухкомпонентная система поддержки перевода научной литературы.

Одна компонента предназначена для автоматической и полуавтоматической синхронизации параллельных текстов, а вторая обеспечивает синхронизованный многоязыковой поиск в корпусе параллельных текстов, подготовленном с помощью первой. Поисковая компонента *Искалка* обеспечивает терминологическое единство переводов в корпусе параллельных текстов из оригиналов и переводов. *Искалка* от начала и до конца была разработана врачом – дагностом Дмитрием Вадимовичем Самойловым (1958-2005).

Областью деятельности переводчика является социальный перевод, и грамотный перевод медицинских научных статей, историй болезни, справок, результатов обследований пациентов, проходящих лечение в зарубежных клиниках или их филиалах на территории России, требует понимания смысла употребляемых терминов и умения изъясняться на общепринятом «медицинском» языке. Соответствующие термины на другом языке иногда совсем не похожи на русские аналоги. И человек, взявший на себя ответственность за

перевод, также в ответе за здоровье и жизнь тех людей, на которых нацелено то или иное лечение.

Список литературы

Айрапетян А. Т., Даллакян В.Ф. Краткий медицинский терминологический словарь. М.: «Человек», 2010. – 192 с.

Богорад А. Е., Бузикашвили Н. Е., Пономарева Н. В., Турусов А. В. «Искалка» Самойлова Д. В. Режим доступа: http://www.rcdl2006.uniyar.ac.ru/papers/paper_86_v1.pdf

Мокина Н. Р. Новый англо-русский русско-английский медицинский словарь. 26 437 терминов и 1070 аббревиатур.- М.: АБВУУPress, 2010. – VI с., 370 с.

Новый англо-русский медицинский словарь/ Под общ.ред. Ривкина В. Л., Бенюмовича М. С. – М.: АБВУУPress, 2009. – 832 с.

Самойлов Д. В. О переводе медицинского текста.

Режим доступа: <http://practica.ru/Articles/medical.htm>

Электронная библиотека медицинских книг.

Режим доступа: <http://www.webmedinfo.ru/library/>

Электронный словарь «Мультитран» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.multitran.ru/c/m.exe?&l1=1&l2=2&CL=1&a=0>

Allum V., McGarr P. Cambridge English for Nursing. Pre-intermediate. Cambridge Professional English, CambridgeUniversity Press, 2010. – 111 p.

Glendinning E. H., Holmstrom B. A. S. English in Medicine. Third Edition. Cambridge Professional English, CambridgeUniversity Press, 2005. – 150 p.

Behaviour Research and Therapy, Volume 34, Issue 7, July 1996, p. 545-554.

Режим доступа: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0005796796000162>

Medical News Today. Режим доступа: <http://www.medicalnewstoday.com/>

Pharmacology & Pharmaceutical Medicine.

Режим доступа: <http://onlinelibrary.wiley.com/subject/code/000096>

Обухова Т.М.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Obukhova Tatiana
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

*ЧЕЛОВЕК СТРАДАЮЩИЙ: ОПЫТ РАССМОТРЕНИЯ РУССКОГО СТРАДАНИЯ ГЛАЗАМИ
ИНОСТРАНЦЕВ*

*SUFFERING PEOPLE: THE EXPERIENCE OF STUDYING OF RUSSIAN SUFFERING IN THE
PERCEPTION OF FOREIGNERS*

Данная статья посвящена одной из главных черт русского национального характера – страданию – как физическому, так и душевному. Данный феномен рассматривается с двух противоположных сторон. Во-первых, осмысление страдания в русской литературе. Во-вторых, понимание и восприятие русского страдания глазами иностранных студентов, изучающих русский язык и русскую культуру.

В русской литературе страдание рассматривается как болезнь, тоска, уныние, утрата, сплин и др. Уязвимость русской души иностранцы пытались понять на примерах из произведений Ф. М. Достоевского, А. К. Толстого, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, А. И. Куприна, П. П. Ершова.

Результатом поиска значения страдания в русской культуре стало убеждение студентов в том, что страдание – это гордость русского человека, это «стиль» его жизни, это состояние души, это «форма блаженства».

Кроме того, страдание не заключено лишь только в литературе и истории, оно сопутствует русскому человеку в его повседневной жизни. Примером могут послужить такие на первый взгляд несвязанные явления и артефакты культуры как купание в проруби, банный веник, кулачные бои, многодневные застолья, атрибуты и феномены православной церкви и др.

Данная статья может быть полезна для всех людей, интересующихся русской культурой, и в особенности для студентов, аспирантов и преподавателей, занимающихся проблемами межкультурной коммуникации и русским языком как иностранным.

This article is devoted to the physical and spiritual suffering, which is one of the main traits of the Russian national character. This phenomenon is considered from two different sides: from the understanding of suffering in Russian literature and from the understanding and perception of Russian suffering through the opinion of foreign students studying Russian language and Russian culture.

Suffering is seen as a disease, depression, sadness, loss, boredom, etc. in Russian literature. Foreigners trying to understand the vulnerability of the Russian soul with examples from the works of F. Dostoevsky, A. K. Tolstoy, A. Pushkin, N. Gogol, I. Turgenev, A. Kuprin, P. Ershov.

The result of searching the meaning of suffering in the Russian culture is the student's belief that suffering is a proud of Russians, the "style" of their life, a state of mind and a "form of bliss".

Furthermore, suffering is not only in literature and history, it is in everyday life. For example, bathing in an ice-bath broom, fisticuffs, multi-day feast, the attributes and phenomena of the Orthodox Church, etc.

This article may be useful for all people interested in the Russian culture, and especially for graduate students and teachers working on issues of intercultural communication and Russian as a foreign language.

Ключевые слова: страдание в русской литературе, тоска, страдание в повседневности, русская культура, страдание в восприятии иностранцев.

Key words: suffering in Russian literature, longing, suffering in everyday life, Russian culture, suffering in the perception of foreigners.

В интервью историка и церковно-общественного деятеля профессора М. Эллиотта российскому религиоведу и социологу религии С. Б. Филатову первый сказал: «В русской культуре многое порождено опытом страдания. Этот опыт страдания я вижу в иконах, музыке, классической литературе» [Филатов, 2008].

Эту замечательную цитату дополнили иностранные студенты Высшей школы перевода (факультета), заметив, что опыт страдания – это гордость русского человека, проявляющаяся в моральном мазохизме. Студенты пришли к этой мысли после прочтения детских воспоминаний в статье «Как всё-таки русские любят страдать» А. Савельева в журнале «GQ».

Вот что вызвало бурное обсуждение в иностранной аудитории: «Мой первый фингал случился в детском саду. Мы собирали стрекоз в коробки из-под духов. Аккуратно хватали стрекоз за крылья и складывали. Дома насекомых можно было рассадить на тюль и хвастаться перед родителями. В тот день было жарко. У кустиков мы оказались без воспитателя. Пришли взрослые мальчики и отобрали все коробочки. Когда дошла очередь до меня, я отказался отдавать. И мне вмазали. Точно помню, что фингалом очень гордился. Когда синева пошла на спад, я тыкал под глазом ложкой. Было больно, но синева ненадолго возвращалась. На фингале в детском саду я долго держался авторитетом. По-моему, воспитательница Татьяна Геннадьевна даже позволяла мне пару дней не вставать при проигрывании гимна СССР. Возможно, я симулировал хромоту. Возможно, представлял, что пострадал и за Родину. Девочки носили мне книжки и конфеты. Так я познал плюсы боли... » [Савельев, 2015]

Размышления студентов ещё больше подкрепил текст «Путёвка в бомжи», предложенный для подготовки к экзамену для получения третьего сертификационного уровня владения русским языком, что соответствует европейскому уровню C1. В тексте, составленном по материалам журнала «Русский Newsweek», говорилось: «Среди состоятельных москвичей всё большую популярность приобретает не совсем обычное развлечение, а именно «игры в маргиналов»... Уставшие от собственного благополучия

любители острых ощущений могут приобрести недельный тур в армию с настоящей дедовщиной или в тюрьму, стать на два часа уличным музыкантом, официанткой, проституткой, душевнобольным или человеком без определённого места жительства (бомжем)» [Андрюшина, 2010, с. 61].

Первый возникший после прочтения этих отрывков вопрос: как же можно гордиться болью, унижением и страданием? Большинство студентов находилось в недоумении. Но вспомнив великие произведения русской литературы, артефакты русской культуры и историю страны изучаемого языка иностранцы ответили на свой вопрос, как это принято называть, «от обратного».

За первым примером можно «прогуляться» в сувенирные районы Москвы – Измайловский вернисаж или Старый Арбат. В рядах валенок, чебурашек, матрёшек и подносов висит сувенир, назначение которого становится понятным только после посещения русской бани, а именно банный веник. Разнообразие веников – берёзовый, дубовый, липовый, хвойный, эвкалиптовый и т.д. – понятно только русскому человеку – любителю банного церемониала. Одни веники успокаивают, расслабляют, восстанавливают силы, способствуют сну, другие наоборот оказывают возбуждающее воздействие. Для иностранца веник в первую очередь – орудие пыток, которым стегают друг друга, что есть силы. И к великому удивлению, после такой «пытки веником», претерпевания сильнейших физических страданий русский человек выходит бодрым и счастливым.

Н. В. Гоголь в одном из самых первых писем в книге «Выбранные места из переписки с друзьями», а именно в третьем письме (1846), адресованном А. П. Толстому, как раз размышляет о значении физических страданий человека для его духовного возрождения: «...Силы мои слабеют ежеминутно, но не дух. Никогда еще телесные недуги не были так изнурительны. Часто бывает так тяжело, так тяжело, такая страшная усталость чувствуется во всем составе тела, что рад бываешь, как Бог знает чему, когда наконец оканчивается день и доберешься до постели. Часто, в душевном бессилии, восклицаешь: «Боже! где же наконец берег всего?» Но потом, когда оглянешься на самого себя и посмотришь глубже себе внутрь — ничего уже не издает душа, кроме одних слез и благодарения. О! как нужны нам недуги! Из множества польз, которые я уже извлек из них, скажу вам только одну: ныне каков я ни есть, но я все же стал лучше, нежели был прежде; не будь этих недугов, я бы задумал, что стал уже таким, каким следует мне быть... » [Гоголь, 1993, с. 27].

На банном венике физические страдания не заканчиваются. Купание в проруби (иордани) с ледяной водой на Крещение тоже можно отнести к физическим мукам. Иностранцы недоумевают: зачем в лютый мороз окунаться в прорубь? А в эти дни в России всегда холодно – выражение есть: «крещенские морозы». Например, в 2014 году в Москве оборудовали 46 купелей. Самыми массовыми стали купания в Терлецких прудах и Измайловском лесопарке⁹⁰. Иностранцы, наблюдающие за «русским обрядом» в тёплых пуховиках и с фотокамерой в руках, при всей любви к изучаемой ими русской культуре не могут понять, как можно очистить душу и смыть грехи, отстояв очередь в 20 градусный мороз и окунувшись в прорубь трижды, при этом выговаривая «Бррр, хорошо». И ещё более удивляются поверью, что после такого заплыва не заболеешь.

Настоящей атмосферной русской жизнью позволяют проникнуться Новый год, Рождество, Масленица. Но вот вопрос: зачем же драться во время праздника? К примеру, кулачные бои, известные ещё со времён Гомера и входившие в программу Олимпийских игр в Древней Греции, проводятся обычно с Масленицы до Троицы. Удивляет не только само существование такого физического «истязания», но и деление его на виды: «один на один», «стенка на стенку», что делает потенциальное причинение «страдания» более изощрённым. А если познакомиться с правилами этой жестокой забавы, то можно смело называть русских мазохистами. Например, в книге, посвящённой русской профессиональной драке, можно найти следующие правила: «Бить можно было в любую часть тела выше пояса, но старались попадать в голову, в солнечное сплетение («в душу»), и под рёбра («под микитки»)» [Шатунов, 2002, с. 187].

Многодневное новогоднее застолье тоже не оставляет равнодушным, скорее ещё больше убеждает иностранцев в желании русского человека испытать свои силы и выносливость. Шампанское, салаты, каток, гирлянды, телевизор, родственники – и так всю неделю. После такого марафона не остаётся сомнений, что сила русского народа как в выдержке и воле, так и в нескончаемом настоятельном желании создать себе трудности, чтобы потом их преодолеть, из человека страдающего превратиться в человека победившего. Такая действительность для русских прекрасна, а «страдание есть только форма блаженства» [Белинский, 2013, с. 433].

Есть и такой род страдания в России, который относится уже к мукам душевным – страдание-тоска, страдание-хандра, страдание-тоска. В. Г. Белинский так его описывал:

⁹⁰ По данным газеты «Аргументы и факты», публикация от 10.01.2014 г.

«Какая жизнь! Вот оно, то страдание, о котором так много пишут и в стихах и в прозе, на которое столь многие жалуются, как будто и в самом деле знают его: вот оно страдание истинное, без котурна, без ходуль, без драпировки, без фраз, страдание, которое часто не отнимает ни сна, ни аппетита, ни здоровья, но которое тем ужаснее!.. Спать ночью, зевать нѣм, видеть, что все из чего-то хлопочут, чем-то заняты, одни деньгами, другой женитьбою, третий – болезнью, четвертый – нуждою и кровавым потом работы, - видеть вокруг себя и веселье и печаль, и смех и слѣзы, видеть это и чувствовать себя чуждым всему этому, подобно Вечному жиуду, который среди волнующейся вокруг него жизни сознаёт себя чуждым жизни и мечтает о смерти, как о величайшем для него блаженстве; это страдание, не всем понятное, но оттого не меньше страшное...» [Белинский, 2008, с. 84]

Действительно понять это род страданий русского человека крайне трудно. Важнее даже тот факт, что студенты-иностранцы знают о его существовании, в чём помогают курсы «Русская литература», «Мир русского языка и культуры».

Хочется привести ещё несколько литературных примеров, отражающих страдание-тоску. «На меня нашло странное, неопределѣнное беспокойство. Вот, думалось мне, сижу я глухой и ненастной зимней ночью в ветхом доме, среди деревни, затерявшейся в лесах и сугробах, в сотнях верст от городской жизни, от общества, от женского смеха, от человеческого разговора... И начинало мне представляться, что годы и десятки лет будет тянуться этот ненастный вечер, будет тянуться вплоть до моей смерти, и так же будет реветь за окнами ветер, так же тускло будет гореть лампа под убогим зеленым абажуром, так же тревожно буду ходить я взад и вперед по моей комнате, так же будет сидеть около печки молчаливый, сосредоточенный Ярмола – странное, чуждое мне существо, равнодушное ко всему на свете: и к тому, что у него дома в семье есть нечего, и к бушеванию ветра, и к моей неопределенной, разъедающей тоске» [Куприн, 1979, с. 27].

В вечерней тишине один с моей мечтой
Сижу, измученный безвестною тоскою.
Вся жизнь прошедшая, как летопись годов,
Раскрыта предо мной: и дружба, и любовь,
И сердцу сладкие о днях воспоминанья
Мешаются во мне с отравою страданья.
Желал бы многое из прошлого забыть
И жизнью новою, другою пережить.

Но тщетны поздние о прошлом сожаленья:

Мне их не возвратить, летучие мгновенья! [Ершов, 1989, с. 92]

«Раскинулась перед Максимом родная Русь; весело мог бы он дышать в её вольном пространстве; но грусть легла ему на сердце, широкая русская грусть. Задумался он о покинутой матери, о своём одиночестве, обо многом, в чём и сам не отдавал себе отчёта; задумался и затянул, в раздумье, протяжную песню...

Максим пел о горемычной своей доле, о золотой волюшке, о матери сырой-дуброве... Он поручал ветру отдать поклон матери. Если бы кто услышал эту песню, запала б она тому в душу, и часто, в минуту грусти, приходила бы на память...

Наконец, когда тоска стала глубже забирать Максима, он подобрал поводья, поправил шапку, свистнул, крикнул и полетел во всю конскую прыть» [Толстой, 1961, с. 171].

25 марта 1936 года М. Горький писал М. Зощенко после прочтения «Голубой книги»: «Эх, Михаил Михайлович, как хорошо было бы, если б вы дали в такой же форме книгу на тему о страдании! Никогда и никто ещё не решался осмеять страдание, которое для множества людей было и остаётся любимой их профессией. Никогда ещё и у никого страдание не возбуждало чувства брезгливости. Освещённое религией «страдающего бога», оно играло в истории роль «первой скрипки», «лейтмотива», основной мелодии жизни» [Горький, 1963, с. 169].

В книге-размышлении И. С. Тургенева «Стихотворения в прозе» есть такое житейское правило: «Хочешь быть спокойным? Знайся с людьми, но живи один, не предпринимай ничего и не жалей ни о чём. Хочешь быть счастливым? Выучись сперва страдать» [Тургенев, 1976, с. 80].

Говоря о русских чертах мировосприятия, Н. А. Бердяев замечает, что «всегда боялся счастливых, радостных минут; именно в эти минуты с особой остротой вспоминал о мучительной жизни» [Бердяев, 1997, с. 42].

Проблема моральной правомерности счастья достигает национального осмысления в драматическом произведении А.С. Пушкина «Борис Годунов», где о невозможности счастья говорит царь [Пушкин, 1978, с. 184]:

Шестой уж год я царствую спокойно.

Но счастья нет моей душе.

Ни власть, ни жизнь меня не веселят;

Предчувствую небесный гром и горе.

Мне счастья нет.

О том, что русские страстно одержимы культом страдания, написал несколько исследований ученый-русист Ранкур-Лаферьер. В книжке «Русская литература и психоанализ» он разложил Татьяну Ларину, Карамазовых, Мышкина, Анну Каренину, героев Тургенева и почти всю русскую классику на простой алгоритм: все неудержимо хотят страдать, всех тянет на боль. Кому на Руси жить хорошо? Одним словом: никому. Всем плохо, потому и герои. Бродский в 1972 году в Вене рассуждал на эту тему так: «Только через страдание человек становится человеком. Достоевский был прав!» После Бродский сделал паузу (аудиозапись интервью сохранилась) и продолжал: «Я вот смотрю, у вас в Европе хорошо, в магазинах изобилие. Права соблюдаются, от рождения человек свободен. За что человеку тогда бороться, ради чего ему жить? Ради шопинга!» [Морев].

«Страдание и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца», – утверждал Ф.М. Достоевский [Достоевский, 1982, с. 46]. Следовательно, мир вообще основан на страдании, а страдание – это обязательный атрибут человеческого бытия. Ф.М. Достоевский сформулировал важную мысль о том, что человек совсем не благоразумное существо, стремящееся к счастью, а существо иррациональное, имеющее потребность в страдании, что страдание и есть причина возникновения человеческого сознания. При этом русский человек способен выносить страдания лучше западного и вместе с тем, он исключительно чувствителен к страданию, он более сострадателен, нежели человек западный.

Русский человек – человек православный в представлении иностранцев. В православном богослужении самых первых мучеников поминают и почитают гораздо больше, чем в большинстве западнохристианских. Атрибуты православной веры тоже заставляют задуматься над некоторым подобием мазохизма русских. Например, власяница – длинная грубая рубашка из волос или козьей шерсти; которую аскеты носили на голом теле для умерщвления плоти. Уроку страдания-смирения учит и соблюдение поста – аскетического подвига и системы воздержания от жизненных удовольствий, и благ, – которых в православном календаре в год насчитывается двадцать.

Особенность русской культуры состоит в её терпимости к боли, в том, что она растёт и расцветает в страдании. Русские люди постоянно страдают в глазах иностранцев, о чём говорят и «хмурые» лица, и привычки русских, и их великая культура, а в особенности литература.

В 1924 г. М. Горький высказался о русской литературе весьма саркастически: «Русская литература – самая пессимистичная литература Европы; у нас все книги пишутся на одну и ту же тему о том, как мы страдаем, – в юности и зрелом возрасте: от недостатка разума, от гнёта самодержавия, от женщин, от любви к ближнему, от неудачного устройства вселенной; в старости: от сознания ошибок жизни, недостатка зубов, несварения желудка и от необходимости умереть» [Горький, 1963, с. 504].

Таким образом, «моральный мазохизм и культ страдания» [Ярская-Смирнова] являются определяющими характеристиками русской литературы, культуры и жизни в целом.

Список литературы

- Андрюшина Н. П.* Тренировочные тесты по русскому языку как иностранному. III сертификационный уровень. Общее владение / Н. П. Андрюшина, А. П. Жорова, М. Н. Макова, Л. Н. Норейко. СПб.: Златоуст, 2010. 152 с.
- Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений. Том 3 / В. Г. Белинский. М.: Книга по требованию, 2013. 679 с.
- Белинский В. Г.* Статьи о русской литературе / В. Г. Белинский. М.: Владос, 2008. 240 с.
- Бердяев А. Н.* Русская идея. Судьба России / А. Н. Бердяев. М.: Издательство В. Шевчук, 1997. 542 с.
- Биллингтон Дж. Х.* Лики России: Страдание, надежда и созидание в русской культуре / Дж. Х. Биллингтон. М.: Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М. И. Рудомино, 2001. 248 с.
- Гоголь Н. В.* Выбранные места из переписки с друзьями / Н. В. Гоголь. М.: Патриот, 1993. 400 с.
- Горький и советские писатели. Неизданная переписка // Литературное наследие. Том 70. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1963. 742 с.
- Достоевский Ф. М.* Преступление и наказание / Ф. М. Достоевский. М.: Литература артистикэ, 1982. 576 с.
- Ершов П. П.* Грусть / П. П. Ершов. Стихотворения. М.: Советская Россия, 1989. 224 с.
- Куприн А. И.* Олеся / А. И. Куприн. Саратов: Приволжское книжное издательство, 1979. 80 с.
- Морев Г.* Иосиф Бродский: неизвестное интервью [Электронный ресурс] / Г. Морев. – Режим доступа: <http://www.colta.ru/articles/literature/907>
- Перевезенцев С. В.* Фёдор Михайлович Достоевский [Электронный ресурс] / С. В. Перевезенцев. – Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/history/35585.php>
- Пушкин А. С.* Борис Годунов / А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах. Том 2. М.: Художественная литература, 1978. 414 с.
- Савельев А.* Как всё-таки русские любят страдать [Электронный ресурс] / А. Савельев // GQ (Gentlemen's Quarterly). № 4 (165). Апрель 2015. – Режим доступа: http://www.gq.ru/magazine/columns/107559_kak_vse_taki_lyubyat_russkie_stradat.php
- Толстой А. К.* Князь Серебряный / А. К. Толстой. М.: Московский рабочий, 1961. 352 с.
- Тургенев И. С.* Стихотворения в прозе / И. С. Тургенев. М.: Художественная литература, 1976. 224 с.

Филатов С. Б. Профессор Марк Эллиотт: «В русской культуре многое порождено опытом страдания. Этот опыт страдания я вижу в иконах, музыке, классической литературе». Интервью историка и церковно-общественного деятеля профессора Марка Эллиотта [Электронный ресурс] / С. Б. Филатов // Русское ревью. № 3. Ноябрь 2008. – Режим доступа: http://www.keston.org.uk/_russianreview/edition32/01mark-elliott-interview.html

Шатунов М. В. Русская профессиональная драка / М. В. Шатунов. М.: Рипол Классик, 2002. 558 с.

Ярская-Смирнова Е. Р. Русскость как диагноз [Электронный ресурс] / Е. Р. Ярская-Смирнова. – Режим доступа: www.soc.pu.ru/publications/jssa/2000/1/19jarskaja.html

Прудникова А.И.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Prudnikova Alina
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ДИДАКТИКА ПЕРЕВОДА: ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРВИЧНЫХ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ НАВЫКОВ У УЧЕНИКОВ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

TRANSLATION DIDACTICS: BASIC TRANSLATION SKILLS ACQUISITION BY HIGH SCHOOL STUDENTS

Современное общество предъявляет новые требования не только к переводчикам-практикам и теоретикам перевода, но и к преподавателям. Необходимо подготовить поколение переводчиков, которое придёт на смену профессионалам высокого класса, работающим в международных организациях и государственных структурах. Одна из главных трудностей, с которой сталкиваются сегодня школы, факультеты и институты перевода – недостаточно высокий уровень подготовки абитуриентов. Кроме того, зачастую выпускники школ выбирают эту специальность, изначально не имея намерения работать переводчиком, так как лингвистическое образование открывает широкие перспективы для трудоустройства не только на переводческом поприще. Значит, существует и проблема недостаточной мотивации студента. В связи с этим нам кажется целесообразным разработать календарно-тематический план дополнительных занятий для учащихся старших классов средней школы в рамках курса «Основы переводческой деятельности. Английский язык». Это позволит дать школьникам представление о том, что такое перевод, познакомить их с видами переводческой деятельности и выявить наиболее способных и заинтересованных учеников.

Modern society places new demands not only to translators, interpreters and theorists of translation, but also to teachers. It is necessary to train a new generation of translators and interpreters, who will be able to replace high-class professionals working in international organizations and government agencies today. One of the main challenges that schools, faculties and institutes of translation and interpretation face today is applicants' poor grounding. Moreover, as linguistic education opens up broad prospects for employment not only in the translation field, high school graduates often choose this trade having no intention to work as a translator. Then, there is a problem of students' insufficient motivation. In this connection, it seems appropriate to develop a course of extracurricular classes for high school students : "Fundamentals of translation (English)". This course is meant to give students an idea of what translation is, to acquaint them with kinds of translation and reveal the most capable and motivated students.

Ключевые слова: дидактика перевода, формирование переводческих навыков, перевод и лингводидактика.

Key words: didactics of translation, translation skills acquisition, translation and linguodidactics.

Начало бурного развития современной теории перевода связывают с 50-ми годами XX века, когда общество всерьёз заинтересовалось этим видом деятельности. За прошедшие

несколько десятилетий теоретикам перевода удалось проделать огромную работу: в научном сообществе были и остаются актуальными такие проблемы, как поиск определения понятий «перевод», «единица перевода», «эквивалентность» и «адекватность», проблема переводческой ономастики и перевода реалий, межъязыковая асимметрия, было разработано несколько вариантов типологии переводческих трансформаций. Тем не менее, ответ на вопрос первостепенной практической важности: «Как обучать переводу?» - так и не был найден. Несомненно, за этот период в разных странах мира были подготовлены блестящие письменные и устные переводчики, составляющие гордость интеллектуальных элит многих стран. Усилиями переводческих школ, факультетов и институтов было сформировано необходимое количество переводчиков, обеспечивавшее межъязыковую коммуникацию в нужном объёме, но так и не была создана эффективная система подготовки переводческих кадров. XXI век принёс новые заботы: глобализация, многополярный мир, кризисы, новые международные организации, расширение информационных сетей, объединение образовательного пространства и многое другое. На фоне этих кардинальных перемен в жизни общества, внешних по отношению к переводческой деятельности, назревает и серьёзный внутренний кризис профессии, вызванный «естественным старением» поколения профессионалов-переводчиков, утвердившихся в службах лингвистического обеспечения ряда международных организаций, в министерствах, редакциях и издательствах, бюро технической и научной информации и успешно выполнявших свою миссию в течение нескольких десятков лет. Такая ситуация предполагает построение новых эффективных схем обучения будущих переводчиков и разработку соответствующих образовательных программ [Гарбовский, 2012, с.3-4].

Современная система подготовки переводчиков ставит немало вопросов перед преподавателями и организаторами учебного процесса. Сегодня многие российские высшие учебные заведения предлагают программы обучения с присвоением квалификации «Переводчик» как основной или, чаще всего, дополнительной специальности. Это означает, что подготовка дипломированного специалиста-переводчика занимает от двух до шести лет. Можно ли считать, что этого срока достаточно для подготовки высококвалифицированного переводчика, который готов к работе на уровне Министерства иностранных дел или международных организаций? Далеко не для всех студентов. Результаты проведённого нами среди выпускников ВУЗов опроса показали, в чём сами студенты видят причину недостаточно высокого уровня своего профессионализма. При этом на вопрос: «Что для вас

являлось самым главным препятствием в освоении профессии переводчика в ВУЗе?» - 55% опрошенных ответили: «Недостаточный уровень знаний, полученных в школе».

Кроме того, существует и другая проблема. Все ли студенты и выпускники ВУЗов считают, что правильно выбрали специальность? Ведь от этого во многом зависит их мотивация во время обучения, а значит и полученный результат. Оказывается, далеко не все. По данным сайта rbc.ru, более 40% россиян не считают, что правильно выбрали профессию⁹¹.

Именно проблемы профориентации (а именно недостаточной осведомлённости школьников о той профессии, которую они собираются выбрать) и невысокого уровня подготовленности абитуриентов к обучению в ВУЗе говорят о том, что необходимо разработать календарно-тематический план дополнительных занятий для учащихся старших классов средней школы в рамках курса «Основы переводческой деятельности. Английский язык». Это позволит дать школьникам представление о том, что такое перевод, познакомить их с видами переводческой деятельности и выявить наиболее способных и заинтересованных учеников.

Работа основана на результатах преподавания основ переводческой деятельности в 10 классах ГБОУ Гимназии №1567 (г. Москва).

Обучение в рамках спецкурсов «Основы переводческой деятельности. Английский язык» было предложено учащимся 10-х классов. Школьники владели английским языком на уровне B1-B2 (CEFR). Обучение велось в соответствии с основной учебной программой по английскому языку (Календарно-тематическому плану к УМК издательства "Макмиллан"). После предварительной проверки уровня владения английским языком 12 учащихся были разделены на 2 группы (B1 и B2). Школьники занимались по общей программе, предполагающей освоение начальных навыков как устного, так и письменного перевода. Сначала был проведён теоретический курс, состоящий из трёх лекций (вводная лекция, типология переводческих трансформаций, переводческие ошибки), а последующие практические занятия проводились по схеме:

- Лексический и грамматический комментарий к уроку. Предтекстовые упражнения.
- Письменный перевод основного текста
- Разбор выполненных переводов.
- Контрольная работа.

⁹¹ http://www.rbc.ru/yourchoice/voteres/2012_20120202.shtml

- Устный последовательный перевод основного текста.

В качестве материала для занятий использовался учебник «Английский язык. Учебник устного перевода» (Миньяр-Белоручева А.П., Миньяр-Белоручев К.В.)

Учебная неделя	Содержание	Материал	Вид работы	Самостоятельная работа	Лексико-грамматический материал, изучаемый на уроках английского языка
1.	— Презентация спецкурса, определение главных целей и задач, виды переводческой деятельности; — Библиография	Гарбовский, Н.К. Теория перевода: Учебник.	Лекция	-	Раздел 1 <i>Life and study at university</i> Тема: «Образование»
2.	Переводческие трансформации	Гарбовский, Н.К. Теория перевода: Учебник. Часть III, Глава 2	Лекция	Гарбовский, Н.К. Теория перевода: Учебник. Часть III, Глава 2	
3.	Переводческие ошибки	Гарбовский, Н.К. Теория перевода: Учебник. Часть III, Глава 11	Лекция	Гарбовский, Н.К. Теория перевода: Учебник. Часть III, Глава 11	
4.	Лексический и грамматический комментарий к уроку. Предтекстовые упражнения.	Миньяр-Белоручева А.П., Миньяр-Белоручев К.В. Английский язык. Учебник устного перевода: Учебник для вузов UNIT 1. Development of Mankind	Семинар	UNIT 1. Development of Mankind Лексический и грамматический комментарий к уроку. Предтекстовые упражнения.	Раздел 2 <i>Work experience</i> Тема: «Профессии»
5.	Разбор домашнего задания. Письменный перевод	— —	Практикум	Завершение работы над письменным переводом	
6.	Письменный перевод. Разбор выполненных переводов.	— —	Семинар	Подготовка к контрольной работе	
7.	Контрольная работа (Unit 1)	— —	Контрольная работа	-	Раздел 3 <i>Space and time</i> Тема: «Научно-технический прогресс»
8.	Устный последовательный перевод. Основные принципы.	• Гарбовский Н.К., Костикова О.И. Курс устного перевода. Французский язык	Лекция	Подготовить основной текст к устному последовательному переводу	

	Техника записи.	–русский язык: учебное пособие • Миньяр-Белоручев Р.К. Записи в последовательном переводе (учебное пособие)			
9.	Устный последовательный перевод.	Миньяр-Белоручева А.П., Миньяр-Белоручев К.В. Английский язык. Учебник устного перевода: Учебник для вузов UNIT 1. Development of Mankind (основной текст)	Практикум	Unit 15. ConqueringSpace. Лексический и грамматический комментарий. Предтекстовые упражнения.	
10.	Разбор домашнего задания. Письменный перевод (основной текст)	Миньяр-Белоручева А.П., Миньяр-Белоручев К.В. Английский язык. Учебник устного перевода: Учебник для вузов Unit 15. ConqueringSpace	Практикум	Завершение работы над письменным переводом	
11.	Письменный перевод. Разбор выполненных переводов.	— —	Семинар	Подготовка к контрольной работе	
12.	Контрольная работа (Unit 15)	— —	Контрольная работа	Подготовить основной текст к УПП	Раздел 4 <i>Extraordinarybehaviour</i> Тема: «Межличностные отношения»
13.	Устный последовательный перевод.	— — (основной текст)	Практикум	UNIT 3. InternationalRelations. Лексический и грамматический комментарий. Предтекстовые упражнения.	
14.	Разбор домашнего задания. Письменный перевод (основной текст)	Миньяр-Белоручева А.П., Миньяр-Белоручев К.В. Английский язык. Учебник устного перевода: Учебник для вузов	Практикум	Завершение работы над письменным переводом	Раздел 5 <i>Moneytalks</i> Тема: «Деньги»

		UNIT 3. International Relations			
15.	Письменный перевод. Разбор выполненных переводов.	— —	Семинар	Подготовка к контрольной работе	
16.	Контрольная работа (Unit 3)	— —	Контрольная работа	Подготовить основной текст к устному последовательному переводу	
17.	Устный последовательный перевод	— — (основной текст)	Практикум	Unit 4. Globalisation. Лексический и грамматический комментарий. Предтекстовые упражнения.	
18.	Разбор домашнего задания. Письменный перевод (основной текст)	Миньяр-Белоручева А.П., Миньяр-Белоручев К.В. Английский язык. Учебник устного перевода: Учебник для вузов Unit 4. Globalisation	Практикум	Завершение работы над письменным переводом	Раздел 6 <i>Healthy habits</i> Тема: «Здоровье и забота о нем»
19.	Письменный перевод. Разбор выполненных переводов.	— —	Семинар	Подготовка к контрольной работе	
20.	Контрольная работа (Unit 4)	— —	Контрольная работа	Подготовить основной текст к устному последовательному переводу	
21.	Устный последовательный перевод.	— — (основной текст)	Практикум	Unit 6. Human Rights. Лексический и грамматический комментарий. Предтекстовые упражнения.	Раздел 7 <i>What's hot, what's not</i> Тема: «Музыка и кино»
22.	Разбор домашнего задания. Письменный перевод (основной текст)	Миньяр-Белоручева А.П., Миньяр-Белоручев К.В. Английский язык. Учебник устного перевода: Учебник для вузов Unit 6. Human Rights	Практикум	Завершение работы над письменным переводом	
23.	Письменный	— —	Семинар	Подготовка к	Раздел 8

	перевод. Разбор выполненных переводов.			контрольной работе	<i>Disasterareas</i> Тема: «Природные катастрофы»
24.	Контрольная работа (Unit 6)	— —	Контрольная работа	Подготовить основной текст к устному последовательному переводу	
25.	Устный последовательный перевод.	— — (основной текст)	Практикум	Unit 14. Biotechnology Лексический и грамматический комментарий. Предтекстовые упражнения.	Раздел 9 <i>High-techheaven</i> Тема: «Высокие технологии»
26.	Разбор домашнего задания. Письменный перевод (основной текст)	Миньяр-Белоручева А.П., Миньяр-Белоручев К.В. Английский язык. Учебник устного перевода: Учебник для вузов Unit 14. Biotechnology	Практикум	Завершение работы над письменным переводом	
27.	ПП. Разбор перевода в.	— —	Семинар	Подготовка к КР	
28.	Контрольная работа (Unit 14)	— —	Контрольная работа	Подготовить основной текст к устному последовательному переводу	
29.	Устный последовательный перевод.	— — (основной текст)	Практикум	Лексический и грамматический комментарий. Предтекстовые упражнения.	Раздел 10 <i>Breakingnews</i> Тема: «Пресса. Новости»
30.	Разбор домашнего задания. Письменный перевод (основной текст)	Миньяр-Белоручева А.П., Миньяр-Белоручев К.В. Английский язык. Учебник устного перевода: Учебник для вузов Unit 12. MassMedia	Практикум	Завершение работы над письменным переводом	
31.	Письменный перевод. Разбор выполненных переводов.	— —	Семинар	Подготовка к контрольной работе	
32.	Контрольная	— —	Контроль	Подготовить	

	работа (Unit 12)		ая работа	основной текст к устному последовательному переводу	
33.	Устный последовательный перевод.	— — (основной текст)	Практикум	Подготовка к итоговой контрольной работе	
34.	Итоговая контрольная работа	Миньяр-Белоручева А.П., Миньяр-Белоручев К.В. Английский язык. Учебник устного перевода: Учебник для вузов	Контрольная работа	-	
35.	Разбор итоговой контрольной работы	— —	Семинар	-	

Данный курс рассчитан на 1 учебный год (35 учебных часов). В дальнейшем планируется проведение занятий второго года обучения для учащихся 11-х классов. Предполагается, что по итогам первого года обучения школьники выберут одно из двух направлений: устный или письменный перевод для более углублённого изучения в 11 классе.

В результате освоения данной программы учащиеся получили теоретические знания о переводческой деятельности и овладели начальными навыками письменного и устного последовательного перевода.

Список литературы

- Гарбовский, Н.К.* Теория перевода: Учебник. — 2-е изд. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. — 544 с.
- Гарбовский, Н.К.* Дидактика переводческой деятельности (предисловие к изданию) / Н.К. Гарбовский // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. — 2012. — №4. С. 3-8.
- Гарбовский, Н.К.* Семь вопросов дидактики перевода или scopus-дидактика переводческой деятельности / Н.К. Гарбовский // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2012. - № 4
- Календарно-тематические планы к УМК издательства "Макмиллан" [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.macmillan.ru/forteacher/method/ktp/ktp.php>
- Миньяр-Белоручева А.П., Миньяр-Белоручев К.В.* Английский язык. Учебник устного перевода: Учебник для вузов / А.П. Миньяр-Белоручева, К.В. Миньяр-Белоручев. — М.: Издательство «Экзамен», 2003. — 352 с.
- Результаты опроса: Как вы считаете, правильно ли вы выбрали себе профессию? [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.rbc.ru/yourchoice/voteres/2012_20120202.shtml

Селезнева А.И.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Selezneva Alexandra
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

А.С.ПУШКИН – ПЕРЕВОДЧИК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ALEXANDER PUSHKIN – THE TRANSLATOR OF FICTION

В статье рассматриваются тенденции, связанные с переводом вчера и сегодня на примере выдающегося русского переводчика-полиглота А.С. Пушкина. Затрагивается история перевода, феномен вольного перевода, который был основополагающим в XVII – XVIII в.в. Объясняется, почему перевод не требовал точного воспроизведения подлинника.

The article deals with the tendencies connected with the translation activities of the past as well as those of today. That is a case study of works by the outstanding Russian polyglot-translator Alexander Pushkin. Topics such as the history of translation and the phenomenon of free translation, which were fundamental during the 17th – 18th centuries, are touched upon in the article. The question why translation did not demand a strict replication of the original version is elucidated.

Ключевые слова: вольный перевод, «склонение на наши нравы», А.С. Пушкин.

Key words: free translation, “adaptation to our nature,” Alexander Pushkin.

Если сравнивать особенности перевода сегодня и вчера, можно заметить, что раньше существовала тенденция, по которой переводчики старались в переводе избавиться от всего непонятного и чужого. Именно эти принципы провозглашались основой правильного и хорошего перевода, некое «склонение на наши нравы», адаптация явлений иной среды. Они являлись основополагающими и осуществлялись сознательно. Убедиться в этом можно, проанализировав переводы великого русского писателя А.С. Пушкина.

А.С. Пушкин был не только гениальным поэтом, прозаиком, кодификатором русского языка, но и человеком, много сделавшим для становления нашего языка, а также гениальным переводчиком-полиглотом.

Интересно то, что творческий путь поэта начался с переводов. Одно из самых первых стихотворений А.С. Пушкина - созданный им в отрочестве перевод отрывка из песни IV поэмы французского поэта Эвариста Парни «Иснель и Аслега», озаглавленный «Эвлега». [Эткинд, 1999, с.482]. «Переводя» это произведение Пушкин следовал по стопам своего

предшественника К.Н. Батюшкова, который тремя годами ранее, в 1811 году, опубликовал в литературно-политическом ежемесячнике «Вестник Европы» отрывок из песни III той же поэмы. Пушкин был консерватором, отдающим дань классической поэтике. В лицейских стихах поэта много отголосков произведений французских писателей. Он смело заимствовал темы, образы, мотивы, как ученик, открывающий для себя что-то новое в каждом иностранном произведении.

Уже к концу 20-х годов Пушкин начинает заявлять о том, что литературы других народов играют важное значение для развития русской культуры. Переводное произведение для него имело не только когнитивное (познавательное) значение, но и значение художественное, обогащающее русскую культуру.

Он переводил художественные произведения с шестнадцати языков - французского, старофранцузского, итальянского, испанского, английского, немецкого, древнегреческого, латинского, древнерусского, церковнославянского, сербского, польского, украинского, древнееврейского, арабского, турецкого. Однако изучение языков у поэта не было систематическим, но в его библиотеке отдел языкознания занимал важное место.

Из всех перечисленных иностранных языков лучше всего А.С. Пушкин знал французский, поэтому чаще всего он переводил именно с этого языка (например, отрывок знаменитой сатирической эпопеи «Романа о лисе», отрывок из комедии «Муж-волокита» К. Бонжура «Она меня зовет: поеду или нет...», Стансы (Из Вольтера) «Ты мне велишь пылать душою...» и т.д.). Такой интерес объясним, так как французский язык был прекрасно знаком дворянскому обществу, можно даже сказать, что он был их «родным» языком.

К знанию немецкого языка А.С. Пушкин относился весьма скептически. Он говорил Ксенофону Полевому: «Только с немецким не могу я сладить. Выучусь ему и опять всё забуду: это случалось уже не раз». Существует версия, что знакомство с немецким языком у него происходило при помощи посредников - его ближайших друзей. Однако это не мешало ему переводить памятники немецкой литературы. Например, он перевел биографию А. П. Ганнибала, своего прадеда по матери).

Достаточно много А.С. Пушкин переводил и с английского языка, что также можно объяснить той ситуацией в обществе, которая сложилась в 20-х годах XIX столетия.

В России интерес к поэзии Байрона начался в 1819 году, когда его произведения получили распространение, а впоследствии и признание среди широких слоев русского общества. В глазах молодых литераторов Байрон был образцом для подражания. Настроение

времени передалось и юному Пушкину. Он начинает читать произведения английского поэта. Пушкин писал о Байроне: «Какое пламенное создание! Какая широкая быстрая кисть». Пик увлечения творчеством Байрона приходится на период южной ссылки А.С. Пушкина (1820–1824 годы).

Приведем лишь некоторые произведения байроновских произведений, перевод которых был сделан А.С. Пушкиным:

«Нет ветра— синяя волна...» - начало поэмы The Giaour «No breath of air breack the wave...» («Гяур», 1813), перевод сделан в 1821 году.

Паломничество Чайльд Гарольда - прозаический перевод 5 начальных строф «To ianthe» («Посвящения») из поэмы Childe Harold's Pilgrimage («Паломничество Чайльд Гарольда», 1818 г.), перевод сделан в 1836 году.

«То было вскоре после боя...» - перевод первых стихов поэмы Байрона Mazerpa «Twas after dread Pultowa's day...» («Мазепа», 1817).

Ярким примером перевода с английского языка является и поэма «Пир во время чумы», в основу которой было положено произведение «Город чумы» («The City of Plague») шотландского поэта-романтика Джона Вильсона. Пушкин перевел и переработал поэму, посвящённую чуме 1665 года в Лондоне. На эту работу А.С. Пушкина сподвигло следующее событие: в 1830 году в Болдино разгорелась эпидемия холеры, которая и привлекла внимание поэта. Впервые трагедия была опубликована в 1832 году в альманахе «Альциона» вместе с другими его пьесами: «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Каменный гость». «Пир во время чумы» вошёл в сборник «Маленькие трагедии».

Говоря о «вольных» переводах А.С. Пушкина, нельзя не вспомнить и одно из самых знаменитых его стихотворений - «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» - вольный перевод с переработкой XXX оды Горация «Exegi monumentum aere perennius...», откуда взят и эпитафия. Horace (65 B.C.–8 B.C.)

Éxegi monument(um) áere perénnius
Régalique sitú pýramid(um) áltius,
Quód non ímber edáx, non Aquil(o) ímpotens
Póssit díruer(e) áut ínnumerábilis
Ánnorúm seriés ét fuga témporum.
Nón omnís moriár, múltaque párs mei
Vítabit Libitín(am): úsqu(e) ego póstera

*Créscam láude recéns, dúm Capitólium
Scándet cúm tacitá vírgine póntifex.
Dícar, quá violéns óbstrepit Aufidus
Ét qua páuper aquáe Dáunus agréstium
Régnavit populór(um), éx humili potens
Príncipe Aeoliúm cármén ad Ítalos
Déduxiisse modós. Súme supérbiam
Quáesitám meritis ét mihi Délphica
Láuro cínge voléns, Mélpomené, comat. [Гораций, Carm. III, 30]*

Приведем ниже подстрочный перевод этого произведения:

*Я воздвиг (создал) памятник меди долговечной
И царского здания пирамид выше,
Который ливень едкий, Аквилон яростный
Не сможет разрушить или бесчисленное
Годов вереница (ряд) и бег времен
Не весь я умру, большая (многая) часть меня
Избежит Либитины, непрерывно я последующий, будущий
Буду расти (возрастать) славой неувядающий пока на Капитолий
Будет подниматься (восходить) с молчаливой девой жрец
Обо мне скажут, что я (рожденный там), где бурный шумит Авфит
И где бедный водой Давн сельскими
Правил народами, (человек) из незнатного рода смог
Первый эолийскую песнь на италийские
Перевести размеры. Смерти гордость,
Приобретенную заслугами, и мне дельфийским
Лавром обвей благосклонная, О Мельпомена, волосы.*

Произведение А.С. Пушкина

Ehegi monumentum

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,

К нему не зарастет народная тропа,

Вознесся выше он главою непокорной

Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире

Мой прах переживет и тленья убежит —

И славен буду я, доколь в подлунном мире

Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,

И назовет меня всяк сущий в ней язык,

И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой

Тунгус, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,

Что чувства добрые я лирой пробуждал,

Что в мой жестокий век восславил я Свободу

Веленью божию, о муза, будь послушна,

Обиды не страшась, не требуя венца,

Хвалу и клевету приемли равнодушно

И не оспаривай глупца [Пушкин, 1836, с.424].

Далее нам бы хотелось представить свой перевод «Мельпомены», где мы старались максимально сохранить своеобразие и смысл оригинала:

Я создал памятник, могущественнее меди вечной,

И зданий царственных, и пирамид превыше,

Ни даже ливень горький,

Ни страстный Аквилон,

Ни вереница лет,

Ни ход времен

Не истребят моих доселе созданных сюжетов.

Не весь умру я,

Душа моя не канет в Лету,

*Не сможет пасть, как раньше падал я,
А мой венец, отдавшись свету
Будет цвести, так и не узнав конец,
Пока на Капитолий восходит с молчаливой девой жрец.
И молвят, что жизнь моя восходит там,
Где Алфит шумный стремительно бежит,
Где Давн судиею был над чернью бурной,
Ведь там, душа смогла впервой перевести
Эолийскую песнь, та италийский слог.
О, Мельпомена! Обвей мои власы дельфийским лавром
Заслуги горделивой в честь,
Тем самым имя доброе возвысь.*

Таким образом, проанализировав переводы А.С. Пушкина, можно отметить, что в основном его переводы – вольные, автор никогда не стремился точно передать текст оригинала. Они достаточно своеобразны и отличаются от перевода в современном понимании, где на первый план выходит максимальная точность и полнота передачи информации. Исследователи это объясняют тем, что дворянское общество того времени было высоко образованным, поэтому цели точного воспроизведения подлинника переводчики обычно себе и не ставили: читатель всегда мог обратиться к оригиналу, так как чаще всего знал несколько языков. Переводу присваивалась, главным образом, одна функция: обогащение литературы новыми мотивами, образами, ритмами, строфикой и т. д. Естественно, что и оценка подобного рода произведений определялась их художественными достоинствами, а не степенью их близости к подлиннику. [Владимирский, 1939, с. 304].

Интересными с точки зрения переводческой деятельности поэта явились и его известные сказки.

Например, «Сказка о рыбаке и рыбке» - это вольный перевод с переработкой померанской сказки «О рыбаке и его жене» («Von dem Fischer un syner Fru») из сборника под названием «Сказки братьев Гримм», ранее известных как «Детские и семейные сказки» (*Kinder- und Hausmärchen*, КНМ)

Сказка «Белоснежка» из того же сборника послужила источником для «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях», она представляет почти полную аналогию с немецкой. У Пушкина совпадает множество деталей, что дает нам основание полагать, что это «Сказка

о мертвой царевне и семи богатырях» - вольный перевод гриммовской сказки.

Что позволило исследователям сделать такой вывод? Рассмотрим в первую очередь сюжет этого произведения.

Многие исследователи установили следующую схему:

1. Красота героини, белой как снег и румяной как кровь;
2. Зависть мачехи, обладающей волшебным зеркалом;
3. Мачеха приказывает слугам убить героиню; слуга уводит ее в лес, но там щадит ее;
4. Мачеха отыскивает ее и пытается умертвить посредством отравленного пояса, гребня, яблока;
5. Карлики (или разбойники), приютившие у себя Белоснежку, кладут мертвую девушку в стеклянный гроб;
6. Королевский сын находит гроб и пробуждает девушку к жизни;
7. Наказание злой мачехи.

Этот сюжет полностью соответствует сюжету пушкинской сказки, особенно стоит обратить внимание на совпадение в деталях и в лексике.

Решающей деталью, по мнению исследователей, является первая: в сборнике братьев Гримм царевна имеет имя: Schneewittchen - Белоснежка; это имя она получает потому, что бела как снег.

О ее рождении в сказке говорится следующее: *«Однажды зимой, когда снежные хлопья падали с неба точно перья, королева сидела у окна, рама которого была из черного дерева, и шила. Она шила и смотрела на снег и уколола иглой палец, — и три капли крови упали на снег. И так красиво выглядела кровь на белом снегу, что она подумала: «Если у меня родилась дочь, белая, как снег, красная, как кровь и черноволосая, как дерево рамы. И вскоре она родила девочку, которая была бела, как снег, румяна, как кровь и черноволоса, как черное дерево, и потому её назвали Белоснежкой. И как только она родилась, королева умерла».*

У Пушкина отсутствует имя, но облик героини, обыгрывается таким же образом. Царевна бела как снег, черноброва и румяна:

Царевна молодая

Тихомолком расцветая

Между тем росла, росла,

Поднялась — и расцвела

Беллица, черноброва.

Далее, в ответе зеркальца:

Ты прекрасна спору нет;

Но царевна всех милее,

Всех румяней и белее...

Рождение Царевны – это еще одна схожая деталь:

Ждет-пождет с утра до ночи,

Смотрит в поле, инда очи

Разболелись гляючи

С белой зори до ночи.

Не видать милого друга!

Только видит: вьется вьюга,

Снег валится на поля,

Вся белешенька земля.

Девять месяцев проходит,

С поля глаз она не сводит. [Пушкин, 1833, с.1-17]

Смерть ее описана так: «und wie das Kind geboren war, starb die Königin» (когда дитя родилось, королева умерла). У Пушкина появляется образ тоскующей жены, долго и безуспешно ждущей мужа и умирающей в день рождения дочери.

Вот в сочельник в самый, в ночь

Бог дает царице дочь.

Рано утром гость желанный

День и ночь так долго жданный,

Издавеча наконец

Воротился царь отец.

На него она взглянула,

Тяжелешенько вздохнула,

Восхищенья не снесла,

И к обедне умерла. [Пушкин, 1833, с. 1-17]

Следует заметить и другие детали. В сказке братьев Гримм царевна находит приют у

семи гномов, Пушкин контаминируя детали, отбрасывает карликов, вводит богатырей, сохраняя число семь. Так же из сборника Пушкин заимствовал и такую деталь, как обращение царевича Елисея к солнцу, месяцу и ветру.

Таким образом, можно утверждать, что главным источником Сказки о мертвой царевне» были сказки из гриммовского сборника, так называемый «вольный» перевод с переработкой.

Несмотря на то что Пушкин, как он сам отмечал, плохо знал немецкий язык, у него было много путей знакомства со знаменитым сборником. Как полагают исследователи, познакомиться со сборником сказок братьев Гримм ему могли помочь его ближайшие друзья, Вульф и Жуковский, которые прекрасно владели немецким языком. Жуковский, например, превосходно знал гриммовский сборник и даже был одним из его первых переводчиков в России.

Роль иностранных сказок в творчестве А.С. Пушкина, велика, так как влияла на формирование стиля писателя, его литературных и политических взглядов.

Таким образом, можно сделать вывод, что Пушкин обычно занимался «вольным» переводом. Для него перевод, прежде всего, был источником идей, способом открытия иной литературы и тем самым средством обогащения русской культуры. Знакомство с творчеством писателей других народов, привлечение в русский мир новых мотивов – вот какую цель ставил перед собой А.С. Пушкин, переводя памятники иностранной литературы.

Список литературы

- Азадовский М.К.* Источники сказок Пушкина [Электронный ресурс] / М.К. Азадовский – 1936. - Режим доступа <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/vr1/vr12134-.htm>
- Владимирский Г.Д.* Пушкин – переводчик [Электронный ресурс] / Владимирский Г.Д. – 1939. - Режим доступа <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/v39/v39-300-.htm>
- Пушкин А. С.* Собрание сочинений: В 20 т. - М.: Художественная литература, 1948.— Т.3.
- Пушкин А.С.* Собрание сочинений: в 10 т. - М.: Художественная литература, 1959. - Т. 2. с. 460)
- Эткинд Е.Г.* Божественный глагол. Пушкин, прочитанный в России и во Франции / Е.Г. Эткинд М.: 1999. с. 482
- Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» (ФЭБ) [Электронный ресурс] / Главный редактор — д. фил. н. И. А. Пильщиков, 2002 г. Режим доступа <http://feb-web.ru>

Смертина Д.А.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Smertina Daria
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

*ПЕРЕВОД РЕАЛИЙ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА М.А. БУЛГАКОВА
«МАСТЕР И МАРГАРИТА» И ЕГО ПЕРЕВОДОВ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК)*

*TRANSLATION OF SOVIET REALIA (BASED ON THE NOVEL WRITTEN BY M. BULGAKOV «
MASTER AND MARGARITA» AND ITS ENGLISH VERSIONS)*

Данная статья посвящена теоретическим и практическим аспектам перевода русских реалий на иностранный язык. Материалом для анализа послужили переводы романа Булгакова «Мастер и Маргарита» на английский язык. В статье предложена предметная классификация реалий советской эпохи и рассмотрены способы их перевода. Автор делает попытку выявить закономерности выбора того или иного способа перевода реалий, сравнить их, а также предлагает свой вариант перевода.

The article describes theoretical and practical aspects of translation Russian realia in foreign languages. English versions of the novel written by M. Bulgakov «Master and Margarita» are examined. Classification of the Soviet realia and ways of their translating are proposed. The author makes an attempt to find out regularities in choosing the way of translating realia, to compare them, and also offers his own translation.

Ключевые слова: советизмы, перевод реалий, классификация реалий.

Key words: soviet realia, translation of realia, classification of realia.

В работе переводчику достаточно часто приходится сталкиваться со многими проблемами. Одной из самых трудных задач является перевод реалий. Реалии всегда представляют интерес для лингвистов, так как они отражают культуру, быт и менталитет другого народа. В данной статье мы будем рассматривать реалии, которые принадлежат советской эпохе, так как они всегда составляют определенную трудность для понимания иностранцу.

Несмотря на широкое использование термина «реалии», исследователи отмечают, что нет достаточно четких критериев его определения и совершенно не изучена специфика языковых единиц, которые обозначают эти реалии [Томахин, 1988, с.10].

В классической грамматике, реалии - это разнообразные факторы, изучаемые внешней лингвистикой, такие как государственное устройство данной страны, история и культура данного народа, языковые контакты носителей и т.п. с точки зрения их отражения в данном языке [Ахманова, 1969, с.381].

Еще одно определение реалии дает Г.Д. Томахин: «Реалии - это названия присущих только определенным нациям и народам предметов материальной культуры, фактов истории, государственных институтов, имена национальных и фольклорных героев, мифологических существ и т. п.» [Томахин, 1988, с.5].

В статье «Непереводимое в переводе» С. Влахов и С. Флоринговорят, что следует отличать понятие «реалия» от понятия «термин». Во-первых, реалии относят к безэквивалентной лексике, в то время как «термины принадлежат в основном к немногим языковым единицам, имеющим полное языковое покрытие в ПЯ⁹²». Во-вторых, реалия связана с художественной литературой, передавая колорит, а термин, в основном относится к сфере науки. Наконец, термин обычно распространяется с распространением предмета, наименованием которого он является и создается искусственно. Реалия же всегда принадлежит народу, в языке которого она родилась [Влахов и Флорин, 1980, с.8].

Таким образом, можно сделать вывод, что реалии – слова, называющие элементы быта и культуры, исторической эпохи и социального строя, государственного устройства и фольклора, т. е. специфических особенностей данного народа, страны, чуждых другим народам и странам.

В. С. Виноградов разделяет реалии на:

- бытовые, включая жилище, имущество, одежду, пищу, напитки, виды труда и занятия, денежные знаки, единицы меры, музыкальные инструменты, народные праздники, обращения;

- этнографические и мифологические реалии;

- реалии мира природы;

-реалии государственно-административного устройства и общественной жизни (актуальные и исторические)

- ономастические реалии (антропонимы, топонимы, имена литературных героев, названия компаний, музеев, театров, дворцов, ресторанов, магазинов, пляжей, аэропортов и т. п.)

⁹² ПЯ-язык перевода

- ассоциативные реалии (вегетативные символы, цветовая символика, анималистические символы) [Виноградов, 2001, с.54-58].

Особую категорию реалий составляют реалии советской эпохи, или советизмы. Как мы уже говорили, эти слова представляют трудность для переводчика, так как они не только содержат в себе элементы культуры, сложные для понимания иностранцу, но и передают колорит определенного времени в истории России. Поэтому перед переводчиком стоит задача не только донести до иностранного читателя смысл реалий быта, но и постараться воссоздать атмосферу эпохи.

Советизм – это слово или оборот речи, отражающие реалии советского периода в истории России (1917–1991 гг.) [<http://lingvostranovedcheskiy.academic.ru>]. В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина классифицируют советизмы таким образом:

- семантические советизмы – слова, которые приобрели новое значение (например, «белый»);
- лексико-словообразовательные советизмы – новые слова («аулсовет», «рабфак»);
- стилистические советизмы – клише, предназначенные для создания определенного стиля («верный ленинец», «вождь мирового пролетариата»);
- специфическая советская ономастика – имена людей (Вил), производные от имен (хрущёвка, хрущоба)[Мокиенко, Никитина, 1998, с.10].

С. Влахов и С. Флорин предлагают несколько иную классификацию советизмов:

1) собственно советизмы- реалии, характерные для Советского Союза(совхоз, неотложка, целинник, стахановец). Они переводятся при учете отсутствия их референтов в стране читателя перевода, но учитывая тот факт, что читатель из социалистической страны обладает более обширными фоновыми знаниями⁹³об СССР, по сравнению с читателем из капиталистической страны.

2) региональные советизмы- для любой социалистической страны мало чем отличаются от национальных, переводятся на языки стран социализма принятыми там эквивалентами, обычно транскрипциями или кальками.

3) интернациональные советизмы – совет, спутник, большевик. Переводятся транскрипцией [Влахов, Флорин, 1980, с.144].

Итак, мы видим, что С. Влахов и С.Флорин отдают предпочтение калькам и транскрипциям при переводе советизмов. В.С. Виноградов предлагает, помимо

⁹³ Фоновые знания - социокультурные сведения характерные лишь для определенной нации или национальности, освоенные массой их представителей и отраженные в языке данной национальной общности.

вышеперечисленных приемов, гипо-гиперонимический и перифрастический перевод. При гипо-гиперонимическом переводе устанавливаются отношения эквивалентности между словом оригинала, передающим видовое понятие-реалию, и словом в языке перевода, называющим соответствующее родовое понятие, или наоборот.

При перифрастическом (описательном, дескриптивном) переводе, соответствия устанавливаются между словом (или фразеологизмом) оригинала и словосочетанием перевода, объясняющим его смысл. [Виноградов, 2001, с.62]

А.В. Садиков пишет, что скрытую опасность для переводчика заключает в себе каждый прием. Транскрипции опасны тогда, когда противоречат эстетическому чувству читателя, напоминают неприлично или смешно звучащие слова родного языка.

Что касается калек, здесь также кроются опасности. Упомянутая ясность внутренней формы может быть кажущейся и в случае неверного истолкования ее переводчиком в тексте на ПЯ может появиться лексема, лишенная внутренней логики и не соответствующая лексеме ИЯ. Если в основу кальки заложен образ, то согласуется ли он с образным строем другого языка? [Садиков, 1984, с.77].

Для анализа перевода реалий советской эпохи на английский язык мы взяли переводы романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Описывая период 30-х годов XX века, это произведение передает весь колорит советского времени.

Существует множество переводов этого романа на разные языки. Мы выбрали перевод на английский язык Ричарда Пивера и Ларисы Волохонской (1997 г.) и Майкла Гленни (1967г.).

Перевод романа Пивера и Волохонской снабжен постраничным подробным комментарием, и это неудивительно, так как Лариса Волхонская родилась в Ленинграде и прекрасно знает русский язык. Их перевод осуществлялся следующим образом: сначала Лариса написала предельно точный подстрочник с комментариями о стиле и синтаксисе каждого предложения, а потом Ричард, советуясь с супругой насчёт той или иной тонкости оригинала, переработал текст так, чтобы получился полноценный, по их представлениям, перевод. Затем супруги несколько раз вместе редактировали получившееся. [М. Берди, В.К. Ланчиков//«Мосты» 1 (09) 2006]

Рассмотрим некоторые примеры реалий советского времени, встречающиеся в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Абрикосовая давала обильную желтую пену, и в воздухе запахло парикмахерской [с. 9].

The apricot soda produced an abundance of yellow foam, and the air began to smell of barber-shop] (перевод Пивераи Волохонской)[с. 38].

The apricot juice produced a rich yellow froth, making the air smell like a headresser's (перевод Майкла Гленни) [с. 4].

Абрикосовая вода - это газированный напиток, который дает пену. В своем переводе Майкл Гленни заменяет его абрикосовым соком (apricotjuice) . На наш взгляд, это неудачная замена, так как, во-первых, сок не может давать обильную пену, во-вторых стирается дух эпохи. В СССР были популярны газированные напитки и лимонады, которые можно было купить в каждом ларьке и автоматах с водой. Булгаков писал именно об этой реалии, которая не была отражена в переводе. Таким образом, произошла подмена понятий.

Ричара Пивер и Лариса Волконская не упустили это из виду и перевели абрикосовую как «apricotsoda». Soda в переводе на русский, значит газированная вода. Таким образом, данный перевод более точный и удачный. Абрикосовая газированная вода - эквивалент с уточнением

Следующий пример:

Машину зря гоняет казенную –наядбедничал кот, жуя гриб [с.69]

Availing himself a Government car!- the cat snitched, chewing a mushroom (перевод Пивераи Волохонской)[с.165]

Drives around in a Free car! - Said the cat slanderously chewing a mushroom(переводМайклаГленни) [с.45]

Одно из значений слова «казенный» -«принадлежащий государственной казне».

В СССР высоким чином полагалась казенная машина. Герой романа Степан Лиходеев - не исключение, так как он являлся директором театра Варьете. Именно про него говорит кот – «машину зря гоняет казенную».

Гленни вводит понятие free – бесплатный. Безусловно, казенная машина выдается бесплатно, однако этим словом нельзя точно передать суть культуронима «казенный»

В этом случае Пивер и Волконская удачно подобрали эквивалент и перевели слово «казенный» как government car. (правительственная машина).

Еще один пример представляет интерес с точки зрения анализа советизмов:

Ей-Богу, настоящие! Червоны! – кричали с галерки радостно [с. 97].

By God, they're real! Ten-rouble bills!" joyful cries came from the gallery(перевод Пивераи Волохонской)[с.231]

*My God-it's **real money!**" came a joyful shout from the gallery*(перевод Майкла Гленни)[с. 65].

Червонец – советизм, который появляется в тексте романа. Если обратиться к определению этого советизма, мы находим следующее: червонец – «сумма в десять рублей».

М. Гленни вводит в текст перевода полионим money (деньги). С точки зрения семантики, смысл не пропадает, так как червонцы – это действительно деньги. Однако они были реалией СССР, поэтому данный перевод не передает точной атмосферы эпохи. 10 рублей считались большими деньгами, Например, 1 рубль- это полноценный обед в столовой. Пивер используют описательную конструкцию ten-rouble bills (десятирублевая банкнота), что является наиболее удачным вариантом

Сверхмолния вам Распишитесь [с. 85]

*A **super-lightning telegram**. Sign here* (перевод Пивераи Волохонской) [с.201]

***Priority telegram for you**. Sign here* (перевод Майкла Гленни)[с.56]

В Советском Союзе, и особенно в Сталинскую эпоху было принято рисовать работу государственных организаций в преувеличенном и позитивном виде, включая почтовую службу. Чтобы сделать пародию на это, Булгаков добавил приставку «сверх» к молнии – термину, употреблявшемуся почтовыми службами для срочных телеграмм.

Пивер делает сноску с объяснением понятия: Super-lightning telegram- Bulgakov's exaggeration of lightning telegram, which did exist (сверхмолния-преувеличенное понятие телеграммы «молния», которая действительно существовала).

*Он разглядел **большие корыта**, висячие на стене* [с. 44]

*He made out **big basins hanging on the walls*** (перевод Пивераи Волохонской) [с. 112].

*He made out **a large basin attached to the wall***(перевод Майкла Гленни)[с. 28]

В данном отрывке текста встречается еще одна реалья, относящаяся к советской эпохе – корыто. Корыто – это «большой открытый продолговатый сосуд с округленными стенками, предназначенный для стирки белья, кормления скота и т.п».

Оцинкованные корыта - неотъемлемая часть быта советской России, в коммунальных квартирах они висели в коридорах.

Оба переводчика вводят понятие Basin –«таз». Таким образом, они подменяют понятия. На наш взгляд слово «Trough» было бы лучшим эквивалентом. Словарь дает следующее определение: «Trough-along, narrow, generally shallow receptacle for holding water

or feed for animals» (длинный, узкий, как правило, неглубокий сосуд для хранения воды или корма животных) [LongmanEnglishDictionaryOnline: <http://www.ldoceonline.com/>].

Вот вы: все вы здесь валютчики! [15; 128]

*Now, all of you here are **currency dealers*** (перевод Пивера и Волохонской) [с. 295]

*Listen, you are all in **the currency racket*** (перевод Майкла Гленни) [с. 85].

Валютчик - тот, кто занимается незаконными операциями с иностранной валютой.

Валютчиков или спекулянтов иностранной валютой арестовывали и содержали в тюремной камере неделями до тех пор, пока они «добровольно» не сдавали валюту или ценности.

Советский рубль не был конвертируемой валютой. Правительство нуждалось в иностранной валюте для торговых целей. Советским гражданам было запрещено иметь иностранную валюту. Спекуляция валютой могла быть значительным правонарушением.

Гленни вводит описательную конструкцию: вы все замешаны в валютных махинациях, так как «Currency racket» - это валютные махинации.

У Пивера и Волохонской, валютчик – это валютный дилер (currency dealer) – специалист по купле-продаже иностранной валюты.

Currency dealer - someone whose job is buying and selling currencies, usually at a financial institution [longman dictionary]

На наш взгляд, оба перевода не совсем удачные. Люди, замешанные в валютных махинациях,- это слишком обобщенное понятие, а у специалиста по купле-продаже иностранной валюты нет негативной коннотации, что не дает иностранному читателю полного представления о понятии «валютчики». В этом случае, необходимо делать сноску, с объяснением этого явления.

Конечно, на основании вышеперечисленных примеров, трудно сказать, какой перевод является наиболее удачным. Однако мы можем сделать вывод, что авторы чаще всего прибегают в своих переводах к описательным конструкциям (перифрастическому переводу) и к гипо-гиперонимическому переводу.

Вопрос о переводе реалий советского времени представляет собой большое поле для проведения разнообразных исследований, так как дать полный перечень приемов перевода реалий и пояснений к ним достаточно сложно. Мы предприняли попытку перечислить и рассмотреть наиболее часто употребляющиеся способы, которые применяются при переводе большинства реалий.

Список литературы

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов, издательство «Советская энциклопедия», Москва 1969

Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. — 224 с.

Влахов С. и Флорин С. Непереводимое в переводе, Москва, международные отношения, 1980

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии.-СПб: Фолио-Пресс, 1998.-704с.

Садиков А.В. Проблема перевода советских реалий в ее прагматическом аспекте. // Тетради переводчика, вып. 21. — М.: Высшая школа, 1984. — с.77-88

Томахин Г.Д. Реалии — американизмы. Пособие по страноведению: Учеб.пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. —М.: Высш. шк., 1988.-239 с.

Лингвострановедческий словарь на Академике: <http://lingvostranovedcheskiy.academic.ru>

Longman English Dictionary Online :<http://www.ldoceonline.com/>

[Булгаков М.А. Мастер и Маргарита, Петрозаводск: «Карелия», 1994](#)

Larissa Volokhonsky, Richard Pevear The Master and Margarita, Penguin books, 1997

Michael Glenny, Collins and Harvill Press, London, 1967

Электронное научное издание

III Международный научно-практический форум
«Языки. Культура. Перевод»
19 – 25 июня 2015 г.
Материалы

Подписано в печать 08.06.2015. Формат 60x90 1/8
Тираж 100 экз.

Издательство Московского университета. 125009,
Москва, ул. Б. Никитская, 5. Тел. (495) 629-50-91.
Факс: (495) 697-66-71. Тел.: (495) 9393323 (отдел реализации)
E-mail: secretary-msu-press@yandex.ru
Сайт издательства МГУ: www.msu.ru/depts/MSUPubl2005
Интернет-магазин: <http://msupublishing.ru>
Отдел реализации:
Москва, ул. Хохлова, 11 (Воробьевы горы МГУ).
E-mail: izd-mgu@yandex.ru. Тел.: (495) 939-34-93